УПРАВЛЕНИЕ НАУКОЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Science Management: Theory and Practice

2026. Vol. 8. No. 2.

ISSN 2686-827X

DOI: 10.19181/smtp.2026.8.2

Том 8
№ 2
2026

Управление наукой: теория и практика

Science Management: Theory and Practice

Рецензируемый научный журнал
Издается с 2019 г.
Выходит 4 раза в год

2026. Том 8, № 2.

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор: Е. В. Семёнов

Заместители главного редактора: С. В. Егерев, В. Л. Тамбовцев, И. О. Тюрина

Ответственный секретарь: Б. Н. Гайдин

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.
Freely available online. No charges for authors.

ISSN 2686-827X

DOI: 10.19181/smtp.2026.8.2

EDN: AADUDS

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ЭЛ № ФС77–76221 от 12 июля 2019 г.

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: https://www.science-practice.ru.
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

© Управление наукой: теория и практика, 2026
© ФНИСЦ РАН, 2026
© Издательство РХГА, оригинал-макет, 2026

ЖУРНАЛ «УПРАВЛЕНИЕ НАУКОЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДСОВЕТА

ЧЕРНЫШ Михаил Федорович – доктор социологических наук, член-корреспондент РАН, научный руководитель, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; директор, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия). Эл. адрес: mfche@yandex.ru

Члены Редсовета

АБРАМСОН Чарльз – доктор философии (PhD in Psychology), профессор, Оклахомский университет (Стилуотер, США). Эл. адрес: charles.abramson@okstate.edu

АРЫНГАЗИН Аскар Канапьевич – доктор физико-математических наук, главный исполнительный директор, Sustainable Innovation and Technology Foundation (Астана, Казахстан). Эл. адрес: askar.aryngazin@sitf.group

БОГАТЫРЁВ Дмитрий Кириллович – доктор философских наук, профессор, ректор, Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия). Эл. адрес: rector@rhga.ru

ГАБОВ Андрей Владимирович – доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН (Москва, Россия). Эл. адрес: agabov@izak.ru

ГОВЕНДЕР Джаянатан – доктор философии (PhD), преподаватель, Школа социальных наук, Университет Квазулу-Натал (Квазулу-Натал, ЮАР). Эл. адрес: govenderj1@ukzn.ac.za

ДВАЙЕР Томас Патрик – доктор философии (PhD), профессор, кафедра социологии, Университет Кампинаса (Сан-Паулу, Бразилия). Эл. адрес: tom@unicamp.br

КОЗЛОВ Геннадий Викторович – доктор физико-математических наук, заместитель руководителя аппарата генерального директора – руководитель секретариата, АО «Концерн ВКО “Алмаз – Антей”» (Москва, Россия). Эл. адрес: gvkozlov@mail.ru

КРЮКОВ Валерий Анатольевич – доктор экономических наук, академик РАН, научный руководитель, главный научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия). Эл. адрес: kryukov@ieie.nsc.ru

ЛЕНЧУК Елена Борисовна – доктор экономических наук, руководитель научного направления «Экономическая политика», Институт экономики РАН (Москва, Россия). Эл. адрес: Lenalenchuk@yandex.ru

МАКАРОВ Валерий Леонидович – доктор физико-математических наук, академик РАН, научный руководитель, Центральный экономико-математический институт РАН (Москва, Россия). Эл. адрес: makarov@cemi.rssi.ru

МАЛАГА Кристоф – доктор философии (PhD in Economics), профессор, Познаньский университет экономики и бизнеса (Познань, Польша). Эл. адрес: krzysztof.malaga@ue.poznan.pl

РУФФ ЭСКОБАР Клаудио Альберто – доктор инженерных наук, ректор, Университет Бернардо О’Хиггинса (Сантьяго, Чили). Эл. адрес: capacitacion@ubo.cl

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия). Эл. адрес: riazan@fnisc.ru

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва, Россия). Эл. адрес: zhantosch@mail.ru

ШАБУНОВА Александра Анатольевна – доктор экономических наук, директор, Вологодский научный центр РАН (Вологда, Россия). Эл. адрес: aas@vscc.ac.ru

ШЕПЕЛЕВ Геннадий Васильевич – кандидат физико-математических наук, заместитель начальника отдела, НИЦ «Курчатовский институт» – НИИСИ (Москва, Россия). Эл. адрес: shepelev-2@mail.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

СЕМЁНОВ Евгений Васильевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия). Эл. адрес: eugen.semenov@inbox.ru

Заместители главного редактора

ЕГЕРЕВ Сергей Викторович – доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН; Почётный деятель науки и техники г. Москвы (Москва, Россия). Эл. адрес: segerev@gmail.com

ТАМБОВЦЕВ Виталий Леонидович – доктор экономических наук, профессор, зав. лабораторией, МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия). Эл. адрес: vitalytambovtsev@gmail.com

ТЮРИНА Ирина Олеговна – кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, и. о. заместителя директора по научно-организационной и проектной работе, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия). Эл. адрес: irina1-tiourina@yandex.ru

Ответственный секретарь

ГАЙДИН Борис Николаевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия). Эл. адрес: smtheorypractice@yandex.ru

Члены редколлегии

БАРАБАШЕВ Алексей Георгиевич – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). Эл. адрес: abarabashev@hse.ru

ВАГАНОВ Андрей Геннадьевич – заместитель главного редактора, «Независимая газета»; ответственный редактор, приложение «НГ-Наука» (Москва, Россия). Эл. адрес: andrew@ng.ru

ВАСИЛЬЕВ Антон Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). Эл. адрес: anton_vasiliev@mail.ru

ВИЗГИН Владимир Павлович – доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (Москва, Россия). Эл. адрес: vlvizgin@gmail.com

ВОЛЬЧИК Вячеслав Витальевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия). Эл. адрес: volchik@sfedu.ru

ГУРЕЕВ Вадим Николаевич – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, заведующий информационно-аналитическим центром, Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А. А. Трофимука СО РАН; старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН (Новосибирск, Россия). Эл. адрес: gureyev@ngs.ru

ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич – доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М. В. Ломоносова; главный научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва, Россия). Эл. адрес: vdemiank@mail.ru

ДЕНИСОВ Виктор Иванович – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (Москва, Россия). Эл. адрес: lavtube@yandex.ru

ДОЛГОВА Евгения Андреевна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия). Эл. адрес: medievalis@list.ru

ДОНСКИХ Олег Альбертович – доктор философских наук, PhD, профессор, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» (Новосибирск, Россия). Эл. адрес: oleg.donskikh@gmail.com

ЗАХАРОВ Владимир Николаевич – доктор филологических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия). Эл. адрес: zakharov@petrsu.ru

ИВЧЕНКОВА Мария Сергеевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия). Эл. адрес: m.ivshenkova@gmail.com

КИРИЛЛОВА Ольга Владимировна – кандидат технических наук, президент, Ассоциация научных редакторов и издателей (Москва, Россия). Эл. адрес: kirillova@rasep.ru

КЛИСТОРИН Владимир Ильич – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия). Эл. адрес: klistorin@ieie.nsc.ru

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора, Институт социологии ФНИСЦ РАН; заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). Эл. адрес: pkozyreva@isras.ru

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия). Эл. адрес: scan21@mail.ru

КУПЕРШТОХ Наталья Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Россия). Эл. адрес: nataly.kuper@gmail.com

КУРДИН Александр Александрович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заместитель декана экономического факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия). Эл. адрес: aakurdin@gmail.com

ЛАЗАРЕВ Владимир Станиславович – ведущий библиограф, Научная библиотека Белорусского национального технического университета (Минск, Беларусь). Эл. адрес: vlas0070@yandex.ru

ЛАПАЕВА Валентина Викторовна – доктор юридических наук, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН (Москва, Россия). Эл. адрес: lapaeva07@mail.ru

МАЗОВ Николай Алексеевич – кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН; ведущий научный сотрудник, Информационно-аналитический центр, Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А. А. Трофимука СО РАН (Новосибирск, Россия). Эл. адрес: MazovNA@ipgg.sbras.ru

МОСКАЛЁВА Ольга Васильевна – кандидат биологических наук, советник директора, Научная библиотека Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). Эл. адрес: o.moskaleva@spbu.ru

МОХНАЧЁВА Юлия Валерьевна – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом, Библиотека по естественным наукам РАН (Москва, Россия). Эл. адрес: j-v-m@yandex.ru

ПЛЮСНИН Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). Эл. адрес: jplusnin@hse.ru

ПОПОВА Екатерина Сергеевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия). Эл. адрес: Katerinas.po@gmail.com

ПУТИЛО Наталья Васильевна – кандидат юридических наук, зав. отделом, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия). Эл. адрес: social2@izak.ru

РАКИН Владимир Иванович – доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник, Институт геологии имени академика Н. П. Юшкина Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия). Эл. адрес: rakin@geo.komisc.ru

СКАЗОЧКИН Александр Викторович – PhD (Engineering), кандидат физико-математических наук, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБНУ «Научно-исследовательский институт перспективных материалов и технологий» (Москва, Россия); генеральный директор, ООО «Термокон» (Калуга, Россия). Эл. адрес: avskaz@rambler.ru

ФОНОТОВ Андрей Георгиевич – доктор экономических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). Эл. адрес: fonotov.ag@gmail.com

ХОХЛОВ Юрий Евгеньевич – кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий кафедрой, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова; руководитель дирекции по управлению архитектурой крупных систем, Институт развития информационного общества (Москва, Россия). Эл. адрес: Hohlov.YE@rea.ru

ШАСТИТКО Андрей Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, МГУ имени М. В. Ломоносова; директор, Центр исследований конкуренции и экономического регулирования, РАНХиГС (Москва, Россия). Эл. адрес: aes@ranepa.ru

ШУПЕР Вячеслав Александрович – доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН (Москва, Россия). Эл. адрес: vshuper@yandex.ru

ЮРЕВИЧ Андрей Владиславович – доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора, Институт психологии РАН (Москва, Россия). Эл. адрес: av.yurevich@mail.ruEditorial Council

EDITORIAL COUNCIL

Chairman

Mikhail F. Chernysh, Doctor of Sociology, Corresponding Member of the RAS, Research Director, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS; Director, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia). E-mail: mfche@yandex.ru

Members of the Editorial Council

Charles Abramson, PhD in Psychology, Professor, Oklahoma State University (Stillwater, USA). E-mail: abramson@okstate.edu

Askar K. Aryngazin, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Chief Executive Officer, Sustainable Innovation and Technology Foundation (Astana, Kazakhstan). E-mail: askar.aryngazin@sitf.group

Dmitry K. Bogatyrev, Doctor of Philosophy, Professor, Rector, Russian Christian Academy for the Humanities (St. Petersburg, Russia). E-mail: rector@rhga.ru

Thomas Patrick Dwyer, PhD, Professor, Department of Sociology, State University of Campinas (São Paulo, Brazil). E-mail: tomdwyer@me.com

Andrey V. Gabov, Doctor of Law, Corresponding Member of the RAS, Chief Researcher, Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: agabov@izak.ru

Jayanathan Govender, PhD, Faculty Member, School of Social Sciences, University of KwaZulu-Natal (KwaZulu-Natal, South Africa). E-mail: govenderj1@ukzn.ac.za

Gennady V. Kozlov, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Deputy Chief of Staff of the General Director's Office – Head of the Secretariat, "Almaz – Antey" Air and Space Defence Corporation (Moscow, Russia). E-mail: gvkozlov@mail.ru

Valeriy A. Kryukov, Doctor of Economics, Full Member of the RAS, Research Director, Chief Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: kryukov@ieie.nsc.ru

Elena B. Lenchuk, Doctor of Economics, Director of the Research Field "Economic Policy", Institute of Economics of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: Lenalenchuk@yandex.ru

Valery L. Makarov, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Full Member of the RAS, Research Director, Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: makarov@cemi.rssi.ru

Krzysztof Malaga, PhD in Economics, Professor, Poznań University of Economics and Business (Poznań, Poland). E-mail: malaga@ue.poznan.pl

Claudio A. Ruff Escobar, Doctor in Engineering Sciences, Rector, Bernardo O'Higgins University (Santiago, Chile). E-mail: capacitacion@ubo.cl

Sergey V. Ryazantsev, Doctor of Economics, Corresponding Member of the RAS, Chief Researcher, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS (Moscow, Russia). E-mail: riazan@fnisc.ru

Alexandra A. Shabunova, Doctor of Economics, Director, Vologda Research Center of the RAS (Vologda, Russia). E-mail: aas@vscc.ac.ru

Gennady V. Shepelev, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Deputy Head of a Department, NRC "Kurchatov Institute" – SPISA (Moscow, Russia). E-mail: shepelev-2@mail.ru

Zhan T. Toshchenko, Doctor of Philosophy, Corresponding Member of the RAS, Chief Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: zhantosch@mail.ru

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Evgeny V. Semenov, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia). E-mail: semenov@inbox.ru

Deputy Editors

Sergey V. Egerev, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Chief Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the RAS; Honorable Worker of Science and Technology of Moscow (Moscow, Russia). E-mail: segerev@gmail.com

Vitaly L. Tambovtsev, Doctor of Economics, Professor, Laboratory Head, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: vitalytambovtsev@gmail.com

Irina O. Tyurina, Candidate of Sociology, Associate Professor, Leading Researcher, Acting Deputy Director for Research, Organizational and Project Work, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia). E-mail: irina1-tiourina@yandex.ru

Executive Editor

Boris N. Gaydin, Candidate of Philosophy, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia). E-mail: smtheorypractice@yandex.ru

Members of the Editorial Board

Alexey G. Barabashev, Doctor of Philosophy, Professor, HSE University (Moscow, Russia). E-mail: abarabashev@hse.ru

Valery Z. Demiankov, Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University; Chief Researcher, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: vdemiank@mail.ru

Victor I. Denisov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: lavtube@yandex.ru

Evgeniya A. Dolgova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia). E-mail: medievalis@list.ru

Oleg A. Donskikh, Doctor of Philosophy, PhD, Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia). E-mail: donskikh@gmail.com

Andrey G. Fonotov, Doctor of Economics, Professor, HSE University (Moscow, Russia). E-mail: fonotov.ag@gmail.com

Vadim N. Gureev, Candidate of Pedagogy, Senior Research Scientist, Head, Information Analysis Center, Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics, SB RAS; Senior Researcher, State Public Scientific Technological Library, SB RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: gureyev@ngs.ru

Yuri E. Hohlov, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Department Head, Plekhanov Russian University of Economics; Head, Directorate of Large Systems Architecture Management, Institute of the Information Society (Moscow, Russia). E-mail: YE@rea.ru

Maria S. Ivchenkova, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia). E-mail: m.ivshenkova@gmail.com

Olga V. Kirillova, Candidate of Technical Sciences, President, Association of Science Editors and Publishers (Moscow, Russia). E-mail: kirillova@rasep.ru

Vladimir I. Klistorin, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru

David L. Konstantinovskiy, Doctor of Sociology, Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia). E-mail: scan21@mail.ru

Polina M. Kozyreva, Doctor of Sociology, First Deputy Director, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Director, Center for Longitudinal Studies, Institute for Social Policy, HSE University (Moscow, Russia). E-mail: pkozyreva@isras.ru

Natalya A. Kupershtokh, Candidate of History, Senior Researcher, Institute of History, SB RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: kuper@gmail.com

Alexander A. Kurdin, Candidate of Economics, Senior Researcher, Deputy Dean, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: aakurdin@gmail.com

Valentina V. Lapaeva, Doctor of Law, Chief Researcher, Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: lapaeva07@mail.ru

Vladimir S. Lazarev, Leading Bibliographer, Scientific Library, Belarusian National Technical University (Minsk, Belarus). E-mail: vlas0070@yandex.ru

Nikolay A. Mazov, Candidate of Technical Sciences, Leading Researcher, State Public Scientific Technological Library, SB RAS; Leading Researcher Scientist, Information Analysis Center, Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics, SB RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: MazovNA@ipgg.sbras.ru

Yuliya V. Mokhnacheva, Candidate of Pedagogy, Leading Researcher, Department Head, Library for Natural Sciences of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: j-v-m@yandex.ru

Olga V. Moskaleva, Candidate of Biology, Director Advisor, Scientific Library, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia). E-mail: moskaleva@spbu.ru

Juri M. Plusnin, Doctor of Philosophy, Professor, HSE University (Moscow, Russia). E-mail: jplusnin@hse.ru

Ekaterina S. Popova, Candidate of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia). E-mail: Katerinas.po@gmail.com

Natalia V. Putilo, Candidate of Law, Department Head, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia). E-mail: social2@izak.ru

Vladimir I. Rakin, Doctor of Geology and Mineralogy, Chief Researcher, Institute of Geology, Komi Science Center, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia). E-mail: rakin@geo.komisc.ru

Andrey E. Shastitko, Doctor of Economics, Professor, Department Head, Lomonosov Moscow State University; Director, Center for Competition and Economic Regulation Research, RANEPA (Moscow, Russia). E-mail: aes@ranepa.ru

Vyacheslav A. Shuper, Doctor of Geography, Professor, Leading Researcher, Institute of Geography of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: vshuper@yandex.ru

Aleksandr V. Skazochkin, PhD (Engineering), Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Candidate of Technical Sciences, Leading Researcher, Institute of Advanced Materials and Technologies (Moscow, Russia); CEO, OOO Termokon (Kaluga, Russia). E-mail: avskaz@rambler.ru

Andrey G. Vaganov, Deputy Editor-in-Chief, Nezavisimaya Gazeta; Executive Editor, NG-Nauka Supplement (Moscow, Russia). E-mail: andrew@ng.ru

Anton A. Vasiliev, Doctor of Law, Professor, Department Head, Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

Vladimir P. Vizgin, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Chief Researcher, Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: vlvizgin@gmail.com

Vyacheslav V. Volchik, Doctor of Economics, Professor, Head, Department of Economic Theory, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia). E-mail: volchik@sfedu.ru

Andrey V. Yurevich, Doctor of Psychology, Corresponding Member of the RAS, Deputy Director, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: yurevich@mail.ru

Vladimir N. Zakharov, Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia). E-mail: zakharov@petrsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

10 *Семёнов Е. В.* Об отношении к советскому опыту организации науки

ДИСКУССИЯ. «ТОЧКИ РОСТА» СОВЕТСКОЙ НАУКИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РАЗРЫВЫ В УПРАВЛЕНИИ НАУЧНЫМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ

14 *Долгова Е. А.*, *Секиринский Д. С.* Постановка проблемы

17 *Водичев Е. Г.* Наука – идеологема и/или драйвер экономического развития: дилеммы хрущёвской эпохи

31 *Артёмов Е. Т.* Наука, технологии и инновации в СССР в 1950–1980-е гг.: от опережающего развития к затухающей динамике

47 *Долгова Е. А.* Как измерить эффективность советского учёного: к формированию методик и алгоритмов оценки научного труда в 1960–1970-х гг.

65 *Холматов Т. К.* Докторантура Академии наук СССР во второй половине 1930-х – середине 1950-х гг.: организационные проблемы и попытки оптимизации

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

79 *Гусев А. Б.*, *Юревич М. А.* Конкуренция в науке России: обоюдный дефект институциональной и естественной компонент

МЕХАНИЗМЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРОЙ

104 *Томских А. А.* О рандомизированных контролируемых испытаниях в оценке эффективности программ развития университетов

118 *Харченко К. В.*, *Боженов С. А.* Рейтинг человеческого капитала вузов: от концептуальных основ к системе показателей

ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА И ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

135 *Тамбовцев В. Л.*, *Рождественская И. А.* Культура производства научного знания и искусственный интеллект

150 *Кузнецов И. С.*, *Попова Е. С.* Социологические онлайн-опросы: желаемое, возможное, должное

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

167 *Кононенко Е. И.* Китайские соискатели: статистика объявлений о защитах 2025 года

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ЖАНРА: ПОПУЛЯРНАЯ НАУКА

183 *Ваганов А. Г.* Чего больше в «науке граждан»: науки или демократии? Отклик на статью С. В. Егерева «Кооперативное зондирование окружающей среды: опыт добровольческих проектов»

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

191 *Лазарев В. С.* О важности чёткого употребления терминологии в метрических исследованиях, «импакте» и качестве научных документов. В контексте рассмотрения монографии об ошибках в оценке науки

ОБЗОРЫ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ

209 *Герасимов В. И.*, *Коданева С. И.* Образование – наука – инновации: наведение мостов в будущее Евразии с помощью знаний, технологий и человеческого капитала

РЕЦЕНЗИИ

230 *Арынгазин А. К.* Научные знания: растущий капитал влияния. Рецензия на книгу А. К. Бисенбаева “Scientomarket: The Architecture of Value, Trust, and Influence in Science”

CONTENTS

EDITOR-IN-CHIEF'S NOTES

Semenov E. V. On the attitude to the Soviet experience in organization of science. 10

DISCUSSION. "GROWTH POINTS" OF SOVIET SCIENCE: CONTINUITY AND DISCONTINUITIES IN SCIENCE GOVERNANCE

Dolgova E. A., Sekirinskiy D. S. Problem definition. 14

Vodichev E. G. Science as an ideology and/or driver of economic development: The dilemmas of the Khrushchev era. 17

Artemov E. T. Science, technology and innovation in the USSR in the 1950s–1980s: From advanced development to fading dynamics. 31

Dolgova E. A. How to measure the effectiveness of a researcher's work: Towards the development of an audit culture in Soviet institutions in the 1960s–1970s. 47

Kholmatov T. K. Doctoral studies at the USSR Academy of Sciences in the second half of the 1930s – mid-1950s: Organizational problems and optimization attempts. 65

SCIENCE AND TECHNOLOGY POLICY

Gusev A. B., Yurevich M. A. Competition in Russian science: A mutual defect of the institutional and natural components. 79

MECHANISMS AND TOOLS FOR STATE REGULATION IN SCIENCE AND TECHNOLOGY SECTOR

Amelina K. E., Salitskaya E. A. Remuneration in agreements for commercialization of universities' intellectual property 104

Kharchenko K. V., Bozhenov S. A. Rating of higher education institutions' human capital: From conceptual foundations to a system of indicators 118

INFORMATION ENVIRONMENT AND ISSUES OF DIGITALIZATION

Tambovtsev V. L., Rozhdestvenskaya I. A. Culture of scientific knowledge production and artificial intelligence 135

Kuznetsov I. S., Popova E. S. Sociological online surveys: The desired, the possible and the normative . 150

INTERNATIONAL SCIENCE AND TECHNOLOGY COOPERATION

Kononenko E. I. Chinese applicants: Statistics on defense announcements for 2025 167

IN SEARCH OF THE LOST GENRE: POPULAR SCIENCE

Vaganov A. G. Which is there more of in "citizen science": Science or democracy? A review of the article "Participatory Environmental Sensing: Experience of Volunteer Projects" by S. V. Egerev. 183

REFLECTIONS ON THE BOOK

Lazarev V. S. On the importance of clear terminology in metric research, on impact and on quality of scientific documents. In the context of reviewing a monograph on errors in the evaluation of science 191

OVERVIEW OF ACADEMIC CONFERENCES

Gerasimov V. I., Kodaneva S. I. Education – science – innovation: Building bridges to the future of Eurasia with the help of knowledge, technology and human capital . . . 209

BOOK REVIEWS

Aryngazin A. K. Scientific knowledge: Growing capital of influence. Review of A. K. Bisenbaev's book "Scientomarket: The Architecture of Value, Trust, and Influence in Science" 230

EDN: FFUVMN

Редакторская заметка

Editorial

ОБ ОТНОШЕНИИ К СОВЕТСКОМУ ОПЫТУ ОРГАНИЗАЦИИ НАУКИ

По мере осложнения (после 2014 г.) и обострения (после 2022 г.) отношений России с Западом в стране угасали надежды на развитие за счёт международной интеграции и нарастал интерес к отечественному опыту самостоятельного научно-технологического развития в советский период. Научному осмыслению этого развития мешают идеологические наслоения постсоветского времени. Общее отношение исследователя **к советскому** существенно влияет на оценку отечественного опыта научно-технологической политики и управления наукой в советский период. С начала 1990-х гг. в России проводилась, а в большинстве отпавших провинций Советского Союза проводится до сих пор, государственная политика по отторжению советского как инородного, чуждого, насильственно навязанного. С таких идеологических позиций практически всё происходившее в советский период уничижительно квалифицировалось как «совок». В России постепенно отошли от такой идеологии, но психология пренебрежительного отношения к истории советского времени и отчуждение от неё сохранились до сих пор. Эта психология мешает реалистичной оценке опыта советского периода отечественной истории, в т. ч. и опыта организации науки. Преодоление предвзятости является необходимым условием объективного научного осмысления способа организации и развития науки советского времени.

Думаю, что отношение к способу развития науки в советское время должно быть отношением к нему как к **отечественному**, т. е. своему (не чужому и чуждому), и **исторически закономерному** (не случайному). Исторический опыт и императорской, и советской, и постсоветской России со всеми его достоинствами и несообразностями является отечественным опытом, имеющим для нас особую ценность и поучительность. При любом уровне критичности отношения к отечественной истории без понимания непрерывности развития страны в целом, отечественной науки в частности, невозможны ни научное понимание прошлого, ни объективная оценка настоящего, ни тем более выстраивание исторически выверенной реалистичной траектории будущего развития страны и национальной науки. Разумеется, при этом нельзя зацикливаться на национальном, принципиально необходим основательный учёт произошедших, происходящих и намечающихся изменений в глобальном мире. Но утрата понимания имманентного характера развития страны предвещает завершение её истории.

© Семёнов Е. В., 2026

Был ли успешным опыт развития науки в советский период? Полагаю, что советский период – это время наиболее успешного развития науки за всю российскую историю. Сравнивать его с постсоветским опытом было бы унизительно для великой русской науки XX столетия. Но и в сравнении с двумя веками императорской России советский период выглядит впечатляюще. Ещё в 1920-х гг. в СССР велась работа по ликвидации массовой неграмотности населения, а всего через 30–40 лет страна запустила спутник и вслед за этим человека в Космос, овладела ядерной энергией, геологически и промышленно освоила богатейшие природные ресурсы огромной территории Сибири и Дальнего Востока, создала передовую систему образования, подготовила первоклассные научные и инженерные кадры, выстроила разветвлённую сеть наукоградов. В стране были созданы многие десятки научно-исследовательских институтов мирового уровня и первые отечественные исследовательские университеты. Это выдающийся результат. В императорской России, причём только в самом конце её существования, были созданы единичные НИИ, а передовое образование можно было получить в ограниченном масштабе в единичных университетах. Достижениями постсоветского периода являются в основном всевозможные доктрины, концепции, стратегии и пр. По гамбургскому счёту это безвременье. XIX век был веком великой русской литературы, XX век – веком великой русской науки. Советский период является несомненно временем наиболее успешного развития науки за всю отечественную историю. В СССР был создан огромный научный потенциал, и создан он как часть советской системы, а значит с её достоинствами и изъянами.

С советской системой связаны многие проблемы в развитии науки и особенно в практическом использовании её результатов. Именно из-за советской организации экономики и управления с их косностью и бюрократизмом было затруднено инновационное развитие страны, явившееся важнейшей причиной катастрофы Советского Союза. Перепад между уровнем развития науки и интеллектуальным уровнем практики, прежде всего промышленности и управления, был разительным. Об этом написаны тысячи книг и статей во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг. Сейчас это уже банальность. Видно это было не только внутри страны, но и внешнему наблюдателю. Алан Гринспен, почти 20 лет руководивший ФРС (1987–2006 гг.), в книге «Эпоха потрясений» пишет: «Ещё в студенческие годы меня поражало количество гениальных математиков с русскими именами. Такая культура, думал я тогда, заслуживает куда более развитой и совершенной экономики, чем та, что создана Советами»[1]. Но, несмотря на все дефекты «советской модели» науки и на сложности трансфера её результатов в разные сферы практики, исключая разве что военно-промышленный сектор, советский период является временем, когда на русском языке создавалась передовая наука мирового уровня.

Имела ли наука в Советском Союзе голос в вопросах стратегического планирования научно-технологического развития страны? Для сомнений в этом есть много оснований. Всем известно, что научное сообщество не смогло защитить целые отрасли науки от их разгрома и запрещения в стране. Это и социология,

[1] *Гринспен А.* Эпоха потрясений: проблемы и перспективы мировой финансовой системы. 3-е изд. М. : Юнайтед Пресс, 2010. С. 321.

с которой всё началось, и генетика, и кибернетика. Всем известно также о существовании в сталинское время таких форм организации научной деятельности, как шарашки. Это и многое другое можно было бы истолковать как аргумент об отсутствии у науки каких-либо прав и какого-либо голоса в государственном управлении. Но есть и другая реальность. По крайней мере начиная с реформ середины 1960-х гг. под руководством А. Н. Косыгина, давших такой экономический рост, который у современного человека ассоциируется разве что с темпами развития в Китае, технократия, а вместе с ней и наука отвоевали значительное пространство у идеологии.

В последние два десятилетия советской истории прогнозирование и стратегическое планирование научного-технологического развития страны осуществлялись на основе хорошо продуманной и организованной системы регулярных научных исследований, в которых участвовали тысячи специалистов из многих десятков научных организаций, а не на основе заказа спичрайтерским конторам в формате аутсорсинга, как это делается в постсоветское время. Примером организации научного сопровождения научно-технологической политики могут служить четыре комплексных программы научно-технологического прогресса (КП НТП). Этот утраченный опыт во многом мог бы быть полезен и в современных условиях. Прогнозирование и стратегическое планирование – сложная научная и практическая работа, требующая высочайшего профессионализма, и КП НТП до сих пор является высшим достижением в отечественной практике.

Советская реальность сложнее, чем советский пропагандистский плакат или постсоветская карикатура. Отечественный опыт советского периода нуждается в строгом критическом, но непредвзятом анализе. К научной политике и управлению наукой это относится в полной мере. Н. М. Карамзин объяснил нам, что у России две беды – неэффективный менеджмент и плохая инфраструктура. Так, кажется, он выразился. Но ведь к постсоветскому периоду это относится даже в большей степени, чем к советскому. К сожалению, многое творческое из отечественного опыта советского периода прочно забыто, а самое примитивное оказалось поразительно живучим. Это относится к похвальбе и показухе, бюрократизму и зарегламентированности, формальной и фальшивой отчётности, неприемлемому уровню засекречивания, трудно преодолимым ведомственным барьерам, отрыву науки от важнейших сфер практики (материальное производство, здравоохранение, управление), кроме оборонно-промышленного комплекса, что мешает инновациям и т. д.

Переносим ли советский опыт в наше время? Совершенно очевидно, что никакие практики не могут быть физически изъяты из одной системы и имплантированы в другую. Бессмысленны и попытки их простого копирования. Ничто из одного времени или из одной национальной системы не может быть скопировано и работать также эффективно в другое историческое время и в другой национальной системе. Слова о том, что второй раз то же самое будет уже в виде фарса, имеют смысл и для случая копирования, например, западной модели исследовательского университета, и для случая имитации советских практик в современных российских условиях. Другие люди, другое общество, другое время.

Но тогда может ли опыт развития науки в советский период быть полезным? Безусловно, может, но не в его буквальном смысле. Можно создавать наукограды, а можно присваивать статус наукоградов. Первое реально делалось в Советском Союзе, второе – на бумаге в России XXI века. Это насмешка над использованием опыта, а не его учёт в практике управления наукой. Можно реально создавать исследовательские университеты (МФТИ, НГУ), как это сделано в 1951 и 1959 гг., а можно присваивать статус исследовательских университетов десяткам вузов. Сделать реально и сделать на бумаге – это совсем разное. Разное здесь буквально всё, начиная с масштаба людей, создающих то и другое. Так, МФТИ создан группой выдающихся учёных, а первым его ректором стал талантливый исследователь в области механики академик С. А. Христианович. Кафедрами в МФТИ заведовали такие научные величины, как, например, М. А. Лаврентьев и И. Н. Векуа. Через несколько лет все эти люди создали Сибирское отделение АН СССР, его Новосибирский НЦ и ещё один исследовательский университет НГУ (М. А. Лаврентьев – президент СО АН СССР, И. Н. Векуа – первый ректор НГУ, С. А. Христианович – один из «отцов основателей» того и другого). В этом – качество кадровой политики в области науки и образования в советский период. Именно это и есть тот опыт, который должен использоваться в современной России. А люди такого таланта и такого служения стране и науке найдут творческие решения, соответствующие вызовам времени. Копирование же названий и форм не имеет ничего общего с использованием ценного отечественного опыта в области организации национальной науки.

Е. В. Семёнов,
доктор философских наук

EDN: GHMQVN

Редакторская заметка

Editorial

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Интерес к процессам прошлого сегодня объясняется чаще всего с точки зрения задач настоящего. Для понимания решений и мероприятий, которые воплощают текущие и долговременные задачи развития науки, регулируют её функционирование сегодня, продуктивно изучить и оценить формы организации и практики руководства наукой, которые возникли и применялись в разные периоды отечественной истории – прежде всего, её новейшего времени. Именно тогда был создан мощный научно-технический комплекс, становление и развитие которого соотносится с периодом существования СССР. По масштабам, квалификации учёных и некоторым другим характеристикам он занимал одно из первых мест в мире. Несмотря на его распад и разрыв с традицией в 1990-е гг., очевидна проницаемость исторических границ. Отдельные «советские» практики продолжают определять текущую повестку научно-технической политики, а другие явления и институты, воспринимаемые как исключительно постсоветские, имели свои «точки роста» в СССР.

В 1990-е гг. в условиях отрицания советского наследия утвердилась установка на рассмотрение советской сферы НИОКР как монолитной, громоздкой и однозначно неэффективной, вследствие чего её изучение представлялось не вполне значимым и историографически актуальным. Лишь спустя несколько десятилетий на волне признания необходимости изучения национального опыта исследований и разработок и введения в научный оборот новых данных тематика была вновь актуализирована, превратившись в своего рода процедуру «припоминания» утраченных в постсоветский период понятий. Этот «забытый» опыт, имеющий собственную специфику, порой радикально отличающийся от зарубежных практик и отвечающий логике развития отечественного научно-технического комплекса, востребован и активно осмысляется. Но и сегодня понимание всей глубины и сложности советской науки ещё не отвечает остроте общественного интереса к ней.

© Долгова Е. А., Секиринский Д. С., 2026

В предлагаемой ниже дискуссии предпринимается попытка охарактеризовать феномен многоукладности советской науки, сочетавшей сложные и противоречивые поиски алгоритмов решения константных задач, организационные эксперименты и новаторство практик управления. Её многослойность определялась условиями функционирования, в которых переплелось влияние как значимых политических и социально-экономических событий национальной истории страны, так и глобальных тенденций мирового научно-технологического развития – бурного роста Большой науки, усилившегося запроса на восприимчивость экономики к технологическим новациям, конкуренции за технологическое лидерство в годы холодной войны. Роль науки как ключевого ресурса научно-технического развития определяла поиск оптимальных форматов и инструментов управления исследованиями и разработками, механизмов разработки и реализации стратегических решений в научно-технической сфере, планирования приоритетных направлений и управления решением межотраслевых научно-технических проблем. Отсюда – систематическое обращение на высшем уровне к теме эффективности науки, принятие серии партийных и правительственных постановлений, касавшихся проблем технологического лидерства и суверенитета, внедрения результатов НИР в народное хозяйство, роста требований к квалификации исследователей и стимулированию их работы, особенностей проведения научно-технической экспертизы, решения проблем освоения научной карты и др.

Предпринимаемые попытки создать эффективный механизм реализации государственной научно-технической политики позволили накопить огромный опыт управления наукой и апробировать множество инструментов – более или менее эффективных, а порой и совершенно новаторских. В их числе – не раскрытый до конца потенциал хозрасчёта, разработка подходов к оценке эффективности научного труда, работа предвестника грантовой системы – Единого фонда развития науки и техники, поиск наиболее оптимальных форм связи науки и производства, переход к формированию долгосрочных и перспективных планов научно-технического развития страны, отдалённо напоминающих форсайт и т. д. Одни из этих явлений были исключительно «советскими», другие соответствовали глобальным тенденциям мирового научно-технологического развития, увязывались с конкретными запросами и вызовами, формулируемыми на их основе задачами стратегического планирования.

Дискуссия намечает систему координат и позволит читателю преодолеть представление, во-первых, об «инаковости» советской науки по сравнению с зарубежными практиками, а во-вторых – о разрыве между советской и российской наукой. Однако, несмотря на очевидную преемственность отдельных институтов и практик, важно избежать увлечения готовыми алгоритмами в поисках «рецептов» эффективности. Многие понятия и институты видоизменились, поскольку изменилась окружающая их действительность: советская научная политика была продуктом марксистско-ленинской идеологии и централизованной плановой экономики с ограниченными возможностями экспериментаторства. Поэтому читать предложенные тексты следует аккуратно, учитывая дискуссионный потенциал тематики. Авторы подчёркивают его – намечают широкий спектр вопросов, поиск ответов на которые тесно увязан

с актуальными практиками управления наукой и обращением к историческому опыту их применения в целях ответственного проектирования будущего, связанного с научно-технологическим развитием страны.

Статьи в рамках данной дискуссии будут также опубликованы в следующем номере журнала (№ 3 2026 г.).

Е. А. Долгова,
доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник РГГУ

Д. С. Секиринский,
кандидат исторических наук,
заместитель министра науки и высшего образования
Российской Федерации

DOI: 10.19181/smtp.2026.8.2.1

EDN: GXJBMS

Научная статья

Research article

НАУКА – ИДЕОЛОГЕМА И/ИЛИ ДРАЙВЕР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ДИЛЕММЫ ХРУЩЁВСКОЙ ЭПОХИ

Водичев Евгений Григорьевич[1,2]

[1] Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

[2] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

Для цитирования: *Водичев Е. Г.* Наука – идеологема и/или драйвер экономического развития: дилеммы хрущёвской эпохи // Управление наукой: теория и практика. 2026. Т. 8, № 2. С. 17–30. DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.1. EDN GXJBMS.

Аннотация. В центре внимания статьи – проблема дихотомии феномена науки как идеологемы коммунистической доктрины в Советском Союзе в конце 1950-х – начале 1960-х гг., воплощённой в ключевых стратегических документах эпохи, и драйвера экономического развития. Акцентируется роль мифологем, касающихся науки и техники, в политике Н. С. Хрущёва. Обращено внимание на преемственность стратегий построения коммунизма с опорой на научно-технические факторы в рассматриваемый хронологический период и в эпоху сталинизма. Отмечены изменения в понимании баланса науки и техники в постулированных стратегиях, вызванные, главным образом, контекстуальными трансформациями. Подчёркнуто, что советская рефлексия глобальных трендов общественного развития и места и роли науки в этом процессе, воплощённая в «теории научно-технической революции», носила ограниченный характер из-за вторичности этого концепта по отношению к базовым коммунистическим идеологемам. В экономической и научно-технической практике постулирование тезиса об опоре на достижения современной науки, за некоторым исключением индустрий военно-промышленного комплекса, оставалось лишь теорией, поскольку не было согласовано с существовавшей экономической моделью. Попытки частичных реформ в экономике и науке, направленные на ускорение роста и повышение эффективности экономического развития на основе использования отечественных научно-технологических разработок, не привели к желаемому результату из-за отторжения инноваций в гражданском секторе экономики. Отношение лидера страны к науке было крайне амбивалентным, поскольку отдавался приоритет узко понимаемым прикладным исследованиям. Неоправданный оптимизм в позиционировании науки, разрушение мифа о её «всемогуществе» и невосприимчивость экономики к «достижениям НТР» приводили к постепенному

© Водичев Е. Г., 2026

снижению имиджа науки в обществе и как вида деятельности, и как инструмента развития. Совокупность негативных процессов, связанных с неэффективным использованием научно-технического потенциала, вызвала нарастание кризиса и в экономике, и в самой науке, который в последующие десятилетия приобрёл системный характер.

Ключевые слова: Н. С. Хрущёв, «хрущёвское десятилетие», социально-экономические стратегии, наука, научно-техническая политика, популизм, мифологемы, идеологемы

SCIENCE AS AN IDEOLOGY AND/OR DRIVER OF ECONOMIC DEVELOPMENT: THE DILEMMAS OF THE KHRUSHCHEV ERA

Evgeny G. Vodichev[1,2]

[1] Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia
[2] National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

For citation: Vodichev E. G. Science as an ideology and/or driver of economic development: The dilemmas of the Khrushchev era. *Science Management: Theory and Practice.* 2026;8(2):17–30. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.1.

Abstract. The article focuses on the dichotomy of the phenomenon of science as an ideological concept of the communist doctrine in the Soviet Union in the late 1950s and early 1960s, which was embodied in the key strategic documents of the era, and as a driver of economic development. The article highlights the role of science and technology myths in Nikita Khrushchev's populist policies. It also examines the continuity of strategies for building communism based on science and technology during this period and during the Stalinist age. The author notes some changes in the understanding of the balance of science and technology factors in the postulated strategies, which were mainly caused by contextual transformations. It is emphasized that the Soviet reflection on global trends in social development and the place and role of science in this process, embodied in the "theory of the scientific and technological revolution", was limited due to the secondary nature of this concept in relation to the basic communist ideologemes. In economic and scientific and technical practice, the postulation of the thesis of relying on the achievements of modern science, with some exceptions for sectors of the military-industrial complex, remained a theory, as it was not consistent with the existing economic model. Attempts at partial reforms in the economy and science aimed at accelerating growth and improving the efficiency of economic development based on the use of national scientific and technological developments did not lead to the desired results due to the rejection of innovations in the civilian sector of the economy. The country's leader's attitude towards science was highly ambivalent, as he prioritized narrowly defined applied research. Unjustified optimism in the positioning of science, the destruction of the myth of its "omnipotence" and the insensitivity of the economy to the "achievements of the scientific and technical revolution" led to a gradual decline in the public perception of science as both an activity and a development institution. A combination of negative processes related to the inefficient use of scientific and technological potential led to an escalation of the crisis in both the economy and science, which became systemic in the subsequent decades.

Keywords: N. S. Khrushchev, "Khrushchev decade", socioeconomic strategies, science, science and technology policy, populism, mythologemes, ideologemes

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

«Хрущёвское десятилетие» – один из самых динамичных, наполненных событиями, но и противоречивых периодов советской истории. Космос, ракеты, ядерная физика, атомная энергетика, электроника вошли в набор символов этой эпохи. Одновременно именно при Н. С. Хрущёве была предпринята попытка пересмотра экономической политики на основе принципа радикального ускорения НТП. В годы «оттепели» происходила либерализация политического режима, менялась система согласования интересов ключевых экономических акторов, как отраслевых, так и региональных, воплощая в себе обновлённый механизм «бюрократического торга» и поиска компромисса.

Хрущёвские эксперименты в управлении экономикой и наукой не меняли принципиальных основ социально-экономической платформы режима и парадигмы развития. По крайней мере, стратегическое планирование демонстрировало высочайшую степень преемственности целевых установок с предшествующей эпохой. Главной целью оставалось создание материально-технической базы коммунизма. Сохранялась и глубочайшая индоктринация общества, и акценты на широкое использование методов административного давления и принуждения. За исключением отказа от прямых репрессий в этом смысле не произошло каких-либо существенных изменений со времён индустриализации (см. подробнее: [1; 2]). С институциональной точки зрения хрущёвские эксперименты стали транзитным пунктом на пути от сталинского культа личности к брежневскому «культу системы», интересы которого выражала номенклатура. Но в результате отсутствия у власти стабильно работающих институциональных правил и механизмов существенно повысился уровень конфликтности среди бюрократических элит, который в конечном итоге был нивелирован лишь на основе острого желания восстановить разумный механизм баланса интересов. Это отражалось на всех аспектах и сферах жизнедеятельности общества, в т. ч. и на науке как идеологическом маркере и как институте. Соответственно, цель данного текста заключается в том, чтобы уточнить роль и значение клише о «всемогуществе науки» в идеологическом арсенале времён Хрущёва, а также зафиксировать место науки как ключевого фактора экономического развития.

НАУКА В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ

Как известно, советский режим опирался на идеологическую платформу, которая презентовала себя «единственно верной» теорией, опирающейся на науку. При этом, однако, она не признавалась универсальной ценностью. В системе идеологем господствовал слоган «Наука на службу пролетариату!», впоследствии заменённый лозунгом «Цель науки – служение обществу». Совокупность идеологических, политических и экономических императивов выступала в качестве критериев «необходимости» или «полезности» отдельных областей знания, которые формировали приоритеты политики в сфере науки. Всё это оформило господствовавший в советскую эпоху утилитарный и инструментальный подход к науке. «Полезность» научных исследований оценивалась применительно

к актуальным задачам времени так, как они понимались властью, и весьма часто определялась конъюнктурой момента, а не логикой научного поиска. В практическом смысле это означало перенос акцентов на прикладные НИОКР при недостатке внимания к фундаментальным и теоретическим исследованиям, а также было чревато некомпетентным вторжением извне в структуру научного знания. В совокупности всё это сформировало феномен идеологизированной науки. Он стал неотъемлемой частью советских модернизационных теорий в первой половине прошлого века, воплотившихся в социально-экономических стратегиях и практической политике. Модернизационная доктрина определила и контуры политики в отношении науки, в которых были зафиксированы ключевые принципы и рамки научно-технической деятельности, реализованные, в частности, в системе организации и управления наукой. Также была зафиксирована жёсткая связь между наукой и идеологией.

Вербализация идеологических установок в отношении науки в разные периоды советской истории имела определённые вариации. В эпоху сталинизма политика в научной сфере определялась стратегиями форсированной индустриализации в условиях тоталитарного государства. Однако акценты расставлялись не столько на науке, сколько на технике и технологиях. В условиях трансформаций послевоенных лет с одной стороны и либерализации режима при Хрущёве с другой идеология оставалась мощнейшим инструментом практической и публичной политики. Социально-экономическую и научно-техническую политику этого времени также невозможно интерпретировать в отрыве от идеологии. Что же касается изменения атмосферы в обществе, то «на смену сталинской слепой идейности» пришла «восторженно-романтическая идейность»[1]. Наука как идеологема хорошо вписывалась в такой контекст.

ХРУЩЁВСКИЙ ПОПУЛИЗМ И МИФОЛОГИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

Презентация политики, в т. ч. и экономической, в годы «славного десятилетия» происходила с широким использованием инструментов популизма. Хрущёв постоянно прибегал к сомнительной, но находившей быстрый отклик у общества аргументации своей политической линии и практических действий. Политические устремления лидера партии и государства вообще и экономические стратегии и политика в сфере науки в частности выражались через совокупность деклараций, зачастую эмоционально озвучиваемых им самим, которые имели явно мифологический характер и были рассчитаны на массовое потребление. Данная черта, в принципе, вполне типична для любого популиста. Но в советской истории такими качествами выделялся именно Хрущёв, склонный апеллировать к широким массам при помощи простых смысловых конструктов с обещаниями скорейшего решения наиболее острых проблем в обозримое время. На протяжении всех лет его пребывания у власти подобная политика выступала в качестве мощного инструмента разогрева социального

[1] *Гурина М.* Мифологемы шестидесятничества // Независимая газета : [сайт]. 2000. 11 октября. URL: https://ng.ru/style/2000-10-11/16_mifo.html (дата обращения: 08.12.2025).

энтузиазма, но была чревата и большими рисками, которые вполне оправдались в реальности.

Особенностью любой идеологии является конструирование системы символов и их мифологизация, а семантическим выражением идеологии является совокупность идеологем. Именно с помощью мифов индоктринация общественного сознания осуществляется наиболее эффективно: обществом обычно манипулируют посредством идеологем, в основе которых, как правило, лежат мифологические конструкты. Мифы позволяют интерпретировать действительность в нужном для политиков направлении и способствуют интеграции общества вокруг целей развития и его мобилизации для достижения таких целей, даже если они принципиально недостижимы.

Мифологемы всегда догматичны, а зачастую алогичны, и в этом смысле природа идеологем противоположна науке. Более того, мифологемы должны оставаться принципиально неверифицируемыми. Ошибкой является попытка облечь идеологемы в конкретные формулы, которые могут иметь количественное или темпоральное измерение. Но именно так и произошло при Хрущёве, когда идеологемы приобрели функцию политического инструмента. Как отметила О. Эдельман, «советская мифология родилась в сложном взаимодействии пропаганды и воспринимающей её аудитории, взаимно друг друга отражавших и живших в мире традиционных коллективных бессознательных представлений»[2]. Однако политический миф всегда эродирует, как только общество ставит его под сомнение, а вслед за этим обычно разрушается и вся система идеологем, что приводит и к политическому краху её выразителей.

Возникает вопрос: какое отношение все эти рассуждения имеют к социально-экономической политике «хрущёвского десятилетия» и к постулированной роли науки в её реализации? На наш взгляд, самое непосредственное. Рассмотрение экономической политики Хрущёва через призму идеологем является важным шагом на пути к осмыслению того, почему ему так и не удалось пройти между Сциллой декларированных стратегических установок и Харибдой социально-экономических реалий, и идеологемы, касающиеся науки, ему в этом нисколько не помогли. Наука стала при Хрущёве одним из маркеров идеологии, важнейшим элементом идеологического арсенала власти, которому был придан мифологический характер.

Но реальность такова, что наряду с выдвижением идеологем перед властью всегда стоят и задачи повседневной практической политики. При Хрущёве во многих случаях решение рутинных социально-экономических задач входило в противоречие или даже в конфликт с идеологическими постулатами, имевшими мифологический характер. Императивы объективной реальности зачастую определяли необходимость действий, не укладывавшихся в русло декларированных идеологем. В этом случае также возникала задача найти им идеологическое обоснование, но зачастую это делалось уже апостериорно и недостаточно эффективно. Отсюда постоянно тлеющая в советском обществе напряжённость между «практиками» и «идеологами», охватывавшая самые различные сферы социальной деятельности, включая науку. Отсюда же системные расхождения

[2] *Эдельман О.* Легенды и мифы Советского Союза // Логос. 1999. № 5. С. 52–65. URL: https://ruthenia.ru/logos/number/1999_05/1999_5_15.htm (дата обращения: 08.12.2025).

между стратегическими планами, построенными в основном на базе догматов, и решением актуальных краткосрочных задач. И отсюда же неэффективность советского долгосрочного и среднесрочного, в т. ч. и пятилетнего, планирования в экономике и науке и широкое использование целевых подходов, позволявших в советской практике прибегать к мобилизационной модели для решения масштабных экономических и военно-стратегических задач.

НАУКА И НТР КАК ИДЕОЛОГЕМЫ В СТРАТЕГИИ ХРУЩЁВА

«*Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!*» В этом лозунге Третьей программы КПСС отражена основополагающая идеологема хрущёвского времени [3]. Лидер страны пытался представить коммунистическую перспективу как реальную, осязаемую задачу совсем недалёкого будущего. Этот лозунг обладал огромным потенциалом манипулирования и использовался для формирования общественного сознания, выступая в качестве инструмента идеологических спекуляций. Хаотичная смена приоритетов в экономике и науке, становившихся «идеологемами второго уровня» и не нарушавших рамок базовой доктрины, стала основной чертой хрущёвского времени.

Третья программа КПСС содержала определение коммунизма, которое, однако, имело чрезмерно «заумный», описательный и размытый характер. В ходе обсуждения проекта программы неоднократно звучали голоса в пользу того, что в ней необходимо артикулировать особую роль современной техники и технологий, а также науки в целом[3], что в конечном итоге и произошло. Во главу угла была поставлена развитая экономика, способная обеспечить изобилие, а наука и базирующиеся на её успехах передовые технологии рассматривались в качестве основных инструментов достижения цели. В духе времени речь шла о комплексной механизации и автоматизации, широком использовании продукции химической промышленности и новых материалов, существенном ускорении машиностроения, топливной и металлургической промышленности, развитии транспортных систем и новых видов транспорта. Предполагалось достичь значительного превосходства СССР в производительности труда. Тезис о «передовой советской науке» вошёл в число базовых идеологем, отражавших суть приоритетов экономической политики хрущёвской администрации.

Программа КПСС в её экономической части, а также связанные с ней документы долгосрочного и среднесрочного планирования – Генеральная перспектива развития народного хозяйства на период по 1980 г. и контрольные цифры семилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1959–1965 гг.), пожалуй, в максимальной степени отразили «вторжение» идеологии в планирование, трансформировав экономические проектировки в средство пропаганды. Одновременно это сформировало принципиальный конфликт между стратегией и тактикой в экономической и научно-технической политике, между долгосрочным планированием (при крайне невнятных и необоснованных допущениях) и решением актуальных задач, исходя из практических потребностей и вызовов. Это противоречие при Хрущёве оставалось неразрешимым.

[3] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 586. Оп. 1. Д. 66. Л. 13, 21.

Важнейший блок идеологем, влиявших на формирование экономической политики во времена Хрущёва, был связан с наукой. На рубеже 1950-х – 1960-х гг. наука оказалась едва ли не самым подходящим объектом для мифологизации и формирования представлений о её неограниченных возможностях. На этом фоне произошла беспримерная идеологизация самого феномена науки и её роли в стратегии социально-экономического развития страны. Для повышения статуса науки при формировании экономической политики имелись вполне очевидные объективные обоснования: к середине 1950-х гг. ресурс для «технологических инъекций» в экономику, основанный на репарациях и вывозе в СССР документации и производств из побеждённых стран, который играл важнейшую роль в экономическом развитии в послевоенные годы, оказался практически исчерпанным.

Решения требовалось искать в отечественной науке, тем более что рубеж 1950-х – 1960-х гг. вынес на поверхность множество ярких технико-технологических достижений. Для власти, официальной пропаганды, а также для экономических лидеров они были ближе к реальности и понятнее, чем результаты собственно научных исследований, однако приходило осознание, что без науки здесь не обошлось. Первый искусственный спутник Земли, полёт человека в космос и т. п. стали символами отечественного НТП, сразу же приобретшими отчётливую идеологическую окраску. В особенности это касалось космоса. Космическая риторика часто присутствовала в речах самого Хрущёва. Например, говоря о программе компартии, он сравнивал три её редакции «с трёхступенчатой ракетой»: «Первая ступень вырвала нашу страну из капиталистического мира, вторая – подняла её к социализму, а третья – призвана вывести на орбиту коммунизма»[4].

В этом же ряду оказалось всё, что относилось к «большой науке», прежде всего, естественно, к физике. Идеология постулировала, что в новых условиях коммунистическая перспектива должна быть построена на базе точных знаний. Например, в тесной связи с мифом о космосе появилась и стала продвигаться идеологема о «мирном атоме». В целом, в обществе утверждалась мифологема о всемогуществе науки на пути экономического и социального прогресса.

Под это была подведена и соответствующая теоретическая основа. НТП и тезис об использовании достижений науки в общественном производстве занимали особое место в экономической доктрине Хрущёва. Декларация о роли науки в строительстве коммунизма нашла своё отражение в программе КПСС, а развитие теоретических исследований было даже отнесено к «наиболее важным задачам». При этом всячески подчёркивалось, что фундаментальные исследования должны быть ориентированы на практику, поскольку «высокий уровень развития **математики, физики, химии, биологии** – необходимое условие подъёма и эффективности технических, медицинских, сельскохозяйственных и других наук»[5] (выделено в источнике. – *Е. В.*).

---

[4] О Программе Коммунистической партии Советского Союза. Доклад товарища Н. С. Хрущёва // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчёт : [в 3 т.]. М. : Политиздат, 1962. Т. I. С. 161.

[5] Программа Коммунистической партии Советского Союза // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчёт : [в 3 т.]. М. : Политиздат, 1962. Т. III. С. 322.

Общество в целом весьма позитивно восприняло миф о безграничных возможностях науки. Фактически продвигался культ науки как основы для построения социальной утопии, базирующейся на научных знаниях. Представители интеллектуального сообщества против этого, как минимум, не возражали. Широко распространилось всеобщее увлечение математикой как «философией естествознания» и основой рационального мышления. При этом в условиях «оттепели» настроения в обществе формировали своего рода амальгаму, включавшую не только некритическую оценку возможностей науки, но и социальное фрондёрство, и утопические представления о перспективах страны.

Попытка осмыслить глобальные тренды перехода к постиндустриальной экономике была предпринята в теории научно-технической революции – советской контртезе западной концепции постиндустриального общества, также ставшей очередной идеологемой. Она определяла пути и способы вхождения СССР в современное цивилизационное пространство и, как представляется, сыграла весьма негативную роль в экономическом развитии страны (см. подробнее: [4, с. 120, 121, 128; 1]). Концепция НТР имела технократический характер и исключала какие-либо изменения в общественном устройстве, в социальных институтах советского общества и в административно-управляемой экономике. В некотором смысле она несла на себе отпечаток «подгонки советских реалий под результат». Однако в краткосрочной перспективе наука, опираясь на этот концепт, фиксировала своё положение в системе приоритетов власти. Отныне сторонники опоры на науку могли прибегнуть к новому теоретическому обоснованию её роли в общественном развитии, обозначенной в коммунистической доктрине. Был декларирован курс на технологическое обновление производства и повышение его эффективности на основе кардинального ускорения НТП. Наука окончательно укрепилась в системе идеологических атрибутов власти, но в практическом смысле оставаясь в тенетах экономической политики.

Конечно, сам Хрущёв вряд ли вникал в нюансы теоретических изысканий о роли науки. Его отношение к определённым отраслям знания и научным институциям, да и к науке в целом оставалось весьма неоднозначным, иногда крайне противоречивым. Например, в одной фразе Хрущёв мог заявить: «Надо, товарищи, на науку обратить внимание. Она у нас хорошо развита, но там, знаете ли, целина. Мы ещё не подошли к ней по-настоящему»[6]. И такая амбивалентность сохранялась на протяжении всех лет его пребывания у власти, отражаясь и на научно-технической политике.

НАУКА КАК ЭЛЕМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПРИ ХРУЩЁВЕ

В семилетнем плане на 1959–1965 гг. наука рассматривалась как часть единого научно-производственного комплекса. Особо акцентировалась задача внедрения в производство научных достижений и разработок, однако в актуальной экономической модели принципы административного давления, направленные на ускорение инноваций, с усложнением «народного хозяйства» становились

[6] Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени : документы из личного фонда Н. С. Хрущёва : в 2 т. М. : Международный фонд «Демократия», 2009. Т. 2. С. 376.

всё менее эффективными. Административные рычаги не работали, а попытки использования элементов хозрасчёта входили в острый конфликт с фундаментальными основами советской экономики. Постоянно воспроизводившиеся проблемы в сфере инноваций стали источником постоянного раздражения для власти [5, p. 216]. Причины для этого были очевидны: статистическая эффективность советской экономики в 1950-е гг. варьировала в интервале между 1/3 и 1/2 от США [6, p. 23], что ставило под сомнение стратегические проектировки догнать США по основным экономическим показателям в обозримой перспективе.

Анализ показывает, что границы и характер реорганизаций в науке при Хрущёве ограничивались рамками проводимых экономических реформ и воспроизводили их логику. Научно-техническая политика, по сути, стала одной из частей экономической политики. Соответственно, предполагалось, что ускорения НТП следует добиваться путём совершенствования организации и управления, а также «повышения ответственности» за порученное дело. Акценты расставлялись, главным образом, на наращивании потенциала. В начале 1960-х гг. по своим количественным параметрам наука росла практически по экспоненте, но планы были ещё грандиознее. В период с 1961 по 1980 г. численность научных сотрудников планировалось увеличить в четыре раза, ассигнования на исследования и опытно-конструкторские разработки – в 10 раз, капитальные вложения в сферу науки и научного обслуживания – в 30 раз[7]. Но фактически уже с середины 1960-х гг. темпы роста инвестиций в науку снижались. Если с 1950 по 1965 г. доля расходов на НИОКР в ВВП увеличилась в 2,3 раза, то в последующие 15 лет – лишь в 1,3 раза[8]. При этом проблема эффективности науки, понимание которой постепенно эволюционировало от оценок целесообразности тех или иных работ к оценкам соотношения инвестиций на НИОКР и эффекта от полученных результатов, в годы Хрущёва явно пребывала в тени количественного роста.

Однако амбивалентность научно-технической политики оставалась фактом, и это особенно ярко проявилось на рубеже десятилетий. В организации науки и в деятельности научных учреждений Хрущёва многое раздражало, поскольку ожидания получить быструю отдачу для экономики от инвестиций в науку не оправдывались. Это, прежде всего, относилось к непостижимым для него фундаментальным исследованиям и их «институциональному носителю» – Академии наук, и здесь в полной мере проявилось стремление Хрущёва обеспечить качественные изменения за счёт структурных преобразований. Ещё в мае 1959 г. он предлагал разделить АН СССР на ряд отдельных организаций. Эти планы осуществились лишь частично. На протяжении всех лет у власти критика АН СССР из уст Хрущёва звучала постоянно. В одном из выступлений в октябре 1962 г. он заявил: «Если в этом году академия получила столько-то средств, то на будущий год она непременно просит больше, независимо от того, что она дала государству, народному хозяйству, есть ли

[7] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7. Оп. 3. Д. 603. Л. 24; Д. 612. Л. 277.

[8] Рассчитано по данным: *Варшавский А. Е., Сироткин О. С.* Проблемы российской науки // Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М. : Экономика, 1999. С. 350.

рост в науке. И получается, что отдельные институты академии растут только по расходу средств»[9]. На заседании президиума ЦК КПСС в начале 1963 г. Хрущёв подчёркивал: «Институты должны иметь целевое назначение, они должны обслуживать отрасли, а не заниматься просто отвлечёнными проблемами, которые не принесут никакой пользы нашему социалистическому строительству»[10]. При этом он заявлял: «Я – за расцвет науки...» Но тут же уточнял: «...за развитие отраслевых институтов»[11]. Столь явный прагматизм у многих учёных вызывал большую настороженность (см. подробнее: [7, с. 232–258]).

Осознание нарастающего кризиса в экономике всё же привело Хрущёва к пониманию целесообразности консультаций с учёными. Уже в конце своего пребывания у власти, в феврале 1964 г., на пленуме ЦК КПСС он заявил: «...надо иметь какой-то орган, который занимался бы крупными научно-экономическими проблемами. В состав этого органа могут войти учёные, руководители академий наук, государственных комитетов, партийные и хозяйственные работники. Такой орган призван давать анализ научного развития в широком смысле этого слова, следить за тенденциями и направлением наиболее важных областей научных знаний, давать соответствующие аргументированные обозрения научных направлений»[12]. Но развернуть свою деятельность при нём подобная экспертная структура не успела, хотя и была сформирована. Хрущёв создавал вокруг себя и неформальный пул советников по науке и технике, но при этом не стеснялся вторгаться в совершенно незнакомые ему сферы – от генетики и агробиологии до разработки атомного оружия. Например, известно, что он пытался навязать специалистам своё видение перспектив развития различных типов и модификаций ядерного оружия, не обладая никакими компетенциями в этой области[13]. Специалистам неоднократно приходилось убеждать Хрущёва не касаться таких «тонких материй», но он продолжал это делать[14].

Таким образом, в официальной идеологии возвеличивались научные достижения, НТП отводилась решающая роль в развитии производства, а сама наука стала одной из наиболее ярких и востребованных идеологем в арсенале инструментов политической мифологии. Однако на практике отношение к науке как к социальному институту оставалось при Хрущёве весьма неоднозначным. Всячески поддерживались прикладные исследования и зачастую возникали сомнения в целесообразности поддержки фундаментальных работ. Аргументы в их пользу также приходилось искать в прикладной сфере.

---

[9] *Хрущёв Н. С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : [в 8 т.]. М. : Госполитиздат, 1963. Т. 7. С. 247.

[10] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления : в 3 т. М. : РОССПЭН, 2003. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 676.

[11] *Хрущёв Н. С.* Указ. соч. Т. 7. С. 247.

[12] *Хрущёв Н. С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : [в 8 т.]. М. : Госполитиздат, 1964. Т. 8. С. 458.

[13] См., например: Во главе науки ядерного центра на Урале / авт.-сост. Б. К. Водолага, Н. П. Волошин, В. Н. Кузнецов. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2020. С. 115–116.

[14] «Факты показывают, что есть у нас работники, которые цепляются за старое и не хотят думать о том, чтобы лучше использовать выделяемые средства на оборону и военную технику». См.: № 6. Записка Н. С. Хрущёва в Президиум ЦК КПСС о строительстве стартовых площадок для баллистических ракет. 17 августа 1962 г. // Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 672.

Однако наука в военно-промышленном комплексе (ВПК) в целом развивалась более успешно, оставалась иммунной к такого рода сомнениям. Она по-прежнему существовала в собственном закрытом контуре, а также в рамках «оборонной» тематики в учреждениях, формально относившихся к гражданской науке. Удельный вес «оборонной тематики» по затратам на НИОКР точно подсчитать не представляется возможным, но, по экспертным оценкам, он превышал 50%, а по некоторым данным доходил и до 75–80%. Большинство исследователей рассматривают это как «закономерн[ое] следствие избранного политико-экономического курса» [8, с. 125, 130–131]. Научные городки, как открытые для общества, так и закрытые, ставшие одним из маркеров прогресса науки при Хрущёве, также в значительной степени формировались под влиянием военно-стратегических императивов. Они стали «символами холодной войны», обеспечив критически важный вклад в развитие ряда направлений ВПК. Показательным примером этого стало создание СО АН СССР с Академгородком и пояса научных центров вблизи Москвы [9]. Что касается Академии наук в целом, то после избрания в 1961 г. её президентом академика М. В. Келдыша там явно усилилось «оборонное мышление», хотя и ранее АН СССР активно участвовала в решении всех трёх сверхприоритетных задач по созданию ядерного оружия, средств его доставки и наведения, не играя, впрочем, ключевой роли в этих проектах. В милитаризированной отраслевой науке оборонное мышление никогда и никуда и не исчезало. При этом «в ВПК формировалась локальная инновационная система, опирающаяся не только на передовые зарубежные разработки, но и на собственные» [10, с. 82–83], однако технологический трансфер из «оборонки» в «гражданскую» экономику оставался заблокированным.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Смысловой круг идеологем во времена Хрущёва был достаточно ограничен. Все они были подчинены главной коммунистической мифологеме о возможности построения коммунизма в СССР на протяжении жизни одного поколения, определявшей логику политического процесса в стране. Большая часть идеологем имела технократическую направленность и так или иначе апеллировала к науке. В приложении к экономике идеологемы трансформировались в конкретные цифры, при этом возможность достижения запланированных показателей базировалась на сверхоптимистичной экстраполяции текущих позитивных трендов в экономике и надеждах на потенциал НТП. Как показала практика, без радикальных изменений в экономическом механизме всё это оказалось невозможным. Идеологемы, воплощённые в лозунги и призывы, не могли заместить собой конкретные инструменты как в экономике, так и в науке. Проблемы были связаны с неработающими механизмами генерирования и использования инноваций и трансфера технологий, отсутствием материальной заинтересованности субъектов производства в результатах своей деятельности, низким уровнем администрирования и т. д., т. е. носили по своей природе фундаментальный характер.

К середине 1960-х гг. на фоне ощущения того, что прогресс в науке не привёл к адекватному росту уровня жизни, стало проявляться и общественное разочарование в её возможностях. Рушился миф о всемогуществе науки в советском обществе, нарастало недоверие к научной деятельности, и тем самым разрушалась одна из важнейших коммунистических идеологем. Одновременно прекратилось массивное вливание средств в научную сферу, обеспечивавшее стремительный рост количественных параметров научного потенциала. На протяжении некоторого времени увеличение масштабов НИОКР демпфировало проблему эффективности сложившейся системы научной организации. Но после прекращения инвестиций в науку в прежних объёмах всё очевиднее вставал вопрос о постоянном снижении отдачи от таких капиталовложений.

Осознание неудач в реализации социально-экономической политики в институтах власти стало приходить лишь в самом конце пребывания Хрущёва у власти, когда и эффективность экономики, и отдача от инвестиций в науку снизились, а качество экономического управления ухудшилось, вызвав серьёзную дезинтеграцию элит. Трудности и противоречия повседневного быта в сопоставлении с широковещательными декларациями о грядущем «обществе потребления» также оборачивались недовольством. В итоге к середине 1960-х гг. не только для элит, но и для советского общества в целом стала ясна вся утопичность курса на форсированное строительство коммунизма. Стратегия, в которой расчёт замещался громко звучавшими идеологемами об опоре на передовую науку, рухнула под давлением экономических реалий, похоронив под обломками своего главного адепта. Это, конечно, не привело к отказу от доктринальных идеологических установок, но заставило новых руководителей осторожнее относиться к популистским методам и инструментам их использования на практике. Но и на фоне отставки Хрущёва не возникло понимания глубинных причин структурного дисбаланса в советской экономической модели и в организации науки, не были осознаны антиинновационный характер экономики и причины блокировки трансфера технико-технологических решений из относительно благополучного по советским меркам оборонного сектора в гражданскую экономику. Это показал фактический провал «косыгинской» реформы, ставшей, по сути, вторым этапом реформ Хрущёва.

Таким образом, эпоха Хрущёва сначала возвысила науку, обозначив её в качестве ключевого фактора развития экономики и достижения недостижимой цели – строительства коммунизма, и, соответственно, как одну из ключевых идеологем, а также важнейшего инструмента экономической политики. Но недостижимость поставленных мифологических целей вызвала недоверие к науке и разочарование в ней как идеологеме. В свою очередь, экономические неудачи обозначили сомнения в роли науки в качестве драйвера экономического развития. Тезис об опоре на достижения НТП никуда не исчез из советского идеологического арсенала, но повторяющиеся проблемы с запуском механизма инновационного развития всё больше заставляли сомневаться в релевантности экономической и научно-технической политики и инструментов её реализации. Всё это приводило к постепенному снижению имиджа науки в обществе как вида деятельности и инструмента развития. Впоследствии совокупность негативных процессов привела к нарастанию кризиса в науке, который уже

в 1980-е гг. приобрёл системный характер. Путь от романтической эйфории к разочарованию и кризису по историческим меркам оказался совсем недолгим.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Артёмов Е. Т.*, *Водичев Е. Г.* Наука и инновации в советских экономических стратегиях 1930–1960-х гг. // Уральский исторический вестник. 2024. № 4 (85). С. 125–134. DOI 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-125-134. EDN AHSCSL.

2. *Артёмов Е. Т., Водичев Е. Г.* По сталинским лекалам: экономическая стратегия коммунистического строительства в программных установках хрущевского руководства // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 4, ч. 2. С. 324–347. DOI 10.17212/2075-0862-2021-13.4.2-324-347. EDN ETTDAR.

3. *Барсуков Н. А.* Коммунистические иллюзии Хрущёва // Диалог. 1991. № 5. С. 75–83.

4. *Бокарев Ю. П.* СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М. : Наука, 2007. 381 с. ISBN 5-02-035261-6. EDN OIXCOE.

5. *Hewett E. A.* Reforming the Soviet economy: Equality versus efficiency. Washington, D.C. : The Brookings Institution, 1988. xi, 404 p. ISBN 0-8157-3603-7.

6. *Bergson A.* Planning and productivity under Soviet socialism. [Pittsburgh, PA] ; New York ; London : Carnegie-Mellon University ; Columbia University Press, 1968. 96 p.

7. *Артёмов Е. Т., Водичев Е. Г.* Несостоявшееся ускорение: экономическая стратегия «хрущёвского десятилетия». Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2025. 288 с. ISBN 978-5-7996-4024-8. EDN DISTTY.

8. *Артёмов Е. Т.* Оборонные приоритеты советской научно-технической политики в первое послевоенное время // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). С. 125–134. DOI 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-125-134. EDN QVGWKI.

9. *Долгова Е. А.* Московский пояс советских городов науки: проектирование и организация пространства // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 2. С. 235–251. DOI 10.19181/smtp.2024.6.2.16. EDN WSXYVC.

10. *Калинов В. В.* Достижения и просчёты государственной научно-технической политики СССР в послевоенный период // Российский технологический журнал. 2018. Т. 6, № 1 (21). С. 73–87. DOI 10.32362/2500-316X-2018-6-1-73-87. EDN YPKQEG.

REFERENCES

1. Artemov E. T., Vodichev E. G. Science and innovation in the Soviet economic strategies of the 1930s–1960s. *Ural Historical Journal=Uralskiy istoricheskiy vestnik.* 2024;(4):125–134. (In Russ.). DOI 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-125-134.

2. Artemov E. T., Vodichev E. G. According to Stalinist templates: The economic strategy of communist construction in the program settings of the Khrushchev leadership. *Ideas and Ideals=Idei i idealy*. 2021;13(4–2):324–347. (In Russ.). DOI 10.17212/2075-0862-2021-13.4.2-324-347.

3. Barsukov N. A. Communist illusions of Khrushchev [Kommunisticheskie illyuzii Khrushcheva]. *Dialogue=Dialog.* 1991;(5):75–83. (In Russ.).

4. Bokarev Yu. P. The USSR and the formation of post-industrial society in the West, 1970–1980s [SSSR i stanovlenie postindustrial'nogo obshchestva na Zapade, 1970–1980-e gody]. Moscow : Nauka; 2007. 381 p. (In Russ.). ISBN 5-02-035261-6.

5. Hewett E. A. Reforming the Soviet economy: Equality versus efficiency. Washington, D.C. : The Brookings Institution; 1988. xi, 404 p. ISBN 0-8157-3603-7.

6. Bergson A. Planning and productivity under Soviet socialism. [Pittsburgh, PA] ; New York ; London : Carnegie-Mellon University ; Columbia University Press; 1968. 96 p.

7. Artemov E. T., Vodichev E. G. The failed acceleration: The economic strategy of the “Khrushchev decade” [Nesostoiavsheesia uskorenie: Ekonomicheskaia strategiia “Khrushchevskogo desiatiletiia”]. Yekaterinburg : Ural University Press; 2025. 288 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7996-4024-8.

8. Artemov E. T. Defense priorities of the Soviet science and technology policy in the first post-war years. *Ural Historical Journal=Uralskiy istoricheskiy vestnik*. 2021;(4):125–134. (In Russ.). DOI 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-125-134.

9. Dolgova E. A. Moscow belt of Soviet science cities: Design and organization of the area. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(2):235–251. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2024.6.2.16.

10. Kalinov V. V. The achievements and failures of the state scientific and technical policy of the USSR in the postwar period. *Russian Technological Journal*. 2018;6(1):73–87. (In Russ.). DOI 10.32362/2500-316X-2018-6-1-73-87.

Поступила в редакцию / Received 17.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Revised 12.02.2026.
Принята к публикации / Accepted 22.05.2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Водичев Евгений Григорьевич *vodichev@mail.ru*

Доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск; профессор кафедры отечественной истории, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

SPIN-код: 2583-8827

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny G. Vodichev *vodichev@mail.ru*

Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk; Professor, Department of Russian History, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

ORCID: 0000-0001-8266-1723

Scopus Author ID: 57207306604

Web of Science ResearcherID: HCH-5782-2022

DOI: 10.19181/smtp.2026.8.2.2

EDN: IVHTXW

Научная статья

Research article

НАУКА, ТЕХНОЛОГИИ И ИННОВАЦИИ В СССР В 1950–1980-е гг.: ОТ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ К ЗАТУХАЮЩЕЙ ДИНАМИКЕ

Артёмов Евгений Тимофеевич[1]

[1] Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

Для цитирования: *Артёмов Е. Т.* Наука, технологии и инновации в СССР в 1950–1980-е гг.: от опережающего развития к затухающей динамике // Управление наукой: теория и практика. 2026. Т. 8, № 2. С. 31–46. DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.2. EDN IVHTXW.

Аннотация. В статье анализируются стратегия и практика научно-технологического развития в 1950–1980-е гг. Предпринята попытка объяснить причины и последствия затухания его темпов. По мнению автора, главную роль здесь сыграли два обстоятельства. Во-первых, низкая результативность назревших институциональных преобразований в сфере НИОКР и, во-вторых, избыточная милитаризация исследований и разработок. Отсюда делается вывод, что главной причиной нарастания кризисных явлений в экономике страны в 1970–1980-х гг. являлась неадекватная – с точки зрения текущих и перспективных потребностей – инвестиционная, структурная и научно-технологическая политика.

Ключевые слова: наука, технологии и инновации, советская научно-технологическая политика, технологический суверенитет, исторический опыт, современная практика

Благодарности. Исследование проведено за счёт субсидии на выполнение гос. задания Института истории и археологии Уральского отделения РАН; рег. номер темы 124032100050-2.

© Артёмов Е. Т., 2026

SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION IN THE USSR IN THE 1950S–1980S: FROM ADVANCED DEVELOPMENT TO FADING DYNAMICS

Evgenii T. Artemov[1]

[1] Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia

For citation: Artemov E. T. Science, technology and innovation in the USSR in the 1950s–1980s: From advanced development to fading dynamics. *Science Management: Theory and Practice.* 2026;8(2):31–46. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.2.

Abstract. The article analyzes the strategy and practice of scientific and technological development in the 1950s–1980s. An attempt is made to explain the causes and consequences of the slowdown in its pace. According to the author, two circumstances played the main role here. Firstly, the low effectiveness of the overdue institutional changes in the field of R&D and, secondly, the excessive militarization of research and development. Hence, the author concludes that the growing crisis in the country's economy in the 1970s–1980s was the result of inadequate – in terms of current and future needs – investment, structural as well as scientific and technological policies.

Keywords: science, technology and innovation, Soviet science and technology policy, technological sovereignty, historical experience, modern practice

Acknowledgements. The study was funded by a subsidy for the implementation of a state assignment given to the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS; registration number 124032100050-2.

Сегодня одной из главных задач, стоящих перед страной, считается обеспечение технологического суверенитета. Говорится даже о достижении мирового технологического лидерства. И это вполне оправдано. Способность создавать и использовать в практических целях научные знания является ключом к процветанию. А страны, которые не могут абсорбировать передовые технологии, обречены на стагнацию, утрачивают свою субъектность и вытесняются на обочину мирового развития. Эту взаимосвязь хорошо понимали в советское время. Только тогда обеспечение технологического суверенитета называлось достижением технико-экономической независимости. В основном и главном её удалось добиться в 1950–1960-е гг. [1]. Многие аналитики тогда даже считали, что недалёк тот день, когда Советский Союз по уровню развития науки, техники, технологий обойдёт всех своих конкурентов. Однако реальность оказалась другой. С начала 1970-х гг. страна стала сдавать достигнутые позиции по ряду критически важных направлений научно-технологического прогресса. Закономерно возникают вопросы о том, почему так произошло и какие уроки отсюда следуют. Разумеется, исторические реконструкции не могут служить основанием для разработки конкретных управленческих решений. Тем не менее обращение к прошлому интересно не только с познавательной точки зрения. Дело в высокой инерционности институционального, структурно-производственного, технологического развития, преемственности в идеологии

и политике. Следовательно, чтобы конструктивно обсуждать перспективные стратегии, нужно учитывать логику долгосрочных изменений, предшествующий опыт решения аналогичных проблем. В подтверждение сказанного можно сослаться на нобелевского лауреата по экономике Д. Норта. По его мнению, история имеет важное практическое значение, потому что «[в]ыбор, который мы делаем сегодня или завтра, сформирован прошлым» [2, с. 12].

Нужно сразу отметить, что достижение Советским Союзом технологического суверенитета во многом стало возможным благодаря стремительному наращиванию ресурсной базы науки. За двадцать лет – с 1950 по 1970 г. – численность научных работников увеличилась почти в шесть раз и достигла 927,7 тыс. [3, с. 40]. А затраты на исследования и разработки за тот же период, согласно официальной статистике, выросли в текущих ценах в 10 раз [4, с. 191, 193]. Их опережающее наращивание обеспечило заметное повышение фондовооружённости научного труда. И это был реальный рост, поскольку инфляции тогда, в отличие от позднесоветского времени, практически не наблюдалось. О том же говорят современные расчёты изменения доли расходов на НИОКР в ВВП СССР. В 1970 г. она, по сравнению с 1950 г., выросла в 2,5 раза и достигла 2,5% (рис. 1). Кстати, на уровень в 2% намечается выйти к 2030 г.[1] Разумеется, этот показатель нельзя оценивать по критерию «чем больше, тем лучше». При превышении некоего порога отдача от каждой дополнительной единицы вложений начинает снижаться. Иначе говоря, существует оптимальный для своего времени уровень расходов на науку. В последней трети XX в. для стран с крупной диверсифицированной экономикой он составлял (как, впрочем, и сегодня) от 2 до 3% ВВП. Так что в этом отношении к 1970 г. Советский Союз вышел на уровень мировых стандартов. Не случайно в современной историографии предшествующее двадцатилетие часто называют «золотым веком» советской науки ([5] и др.).

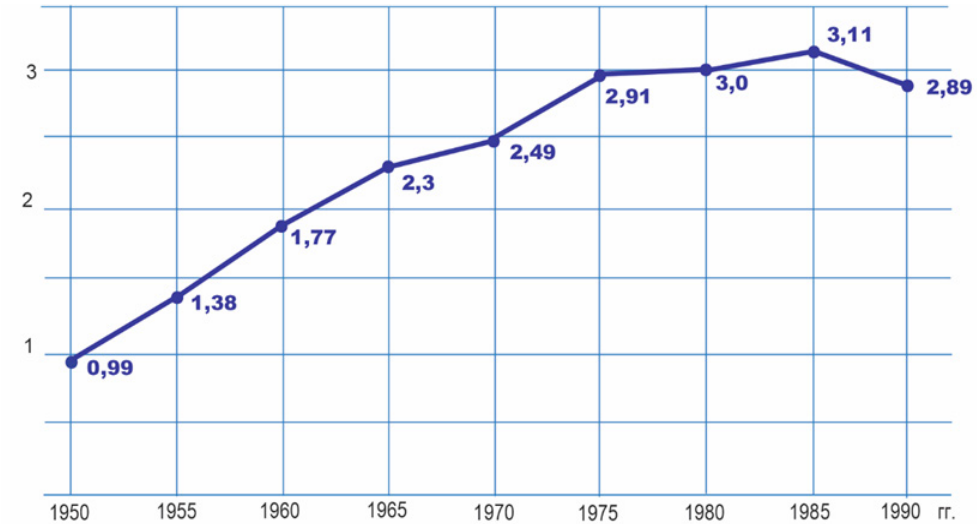

Рис. 1. Доля расходов на НИОКР в ВВП СССР, в %

Источник: график построен на основе расчёта данных, содержащихся в [11, с. 350].

Fig. 1. The share of R&D expenditures in the USSR's GDP, %

Source: the chart is constructed on the basis of calculated data from [11, p. 350].

[1] Послание Президента Российской Федерации от 29.02.2024 г. б/н // Президент России : [сайт]. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/50431 (дата обращения: 22.01.2025).

Стремительное развитие ресурсной базы НИОКР дало мощный импульс производству научных знаний и их практическому применению. Советские учёные заняли передовые позиции в области фундаментальных исследований. Были и несомненные достижения в разработке технологий. Выдающихся успехов удалось добиться в использовании ядерной энергии в военных и мирных целях, освоении космоса, военном ракетостроении, реактивной авиации и вычислительной технике. Приличным научно-техническим уровнем отличались оборонная и тяжёлая промышленность. Согласно советской статистике, среднегодовое число созданных образцов новых типов машин, аппаратов, приборов и средств автоматизации в конце 1960-х гг. увеличилось по сравнению с началом 1950-х гг. почти в пять с половиной раз и достигло пика за всю советскую историю. В результате за счёт собственного производства Советский Союз, за небольшим исключением, покрывал более 95% потребностей в новом оборудовании и все запросы вооружённых сил в современной технике[2]. И по своему уровню они были вполне конкурентоспособны по мировым меркам.

Подобные выводы делали многие западные эксперты. Так, по одной из авторитетных оценок того времени из 23 ключевых областей технико-технологического прогресса Советский Союз опережал США, ФРГ, Великобританию и Японию по 11 позициям, отставал по восьми, а по четырём позициям был на том же уровне [6, p. 52]. Правда, сравнение проводилось по ограниченному кругу направлений. Поэтому нет оснований утверждать, что в научно-техническом отношении СССР обошёл своих западных оппонентов. Тем не менее было очевидно, что он сократил своё отставание от стран с развитой рыночной экономикой. Это подтверждают и современные авторитетные оценки динамики производительности труда. Согласно расчётам, проведённым в рамках международного исследовательского проекта Всемирного банка «Мировая экономика: тысячелетняя перспектива», если производительность труда в народном хозяйстве СССР в 1950 г. составила 28% от уровня США, то в 1970 г. – 49% [7, с. 544]. Причём в наукоёмкой и базовой отраслях отставания, в отличие от массового производства потребительских товаров, практически не наблюдалось. По некоторым оценкам, в текстильной промышленности производительность труда составляла 25% от уровня США, в чёрной металлургии – 75%, а в атомной отрасли – ничем не отличалась. В общем, ни у кого не вызывало сомнений, что Советский Союз стал одним из мировых научно-технологических лидеров.

Возникает вопрос: как и за счёт чего удалось добиться такого результата? Думается, что главную роль здесь сыграли следующие обстоятельства. Во-первых, готовность правящей элиты пойти на перераспределение ресурсов в интересах форсирования экономического роста. Во-вторых, мобилизационный, нерыночный характер советской экономики, позволявший максимизировать инвестиции и активизировать инновационный процесс несмотря на социальные и иные издержки. И, в-третьих, наличие жёсткой властной вертикали, способной эффективно реализовывать избранную стратегию. Для этого была сконструирована строго централизованная система хозяйствования с административным распределением ресурсов. Однако по мере перехода от догоняющей, имитационной модели развития к инновационной она стала терять свою результативность.

[2] Научно-технический прогресс в СССР : стат. сб. М. : Финансы и статистика, 1990. ISBN 5-279-00275-5. С. 13.

С одной стороны, продолжала увеличиваться численность занятых в сфере науки. Росло и финансирование НИОКР в текущих ценах (рис. 2). Даже с учётом скрытой инфляции это был реальный рост. Он позволил существенно укрепить материально-техническую базу исследований и разработок. С 1970 по 1990 г. стоимость основных фондов в науке увеличилась (в сопоставимых ценах) в 4,6 раза, а фондовооружённость труда – почти в 3,5 раза [8, с. 203, 204]. С другой стороны, уже в 1960-е гг. стала снижаться результативность расходов на исследования и разработки. Сказалось отсутствие должной материальной заинтересованности в создании и освоении новой техники и технологий. А инновации «по приказу сверху» в связи с ростом масштабов и усложнением структуры производства, расширением номенклатуры выпускаемой продукции теряли свою эффективность. Это фиксировала даже советская статистика. По её данным, число созданных в СССР новых типов машин, оборудования и аппаратов в расчёте на 1 млрд руб. затрат на НИОКР в текущих ценах в 1985 г. уменьшилось по сравнению с 1960 г. более чем в семь раз (рис. 3). Положение усугубляла низкая степень технологического освоения разработок. Почти в половине случаев всё заканчивалось выпуском единичных образцов машин, оборудования, приборов [9, с. 70]. В результате рассчитанный годовой эффект от внедрения новой техники был весьма невысок и составлял 22–23 коп. на 1 руб. затрат на науку [10, с. 26]. Снижение их экономической эффективности подтверждают и современные оценки. Согласно им, отношение прироста выпуска наукоёмкой продукции к расходам на НИОКР в период с 1971 по 1985 г. сокращалось в среднем на 13–15% за пятилетку [11, с. 347].

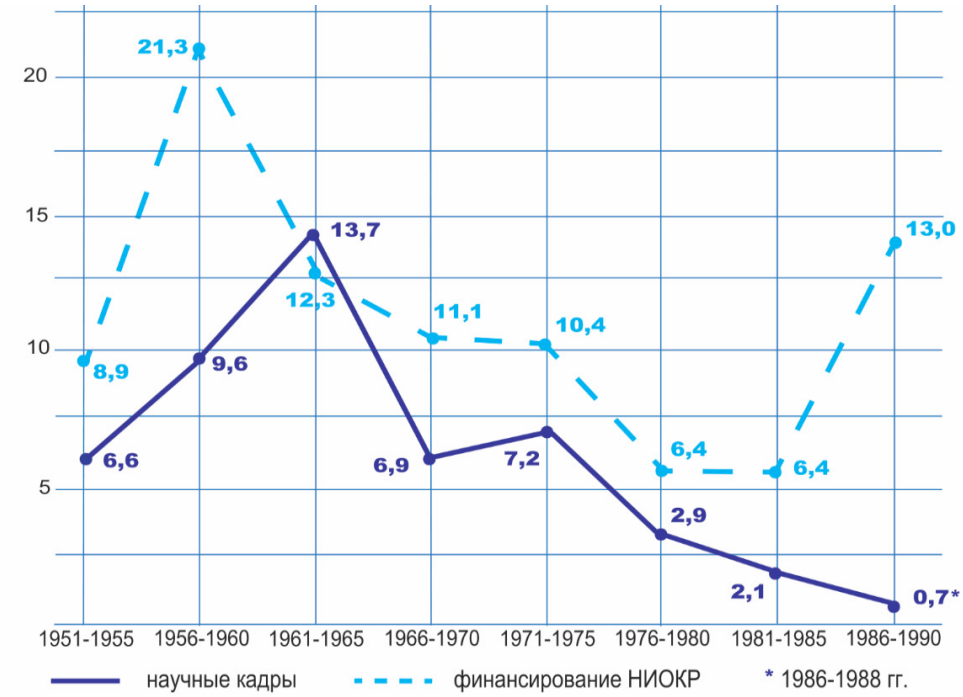

Рис. 2. Среднегодовой прирост научных кадров и финансирование НИОКР по пятилеткам, в % по данным ЦСУ СССР

Источник: график построен на основе расчёта данных, содержащихся в [4, с. 193; 3, с. 40; 33, с. 28].

Fig. 2. The average annual increase in research personnel and R&D funding over five-year plans, in %, according to the USSR Central Statistical Office

Source: the chart is constructed on the basis of calculated data from [4, p. 193; 3, p. 40; 33, p. 28].

Другой причиной снижения темпов технико-технологического обновления производства стали неподъёмные затраты на создание вооружений и военной техники. Разумеется, можно привести многочисленные примеры, как технологии, наработанные в военно-промышленном комплексе, были использованы в производстве продукции гражданского назначения. Благодаря такому трансферу удалось добиться впечатляющих успехов в освоении космического пространства в мирных целях, создании атомных электростанций, ядерных силовых установок для ледокольного флота, развитии гражданской реактивной авиации, телевизионного вещания, средств связи и т. д. Но, с другой стороны, безудержный рост военных расходов накладывает ограничение на инвестиции в основной капитал. Это сдерживает процесс технологического перевооружения производства, поскольку большинство инноваций воплощается в новом оборудовании. К тому же приоритетное внимание созданию (совершенствованию) средств вооружённой борьбы сужает поле исследовательского поиска и, тем самым, сокращает задел, необходимый для прорывов в развитии науки, техники, технологий [12, с. 289–295]. Иначе говоря, требуется оптимизация затрат на военно-техническую деятельность с учётом критерия их необходимости и достаточности.

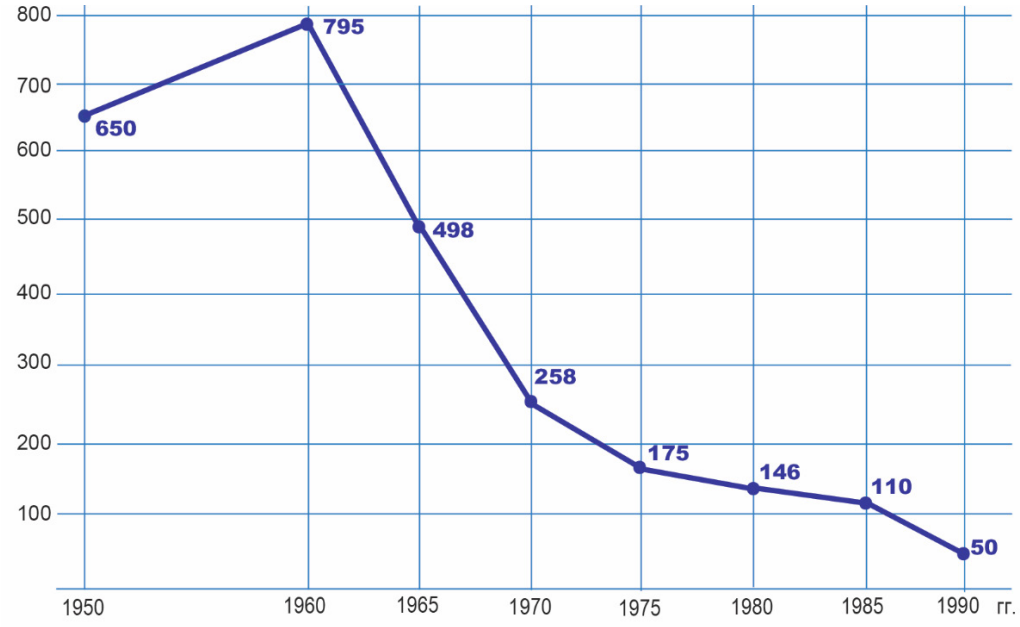

Рис. 3. Число созданных новых типов машин, оборудования и аппаратов в расчёте на 1 млрд руб. затрат на НИОКР
Источник: график построен на основе расчёта данных, содержащихся в [20, с. 202].
Fig. 3. The number of new types of machines, equipment and devices designed, per 1 billion rubles in R&D expenditures
Source: the chart is constructed on the basis of calculated data from [20, p. 202].

Но этот принцип в позднесоветскую эпоху практически не соблюдался. Сказалась утрата должного политического контроля за развитием оборонно-промышленного комплекса. Начало этому процессу положила либерализация режима и череда организационных перестроек хрущёвского времени. В результате подготовка решений о разработке и производстве новых систем вооружения сосредоточилась в руках «заинтересованных лиц»: руководителей

военно-промышленных ведомств и головных оборонных предприятий, генеральных и главных конструкторов, представителей командования вооружённых сил и т. д. Противостоять таким неформальным коалициям было фактически невозможно. Поэтому их предложения принимались к исполнению практически без всякой перепроверки. Не случайно, когда снимали Н. С. Хрущёва, ему вменили в вину, что ни он сам, ни члены Президиума ЦК КПСС не знают, что «делается» в оборонно-промышленном комплексе [13, с. 196, 197]. Но и после его отставки ничего не изменилось. Затраты на оборону продолжали обескровливать советскую экономику.

Согласно данным «осведомлённых авторов», военные расходы (включая капитальные вложения военно-промышленных министерств, затраты на исследования и разработки оборонного профиля и поддержание мобилизационных резервов) в позднесоветскую эпоху составляли около 10% валового национального продукта [14, с. 138, 139]. По зарубежным оценкам, их уровень был существенно выше: 15–17% [15, p. 213, 214] и даже 24% ВВП [16, p. 30]. Недавно В. В. Путин назвал для последних лет существования Советского Союза другую цифру – 13%.[3] Но она всё равно более чем в два раза превышает аналогичный показатель для Соединённых Штатов того времени и в полтора раза – современной России.

Благодаря огромным военным расходам по количеству накопленных вооружений Советскому Союзу не было равных. По ряду позиций они намного превосходили уровень, необходимый для обеспечения национальной безопасности. Для поддержания такой военной мощи была задействована непропорционально большая часть советской индустрии. В 1988 г. удельный вес вооружений и военной техники в конечной продукции машиностроения в пересчёте на цены мирового рынка составлял 62–63%. Ещё 5–6% приходилось на товары народного потребления. А доля инвестиционного оборудования не превышала 32% [17, с. 82]. Аналогичным образом распределялись расходы на науку. По оценке авторитетных экспертов, более 60% поглощали разработки оборонного профиля [18, с. 815]. С учётом исследований двойного назначения этот показатель, по всей видимости, приближался к 70%. Так что НИОКР гражданского назначения по сути финансировалось в соответствии с «остаточным принципом». И это усугубляло дефицит высокотехнологичных инвестиционных товаров.

Остроту проблемы пытались снизить за счёт импорта. Эта тенденция наметилась уже в середине 1960-х гг. Выступая перед составителями плана развития народного хозяйства на восьмую пятилетку (1966–1970 гг.), Хрущёв говорил: «…не ставьте себя в зависимость от наших учёных и их исследовательско-лабораторных работ»[4]. Нужно ориентироваться на заграницу: «…там купил завод, получил технологию, купил лицензию, и через два года получаем новое качественное производство, новый уровень»[5]. В обоснование своей позиции он утверждал: «Нельзя жить и в науке на основе автаркии…»[6] В принципе – всё верно.

---

[3] Интервью Дмитрию Киселёву. 13 марта 2024 г. // Президент России : [сайт]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73648 (дата обращения: 14.04.2026).

[4] Цит. по: «Мы находимся на рубеже или славы, или позора»». Замечания тов. Н. С. Хрущёва к записке о проекте основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг. 22 сентября 1964 г. // Источник. 2003. № 6. С. 186.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 188.

Обмен научными знаниями, передовыми технологиями, производственным оборудованием является важным фактором экономического роста. Но нужно видеть ту тонкую грань, за которой перемещение источников технологического развития за рубеж оборачивается негативными последствиями.

Судя по всему, Хрущёв, как и пришедшие ему на смену руководители страны, этого в должной мере не осознавали. К тому же широкие возможности для закупки за рубежом оборудования и технологий открыло повышение мировых цен на нефть, ставшей главным советским экспортным товаром. И создавалось впечатление, что за счёт дешёвого импорта можно существенно повысить технологический уровень производства. Отсюда – стремительное увеличение его масштабов. В 1980-е гг. зарубежные поставки покрывали уже от половины до двух третей потребностей в оборудовании для химической, пищевкусовой, лесной, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей и текстильной промышленности. Высокими темпами рос импорт металлорежущих станков, кузнечно-прессовых и сельскохозяйственных машин, прокатного оборудования, строительной и транспортной техники, приборов и аппаратов для исследовательских организаций[7]. В то же время экспорт высокотехнологичной продукции, за исключением вооружения, по сути стагнировал. Поэтому отрицательное сальдо внешней торговли СССР по группе промышленных товаров (на две трети состоявшей из машин, оборудования и транспортных средств) за пятнадцать лет, с 1965 по 1980 г., увеличилось более чем в 20 раз и достигло почти 23 млрд долл. [19, с. 164] (где-то около 60 млрд долл. в современных ценах).

Однако даже массированный импорт новейшего оборудования и технологий не давал желаемого результата. Экономика просто не могла эффективно абсорбировать научно-технические достижения. Административные методы их «внедрения» утратили свою действенность, а рыночные стимулы и санкции отсутствовали. И вместо былого сокращения стал увеличиваться разрыв в производительности труда с развитыми рыночными экономиками. Если в 1970 г. она составляла 49% от уровня США, то в 1990 г. – только 38% [7, с. 544]. Замедление технико-технологического прогресса обернулось снижением динамизма советской экономики. По данным ЦРУ США, ежегодный прирост валового национального продукта уменьшился с 5% в 1951–1970 гг. до 2% в 1971–1990 гг. [1, с. 436]. Причём в самом конце советской истории этот показатель стал отрицательным. Аналогичную динамику показывала официальная статистика национального дохода [20, с. 16, 141].

Нельзя сказать, что советское руководство ничего не предпринимало, чтобы переломить негативные тенденции. В 1965 г. стартовала т. н. «косыгинская реформа», призванная решить проблему повышения эффективности экономики. Она предусматривала усиление планового руководства на макроуровне в сочетании с расширением хозяйственной самостоятельности и поощрением инициативы предприятий. Важное место в ней отводилось мерам по ускорению научно-технического прогресса. Они, с одной стороны, должны были обеспечить концентрацию ресурсов на прорывных направлениях развития науки, техники, технологий, а с другой – повысить заинтересованность производителей и потребителей научных знаний в их практическом использовании[8].

---

[7] Научно-технический прогресс в СССР. С. 13.

[8] Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усиления экономического стимулирования промышленного производства. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 27 сентября 1965 года // Косыгин А. Н. К великой цели: избранные речи и статьи : в 2-х т. М. : Политиздат, 1979. Т. 1. С. 323, 324.

Однако эти ожидания не оправдались. Попытка внедрения в организацию производства квазирыночных отношений лишь способствовала росту группового эгоизма, погоне за сиюминутной выгодой в ущерб технологическому обновлению. А с восстановлением отраслевой схемы управления промышленностью произошла подмена государственного централизма в руководстве экономикой на централизм ведомственный. Это имело самые негативные последствия. В классической, сталинской модели «командной» экономики ведомства играли важную, но подчинённую роль. Они являлись проводниками директив «центра» и главными организаторами планово-распределительных отношений в целях ускоренной технико-технологической модернизации производства и обеспечения высоких темпов экономического роста. Но с утратой должного контроля «сверху» их приоритеты изменились. Вместо повышения эффективности производственной деятельности они добивались снижения напряжённости плановых заданий и наращивания собственной ресурсной базы. Так «вырвавшиеся на свободу ведомства» в угоду своим частным интересам фактически блокировали все начинания, связанные с подъёмом экономики по ступеням технологического уровня [21, с. 26–28, 36].

По тем же причинам не дала сколь-нибудь ощутимых результатов очередная попытка «совершенствования» хозяйственного механизма в конце 1970-х гг. Об этом наглядно свидетельствует судьба Комплексной программы научно-технического прогресса (КП НТП) СССР на двадцать лет. По замыслу, она должна была стать первым этапом, основой народнохозяйственного планирования. Через каждые пять лет в программу намечалось вносить необходимые уточнения и продлевать на следующее пятилетие. Таким образом, рассчитывали обеспечить преемственность и непрерывность планирования научно-технического прогресса, призванного обеспечить устойчиво высокий экономический рост [22, с. 68, 69]. Всего разработали четыре варианта (редакции) КП НТП. И это были весьма качественные документы. По крайней мере, в теоретико-методологическом отношении они выгодно отличаются от аналогичных проектировок постсоветского времени [23]. Но из-за сопротивления мощных управленческих структур Комплексная программа так и осталась «на бумаге» [24, с. 582–587]. Между тем темпы научно-технологического прогресса продолжали снижаться, а экономика стагнировать.

Ответом на нараставший вал проблем стало формирование концепции ускорения экономического и социального развития после прихода к власти М. С. Горбачёва в 1985 г. Её суть заключалась в изменении инвестиционной и структурной политики. Безусловным приоритетом объявлялось техническое перевооружение производства. Дополнительные вложения намечалось направить на развитие наукоёмких отраслей: машиностроения, индустрии информатики, химии, биотехнологий, производства новых материалов. Также декларировалась необходимость «дальнейшего роста материального благосостояния и подъёма духовного уровня советского народа». Правда, не пояснялось, как такой манёвр ресурсами совместить с продолжением безудержного наращивания военной мощи. По умолчанию предполагалось, что повышение эффективности экономики решит проблему «и пушки, и масло». Его рассчитывали добиться за счёт «совершенствования хозяйственного механизма». Для этого планирование производства и капитальных вложений, как и в КП НТП СССР, намечалось

«базировать на научно-техническом прогрессе». Одновременно говорилось о необходимости «резкого» сокращения числа централизованно устанавливаемых плановых заданий. Для руководства крупными народнохозяйственными комплексами создавались общегосударственные органы типа Госагропрома, Бюро по машиностроению, топливно-энергетическому комплексу, ориентированные на решение межотраслевых проблем. Министерствам предписывалось отказаться от «мелочной опеки» предприятий и сосредоточиться на перспективном планировании, разработке и реализации отраслевой технической политики. Сами же предприятия для повышения заинтересованности в результатах своей деятельности надлежало перевести «на полный хозрасчёт» [25].

Эти меры не затрагивали основ действовавшей «системы социалистического хозяйствования». Неудивительно, что они не оправдали ожиданий. В лучшем случае их осуществление дало лишь кратковременный эффект. Так, в 1986– 1987 гг. ускорился рост производительности труда (рис. 4). Но в то же время выделение дополнительных средств на цели развития и популистские меры (повышение пенсий, пособий, ряда социальных дотаций, антиалкогольная кампания) при сохранявшейся низкой эффективности их использования и высоких темпах роста военных расходов (вплоть до 1989 г.) вконец разбалансировали экономику. Ситуацию усугубило падение мировых цен на нефть, а также непредвиденные расходы на ликвидацию последствий Чернобыльской катастрофы и землетрясения в Армении. В результате пугающий бюджетный дефицит, ускорение инфляционных процессов, растущий разрыв между платёжеспособным спросом населения и наличием доступных потребительских товаров стали свершившимся фактом.

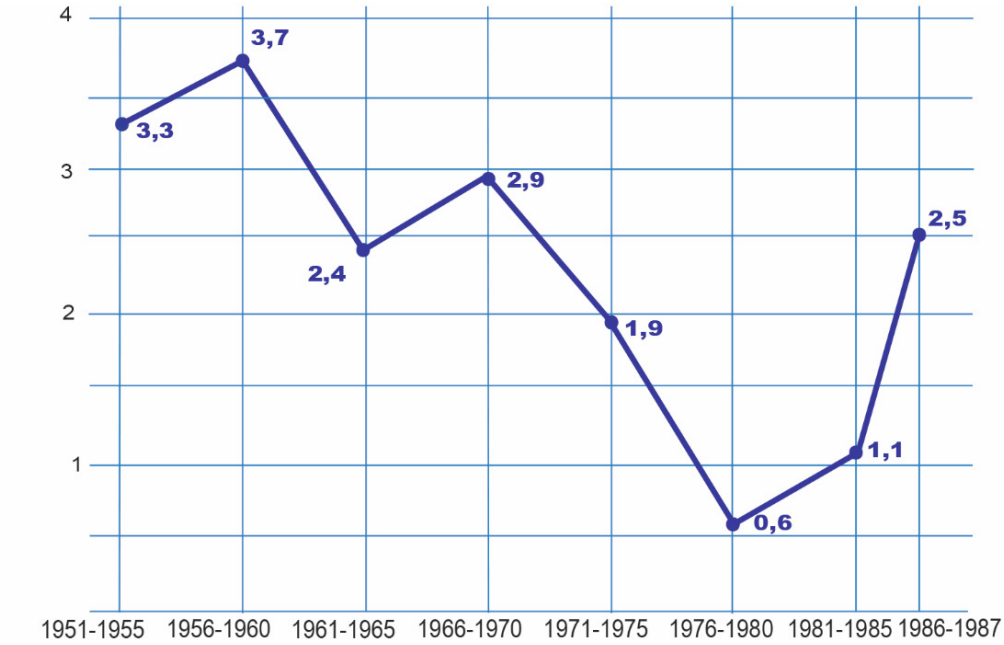

Рис. 4. Среднегодовой прирост производительности труда в народном хозяйстве СССР по пятилеткам в % по ВНП по данным ЦРУ и Бюро переписи населения США
Источник: график построен на основе расчёта данных, содержащихся в [20, с. 181, 182].
Fig. 4. The average annual increase in labor productivity in the national economy of the USSR over five-year plans as a percentage of GNP according to the CIA and the U.S. Bureau of Census
Source: the chart is constructed on the basis of calculated data from [20, p. 181, 182].

Стремительное падение всех макроэкономических показателей подтолкнуло «руководящие круги» к «углублению» реформы хозяйственного механизма в духе идей «рыночного социализма». Его связали с «радикальным» расширением самостоятельности предприятий. Предполагалось, что освобождение «от планового давления» и переход к самофинансированию повысят их заинтересованность в увеличении объёмов и качества выпускаемой продукции, в использовании технико-технологических нововведений и росте производительности труда.

Важным условием выхода на траекторию устойчивого экономического роста справедливо называлось повышение эффективности и востребованности исследований и разработок. Предлагались разные пути решения этой проблемы. Понятно, что они во многом задавались оценкой текущего уровня научного потенциала, его способности обеспечить технико-технологическое обновления производства. Однако в условиях жёсткой критики всего советского, развернувшейся на завершающем этапе «перестройки». Эта критика по преимуществу носила крайне политизированный, негативный характер. Утверждалось, что вся «система научной деятельности» в стране находится в «глубоком кризисе», будто бы она «исчерпала ресурсы саморазвития» и «дальнейшему совершенствованию не подлежит». Такие оценки, по сути, обосновывали необходимость радикальной перестройки сложившейся организации советской науки. Ключевая роль в ней отводилась «демократизации» научной деятельности, призванной обеспечить «полную свободу и независимость» исследователей [см.: 26; 27].

На самом деле эти оценки были далеки от реальности, а предложения основывались на эмоциональных, умозрительных заключениях. В действительности страна располагала мощным, вполне современным научно-технологическим потенциалом. Правда, эффективность его использования перманентно снижалась на протяжении предшествующего двадцатилетия. К этому добавлялись изъяны в расстановке приоритетов в научно-технической политике. В результате по ряду критически важных направлений технико-технологического перевооружения производства (информационные технологии, микроэлектроника, вычислительная техника, средства связи, научные приборы и оборудование, добыча и переработка нефти, транспорт и т. д.) образовался значительный разрыв между Советским Союзом и наиболее развитыми странами. И его следовало преодолеть в кратчайшие сроки. Иначе говоря, требовалась адекватная оценка сильных и слабых сторон накопленного научно-технологического потенциала и прагматичная стратегия его «сохранения и дальнейшего развития» [18, с. 815–817].

На практике, однако, был взят принципиально иной курс. Проекция положений «радикальной» реформы на сферу науки меняла всю систему руководства исследованиями и разработками. Государство фактически снимало с себя ответственность за состояние и развитие большей их части. Считалось, что возникающие здесь проблемы будут решены посредством самоорганизации научных коллективов. Получив право самостоятельно устанавливать экономические связи с заказчиками НИОКР, они сразу интенсифицируют свою деятельность, что обеспечит устойчивый приток технологических инноваций в производство [28, с. 308–310].

Но эти ожидания, основанные на нереальных допущениях, не оправдались. «Радикальное» расширение самостоятельности субъектов хозяйствования имело катастрофические последствия. По образному выражению известного экономиста и историка П. Грегори, М. С. Горбачёв «создал худшее, что можно придумать, – безголового монстра, потерявшего ориентацию» [29, с. 309]. Не направляемый ни рынком, ни административными решениями он «топтался во тьме», и «[э]кономика оказалась в состоянии свободного падения...» [Там же]. Другими словами, её кризис носил «рукотворный характер». По заключению уже упоминавшегося Д. Норта, институциональные реформы времён «перестройки» привели к «полному упадку» советской экономики и стали, «пожалуй, наиболее поразительн[ым] случа[ем] умышленно вызванного, быстрого распада государства во всей человеческой истории» [30, с. 17].

Правда в литературе есть и другое мнение. Утверждается, что советская политико-экономическая система изначально была «по своей природе» внутренне нестабильна и нереформируема. Поэтому «вопрос стоял лишь о том, когда и как она рухнет» [31, с. 19]. Так что неадекватная политика позднесоветской эпохи лишь приблизила её закономерный финал. Однако подобные умозаключения весьма сомнительны. Опыт Китая свидетельствует о другом. Там, конечно, не без трудностей, смогли эволюционным путём провести рыночные преобразования «социалистической системы хозяйствования», сконструированной по советским лекалам. Это обеспечило стране беспрецедентные темпы экономического роста и выход на высший уровень научно-технологического прогресса [32]. Отсюда можно сделать однозначный вывод: успех назревших институциональных преобразований решающим образом определяет качество практической политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Побережников И. В., Артёмов Е. Т.* Советский опыт достижения технико-экономической независимости страны // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94, № 5. С. 429–439. DOI 10.31857/S0869587324050044. EDN FSGMYS.

2. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ.: А. Н. Нестеренко ; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. 190 с. ISBN 5-88581-006-0. EDN YQDVYE.

3. Научные кадры СССР: динамика и структура / под ред. В. Ж. Келле, С. А. Кугеля. М. : Мысль, 1991. 284 с. ISBN 5-244-00554-5.

4. *Чемоданов М. П.* Концепции роста науки и фактор интенсификации / отв. ред. В. В. Целищев. Новосибирск : Наука, 1982. 199 с.

5. Золотое двадцатилетие советской науки: СССР и международный трансфер технологий в 1950–1960-е гг. : монография / С. В. Занин, С. Ю. Заводюк, Е. И. Золотухин [и др.] ; отв. ред. Н. Ф. Тагирова, Е. А. Соленцова. Самара : ИП Малянов Семён Константинович, 2022. 264 с. ISBN 978-5-6047621-5-8. EDN VOZRZF.

6. *Berry M. J.* Towards an understanding of R and D and innovation in a planned economy: The experience of the machine tool industry. In: Aman R., Cooper J., eds. Industrial innovation in the Soviet Union. New Haven ; London : Yale University Press, 1982. P. 39–100.

7. *Болотин В. М.* Мировая экономика в цифрах // Мировая экономика. Глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 493–603.

8. Наука в СССР: анализ и статистика / гл. ред. Л. Э. Миндели. М. : ЦИСН, 1992. 296 с.

9. *Балагуров В., Кирьякевич И.* Вопросы программного планирования развития науки и техники // Плановое хозяйство. 1978. № 12. С. 69–74.

10. *Собровин А. В.* Проблемы управления научно-техническим прогрессом. М. : Советская Россия, 1981. 174 с.

11. *Варшавский А. Е., Сироткин О. С.* Глава 9. Научно-технический потенциал // Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М. : Экономика, 1999. С. 344–364.

12. *Мокир Дж.* Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс / пер. с англ.: Н. Эдельман ; под науч. ред. Т. Дробышевской, А. Смирнова. М. : Изд-во Института Гайдара, 2014. 504 с. ISBN 978-5-93255-395-4.

13. *Артёмов Е. Т.* Несостоявшееся ускорение: военно-стратегический фактор в экономической политике Н. С. Хрущёва // Российская история. 2022. № 4. С. 186–198. DOI 10.31857/SO869568722040203. EDN JBLSOU.

14. *Маслюков Ю. Д., Глубоков Е. С.* Планирование и финансирование военной промышленности СССР // Вооружение России : в 2 т. М. : Оружие и технологии, 2010. Т. 1: Советская военная мощь. С. 114–161.

15. *Gaddis J. L.* The cold war: A new history. New York : The Penguin Press, 2005. xii, 333 p. ISBN 1-59420-062-9.

16. *Kontorovich V.* Reluctant cold warriors: Economists and national security. Oxford : Oxford University Press, 2019. xx, 266 p. ISBN 978-0-19-086812-3.

17. *Ярёменко Ю. В.* Избранные труды : в 3 кн. М. : Наука, 1999. Кн. 3: Приоритеты структурной политики и опыт реформ. 414 с. ISBN 5-02-013626-3. EDN VXSVSD.

18. *Макаров В., Варшавский А.* Наука, высокотехнологичные отрасли и инновации // Экономика России. Оксфордский сборник / авт. пер. с англ. ; под ред. М. Алексеева, Ш. Вебера. Кн. 2. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 815–846.

19. *Геловани В. А., Бритков В. Б., Дубовский С. В.* СССР и Россия в глобальной системе (1985–2030). Результаты глобального моделирования. М. : Книжный дом «Либроком», 2009. 320 с. ISBN 978-5-397-00575-3. EDN QOJWDZ.

20. *Кудров В. Н.* Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М. : Наука, 1997. 303 с. ISBN 5-02-013538-0.

21. *Яременко Ю. В.* Экономические беседы : запись С. А. Белановского. М. : Центр исследований и статистики науки, 1998. 343 с. ISBN 5-7602-0068-2. EDN UJALRH.

22. *Покровский В. А.* Комплексные программы научно-технического прогресса // Программно-целевое управление социалистическим производством: вопросы теории и практики. М. : Экономика, 1980. С. 66–82.

23. *Семёнов Е. В.* Опыт научного обоснования научно-технологической политики // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 3. С. 52–62. DOI 10.19181/smtp.2025.7.3.5. EDN GOQAJV.

24. *Сафронов А.* Большая советская экономика. 1917–1991. М. : Эксмо ; Individuum, 2025. 792 с. ISBN 978-5-04-216294-7.

25. *Аганбегян А. Г.* Узловые проблемы экономики СССР и концепция ускорения экономического и социального развития // Интенсификация и эффективность социалистического производства. М. : Наука, 1988. С. 7–23.

26. *Кара-Мурза С. Г.* Застой в фундаментальных исследованиях: поиски путей преодоления ошибок // Вестник Академии наук СССР. 1989. Т. 59, № 4. С. 31–38. EDN HSWVON.

27. *Кулькин А. М.* Научная деятельность в административно-бюрократической системе // Вопросы философии. 1989. № 12. С. 3–15.

28. Управление наукой: путеводитель по советскому прошлому / отв. ред. Е. А. Долгова, науч. ред. Д. С. Секиринский; авт.: Е. А. Долгова, М. О. Окунева, М. В. Грибовский, Е. Ф. Синельникова, В. В. Слискова ; Российский государственный гуманитарный университет; Центр истории российской науки и научно-технологического развития. М. : РГГУ, 2024. 405, [3] с. ISBN 978-5-7281-3419-0. EDN LEBDCB.

29. *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма / пер. с англ.: И. Кузнецов, А. Маркевич. М. : РОССПЭН, 2006. 398, [1] с. ISBN 5-8243-0702-4. EDN QRKDEJ.

30. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ.: К. Мартынов, Н. Эдельман. М. : Изд. дом гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010. 256 с. ISBN 978-5-7598-0754-4. EDN QUDDZH.

31. *Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. М. : РОССПЭН, 2007. 448 с. ISBN 5-8243-0759-8. EDN QPFRAB.

32. *Коуз Р., Нин Ван.* Как Китай стал капиталистическим / пер. с англ.: А. Разинцева. М. : Новое издательство, 2016. 386 с. ISBN 978-5-98379-204-3. EDN YSKJKX.

33. *Гохберг Л. М.* Статистика науки. М. : ТЕИС, 2003. 478 с. ISBN 5-7218-0459-9. EDN PCNDDD.

REFERENCES

1. Poberezhnikov I. V., Artemov E. T. The Soviet experience of achieving the technical & economic independence of the country. *Herald of the Russian Academy of Sciences.* 2024;94(5):429–439. (In Russ.). DOI 10.31857/S0869587324050044.

2. North D. Institutions, institutional change and economic performance. Transl. from English by A. N. Nesterenko ; foreword and ed. by B. Z. Milner. Moscow : The Foundation of the Economic Book “Nachala”; 1997. 190 p. (In Russ.). ISBN 5-88581-006-0.

3. Kelle V. Zh., Kugel S. A., eds. Academic personnel of the USSR: Dynamics and structure [Nauchnye kadry SSSR: dinamika i struktura]. Moscow : Mysl’; 1991. 284 p. (In Russ.). ISBN 5-244-00554-5.

4. Chemodanov M. P. Conceptions of the growth of science and the factor of intensification [Kontseptsii rosta nauki i faktor intensifikatsii]. Ed. by V. V. Tselishchev. Novosibirsk : Nauka; 1982. 199 p. (In Russ.).

5. Zanin S. V., Zavodyuk S. Yu., Zolotukhin E. I. [et al.] The golden twenty-year period of Soviet science: The USSR and international technology transfer in the 1950s–1960s [Zolotoe dvadtsatiletie sovetskoi nauki: SSSR i mezhdunarodnyi transfer tekhnologii v 1950–1960-e gg] : A monograph. Ed. by N. F. Tagirova, E. I. Solentsova. Samara : IP Malyanov Semen Konstantinovich; 2022. 264 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6047621-5-8.

6. Berry M. J. Towards an understanding of R and D and innovation in a planned economy: The experience of the machine tool industry. In: Aman R., Cooper J., eds. Industrial innovation in the Soviet Union. New Haven ; London : Yale University Press; 1982. P. 39–100.

7. Bolotin V. M. The world economy in numbers [Mirovaya ekonomika v tsifrakh]. In: Korolev I. S., ed. The world economy. Global trends over 100 years [Mirovaya ekonomika. Global’nye tendentsii za 100 let]. Moscow : Ekonomist”; 2003. P. 493–603. (In Russ.).

8. Mindeli L. E., ed. Science in the USSR: Analysis and statistics [Nauka v SSSR: analiz i statistika]. Moscow : Center for Research and Statistics of Science; 1992. 296 p. (In Russ.).

9. Balagurov V., Kiryakevich I. Issues of program planning for the development of science and technology [Voprosy programmnogo planirovaniya razvitiya nauki i tekhniki]. *Planned Economy=Planovoe khozyaistvo.* 1978;(12):69–74. (In Russ.).

10. Sobrovin A. V. Problems of management of scientific and technical progress [Problemy upravleniya nauchno-tekhnicheskim progressom]. Moscow : Sovetskaya Rossiya; 1981. 174 p. (In Russ.).

11. Varshavsky A. E., Sirotkin O. S. Chapter 9. Scientific and technical potential [Glava 9. Nauchno-tekhnicheskii potentsial]. In: The way to the 21st century: Strategic problems and prospects of the Russian economy [Put' v XXI vek: ctrategicheskie problemy i perspektivy rossiiskoi ekonomiki]. Moscow : Ekonomika; 1999. P. 344–364. (In Russ.).

12. Mokyr J. The lever of riches. Technological creativity and economic progress. Transl. from English by N. Edelman ; ed. by T. Drobyshevskaya, A. Smirnov. Moscow : Gaidar Institute Publishing House; 2014. 504 p. (In Russ.). ISBN 978-5-93255-395-4.

13. Artemov E. T. Failed acceleration: Military-strategic factor in Khrushchev's economic policy. *Russian History=Rossiiskaya istoriya.* 2022;(4):186–198. (In Russ.). DOI 10.31857/SO869568722040203.

14. Maslyukov Yu. D., Glubokov E. S. Planning and financing of the military industry of the USSR [Planirovanie i finansirovanie voennoi promyshlennosti SSSR]. In: Armament of Russia [Vooruzhenie Rossii] : in 2 vols. Moscow : Oruzhie i tekhnologii; 2010. Vol. 1: Soviet military power [Sovetskaya voennaya moshch']. P. 114–161. (In Russ.).

15. Gaddis J. L. The cold war: A new history. New York : The Penguin Press; 2005. xii, 333 p. ISBN 1-59420-062-9.

16. Kontorovich V. Reluctant cold warriors: Economists and national security. Oxford : Oxford University Press; 2019. xx, 266 p. ISBN 978-0-19-086812-3.

17. Yaremenko Yu. V. Selected works [Izbrannye trudy] : in 3 books. Moscow : Nauka; 1999. Book 3: Priorities of structural policy and experience of reforms [Prioritety strukturnoi politiki i opyt reform]. 414 p. (In Russ.). ISBN 5-02-013626-3.

18. Makarov V., Varshavsky A. Science, high-tech industries, and innovation. In: Alexeev M., Weber Sh., eds. The Oxford handbook of the Russian economy. Book 2. Authorized transl. from English. Moscow : Gaidar Institute Publishing House; 2015. P. 815–846. (In Russ.).

19. Gelovani V. A., Britkov V. B., Dubovsky S. V. The USSR and Russia in the global system (1985–2030). Results of global modeling [SSSR i Rossiya v global'noi sisteme (1985–2030). Rezul'taty global'nogo modelirovaniya]. Moscow : Librokom Book House; 2009. 320 p. (In Russ.). ISBN 978-5-397-00575-3.

20. Kudrov V. N. The Soviet economy in retrospect: An experience of rethinking [Sovetskaya ekonomika v retrospektive: opyt pereosmysleniya]. Moscow : Nauka; 1997. 303 p. (In Russ.). ISBN 5-02-013538-0.

21. Yaremenko Yu. V. Economic conversations [Ekonomicheskie besedy] : Recorded by S. E. Belanovsky. Moscow : Center for Research and Statistics of Science; 1998. 343 p. (In Russ.). ISBN 5-7602-0068-2.

22. Pokrovsky V. A. Comprehensive programs of scientific and technical progress [Kompleksnye programmy nauchno-tekhnicheskogo progressa]. In: Program-targeted management of socialist production: Issues of theory and practice [Programmno-tselevoe upravlenie sotsialisticheskim proizvodstvom: voprosy teorii i praktiki]. Moscow : Ekonomika; 1980. P. 66–82. (In Russ.).

23. Semenov E. V. An attempt at academic substantiation of science and technology policy. *Science Management: Theory and Practice.* 2025;7(3):52–62. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2025.7.3.5.

24. Safronov A. The great Soviet economy. 1917–1991 [Bol'shaya sovetskaya ekonomika]. Moscow : Eksmo ; Individuum; 2025. (In Russ.). ISBN 978-5-04-216294-7.

25. Aganbegyan A. G. Key problems of the USSR economy and the concept of accelerating economic and social development [Uzlovye problemy ekonomiki SSSR i kontseptsiya uskoreniya ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiya]. In: Intensification and efficiency

of socialist production [Intensifikatsiya i effektivnost' sotsialisticheskogo proizvodstva]. Moscow : Nauka; 1988. P. 7–23. (In Russ.).

26. Kara-Murza S. G. Stagnation in fundamental research: The search of the ways of getting over mistakes [Zastoi v fundamental'nykh issledovaniyakh: poiski putei preodoleniya oshibok]. *Herald of the USSR Academy of Sciences.* 1989;59(4):31–38. (In Russ.).

27. Kulkin A. M. Scientific activity under administrative and bureaucratic system [Nauchnaya deyatel'nost' v administrativno-byurokraticheskoi sisteme]. *Questions of Philosophy=Voprosy filosofii*. 1989;(12):3–15. (In Russ.).

28. Dolgova E. A., Okuneva M. O., Gribovskii M. V., Sinelnikova E. F., Sliskova V. V. Scientific research management: A guide to the Soviet past [Upravlenie naukoi: putevoditel' po sovetskomu proshlomu]. Ed. by E. A. Dolgova, D. S. Sekirinskii ; Russian State University for the Humanities ; Center for the History of Russian Science and Scientific and Technological Development. Moscow : RSUH, 2024. 405, [3] p. (In Russ.). ISBN 978-5-7281-3419-0.

29. Gregory P. R. The political economy of Stalinism: Evidence from the Soviet secret archives. Transl. from English by I. Kuznetsov, A. Markevich. Moscow : ROSSPEN; 2006. 398, [1] p. (In Russ.). ISBN 5-8243-0702-4.

30. North D. Understanding the process of economic change. Transl. from English by K. Martynov, N. Edelman. Moscow : Publishing House of the State University – Higher School of Economics; 2010. 256 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-0754-4.

31. Gaidar E. T. The death of the empire. Lessons for modern Russia [Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoi Rossii]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow : ROSSPEN; 2007. 448 p. (In Russ.). ISBN 5-8243-0759-8.

32. Coase R., Ning Wang. How China became capitalist. Transl. from English by A. Razintseva. Moscow : Novoe izdatel'stvo; 2016. 386 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98379-204-3.

33. Gokhberg L. M. Statistics of science [Statistika nauki]. Moscow : TEIS; 2003. 478 p. (In Russ.). ISBN 5-7218-0459-9.

Поступила в редакцию / Received 19.01.2026.
Одобрена после рецензирования / Revised 10.03.2026.
Принята к публикации / Accepted 25.05.2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Артёмов Евгений Тимофеевич *iia-history@mail.ru*

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

SPIN-код: 8365-8885

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenii T. Artemov *iia-history@mail.ru*

Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia

ORCID: 0000-0002-3683-1063

Scopus Author ID: 57212193284

Web of Science ResearcherID: B-5845-2017

DOI: 10.19181/smtp.2026.8.2.3

EDN: LEOHYU

Научная статья

Research article

КАК ИЗМЕРИТЬ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОВЕТСКОГО УЧЁНОГО: К ФОРМИРОВАНИЮ МЕТОДИК И АЛГОРИТМОВ ОЦЕНКИ НАУЧНОГО ТРУДА В 1960–1970-х гг.

Долгова
Евгения Андреевна[1]

[1] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Для цитирования: *Долгова Е. А.* Как измерить эффективность советского учёного: к формированию методик и алгоритмов оценки научного труда в 1960–1970-х гг. // Управление наукой: теория и практика. 2026. Т. 8, № 2. С. 47–64. DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.3. EDN LEOHYU.

Аннотация. В статье анализируются подходы к оценкам эффективности научной деятельности, разработка которых была предпринята в СССР в рамках экономической реформы середины 1960-х – первой половины 1970-х гг. В оптике культуры аудита автор рассматривает ряд новшеств, связанных с изменением системы оплаты труда. В основе разработанных подходов лежало признание специфики труда учёных и инженеров, предметом профессиональной деятельности которых были научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Автор делает вывод, что, хотя методики и были разработаны, они не применялись в практике работы научных учреждений. Результаты аттестаций не учитывались при оплате труда и материальном стимулировании, принятии решений, изменяющих сферу трудовой деятельности и должности, включая подбор, расстановку и перемещение работников. Делается вывод об отторжении «ростков» конкурентной и расслаивающей культуры аудита советскими научными учреждениями в пользу демпфирующих стратегий социального управления. Причину этого автор видит в различии подходов: формирование алгоритмов оценки труда в глобальной науке было связано с распространением принципов проектного управления с использованием пришедших из бизнеса критериев мониторинга и оценки, в то время как в СССР это происходило в рамках трендов на формирование программных подходов к управлению НТП.

Ключевые слова: культура аудита, измерение в науке, научная политика, оценка научной деятельности, материальное стимулирование, аттестация, научные работники, инженерно-технические работники

© Долгова Е. А., 2026

HOW TO MEASURE THE EFFECTIVENESS OF A RESEARCHER'S WORK: TOWARDS THE DEVELOPMENT OF AN AUDIT CULTURE IN SOVIET INSTITUTIONS IN THE 1960s–1970s

Evgeniya A. Dolgova[1]

[1] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

For citation: Dolgova E. A. How to measure the effectiveness of a researcher's work: Towards the development of an audit culture in Soviet institutions in the 1960s–1970s. *Science Management: Theory and Practice.* 2026;8(2):47–64. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.3.

Abstract. This article analyzes approaches to research assessment developed in the USSR during the economic reforms of the mid-1960s and early 1970s. Through the lens of audit culture, the author examines a number of innovations related to changes in the remuneration and material incentives. These approaches were based on the recognition of the specific creative work of scientists and engineers whose professional activities included R&D. The author concludes that although these approaches were developed, they were not applied in the practice of assessing employees at research institutions. Performance appraisal results were not taken into account when determining pay and financial incentives, or when making decisions that changed the scope of work and positions, including hiring, firing, promotion, demotion, etc. The article draws a conclusion about the rejection of the "sprouts" of a competitive and stratifying audit culture by Soviet research institutions in favor of dampening social management strategies. The author sees the reason for this in the difference in approaches: the formation of labor assessment algorithms in global science was associated with the spread of project management principles using business-derived monitoring and evaluation criteria, while in the USSR it was part of the trend towards the development of program-based approaches to managing scientific and technical progress.

Keywords: audit culture, measurement in science, scientific policy, assessment of research activity, material incentives, certification, researchers, engineering and technical personnel

КУЛЬТУРА АУДИТА И СВЯЗЬ С СОВЕТСКИМ ПРОШЛЫМ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема разработки методологии оценки эффективности научной деятельности актуальна для разных стран, научных коллективов и отдельных учёных. Она стала частью глобальной культуры аудита [1; 2; 3; 4] со сложными методами оценивания и контроля, ранжированием индивидуальных результатов. Утверждение последней было связано с широким распространением принципов проектного управления (project cycle management), пришедших из бизнеса. Сегодня же культура аудита, легитимность которой основывается на стремлении повысить прозрачность и обоснованность, из метода финансовой проверки превратилась в технологию государственного управления [4], в т. ч. – исследованиями и разработками.

Утверждение такого подхода сопровождалось формированием особого стиля управления, основными установками которого были оптимизация расходов (идея «бережливого управления»), внимание к показателям научной продуктивности и метрикам оценки качества, использование инструментов конкуренции и материальных стимулов (в т. ч. в рамках квазирынков), свобода управления внутри организаций при достижении ими целевых показателей и эффективно работающем механизме самообследования. Подобная модель управления ресурсами применительно к научной среде (с сопутствующей коммерциализацией знаний) часто вызывает критику, воспринимается как «навязанная» и противопоставляется т. н. «медленной науке» [5; 6; 7].

Примечательно, что исследователи культуры аудита, характеризуя проникновение регулирующих инструментов в академические структуры (у́же – в университетскую среду), зачастую использовали аллюзии к советскому опыту (не обращаясь при этом к его изучению). Как писал Майкл Буравой, «была введена сложная схема стимулирования… для имитации рыночной конкуренции, но в реальности это больше походило на советское планирование. Так же как советским планировщикам приходилось решать, как измерять объёмы выпуска продукции своих заводов, как разрабатывать меры выполнения плана, так и теперь университетам приходится разрабатывать сложные индексы выпуска, KPI (ключевые показатели эффективности), сводя исследования к публикациям…» [8, p. 29–30; здесь и далее пер. мой. – *Е. Д.*]. Именно обоснованность и подотчётность, подтверждённость административных решений фактическими данными внешне роднят культуру аудита с советскими практиками управления. На первый взгляд, документы это подтверждают: «Во многих научно-исследовательских институтах надо внедрить элементарные системы планирования и координации научно-исследовательских работ… В них должны найти место подсистемы индивидуальных аттестаций; сбора, передачи и переработки плановой, отчётной, координационной информации. Это должна быть система, органически вплетающаяся в ткань института; система, позволяющая функционировать всему контуру управления, которая позволяла бы руководству и всему коллективу чувствовать ритм работы, живо реагировать на сбои в работе и объективно оценивать и поощрять тех сотрудников и целые коллективы, которые действительно вносят существенный вклад в великое дело строительства коммунизма в нашей стране»[1]. Цитируемый текст – фрагмент из отчёта по НИР «Социология и научная организация труда», подготовленного сотрудниками Института конкретных социальных исследований АН СССР в 1969 г.

Хронология цитируемого документа неслучайна. Пик влияния «культуры подотчётности» пришёлся на период экономической реформы второй половины 1960-х – начала 1970-х гг. [о последней см.: 9], когда сочетание экономических императивов с технологиями государственного управления привнесло ряд новшеств в сферу исследований и разработок – в т. ч. первые подходы к оценке научной деятельности учёных и организаций. В числе мероприятий по повышению эффективности работы научно-исследовательских организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники,

[1] АРАН. Ф. 1977. Оп. 2. Д. 7. Л. 5.

определённых Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 24 сентября 1968 г.[2] (далее – Постановление 1968 г.), наряду с «большими» изменениями – разработкой научно-технических прогнозов, появлением научно-производственных объединений, повышением роли хозяйственных договоров и т. п., – предусматривалось введение оценки деятельности научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций[3] и систематических аттестаций научных, инженерно-технических и руководящих кадров[4].

Эти новшества связывались с повышением интенсивности труда работников различных квалификаций и профилей, их ответственности за технико-экономический уровень разработок и сроки их освоения. Таким образом, с практической точки зрения они решали задачу совершенствования социального управления коллективами, однако на деле вышли за её пределы. В основе принятых решений оказалось признание специфики творческой (научной) деятельности – «противоречие между широкими возможностями творческого, поискового труда и отсутствием системы объективного учёта его результативности»[5]. Это совпало с зарубежными тенденциями – бурный рост «большой науки» [10] потребовал новых инструментов для управления научной информацией и оценки исследований, а интерес лиц, принимающих организационные решения, – доказательств эффективности НИОКР.

Постановление 1968 г. дало толчок творческому исследованию эффективности научного труда и построению конкретных методик её оценки. Под предлагаемой в качестве инструмента контроля производственной аттестацией понималось «определение пригодности, проверка соответствия работника занимаемой им должности». Аттестация должна была осуществляться усилиями специально созданных аттестационных комиссий в организациях; носить систематический характер. Её результаты позволяли сформировать представление о деятельности сотрудника за определённый период времени и его вкладе в труд коллектива, характеризовать его деловые и личные качества, судить о потенциале дальнейшего совершенствования. По итогам аттестации могли быть сделаны выводы о соответствии аттестуемых занимаемой должности, разработаны мероприятия по улучшению подбора и расстановки кадров. Тем самым виделась возможность путём объективной оценки создать резерв сотрудников, наиболее достойных выдвижения, осуществить дифференциацию в оплате их труда.

Первое – моральное стимулирование и изменение принципов назначения на руководящие позиции – увязывалось с идеями В. И. Ленина о важности подбора, расстановки, выдвижения кадров, прежде всего – хозяйственных руководителей. В документах отмечалось, что «в прошлом [при подборе руководящих кадров. – *Е. Д.*] часто применялся метод получения отзывов и телефонных справок от лиц, знающих кандидатов на вакантную должность

[2] Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24.09.1968 г. № 760 «О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники».

[3] Считалось, что периодические проверки организаций с учётом соответствия уровня их разработок должны были стимулировать научные коллективы к выбору наиболее актуальной тематики, быстрейшей её разработке с высокими технико-экономическими показателями.

[4] В отдельных НИИ оценки сотрудников проводились и ранее, однако постановление сделало аттестации научных работников обязательными с 1969 г. См.: АРАН. Ф. 1977. Оп. 2. Д. 59. Л. 4.

[5] Там же. Д. 7. Л. 82.

по предыдущей работе» [11, с. 12]. Представлялось, что разработка методики сделает механизм назначения на должность прозрачным, а траекторию движения сотрудника предсказуемой.

Второе – изменения в системе оплаты труда учёных и отказ от уравнительного распределения – в рамках «эгалитаристской» советской экономики объяснить было сложнее. Постановление 1968 г. предполагало переход на новые методы экономического стимулирования – по сути речь шла о разработке специальной «шкалы», обеспечивающей прямую зависимость размера оплаты от эффективности труда. По результатам аттестации должны были проводиться меры по стимулированию лучших работников и предприниматься определённое воздействие на сотрудников, получивших низкую оценку. Оценка эффективности труда сопрягалась с логичным начислением дополнительной выплаты к постоянному окладу – переменной части за достигнутый уровень эффективности [11, с. 38–42]). Эти изменения потенциально расслоили бы трудовые коллективы, однако могли стимулировать повышение эффективности работы организаций. Именно на это и была сделана ставка.

Как отмечалось в аналитической записке «Социальные конфликты в промышленности в условиях новой экономической реформы» (1975), подготовленной Институтом социологических исследований АН СССР, «при прежней системе управления экономикой уровень заработной платы определялся за пределами предприятия[6], руководители его лишь в малой степени определяли даже соотношения заработной платы. Теперь же этот уровень зависит от руководства предприятия, потому требования работников в этой области теперь относятся именно к своим руководителям... конфликты в области заработной платы потеряли *общегосударственный характер, превратились в конфликты предприятий*»[7] (курсив мой. – *Е. Д.*). Перенос «центра тяжести» вниз означал трудности для научных учреждений, столкнувшихся в условиях советского эгалитаризма с вызовами культуры аудита, внедрением её элементов в практику работы трудовых коллективов.

Анализ описанной проблемной ситуации позволит уточнить глубину проникновения импульсов экономической реформы в советскую сферу НИОКР в конце 1960-х –1970-е гг. Для этого ответим на следующие вопросы:

- На чём основывались «советские» подходы к оценке научной деятельности?
- Отличались ли они от зарубежных практик?
- Оказывали ли влияние результаты их внедрения на работу научных учреждений?

[6] Оплата труда работников, имевших и не имевших учёные степени, производилась по разным схемам должностных окладов. Для первых размеры зависели от категории института, стажа научно-педагогической работы и учёной степени. Для этих работников должностные оклады по достижении ими пяти- и десятилетнего стажа автоматически повышались независимо от степени роста квалификации и результатов научной деятельности. Система оплаты труда научных работников, не имевших учёной степени, была построена по-другому. Стаж работы на размер должностного оклада не влиял, а категория учреждения учитывалась только при определении окладов заведующим отделами и секторами. Для старших и младших научных сотрудников должностные оклады дифференцировались в зависимости не от категории института, а от отрасли, к которой последний относился. Такое неравенство и гарантированное увеличение должностных окладов работников с учёными степенями, не связанное с повышением результатов их работы, не стимулировало повышение творческой активности и уравнивало оплату труда сотрудников различной квалификации и деловых качеств. См.: АРАН. Ф. 1977. Оп. 2. Д. 85. Л. 5–6.

[7] Там же. Д. 25. Л. 94–103. Цит. по: Л. 100.

КАК РАЗРАБОТАТЬ МЕТОДИКУ: ОБЩИЕ УСТАНОВКИ И РАСХОЖДЕНИЯ

Постановление 1968 г. не регламентировало порядок проведения аттестации, а отмечало лишь, что она «должна проводиться на основе объективных критериев оценки деятельности каждого работника»[8].

Разработка процедуры была возложена на Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике, Госстрой СССР и ВЦСПС. Однако появившееся их совместными усилиями постановление содержало лишь положения общего характера. Впрочем, оно разрешило проводить аттестацию раз в пять лет (вместо трёх) и указало в качестве обязательного документа характеристику, составленную руководителем структурного подразделения с профсоюзной и партийной/комсомольской организациями[9].

В условиях отсутствия конкретных методических указаний задача сопровождения работы аттестационных комиссий и разработки методик изучения «объективных критериев» оценки научных и инженерных кадров легла на организации. Это привело к появлению множества внутренних инструкций, в т. ч. содержавших обсуждение ряда проблемных вопросов – не только решений, изменяющих сферу трудовой деятельности и должности, включая приём на работу, увольнение, выдвижение, понижение и др., но и связанных с изменением системы оплаты труда и материального стимулирования.

Разработка методик оценки эффективности научного и инженерно-технического труда в организациях осуществлялась по-разному. Порой эта сложная задача оказывалась поручена (по линии ВЦСПС) «крупнейшим комсомольским организациям» учреждений – ими велись «серьёзные поиски путей для организации регулярной и объективной оценки труда каждого молодого специалиста, разрабатывались критерии и нормы для производственной аттестации»[10]. В других учреждениях, напротив, к поставленной задаче относились с должной ответственностью: «Известно, что эти вопросы внимательно разрабатываются в научных центрах США и Англии, но больше чем о постановке самого вопроса о системе количественного учёта результатов труда в открытой печати не говорится… Используемые при этом техника и методы, расчётные формулы не публикуются»[11]. Результатом стало появление веера методик, отличавшихся по качеству исполнения и подходам составителей. Разумеется, выделились и «сильные игроки», претендующие на масштабирование разработанных ими методик, перенос их в министерства и управления, крупные научно-исследовательские и проектно-конструкторские организации, – особенно в условиях усилившейся хозрасчётной тенденции.

Неупорядоченность появившихся в результате этих организационных усилий документов спустя несколько лет вызывала беспокойство. Так, в 1973 г. отмечалось, что «существуют некие инструкции, методики, внедрённые в НИИ и КБ» [11, с. 3],

---

[8] Цит. по: Постановление 1968, п. 22.

[9] См.: Постановление Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике и Государственного комитета Совета Министров СССР по делам строительства от 05.05.1969 г. № 175/58 «О порядке проведения аттестации».

[10] АРАН. Ф. 1977. Оп. 2. Д. 7. Л. 82.

[11] Там же.

в силу их противоречивости признавалась необходимой выработка общей концепции, способной послужить основой для их унификации. В противном случае эффект от изолированных методик мог приобрести характер «неупорядоченных, разнонаправленных воздействий» [Там же, с. 16]. Отметим, что задача стандартизации, позволяющей объединять данные из разных источников, в целом не была решена. О единой методике так и не удалось договориться, но в практике функционирования ряда научных учреждений был накоплен опыт разработки критериев оценки научного труда.

В процессе обсуждения методики удалось выявить некие общие основания и узловые (нерешаемые) вопросы.

Относительно быстро были определены общие установки к критериям оценки. В их числе – принципы соответствия разработанной методики цели работы организации; учёта профиля и специфики деятельности последней; принципа обязательного влияния результатов аттестации на положение сотрудников; контроля методики, в т. ч. обязательности её корректировки со временем.

Во всех методиках речь шла не о единственном показателе, а о работе со множеством типов и большим количеством данных – комплексом критериев, характеризующих различные стороны деятельности сотрудника. Так, анализу подлежали планирование труда (оценка тематики исследований, оценка требуемых материальных и людских ресурсов, оценка возможных затрат); рабочий процесс (оценка качества, количества и условий деятельности); достигнутые результаты (оценка значимости и полезности); их внедрение (оценка экономического эффекта) [Там же, с. 22–23].

Если в выборе критериев эффективности научного труда большинство методик совпадали, то в оценке значимости удельного веса каждого показателя наблюдались расхождения. Предлагалось ориентироваться на систему показателей, варьируемых с учётом типа оцениваемой работы сотрудника, вида принимаемого им решения.

В первом случае разграничения связывались с характером работ: для теоретических исследований предлагался высокий удельный вес публикационного показателя, для исследований, связанных с разработкой объектов, предназначенных для народнохозяйственного использования, – натуральные показатели и экономический эффект от внедрения в производство. Роль наукометрических методов оценки возрастала в направлении от разработок к фундаментальным исследованиям, экономических же – уменьшалась [Там же, с. 31].

Оценка по виду принимаемого решения увязывалась с разграничением положения работника в должностной иерархии – оценке подлежал как личный вклад, так и элементы руководящей работы.

КАЧЕСТВО ИЛИ КОЛИЧЕСТВО?

В рамках поставленной задачи разработки единой методики оценки существовали и несколько узловых вопросов: 1) критериев оценки; 2) методики оценки – качественной (экспертной) или количественной (формализованной); 3) связанной с ними разработки шкалы оценивания (ранжирование, балльная оценка, парные сравнения и т. д.).

Количественные подходы к оценке были связаны с максимальной формализацией критериев и получением сравнительных баллов и коэффициентов для каждого сотрудника.

В качестве конкретной разработки предлагалась методика оценки эффективности научной деятельности, используемая в Институте органической химии АН СССР. Составители использовали её для определения эффективности структурного подразделения на основе суммирования научной продуктивности его сотрудников за определённый период времени. В основу оценки ими были положены наукометрические индикаторы – число публикаций[12], патентов, лицензий и т. д. С этой целью была разработана номенклатура основных параметров, характеризующих результат научной деятельности отдельного сотрудника с учётом специфики области исследований – в данном случае НИИ химического профиля. Для соизмерения отдельных параметров номенклатуры был использован метод балльных оценок[13].

Балльная система оценки применялась и в других НИИ (чаще всего отраслевых) – в Государственном научно-исследовательском и проектном институте лакокрасочной промышленности (ГИПИ ЛКП, Москва), её различные вариации – во ВНИИ Нефтехим (Ленинград), ВНИИ теплоизоляции (Вильнюс), ВНИИФТРИ (п. Менделеево, Московская область), ЦНИИ туберкулёза (Москва) и др.

Формализованные методы оценки с применением баллов и коэффициентов пользовались популярностью в силу их строгости и установки на меритократичность. В числе трудностей их использования указывалась нерешённость вопроса о выборе показателей по их значимости или удельному весу в общей оценке результатов труда научного работника, относительная сложность математической интерпретации результатов оценки, трудности в получении исходной информации, которая в отдельных учреждениях «снималась» разработкой специальных форм учёта результатов труда. В некоторых НИИ для каждого сотрудника были введены «книга учёта», «трудовой счёт», «трудовой паспорт исследователя» и т. д. Эти документы учитывали совокупность показателей, характеризующих объём и качество научных исследований.

Вторая группа подходов настаивала на дополнении количественного критерия **качественным**. Его сторонники утверждали, что формализованный подход выражает общую тенденцию в динамике творческой продуктивности, характеризуя максимальные и средние его значения, но оставляет в тени квалификационный уровень исследователя, стаж работы, конкретную область деятельности, специфику исследуемой проблемы, глубину исследования, новизну полученных результатов и т. д. Кроме того, срез текущей результативности не годился для определения коэффициента *потенциальной* эффективности, требовавшей анализа социально-психологических характеристик.

---

[12] Интересно, что классический подход (суммарное число публикаций, их цитируемость – В. Н. Налимов) хотя и утвердился в науковедении (например, классическая работа [12], подробнее [13]), редко использовался в методиках оценки в качестве приоритетного. Отмечалось влияние «околонаучных» обстоятельств на цитируемость, в связи с чем справедливо делался вывод о том, что «интересна не статистика ссылок, а социология ссылок», – именно последняя должна была подсказать приёмы стимулирования НИР [11, с. 18].

[13] Реперными значениями были открытие (100) и 1 (статья), остальные виды научного труда оценивались промежуточными баллами [11, с. 32–33].

В подобных методиках в число обобщающих критериев оценки квалификационного уровня специалистов входили показатели, характеризующие не только метрики – участие в выполнении тематического плана, отчётно-публикационную деятельность, изобретательскую деятельность, но и качественные показатели – передачу научно-производственного опыта, организационную работу и участие в руководстве коллективом, общественно-политическую деятельность и т. д. На основе комплексного анализа множества индикаторов делались попытки составления профессиограмм. При их составлении определялись требования каждого вида работ, учитывались личностные, психофизиологические, интеллектуальные и социальные особенности («качества»), оптимально соответствующие конкретной деятельности.

Подобный анализ мог быть осуществим посредством экспертной оценки труда работника другими специалистами его области исследований. Экспертные подходы к оценке научного труда сопрягались с задачей разграничения положения работника в должностной иерархии – оценке подлежал как личный вклад, так и навыки руководящей работы. Однако проблема заключалась в формализации – ответе на вопрос, по каким критериям следует оценивать сотрудников разного уровня: «качества» с трудом поддавались структурированию [11, с. 20]. Кроме того, осложняли оценку и трудности сопоставления личности научного работника и коллектива, оценивающего его, совместимости норм, интересов, ценностных ориентаций. Такое «рецензирование» само по себе было предметом критических замечаний[14].

Подобная качественная методика была предложена Институтом конкретных социальных исследований АН СССР (А. А. Зворыкин). Она получила название методики оценки коэффициента потенциальной эффективности (КПЭ). В основу её было положено разделение всех работников НИИ, проектных, конструкторских, проектно-конструкторских и технологических организаций на пять групп с шестью критериями оценки и установленными для каждого критерия и группы коэффициентами, характеризующими уровень общеобразовательной подготовки, организационного и практического опыта, научного потенциала, социальных качеств работников. Исходя из характера требований, предъявляемых к работнику каждой группы, устанавливался удельный вес каждого критерия в процентах к итогу оценки.

Попыткой совмещения качественных и формализованных подходов стала т. н. **«карповка»** или **система Карпова**. Её название произошло от названия НИИ (Научно-исследовательский физико-химический институт им. Л. Я. Карпова), где она была разработана и впервые получила применение.

Институт Карпова был переведён на новую систему оплаты труда одним из первых – решением Госкомитета СМ СССР по вопросам труда и зарплаты с 4-го квартала 1968 г. Согласно новым правилам, выделяемый Институту фонд заработной платы делился на две части – гарантированный фонд зарплаты и фонд материального поощрения. Формальными критериями (стаж и учёная степень)

[14] Ср. с культурой аудита: «Помимо того, что оно плохо выявляет грубые дефекты и почти бесполезно для выявления мошенничества, оно медленное, дорогое, расточительное по академическому времени, крайне субъективное, что-то вроде лотереи, склонное к предвзятости и легко поддающееся злоупотреблению» [14, p. 179].

определялся минимальный оклад, величина надбавки же зависела от эффективности труда работника. Определение последней осуществлялось экспертным путём и возлагалось на созданные в институте центральную и три секционные квалификационные комиссии. Оценка была трёхступенчатой, варьировалась по 10-балльной шкале, где 5 – зарплата без изменений, 1 – гарантированный минимум зарплаты, а 10 – максимальная надбавка [15, с. 112]. По итогам аттестации предельный размер окладов с надбавками для лиц, не имеющих учёной степени, мог быть на 40% выше установленного им ранее оклада, для работников с учёной степенью – на 25%. При неудовлетворительной оценке надбавка не выплачивалась[15].

Несмотря на неоднозначность расчётов, методика дала возможность глубже дифференцировать оклады научных и инженерно-технических работников [Там же, с. 114]. Количественный подход в этом случае дополнялся качественным. Для каждой категории сотрудников, чья эффективность труда должна была быть оценена, разрабатывалась своя анкета, учитывающая специфические требования, предъявляемые к данной категории. Анкета состояла из двух частей: в первой приводились данные, характеризующие количественную сторону результатов деятельности (сколько аспирантов работает под руководством этого сотрудника, сколько у него статей, монографий и т. д.), во второй – давалась качественная оценка труда работника. Первая часть анкеты заполнялась самим работником за определённый срок его работы (при введении новой системы оплаты труда – за пять лет, во второй раз и в последующие – за два года). Вторую часть анкеты заполнял руководитель подразделения.

Система Карпова в целом оказалась позитивно оценена и получила распространение. В материалах по итогам социалистического соревнования в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина отмечалось, что Институт «выступил инициатором введения новой системы оплаты труда и материального стимулирования работников научно-исследовательских учреждений. Новая система, принятая в институте, уже доказала свою действенность и полезность. Решено распространить её в ряде других институтов страны»[16]. В 1969 г. она была введена ещё в одном НИИ, в 1970 г. – в семи, в 1971 г. – почти в 40 институтах, с января 1972 г. на эту систему перешла ещё одна группа научных организаций. Однако встречались и негативные оценки предложенной Институтом системы: «...балльная оценка деятельности научных сотрудников определялась *личными впечатлениями* членов экспертной комиссии об эффективности их работы без использования множества балльных шкал» [11, с. 41; курсив мой, замечание автором текста не конкретизировано. – *Е. Д.*]. Другое критическое замечание касалось системы исчисления баллов: «...во всех институтах Министерства химической промышленности, применяющих новую систему аттестации и оплаты труда (а их около 10), научных и инженерно-технических работников оценивают по 10-балльной шкале на основании информации, содержащейся в специальных анкетах, и устной информации руководителя.

[15] Проблема с дополнительным финансированием, согласно методике, решалась хитроумно: научным работникам и инженерам устанавливались гарантированные минимальные оклады на уровне 70–80%, получаемых ими до перевода на новые условия оплаты труда. См.: АРАН. Ф. 1877. Оп. 2. Д. 85. Л. 8.

[16] ГАРФ. Ф. Р-5470. Оп. 29. Д. 2809. Л. 4.

При этом устанавливается жёсткая зависимость “балл – оклад”... Практика показала, что такой подход либо приводит к массовому пересмотру окладов аттестуемых работников, либо при аттестации обращают внимание не столько на объективность оценки, сколько на то, какому окладу она соответствует»[17]. Последнее замечание, впрочем, было высказано в отчёте конкурирующей организации – Института социологических исследований АН СССР.

КАК ВНЕДРИТЬ В ЖИЗНЬ: АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ

Институт конкретных социальных исследований АН СССР оставил в Архиве РАН комплекс документальных материалов по апробации собственной методики – уже упоминавшейся оценки коэффициента потенциальной эффективности (КПЭ).

Методика была экспериментально проверена в отраслевом НИИ (название не раскрывается), подведомственном Министерству химической промышленности СССР[18]. В ходе пилотажа были внесены уточнения. Так, отработка методики показала необходимость тщательной формализации критерия «Научная эффективность» и его разделения на две части – «Научно-профессиональная подготовленность» и «Научная продуктивность». При определении индикатора «Социально-психологические качества» был уточнён принцип сбора данных. Если на старте применялся «анонимный социометрический опрос», то позднее было решено отказаться от него, т. к. он «мог внести определённую нервозность в работу коллектива и дать недостоверные результаты»[19]. Был введён и дополнительный индикатор – общественно-политической активности. Его оценка состояла из количественной и качественной части. Количественный критерий рассчитывался посредством фиксации наличия или отсутствия у аттестуемого общественного поручения с его градацией – временного или постоянного, на уровне предприятия или за его пределами – в масштабе района, посёлка, города, качественный критерий определялся непосредственным руководителем аттестуемого (в числе оценок отмечались следующие высказывания – «инициативность высокая», «положительное», «выполняет, но не горит» и т. д.[20]).

После корректировки методика была использована при проведении аттестации научных и инженерно-технических работников в 1974 г. в одном из институтов Министерства химической промышленности СССР. Всего было аттестовано 500 человек, в т. ч. 51 начальник отделов, лабораторий, секторов, 199 старших научных сотрудников, 174 младших научных сотрудника и 76 старших инженеров. Деление на пять групп хотя и вызывало нарекания – прежде всего, со стороны проектных организаций[21], было обусловлено сложившейся системой разделения труда и различием в заработной плате.

---

[17] АРАН. Ф. 1977. Оп. 2. Д. 59. Л. 42.

[18] Там же. В отзывах отмечалось, что в процессе внедрения методики потребуется некоторая корректировка на местах в зависимости от специфики организации – с учётом номенклатуры специальностей, типов организаций (недостаточно отражена специфика проектных и технологических организаций и т. д.). См.: Там же. Оп. 1. Д. 34. Л. 5–8, 20.

[19] Там же. Оп. 2. Д. 185. Л. 29.

[20] Там же. Л. 97.

[21] Там же. Оп. 1. Д. 34. Л. 5–8. Также вопросы вызывало объединение в одну группу старших научных работников и старших инженеров, они имели разный объём и содержание работы. См.: Там же. Л. 30.

Таблица 1 иллюстрирует, как исходя из характера требований, предъявляемых к работнику каждой группы, устанавливался удельный вес каждого критерия в процентах к итогу оценки[22]. Коэффициент использования возможностей определялся как интегральный путём сложения оценок по всем критериям с последующим делением на 10[23].

Таблица 1

Структура оценок работников, 1974

Table 1

Structure of Employees' Evaluations, 1974

Показатели	Удельный вес показателей в суммарной оценке		
	Старший инженер Младший научный сотрудник	Старший научный сотрудник	Начальник сектора, лаборатории, отдела
Образование	15	10	10
Стаж	10	10	5
Организационный опыт	10	15	20
Научно-профессиональная подготовленность	15	15	15
Научная продуктивность	25	25	20
Награды и поощрения	5	5	5
Способность к коллективной работе	15	15	20
Общественно-политическая активность	5	5	5

Источник: АРАН. Ф. 1977. Оп. 2. Д. 185. Л. 34.

Любопытно, что для руководителей структурных подразделений удельный вес критерия научной продуктивности снижался, а критерии «Способность к коллективной работе» и «Организационный опыт» имели бóльшее значение. Категорией, к которой предъявлялись самые высокие требования по всем пунктам, был «хребет» НИИ – старшие научные сотрудники.

При проверке методики учитывалась возможность изменения оплаты труда научных и инженерно-технических работников по итогам аттестации. Поэтому была сделана попытка найти способ перехода от оценки работника к оплате его труда. После проведения оценки сотрудников НИИ всех должностных категорий был произведён расчёт дисперсии для всех критериев и итогового коэффициента каждого аттестованного работника. Далее аттестованные работники всех должностных групп были разделены на три подгруппы в зависимости от полученной оценки. Количественная оценка стала основой для сравнения между собой сотрудников одной должностной группы с учётом получаемых ими на тот момент окладов. Работники, попавшие в оптимальный интервал, должны были сохранить получаемую заработную плату, у тех же, чья оценка была ниже допустимого предела, заработная плата могла быть понижена, а у третьей группы – повышена. Результаты аттестации содержит таблица 2.

[22] Также в отзывах упоминалась проблема неоднозначности выборов критериев, их весового распределения и значимости различных требований по каждому критерию для разных типов организаций. См.: Там же. Л. 50.

[23] Там же. Оп. 2. Д. 185; Там же. Л. 19.

Таблица 2

Результаты аттестации работников, 1974

Table 2

Employees' certification results, 1974

Должность	Ученая степень	Прошло аттестацию	Рекомендация по итогам аттестации		
			Оклад повышен	Оклад снижен	Оклад без изменений
Начальники отделов, лабораторий, секторов	Кандидат наук	36	2	7	27
	Без степени	15	15	–	–
Старшие научные сотрудники	Кандидат наук	30	5	6	19
	Без степени	169	49	9	111
Младшие научные сотрудники	Без степени	174	46	3	125
Старшие инженеры	Без степени	76	29	2	45

Источник: АРАН. Ф. 1977. Оп. 2. Д. 185. Л. 45.

Таблица 2 в целом подтверждает данные таблицы 1. Наибольший удельный вес «отстающих» при аттестации был выявлен в группе старших научных сотрудников. Напротив, «преуспевали» инженеры и младшие научные сотрудники – несмотря на то, что удельный вес критерия «Научная продуктивность» совпадал со второй ступенью (см. табл. 1). Высокую степень «неуспеваемости» показал руководящий состав с кандидатской степенью.

Неизвестно, были ли внедрены рекомендации в практику работы конкретного института, однако сам факт апробации методики важен. Её описание позволяет не только охарактеризовать ход аттестации, «узкие» места её организации, но и оценить степень потенциального влияния её результатов на структуру и динамику развития научного коллектива.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Введение обязательных аттестаций (при действенных механизмах контроля их результатов) должно было изменить жизнь научных коллективов. Оценка деловых и личных качеств как рядовых научных сотрудников, так и руководителей различного уровня тянула за собой корректировки должностных инструкций. С точки зрения же правовых оценок результаты аттестации влияли на положение сотрудников в организации, в числе «переменных» оказывались рост социального престижа, перемещение в должности, изменение зарплаты и т. д. Но были ли востребованы усилия по разработке методики оценки эффективности научного труда «на местах»?

О том, что учреждения были заинтересованы в наличии «рабочей» методики, свидетельствует письмо НИИ электронной техники – рецензента методики КПЭ (1970). Несмотря на указание в отзыве на отдельные её недостатки, институт просил прислать методику после доработки, будучи заинтересованным в использовании для аттестации сотрудников института[24]. О внимании научных

[24] Там же. Оп. 1. Д. 34. Л. 29.

работников к внедрению новой системы оценки (прежде всего в целях изменения оплаты труда) свидетельствуют документы обследования отраслевого НИИ, проведённого ИСИ АН СССР в 1975 г.[25] Респонденты говорили о необходимости совершенствования существующей системы материального стимулирования: «Чтобы установить справедливость в системе премирования и распределения фонда заработной платы, необходимо введение чётких критериев оценки работ. Изменения в зарплате должны происходить по оценке работы сотрудника, его вкладу и отдаче» (старший научный сотрудник)[26]. Критически высказывались как руководители структурных подразделений («…система должна быть гибкой. Люди работают по-разному, а получают все одну зарплату»), так и младшие научные сотрудники, и инженеры. При этом вопрос не решался перераспределением премий или повышением прозрачности их назначения. Пересмотра требовала вся система оплаты труда: «…действующая премиальная система фактически обезличена», «…существующая система премирования воспринимается фактически как небольшая добавка к зарплате. Вес её, как премии, теряется. Надо увеличить премиальные фонды и сделать большую градацию между сотрудниками, внёсшими различный вклад в общую работу» (младший научный сотрудник)[27]. Таким образом, запрос на создание гибкой системы материального стимулирования был, хотя её расслаивающий потенциал осознавался: «…попытка выделить лучше работающих прибавкой к оплате вызывает конфликт, тем более острый, чем труднее на основе объективных измерений можно обосновать разницу в оплате»[28].

Проблема заключается в том, что цитируемый документ относится к 1975 г., когда, казалось бы, методика оценки эффективности труда должна была уже работать – спустя шесть лет после Постановления 1968 г. обязательных аттестаций. О последних опрошенные сотрудники высказывались единодушно. Так, в обследуемом НИИ аттестации проводились не систематически, а время от времени: «…практически за всё время, что я здесь работаю, в течение шести лет аттестации не было» (старший научный сотрудник)[29]. В рамках аттестаций, судя по документам, не пользовались методиками, а привлекали рекомендованную в качестве обязательного документа стандартную характеристику. Отмечалось, что «…сотрудники не оцениваются ни с научной стороны, ни с точки зрения научно-технической подготовки испытуемого» (руководитель группы); «…аттестация проводится формально, не даёт эффекта» (старший научный сотрудник), «…в основном при аттестации преобладает формальный порядок. Недостаточно тщательный разбор достижений сотрудников за последние годы» (то же), «…при аттестации не получается достаточно полного представления о сотрудниках. Все происходит поверхностно, в спешке» (то же)[30].

Как видно, хотя порядок проведения научной аттестации в институте предполагал использование методики оценки эффективности труда, основанной на анализе ряда параметров, на практике она не применялась. Качественная

[25] Там же. Оп. 2. Д. 84, 85.
[26] Там же. Д. 84. Л. 92.
[27] Там же. Л. 90, 92.
[28] Там же. Д. 1. Л. 100–101.
[29] Там же. Д. 84. Л. 99, 108.
[30] Там же. Л. 108–109.

оценка, позволяющая субъективные и идеологизированные «вторжения», доминировала над наукометрическими расчётами. Соответственно, не учитывались аттестационные оценки и при последующем материальном стимулировании работников, что сохраняло его непрозрачность.

Приведённые выше данные обследования отдельного отраслевого института не могут быть распространены на состояние всей сферы исследований и разработок. И в середине 1970-х гг. мы оказываемся в сложной исследовательской ситуации. С одной стороны, в отчётных публикациях указывалось, что «переход на новые условия хозяйствования позволил усилить заинтересованность творческих работников научно-исследовательских, проектно-конструкторских организаций в улучшении экономических результатов научно-технической деятельности» [11, с. 47]. С другой стороны, трудно поверить в скрупулёзное и тщательное применение методик в «текучке» работы аттестационных комиссий, когда единственным обязательным документом оставалась характеристика, а состав комиссий включал непосредственное руководство аттестуемых, представителей партийной и профсоюзной организаций. Строго говоря, и «рабочих», прошедших апробацию методик было предложено не так много. Их подготовка велась усилиями непрофессионалов, в большинстве учреждений не были созданы официальные подразделения, которые систематически собирали и анализировали бы данные. Разработанные же методики хотя и затрагивали исключительно сложные проблемы, однако раскрывали, скорее, лишь предварительные схемы для поиска путей их решения. На практике мы видим различия в утверждении культуры аудита: если за рубежом разработка оценки индивидуальных KPI научных сотрудников связывалась хотя бы с частичным использованием пришедших из бизнеса критериев мониторинга и оценки (monitoring, assessment, ex post evaluation, etc.), то в СССР это происходило в рамках трендов на формирование программных подходов к управлению НТП.

При анализе проблемы мы сталкиваемся и с другими эффектами. Во-первых, как показывает опыт разработки «карповки», проявилось стремление организаций к экономии, лимитировавшее надбавки и по сути сводившее стимулирование к задаче сохранения оклада. С другой стороны, обычными стали и имитационные практики. В 1977 г. Р. Фосс писал: «...в Советском Союзе проходит проверку попытка внедрения новой оплаты научного персонала на базе индивидуальной оценки. Пока этот опыт не получил широкого распространения в советских научно-исследовательских учреждениях... эта система оценки слишком ориентируется на индивидуальные результаты, не уделяя достаточно внимания оценке коллективной деятельности и используя её в качестве критерия оценки эталона... Это приводит, в частности, к тому, что *многие исследователи вырабатывают индивидуалистический и даже эгоистический стиль работы* и публикуют всё, что только было возможно, чтобы “набрать баллы”... Здесь наглядно проявляются тормозящие факторы абсолютизированной оценки индивидуального труда, которая хотя и приводит вначале к поощрению индивидуальной творческой активности, но *тормозит развитие коллективной творческой рабочей атмосферы*» [16, с. 110; курсив мой. – *Е. Д.*]. Речь в документе идёт не только о часто упоминаемых в [8, p. 29–30] искажениях результатов работы, «играх» учёных с системой, подтверждающих «ростки» культуры аудита в советской науке. Однако налицо и другое противопоставление:

коллективизма – индивидуализму, привычке к совместному труду – конкуренции. Именно это расхождение позволяет ответить на вопрос о том, удалось ли сформировать культуру аудита и была ли она эффективной в советской сфере НИОКР, отрицательно. В практике работы научных учреждений наблюдалось отторжение расслаивающей научные коллективы культуры аудита в пользу демпфирующих стратегий социального управления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Strathern M.* 'Improving ratings': Audit in the British university system // European Review. 1997. Vol. 5, № 3. P. 305–321.
2. *Strathern M.* (ed.) Audit cultures: Anthropological studies in accountability, ethics and the academy. London ; New York : Routledge, 2000. (EASA Series). x, 310 p. ISBN 0-415-23326-7.
3. *Shore C., Wright S.* Audit culture and anthropology: Neo-liberalism in British higher education // The Journal of the Royal Anthropological Institute. 1999. Vol. 5, № 4. P. 557–575. DOI 10.2307/2661148.
4. *Shore C.* Audit culture and illiberal governance: Universities and the politics of accountability // Anthropological Theory. 2008. Vol. 8, № 3. P. 278–298. DOI 10.1177/1463499608093815.
5. *Spooner M.* The deleterious personal and societal effects of the "audit culture" and a domesticated academy: Another way is possible // International Review of Qualitative Research. 2015. Vol. 8, № 2. P. 212–228. DOI 10.1525/irqr.2015.8.2.212.
6. *DiGiacomo S. M.* Audit culture and the politics of accountability: A comparative perspective // Anthropology in Action. 2005. Vol. 12, № 1. P. 57–63. DOI 10.3167/096720105780644308.
7. *Sparkes A.* Embodiment, academics, and the audit culture: A story seeking consideration // Qualitative Research. 2007. Vol. 7, № 4. P. 521–550. DOI 10.1177/1468794107082306.
8. *Burawoy M.* Redefining the public university: Global and national contexts // Holmwood J., ed. A manifesto for the public university. London ; New York : Bloomsbury Academic, 2011. P. 27–41.
9. *Ханин Г. И.* Экономическая история России в новейшее время : в 2 т. Новосибирск : Изд-во Новосибирского гос. техн. ун-та, 2008. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. 516 с. ISBN 978-5-7782-1049-3.
10. *Price D.* Little science, big science. New York ; London : Columbia University Press, 1963. xv, 119 p. ISBN 0-231-08562-1.
11. Оценка деятельности научных и инженерно-технических работников и улучшение их использования : тезисы докладов симпозиума / Институт социологии АН СССР ; под ред. А. А. Зворыкина, Е. И. Кисселя. М. : [б. и.], 1973. 173 с.
12. *Налимов В. В., Мульченко З. М.* Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. М. : Наука, 1969. 192 с. EDN CZJSWP.
13. *Маркусова В. А.* Введение: история и развитие наукометрии // Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии / М. А. Акоев, В. А. Маркусова, О. В. Москалева, В. В. Писляков ; под. ред. М. А. Акоева. 2-е изд. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2021. С. 38–86. DOI 10.15826/B978-5-7996-3154-3.005.
14. *Smith R.* Peer review: A flawed process at the heart of science and journals // Journal of the Royal Society of Medicine. 2006. Vol. 99, № 4. P. 178–182. DOI 10.1177/014107680609900414.
15. Хозрасчёт в современных условиях управления промышленностью. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1972. 132 с.
16. *Фосс Р.* Оценка творческой активности учёного и её роль в деятельности научных коллективов // Проблемы деятельности учёного и научных коллективов. Вып. VI. М. ; Л. : ИИЕТ АН СССР, 1977. С. 108–115.

REFERENCES

1. Strathern M. 'Improving ratings': Audit in the British university system. *European Review*. 1997;5(3):305–321.

2. Strathern M., ed. Audit cultures: Anthropological studies in accountability, ethics and the academy. London ; New York : Routledge; 2000. (EASA Series). x, 310 p. ISBN 0-415-23326-7.

3. Shore C., Wright S. Audit culture and anthropology: Neo-liberalism in British higher education. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1999;5(4):557–575. DOI 10.2307/2661148.

4. Shore C. Audit culture and illiberal governance: Universities and the politics of accountability. *Anthropological Theory*. 2008;8(3):278–298. DOI 10.1177/1463499608093815.

5. Spooner M. The deleterious personal and societal effects of the "audit culture" and a domesticated academy: Another way is possible. *International Review of Qualitative Research*. 2015;8(2):212–228. DOI 10.1525/irqr.2015.8.2.212.

6. DiGiacomo S. M. Audit culture and the politics of accountability: A comparative perspective. *Anthropology in Action*. 2005;12(1):57–63. DOI 10.3167/096720105780644308.

7. Sparkes A. Embodiment, academics, and the audit culture: A story seeking consideration. *Qualitative Research*. 2007;7(4):521–550. DOI 10.1177/1468794107082306.

8. Burawoy M. Redefining the public university: Global and national contexts. In: Holmwood J., ed. A manifesto for the public university. London ; New York : Bloomsbury Academic; 2011. P. 27–41.

9. Khanin G. I. Economic history of Russia in the XX century : in 2 vols. Novosibirsk : Novosibirsk State Technical University Press; 2008. Vol. 1: Soviet economy from the end of the 1930s to 1987. 516 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7782-1049-3.

10. Price D. Little science, big science. New York ; London : Columbia University Press; 1963. xv, 119 p. ISBN 0-231-08562-1.

11. Zvorykin A. A., Kissel E. I., eds. Evaluation of the activities of scientific and engineering personnel and improvement of their employment [Otsenka deyatel'nosti nauchnykh i inzhenerno-tekhnicheskikh rabotnikov i uluchshenie ikh ispol'zovaniya] : Abstracts of the symposium / The Institute of Sociology of the USSR Academy of Sciences. Moscow; 1973. 173 p. (In Russ.).

12. Nalimov V. V., Mul'chenko Z. M. Scientometrics. Studying the development of science as an information process [Naukometriya. Izuchenie razvitiya nauki kak informatsionnogo protsessa]. Moscow : Nauka; 1969. 192 p. (In Russ.).

13. Markusova V. A. Introduction: History and evolution of scientometrics. In: Akoev M. A., Markusova V. A., Moskaleva O. V., Pislyakov V. V. Handbook on scientometrics: Science and technology development indicators. 2nd ed. Yekaterinburg : IPC UrFU; 2021. P. 38–86. (In Russ.). DOI 10.15826/B978-5-7996-3154-3.005.

14. Smith R. Peer review: A flawed process at the heart of science and journals. *Journal of the Royal Society of Medicine*. 2006;99(4):178–182. DOI 10.1177/014107680609900414.

15. Economic accountability in modern industrial management [Khozraschet v sovremennykh usloviyakh upravleniya promyshlennost'yu]. Leningrad : Leningrad University Press; 1972. 132 p. (In Russ.).

16. Foss R. Evaluation of a scientist's creative activity and its role in workflows of research teams [Otsenka tvorcheskoi aktivnosti uchenogo i ee rol' v deyatel'nosti nauchnykh kollektivov]. In: Issue of activities of scientists and research groups [Problemy deyatel'nosti uchenogo i nauchnykh kollektivov]. Issue 6. Moscow ; Leningrad : Institute for the History of Science and Technology of the USSR Academy of Sciences; 1977. P. 108–115. (In Russ.).

Поступила в редакцию / Received 12.02.2026.
Одобрена после рецензирования / Revised 31.03.2026.
Принята к публикации / Accepted 05.05.2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Долгова Евгения Андреевна *medievalis@list.ru*

Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
SPIN-код: 3352-8277

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya A. Dolgova *medievalis@list.ru*

Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3902-7142
Scopus Author ID: 57195965998
Web of Science ResearcherID: E-7791-2017

DOI: 10.19181/smtp.2026.8.2.4

EDN: MKSLUR

Научная статья

Research article

ДОКТОРАНТУРА АКАДЕМИИ НАУК СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х – СЕРЕДИНЕ 1950-х гг.: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОПЫТКИ ОПТИМИЗАЦИИ

Холматов
Темурмалик Комилджонович[1]

[1] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Для цитирования: *Холматов Т. К.* Докторантура Академии наук СССР во второй половине 1930-х – середине 1950-х гг.: организационные проблемы и попытки оптимизации // Управление наукой: теория и практика. 2026. Т. 8, № 2. С. 65–78. DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.4. EDN MKSLUR.

Аннотация. К числу актуальных задач истории советской науки и техники относится изучение практик подготовки высококвалифицированных учёных, что представляет интерес в свете поиска оптимальной модели кадрового обеспечения наиболее востребованных направлений научно-технической сферы в XXI в. Статья посвящена организации работы докторантуры Академии наук СССР (АН СССР) со времени основания данной системы повышения квалификации до её упразднения в середине 1950-х гг. Основное внимание было сконцентрировано на двух тесно связанных между собой вопросах: проблемах подготовки докторантов и мерах, которые были направлены на их решение. Автором были рассмотрены обстоятельства создания нового института повышения квалификации в АН СССР в 1930-е гг., проанализированы условия зачисления и подготовки докторантов, а также динамика их общей численности. Уделено внимание вопросам финансового обеспечения (введение стипендий, попытки руководства АН СССР повысить выплаты), которые также были рассмотрены в контексте Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы, в условиях повышенной потребности в крупных специалистах по техническим и естественно-научным направлениям. Подробно освещены проблемы работы докторантуры в послевоенное десятилетие, когда перед АН СССР была поставлена задача подготовки высококвалифицированных кадров во всесоюзном масштабе и широкое распространение получила практика прикомандирования докторантов. Исследование основано на широком круге делопроизводственных источников (главным образом отчётная и нормативная документация, официальная переписка между представителями АН СССР и органов власти), значительная

© Холматов Т. К., 2026

часть которых отложилась в фондах Архива Российской академии наук, а также материалах периодики.

Ключевые слова: АН СССР, докторантура, прикомандированные докторанты, аспирантура, научные кадры, учёная степень, диссертация, стипендия

DOCTORAL STUDIES AT THE USSR ACADEMY OF SCIENCES IN THE SECOND HALF OF THE 1930s – MID-1950s: ORGANIZATIONAL PROBLEMS AND OPTIMIZATION ATTEMPTS

Temurmalik K. Kholmatov[1]

[1] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

For citation: Kholmatov T. K. Doctoral studies at the USSR Academy of Sciences in the second half of the 1930s – mid-1950s: Organizational problems and optimization attempts. *Science Management: Theory and Practice.* 2026;8(2):65–78. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.4.

Abstract. One of the urgent tasks of the history of Soviet science and technology is the study of the practices of training highly qualified researchers. It is of particular interest in terms of the search for optimal models for staffing the most sought-after areas of the scientific and technical sphere in the 21st century. This article deals with the organization of doctoral studies at the USSR Academy of Sciences (USSR AS) from the time of the establishment of this system until its abolition in the mid-1950s. The main focus is concentrated on two closely related issues – problems of doctoral students' training and measures that were aimed at solving them. The author examines the circumstances of the creation of a new institute for training highly qualified personnel in the USSR AS in the 1930s and analyzes the conditions of enrollment and training of doctoral students, as well as the dynamics of their total number. Attention is also paid to financial support issues (the introduction of scholarships, attempts by the leadership of the USSR AS to increase payments), which are also considered in the context of the Great Patriotic War and the first post-war years, in conditions of increased need for major specialists in technical and natural sciences fields. Special emphasis is placed on the problems of doctoral studies in the post-war decade, when the USSR AS was tasked with training highly qualified staff on an all-Union scale and the practice of seconding doctoral students became widespread. The research is based on a wide range of management reference sources (mainly reporting and regulatory documentation, official correspondence between representatives of the USSR AS and government agencies), including materials from the Archives of the Russian Academy of Sciences as well as periodicals.

Keywords: USSR Academy of Sciences, doctoral studies, seconded doctoral candidates, postgraduate studies, research personnel, academic degree, dissertation, scholarship

ВВЕДЕНИЕ

В условиях конкуренции за научное лидерство на глобальном рынке исследований и разработок в XXI в., поиска оптимальной модели кадрового обеспечения приоритетных направлений развития науки и технологий несомненную ценность

представляет изучение опыта подготовки научных кадров в предшествующие периоды. Это открывает возможность выявить наиболее актуальные практики прошлого для решения современных задач российского научного-технического комплекса. Особый интерес представляют различные формы повышения научной квалификации в СССР, которые продолжили своё существование при новых социокультурных обстоятельствах. К их числу относится докторантура, контуры которой стали оформляться в 1930-е гг. Как форма подготовки высококвалифицированных научных и научно-педагогических кадров она просуществовала до середины 1950-х гг. (была восстановлена в конце 1980-х гг.).

По-видимому, один из первых опытов изучения истории подготовки кадров через докторантуру был предпринят ещё в середине XX в. Так, в работах экономиста Н. К. Каратаева[1] о научных кадрах в Академии наук были приведены систематизированные сведения о подготовке как аспирантов, так и докторантов в 1930-е – середине 1940-х гг. [1, с. 202–209; 2, с. 77–82]. Хотя в них имеются ценные данные (например, о становлении докторантуры в 1930-е гг. и статистике), которые, к сожалению, были упущены в последующей историографии, работы Н. К. Каратаева имели в большей степени обзорный характер и многие проблемы не получили специального рассмотрения. В последующей историографии о подготовке научных и научно-педагогических кадров СССР гораздо больше внимания уделялось аспирантуре, которая, в отличие от докторантуры, была более устойчивой формой повышения квалификации [3, с. 90–146; 4, с. 50–77; 5, с. 180–209; 6, с. 125–135]. Пожалуй, одним из немногих последующих трудов по данной проблематике, в котором важное место уделялось докторантуре, стало исследование Н. П. Цехового 2016 г. Однако автор (ввиду поставленных в работе задач, которые были связаны с региональным опытом подготовки) сконцентрировался преимущественно на практике прикомандирования научных работников к докторантуре АН СССР и крупнейших вузов страны с первых послевоенных лет до середины 1950-х гг. [7, с. 171–181].

Для комплексной реконструкции подготовки научных и научно-педагогических кадров в СССР представляется необходимым уделить более пристальное внимание проблемам, которые возникали в процессе подготовки докторантов в АН СССР, и мерам, направленным на их решение. Основное внимание данной статьи сконцентрировано на анализе этих двух тесно связанных между собой вопросов.

КОНТУРЫ НОВОЙ СИСТЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ: ДОКТОРАНТУРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х – НАЧАЛЕ 1940-х гг.

Докторантура в институтах АН СССР постепенно складывалась в период централизации системы научной аттестации. Роль одной из главных кузниц в подготовке научных кадров отводилась АН СССР, которая должна была найти способы ликвидации издержек квалификационного дефицита после революции. Практика подготовки докторантов в АН СССР, по-видимому, была ещё в начале 1930-х гг. (см. рис. 1). Однако их систематическая подготовка наблюдалась лишь

[1] В середине XX в. Н. К. Каратаев работал начальником отдела аспирантуры АН СССР.

с середины десятилетия, когда были восстановлены учёные степени и звания (в 1934 г.) и вместе с тем возрастала потребность в увеличении количества квалифицированных научных кадров для руководства работой по наиболее приоритетным направлениям исследований и подготовки последующей научной смены. Особенно востребованы были высококлассные учёные по техническим специальностям, которые должны были стать проводниками между наукой и производством в период индустриализации. Формой для ускоренной и контролируемой подготовки докторов наук должен был стать институт спецаспирантуры, который в конце 1935 г. был закреплён уставом АН СССР[2].

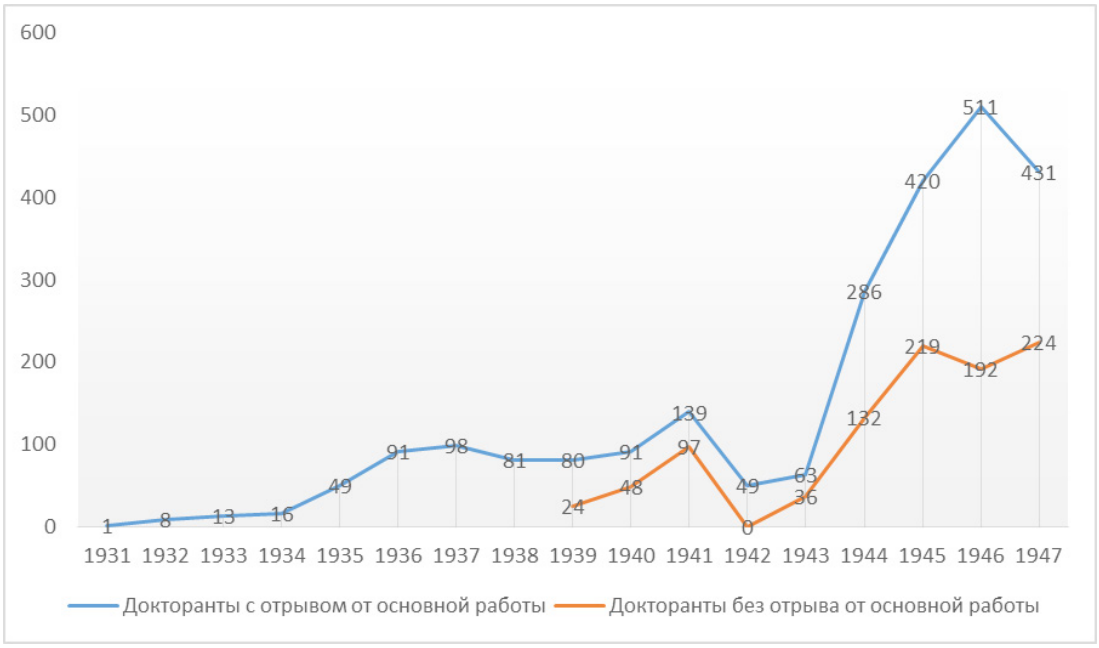

Рис. 1. Количество докторантов АН СССР в 1931–1947 гг.
Источник: [10]. Данные приведены из графика «Количественный состав аспирантуры АН СССР с 1930 по 1947 год».
Fig. 1. The number of doctoral researchers of the USSR Academy of Sciences in 1931–1947.
Source: [10]. The data is taken from the graph entitled “Quantitative Representation of Postgraduate Students in the USSR Academy of Sciences from 1930 to 1947”.

С этого времени заметно увеличивался поток докторантов. Согласно изданию о материалах по истории АН СССР, в 1935 г. их общее число было в три раза больше (49), чем в предыдущем (16), а с 1936 г. до конца десятилетия – варьировалось от 80 до 98 чел. (не считая докторантов без отрыва от работы, которые начали проходить подготовку с 1939 г.) (см. рис. 1). Организационными вопросами, связанными со вступительными испытаниями, конкурсным отбором, планами подготовки, зачислением/отчислением докторантов и пр., занималось Управление подготовки научных кадров (при согласовании с руководством институтов АН СССР). Для зачисления в докторскую аспирантуру (докторантуру), помимо степени кандидата наук, было нужно также наличие научных работ[3].

[2] См. п. 7 из общих положений устава АН СССР 1935 г.: Уставы Академии наук СССР / отв. ред. Г. К. Скрябин. М. : Наука, 1975. С. 142.

[3] Как опубликованные, так и неопубликованные труды прилагались к заявлению вместе с другими материалами, подтверждающими научную квалификацию, а также отзывами и характеристиками исследовательской деятельности.

В первые годы работы докторантуры чёткие требования к ним отсутствовали, в т. ч. относительно их количества[4]. Основной упор при поступлении делался на экзаменах, которые проводились по основам марксизма-ленинизма, а также иностранному языку (необходимость прохождения которых зависела от того, были ли ранее сданы кандидатские экзамены)[5].

В середине 1930-х гг. значительная часть докторантов была зачислена в учреждения, прежде всего связанные с естественно-научными специальностями. Например, в списке докторантов АН СССР от 1 июня 1936 г. особенно выделялись по количеству Институт общей и неорганической химии (9 докторантов из 68), Институт органической химии (6), Почвенный институт (5) и Институт генетики (5)[6]. По мере расширения структуры АН СССР во второй половине 1930-х гг. постепенно стали появляться докторанты и по другим специальностям, что обеспечивало поступательный рост их общей численности вплоть до начала 1940-х гг. Однако условия подготовки не во всех подразделениях АН СССР (прежде всего по техническим специальностям) были благоприятными. В частности, эта проблема была зафиксирована на заседании Совета Отделения технических наук (ОТН) АН СССР от 27 апреля 1937 г., на котором обсуждалось учреждение докторантуры при Группе горного дела. Хотя на заседании была поддержана эта идея, в постановлении при этом подчёркивалось, что группа «не располагает и не будет располагать в течение ближайшего времени собственной экспериментально-лабораторной базой, необходимой для плодотворного выполнения докторантской подготовки»[7]. Стоит отметить, что схожие условия были и в других подразделениях ОТН (кроме двух институтов – Энергетического и Горючих ископаемых, которые имели лабораторные базы), отсутствовали также производственные площади, что было препятствием для комплексной подготовки научных кадров [8, с. 53–54, 56].

В то же время немаловажной была и проблема финансового обеспечения докторантов. С первых лет существования спецаспирантуры они получали стипендию, которая была выше средней зарплаты в научных учреждениях[8]. Тем не менее, этих выплат, по-видимому, не хватало для того, чтобы молодой исследователь мог полностью сконцентрироваться на повышении квалификации и не прибегать к работе по совместительству. В июле 1936 г. вице-президент АН СССР Г. М. Кржижановский и непременный секретарь АН СССР Н. П. Горбунов обратились к председателю СНК СССР В. М. Молотову с просьбой увеличить стипендию докторантов с 400 до 500 руб. ввиду того, что лица,

[4] Так, по списку от 1 июня 1936 г. примерно ⅓ докторантов (от 68) в структуре АН СССР имели лишь от одной до четырёх научных работ (при этом имелись лица с нескольким десятком трудов): АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 234. Л. 8–11.

[5] Проект положения докторантуры АН СССР (1939 г.): АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1939). Д. 23. Л. 2–5. Эти условия были, судя по всему, закреплены и на практике. Например, обращают на себя внимание результаты вступительных испытаний за 1939 г. Согласно этим данным, количество испытуемых по кандидатской аспирантуре было примерно одинаковым по трём дисциплинам (основы марксизма-ленинизма, иностранный язык и экзамен по специальности), в то время как по докторантуре ощутимо отличалось (иностранный язык в общей сложности сдавали 52 человека, а основы марксизма-ленинизма – 30). См.: Там же. Л. 25.

[6] АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 234. Л. 8–11.

[7] Там же. Оп. 1 (1937). Д. 440. Л. 3.

[8] По данным за март 1936 г. средняя зарплата в научных учреждениях была около 300 руб. См.: Численность и заработная плата рабочих и служащих в СССР : (Итоги единовременного учёта за март 1936 г.). М. : Ред.-изд. упр. ЦУНХУ Госплана СССР и В/О «Союзоргучёт», 1936. С. 10.

которые проходили подготовку в спецаспирантуре, уже имели высокую квалификацию и «в подавляющем большинстве – это люди семейные, имеющие в своём иждивении 2–3 человека»[9].

Отдельно следует упомянуть и проблемы с докторантской программой подготовки, которая отчасти дублировала аспирантскую. Один из наиболее показательных случаев был зафиксирован в начале 1939 г. Своё недовольство подготовкой кадров высшей квалификации в АН СССР выразила группа докторантов в письме, опубликованном 10 января 1939 г. в газете «Правда»[10]. Согласно докторантам, программа подготовки фактически не учитывала их уровень квалификации и не отличалась от той, что была составлена для аспирантов, неудовлетворительно был организован курс по истории философии ввиду того, что не был освещён «ленинско-сталинский этап в философии марксизма». Для урегулирования сложившейся ситуации 9 февраля того же года состоялось заседание комиссии при Управлении подготовки научных кадров АН СССР. Судя по протоколу заседания, некоторые участники поднимали вопрос о корректировке программы подготовки, необходимости вовсе исключить из неё обязательное посещение лекций по истории философии ввиду их нецелесообразности для докторантов, которые, как было подчёркнуто академиком А. А. Борисяком, были уже сложившимися научными работниками[11]. По-видимому, данный вопрос был окончательно разрешён лишь на следующем заседании (23 февраля), на котором было постановлено, что изучение классических произведений марксизма-ленинизма и истории философии должно войти в основу самостоятельного изучения докторантами[12].

Следует отметить, что в вышеупомянутом письме затрагивались и более комплексные проблемы подготовки кадров в АН СССР. Речь также шла о большой доле отчисленных, что было «непростительной растратой государственных средств», а также отсутствии «серьёзной научной помощи» поступившим, что, например, выражалось в нехватке консультантов у многих докторантов[13]. На комплексные проблемы, нараставшие к концу 1930-х – началу 1940-х гг., указывал также Н. К. Каратаев на страницах газеты «Известия Советов депутатов трудящихся СССР». Как им было отмечено в 1940 г., проблема подготовки во многом была вызвана неудовлетворительной практикой отбора, когда принимались лица, «не зарекомендовавшие себя научными работами, а иногда даже без учёной степени кандидата наук»[14]. Отсутствие достаточной квалификации и/или неопределённость темы диссертации ко времени поступления в итоге приводили к увеличению срока пребывания в докторантуре или вовсе отчислению из-за невыполнения плана. В этих условиях вводился более строгий конкурсный отбор на основе экспертной оценки научных работ

---

[9] АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 234. Л. 2–3. Данная просьба, судя по письму Наркомфина от 14 августа того же года, не была удовлетворена. См.: Там же. Л. 12.

[10] *Татаринов М., Гельман А., Лебедева А., Егоров М.* Наши претензии к Академии наук (письмо докторантов) // Правда. 1939. 10 января. № 10 (7695). С. 6.

[11] АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1939). Д. 23. Л. 117–120.

[12] Там же. Л. 121–124.

[13] *Татаринов М., Гельман А., Лебедева А., Егоров М.* Указ. соч. С. 6.

[14] *Каратаев Н. [К.]* Аспиранты Академии наук // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1940. 10 августа. № 184. С. 4.

потенциальных докторантов. Вместе с тем для стимулирования защит докторских диссертаций в 1939 г. по постановлению СНК СССР вводились 50 стипендий по 1500 руб. в АН СССР[15].

ДОКТОРАНТУРА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

В период экстренной эвакуации АН СССР в 1941 г. был затруднён набор для подготовки как аспирантов, так и докторантов, немалая часть которых ушла в армию[16], чем и было вызвано их значительное сокращение. Лишь после реэвакуации учреждений АН СССР, начатой в марте 1943 г., постепенно создавались условия для восстановления работы приёмной комиссии. В то же время предпринимались меры для значительного увеличения общей численности как аспирантов, так и докторантов. С целью упорядочить систематизированную подготовку научных кадров к концу 1943 г. Президиумом АН СССР утверждено положение об аспирантуре, которое распространялось в т. ч. на докторантов[17]. Согласно этому документу, увеличивался период пребывания в докторантуре, который мог быть не больше четырёх лет (в довоенный период был до трёх лет), что должно было облегчить завершение и последующую защиту диссертационного исследования в установленный регламентом срок. Был зафиксирован также предельный возраст для поступления в докторантуру – 45 лет[18], что позволяло придерживаться вектора на «омоложение» высококвалифицированных научных кадров. В связи с этим лишь в исключительных случаях «по ходатайству соответственного Отделения» Президиум АН СССР мог предоставить возможность поступить в докторантуру лицам до 50 лет[19].

Важной тенденцией середины – второй половины 1940-х гг. стало введение мер для материального стимулирования докторантов через именные стипендии. Учреждённые в этот период СНК СССР (затем Совмином СССР) денежные выплаты относились прежде всего к институтам естественно-научного и технического профилей (из пяти отделений АН СССР: физико-математического, химического, геолого-географического, биологического и технического)[20]. Эти меры были направлены на повышение «привлекательности» наиболее

---

[15] Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР «Об учреждении премий и стипендий имени Сталина» // Правда. 1939. 21 декабря. № 351 (8036). С. 2.

[16] По подсчётам Б. В. Левшина, одного из ведущих специалистов по истории советской науки в годы Великой Отечественной войны, во второй половине 1941 г. на военную службу отправились 32 докторанта АН СССР [9, с. 96].

[17] Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции / сост. М. И. Мовшович ; под ред. А. М. Ходжаева. 2-е изд. М. : Советская наука, 1948. С. 317–322.

[18] По всей видимости, на практике этих возрастных ограничений придерживались ещё в довоенные годы. На это, например, указывает письмо В. Л. Комарову от Л. Н. Тюлиной от 4 августа 1939 г. В письме она отметила, что решила подать заявление о поступлении в докторантуру в связи с тем, что приём был «продлён до 45-летнего возраста» (АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1467. Л. 2). Из письма следует, что за год до этого она не смогла поступить в докторантуру АН СССР из-за предельного возраста. С учётом того, что ко времени написания вышеупомянутого письма В. Л. Комарову ей было почти 42 года, очевидно, что в предшествующие годы ограничения из-за предельного возраста были более строгими.

[19] Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции / сост. М. И. Мовшович ; под ред. А. М. Ходжаева. 2-е изд. М. : Советская наука, 1948. С. 318.

[20] См. перечень введённых стипендий: [10, с. 468–471].

востребованных в то время научных направлений и, вероятно, сыграли немаловажную роль в увеличении потока докторантов в середине 1940-х гг. (рис. 1).

ПРИКОМАНДИРОВАННЫЕ ДОКТОРАНТЫ И ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Принципиально новый этап работы докторантуры начался в первые годы после Великой Отечественной войны, когда перед АН СССР была поставлена задача ускоренной подготовки высококвалифицированных кадров во всесоюзном масштабе. В условиях необходимости значительного пополнения профессорско-преподавательского состава вузов, повышения квалификации научных работников в разросшейся к тому времени системе научных организаций (включая академии наук союзных республик), упрощения системы подготовки аспирантов[21] вводилась практика прикомандирования. Для организации централизованной подготовки докторантов с 1947 г. АН СССР должна была ежегодно принимать по 200 научных работников со всей страны[22]. В первые годы после введения данной меры значительная часть из них распределялась в научные учреждения по техническим специальностям. Согласно спискам прикомандированных докторантов АН СССР за 1948–1949 гг., 112 научных работников (из 400) были зачислены в институты, секции и лаборатории ОТН[23], что было значительно больше по сравнению с составом других отделений – истории и философии (63), литературы и языка (52), биологических наук (46), геолого-географических наук (32), экономики и права (32), химических наук (30), физико-математических наук (28)[24].

Значительный рост общей численности докторантов во второй половине 1940-х гг. вместе с тем способствовал увеличению числа защит докторских диссертаций. Если за первые пять послевоенных лет (1946–1950 гг.) в АН СССР было защищено 214 диссертаций, то в последующие четыре года (1951–1954 гг.) этот показатель увеличился почти в два раза (405) (рис. 2). В процентном соотношении эти данные не сильно уступали показателям по защитам кандидатских диссертаций за тот же период: если за 1946–1950 гг. было защищено

---

[21] По положению 1939 г. научным руководителем аспиранта должен быть профессор или доктор наук. См.: Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции / сост. М. И. Мовшович ; под ред. А. М. Ходжаева. 2-е изд. М. : Советская наука, 1948. С. 300. Это требование сохранилось и в положении 1950 г., в котором также было отмечено, что руководить работой аспирантов могли и кандидаты наук (в виде исключения) с разрешения Министерства высшего образования. См.: Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции / под ред. Л. И. Карпова, В. А. Северцева. М. : Советская наука, 1957. С. 282.

[22] *Топчиев А. В.* Подготовка научно-педагогических кадров высшей квалификации // Вестник высшей школы. 1948. № 9. С. 24.

[23] По-видимому, столь значительный поток в учреждения ОТН был вызван особой востребованностью представителей технических специальностей в послевоенные годы. По пятилетнему плану восстановления народного хозяйства (1946–1950 гг.) ставились задачи развития тяжёлой промышленности и железнодорожного транспорта, обеспечения дальнейшего технического прогресса, повышения обороноспособности страны и т. д. См.: Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. М. : Госполитиздат, 1946. С. 8–11.

[24] АРАН. Ф. 524. Оп. 21. Д. 227. Л. 1–29; Там же. Д. 234. Л. 1–32. Оставшиеся прикомандированные научные работники распределялись в учреждения, которые либо не относились к отделениям АН СССР, либо и вовсе были связаны с иными научными / научно-образовательными структурами.

686 работ, то за 1951–1954 гг. – 1595 (т. е. прирост был в 2,3 раза)[25]. Несмотря на динамику роста количества защит наблюдался ощутимый разрыв между этими показателями и общей численностью докторантов. Согласно результатам приёма и выпуска из аспирантуры и докторантуры АН СССР за 1951 г., примерно 24,5% докторантов выбывали из системы подготовки (в процентном соотношении отсев аспирантов за тот же период был заметно меньше – 11%)[26]. При этом в контексте приведённых данных в отчётной документации было отмечено, что отсев «из докторской и кандидатской аспирантуры *по-прежнему* велик»[27] (курсив мой. – Т. Х.), что очевидно отсылает к данной проблеме в более ранний период. О том, что она сохранялась и ближе к середине десятилетия, позволяют предположить сведения из статьи В. Д. Новикова[28] в одном из выпусков «Известий...» за 1954 г. Согласно его данным, более 20% докторантов АН СССР не завершали работу над диссертациями в установленные сроки[29].

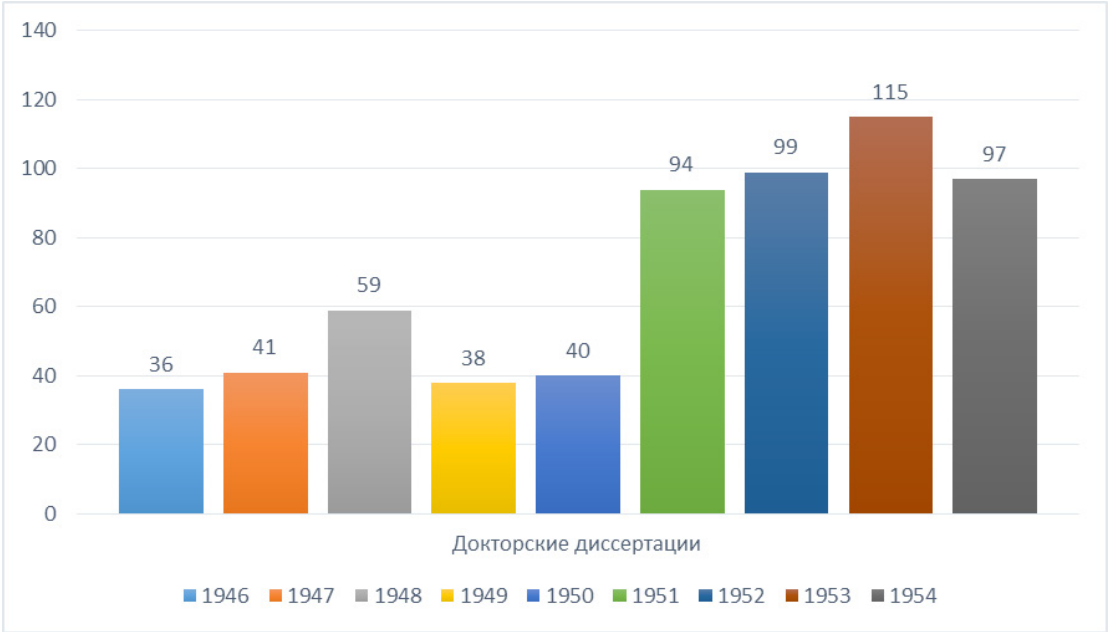

Рис. 2. Динамика количества защит докторских диссертаций в АН СССР в 1946–1954 гг.
Источник: АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1955). Д. 132. Л. 41.
Fig. 2. Dynamics in number of doctoral dissertation defenses at the USSR Academy of Sciences in 1946–1954
Source: The Archives of the Russian Academy of Sciences. Fonds 2. Inventory list 1 (1955). Case record 132. List 41.

Несмотря на значительный поток докторантов, на протяжении первой половины 1950-х гг. сохранялась проблема нехватки крупных специалистов и научных лидеров по наиболее востребованным и перспективным направлениям.

[25] АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1955). Д. 132. Л. 41.
[26] Там же. Оп. 1 (1952). Д. 259. Л. 34. Для понимания того, о каком именно количестве идёт речь, отмечу, что к 1 января 1951 г. в учреждениях АН СССР проходили подготовку 582 докторанта с отрывом (включая прикомандированных) и без отрыва от основного места работы, к 1952 г. – 541. См.: Там же. Ф. 524. Оп. 21. Д. 250. Л. 185–286; Там же. Д. 260. Л. 89–152.
[27] АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1952). Д. 259. Л. 34.
[28] Возглавлял в то время отдел АН СССР по подготовке научных кадров.
[29] *Новиков В. [Д.]* О некоторых вопросах подготовки научных кадров // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1954. 14 августа. № 192. С. 3.

Как в неопубликованных отчётах, так и в печати того времени многократно упоминалась потребность в увеличении количества кадров высшей квалификации по специальностям, большая часть которых была связана с развитием новой техники (электроника, радиолокация, радиофизика и т. д.), геохимии, геологии, гидрогеологии и т. д.[30] Данная проблема была особенно ощутимой в случае прикомандированных докторантов. Период подготовки данной категории не должен был длиться больше двух лет, поскольку ко времени поступления отдельные части диссертационного исследования должны были быть в значительной степени готовыми. В сложившихся условиях ограничивалась возможность для вмешательства в проблематику исследования и, как отмечено в одном из писем 1955 г. руководства АН СССР в ЦК КПСС, это приводило к тому, что «подавляющее число тем, особенно по технике, связано только со старыми, много лет уже развивающимися, процессами и направлениями в науке»[31].

Для решения этой проблемы АН СССР просила ЦК КПСС разрешить ввести с 1955 г. 50 дополнительных мест в докторантуре, установив стипендиальные выплаты в размере 3 тыс. руб. в месяц[32]. Хотя ходатайство было поддержано (за счёт сокращения контингента прикомандированных докторантов)[33], данная мера не могла быть эффективной, т. к. вскоре докторантура была упразднена.

Другие существенные недостатки были связаны с неудовлетворительной практикой отбора прикомандированных докторантов. Согласно вышеупомянутому письму 1955 г. в ЦК КПСС (с предложениями об улучшении подготовки научных кадров в системе АН СССР), ведомства нередко направляли в докторантуру лиц, чей средний возраст превышал 45 лет, «которым по должности (заведующий кафедрой, директор или зам[еститель] директора института, зав[едующий] научным отделом) полагается иметь учёную степень доктора, но которые не смогли её получить из-за малой научной продуктивности»[34]. С другой стороны, было подчёркнуто, что ведомства также препятствовали поступлению «в докторантуру способной молодёжи, боясь оголить тот или иной участок работы и потерять нужного работника»[35].

Не менее важная проблема – нехватка мест в общежитиях, которая стала особенно острой в послевоенные годы из-за большого потока иногородних аспирантов и докторантов [11, с. 159]. Это приводило, например, к тому, что последние были вынуждены оставаться по месту проживания, из-за чего возникали трудности в контроле за их подготовкой.

Ввиду систематических проблем, отмеченных крупными учёными и организаторами науки, появлялись призывы перестроить систему подготовки

---

[30] АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1952). Д. 259. Л. 39; Там же. Оп. 1 (1954). Д. 138. Л. 49–51; Там же. Оп. 1 (1955). Д. 132. Л. 34–36; *Новиков В. [Д.]* О некоторых вопросах подготовки научных кадров // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1954. 14 августа. № 192. С. 3.

[31] АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1955). Д. 132. Л. 35.

[32] Там же. Оп. 1 (1954). Д. 138. Л. 50. Для сравнения отмечу, что к середине 1950-х гг. среднемесячная зарплата в сфере просвещения (в школах, учебных заведениях, научно-исследовательских и культурно-просветительных учреждениях) составляла 742 руб. См.: Советская жизнь. 1945–1953 / сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова и др. М. : РОССПЭН, 2003. С. 501–502.

[33] АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1954). Д. 138. Л. 51.

[34] Там же. Оп. 1 (1955). Д. 132. Л. 36. Следует отметить, что при этом прикомандированные докторанты сохраняли за собой прежние оклады. Как было отмечено в том же письме 1955 г., данная практика была неоправданно дорогой и, например, докторанты ОТН получили выплаты в размере 3,4 тыс. руб. ежемесячно.

[35] Там же.

кадров через докторантуру, а практику прикомандирования и вовсе отменить[36]. В периодике того времени также подчёркивалось, что оторванность докторантов от своих прямых должностных обязанностей не оправдывала себя, качество диссертационных исследований находилось не на высоком уровне[37]. К тому же относительно невысокими были и показатели роста численности докторов наук[38], что также свидетельствовало о малоэффективности сложившейся системы (с учётом затрачиваемых средств на докторантуру). В этих условиях в 1956 г. докторантура была упразднена, что в целом логично соотносилось с общегосударственными тенденциями того времени в переустройстве планирования и финансирования науки, оптимизации расходов на исследовательские разработки [13, с. 163–169; 14, с. 130–132]. В последующие годы вёлся поиск более оптимальных способов повышения квалификации научных работников, которые должны были подготовить докторские диссертации при выполнении практических задач в научных и научно-образовательных учреждениях, на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, уже на начальном этапе работы докторантуры АН СССР (вторая половина 1930-х – начало 1940-х гг.) сформировались проблемы, которые не удалось решить в последующие периоды. К ним следует отнести неудовлетворительную практику отбора, когда вместе с состоявшимися учёными в докторантуру поступали те, кто был не способен в относительно небольшой срок завершить диссертационное исследование. Это в свою очередь приводило к довольно высокому уровню отсева докторантов и вместе с тем невысоким показателям защит докторских диссертаций. Представляется, что важные меры для того, чтобы докторанты сконцентрировались на повышении квалификации, подготовке докторской диссертации, были связаны с материальным стимулированием (введение больших стипендий и сохранение высоких зарплат для прикомандированных). Однако они обходились слишком дорого и, по всей видимости, полученные результаты не оправдывали затраченных усилий. Серьёзной проблемой был также «должностной вакуум», который образовывался, когда докторант покидал на время повышения квалификации своё основное место работы и учреждению/предприятию приходилось искать ему замену. Хотя уже в конце 1930-х гг. вводилась практика подготовки докторантов без отрыва от основной работы, всё же в последующие годы сохранялся существенный поток докторантов с отрывом от производства (особенно с конца 1940-х гг., когда широкое распространение получила практика прикомандирования).

Представленная реконструкция подготовки докторантов в АН СССР довольно схематична и несомненно заслуживает дальнейшей разработки, что позволит

[36] Там же. См. также: *Христианович С. А., Лаврентьев М. А., Лебедев С. А.* Назревшие задачи организации научной работы // Правда. 1956. 14 февраля. № 45. С. 3.

[37] Прения по докладу о Государственном бюджете СССР на 1956 год // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1955. 28 декабря. № 306. С. 3; *Канаев А.* Непрерывно совершенствовать технику котлотурбостроения // Правда. 1955. 10 июня. № 161. С. 2; *Христианович С. А., Лаврентьев М. А., Лебедев С. А.* Указ. соч. С. 3.

[38] Так, в 1947–1955 гг. количество докторов наук увеличилось лишь на 1,8 тыс. (с 7,7 до 9,5 тыс.). За тот же период количество кандидатов наук увеличилось более чем в два раза – с 36,9 до 78 тыс. См.: [12, с. 31].

уточнить многие вопросы, рассмотренные в статье. Следует также отметить, что отдельный интерес представляет исследование того, как была восстановлена докторантура в конце 1980-х гг. и как была организована работа данной формы повышения квалификации в последние советские годы, что в свою очередь позволит составить более целостное представление о влиянии государственных задач на траектории кадровой политики в сфере науки и технологий в предыдущем столетии, а также детальнее раскрыть вопрос о степени преемственности в подготовке научных кадров высшей квалификации в постсоветский период.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Каратаев Н. К.* К истории подготовки научных кадров в Академии наук // Вестник АН СССР. 1945. № 5–6. С. 195–211.

2. *Каратаев Н. К.* Подготовка молодых советских учёных // Вестник АН СССР. 1948. № 1. С. 73–82.

3. *Галкин К. Т.* Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М. : Советская наука, 1958. 176 с.

4. *Лебин Б. Д.* Подбор, подготовка и аттестация научных кадров в СССР: вопросы истории и правового регулирования. М. ; Л. : Наука, 1966. 288 с.

5. Научные кадры СССР: динамика и структура / под ред. В. Ж. Келле, С. А. Кугеля. М. : Мысль, 1991. 284 с. ISBN 5-244-00554-5.

6. *Аллахвердян А. Г.* Динамика научных кадров в советской и российской науке: сравнительно-историческое исследование. М. : Когито-Центр, 2014. 263 с. ISBN 978-5-89353-432-0. EDN SYOFDF.

7. *Цеховой Н. П.* Подготовка научных и научно-педагогических кадров в СССР (1920-е – 1991 гг.): региональный опыт. Томск : ИД Томского гос. ун-та, 2016. 200 с. ISBN 978-5-94621-526-8.

8. *Иванов Б. И.* Технические науки в Академии наук СССР в 30–60-е годы XX века // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7, № 1. С. 46–62. EDN WDIGZF.

9. *Левшин Б. В.* Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М. : Наука, 1983. 382 с. EDN UAPMFH.

10. Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947) / под ред. С. И. Вавилова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 616 с.

11. Советская наука в ключевых понятиях эпохи : научно-популярный словарь / отв. ред. Е. А. Долгова ; науч. ред. Д. С. Секиринский ; авторы: Е. А. Долгова, М. О. Окунева, М. В. Грибовский, Е. Ф. Синельникова, Т. К. Холматов. М. : РГГУ, 2025. 662 с. ISBN 978-5-7281-3568-5. EDN PFGETC.

12. *Долгова Е. А., Стрельцова Е. А.* Наука в СССР: о чём говорит статистика? : инфографический альбом. М. : ИЦ РГГУ, 2023. 40 с. ISBN 978-5-7281-3288-2. EDN YWCIZT.

13. Управление наукой: путеводитель по советскому прошлому / отв. ред. Е. А. Долгова ; науч. ред. Д. С. Секиринский ; авторы: Е. А. Долгова, М. В. Грибовский, М. О. Окунева [и др.]. М. : РГГУ, 2024. 405 с. ISBN 978-5-7281-3419-0. EDN LEBDCB.

14. *Долгова Е. А.* Как платили учёным: динамика и приоритеты советской научной политики // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 120–137. DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.008. EDN RVKCSR.

REFERENCES

1. Karataev N. K. On the history of research personnel training at the Academy of Sciences [K istorii podgotovki nauchnykh kadrov v Akademii nauk]. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences=Vestnik AN SSSR*. 1945;(5–6):195–211. (In Russ.).

2. Karataev N. K. Training of young Soviet researchers [Podgotovka molodykh sovetskikh uchenykh]. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences=Vestnik AN SSSR*. 1948;(1):73–82. (In Russ.).

3. Galkin K. T. Higher education and training of academic staff in the USSR [Vysshee obrazovanie i podgotovka nauchnykh kadrov v SSSR]. Moscow : Sovetskaya nauka; 1958. 176 p. (In Russ.).

4. Lebin B. D. Selection, training and certification of research personnel in the USSR: Issues of history and legal regulation [Podbor, podgotovka i attestatsiia nauchnykh kadrov v SSSR: voprosy istorii i pravovogo regulirovaniya]. Moscow ; Leningrad : Nauka; 1966. 288 p. (In Russ.).

5. Kelle V. Zh., Kugel S. A., eds. Academic staff of the USSR: Dynamics and structure [Nauchnye kadry SSSR: dinamika i struktura]. Moscow : Mysl'; 1991. 284 p. (In Russ.). ISBN 5-244-00554-5.

6. Allakhverdyan A. G. The dynamics of research personnel in Soviet and Russian science: A comparative and historical study [Dinamika nauchnykh kadrov v sovetskoi i rossiiskoi nauke: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie]. Moscow : Cogito-Center; 2014. 263 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89353-432-0.

7. Tsekhovoi N. P. Training of research and academic personnel in the USSR (the 1920s–1991): Regional experience [Podgotovka nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov v SSSR (1920-e – 1991 gg.): regional'nyi opyt]. Tomsk : Publishing House of Tomsk State University; 2016. 200 p. (In Russ.). ISBN 978-5-94621-526-8.

8. Ivanov B. I. Technical sciences in the Academy of Sciences of the USSR in 1930–1960s. *Sociology of Science and Technology=Sociologia nauki i tehnologij*. 2016;7(1):46–62. (In Russ.).

9. Levshin B. V. Soviet science during the Great Patriotic War [Sovetskaya nauka v gody Velikoi Otechestvennoi voiny]. Moscow : Nauka; 1983. 382 p. (In Russ.).

10. Vavilov S. I., ed. Materials for the history of the USSR Academy of Sciences during the Soviet years (1917–1947) [Materialy k istorii Akademii nauk SSSR za sovetskie gody (1917–1947)]. Moscow ; Leningrad : Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1950. 616 p. (In Russ.).

11. Dolgova E. A., Sekirinskii D. S., eds. Soviet science in main notions of the epoch [Sovetskaya nauka v klyuchevykh ponyatiyakh epokhi] : A popular science dictionary Moscow : RSUH; 2025. 662 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7281-3568-5.

12. Dolgova E. A., Streltsova E. A. Science in the USSR: What does statistics say? [Nauka v SSSR: o chem govorit statistika?] : An infographic album. Moscow : Publishing Center of RSUH; 2023. 40 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7281-3288-2.

13. Dolgova E. A., Sekirinskii D. S., eds. Science management: A guide to the Soviet past [Upravlenie naukoi: putevoditel' po sovetskomu proshlomu]. Moscow : RSUH; 2024. 405 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7281-3419-0.

14. Dolgova E. A. Salaries in science: Dynamics and priorities of Soviet policy. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts=Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2025;27(1):120–137. (In Russ.). DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.008.

Поступила в редакцию / Received 06.03.2026.
Одобрена после рецензирования / Revised 22.04.2026.
Принята к публикации / Accepted 25.05.2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Холматов Темурмалик Комилджонович *timur.kholmatoff@yandex.ru*

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
SPIN-код: 2207-6817

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Temurmalik K. Kholmatov *timur.kholmatoff@yandex.ru*

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2975-1647
Scopus Author ID: 57223848143
Web of Science ResearcherID: AAC-6501-2020

DOI: 10.19181/smtp.2026.8.2.5

EDN: NRVAUA

Научная статья

Research article

КОНКУРЕНЦИЯ В НАУКЕ РОССИИ: ОБОЮДНЫЙ ДЕФЕКТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ И ЕСТЕСТВЕННОЙ КОМПОНЕНТ

Гусев
Александр Борисович[1]

[1] ООО «Социологическая служба “Решающий голос”», Москва, Россия

Юревич
Максим Андреевич[2]

[2] Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия

Для цитирования: *Гусев А. Б., Юревич М. А.* Конкуренция в науке России: обоюдный дефект институциональной и естественной компонент // Управление наукой: теория и практика. 2026. Т. 8, № 2. С. 79–103. DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.5. EDN NRVAUA.

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования в науке эффективной системы конкуренции, позволяющей максимизировать результативность и поддерживать здоровую профессиональную среду. Исследование построено на гипотезе об иерархической трёхуровневой модели конкуренции, включающей верхний институциональный уровень, который определяет вектор развития науки (уровень 1: политическая конкуренция), оперативно-тактический институциональный контур (уровень 2: конкуренция за целеполагание и ресурсы) и уровень естественной конкуренции исследователей за новые открытия (уровень 3). Качественное состояние отношений на каждом уровне конкуренции и их взаимное влияние формируют отраслевой облик конкуренции. Цель работы заключается в выявлении соперничающих позиций на двух институциональных уровнях конкуренции и оценке их сопряжения с уровнем естественной конкуренции. Информационной базой исследования выступили результаты опросов «Научная политика России» 2021–2024 гг., которые позволили вскрыть и систематизировать искомые позиции.

На основе данных социологических опросов и анализа нормативно-правовых актов показан сбой на верхнем уровне политической конкуренции, когда выбор между инерционным и мобилизационным режимами развития науки не состоялся и был заменён паллиативными тезисами, соответствующими умеренным настроениям большей части научного сообщества. На оперативно-тактическом уровне по причине

© Гусев А. Б., Юревич М. А., 2026

низкого доверия к государственным регуляторам научное сообщество стремится перехватить у государственных структур рычаги управления научной сферой, замкнув на себе вопросы определения целей, отбора исполнителей и приёмки результатов, но сохранив в значительной степени зависимость от бюджетных расходов на исследования и разработки. Естественная конкуренция исследователей зависит от их пассионарности и конструктивности настроек на институциональных уровнях конкуренции. Угасание первого фактора и недоопределённость второго приводят к беспредметности естественной конкуренции, разложению этических норм, что было показано на примере практики присуждения незаслуженных, по мнению представителей научного сообщества, учёных степеней. По результатам исследования сделан вывод о том, что необходимыми условиями для реализации эффективной модели конкуренции в науке являются определённость адекватного вектора развития науки (уровень 1) и достаточная пассионарность научного сообщества (уровень 3). В свою очередь эффективная модель конкуренции сможет выстроить институционально пассионарный (энергичный и результативный) научно-технологический комплекс как систему.

Ключевые слова: конкуренция в науке, научно-техническая политика, стратегия развития науки, мобилизация науки, пассионарность в науке

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-78-10068, «Новая парадигма российской науки: изменение конкурентных условий и рыночная ориентация научного знания».

COMPETITION IN RUSSIAN SCIENCE: A MUTUAL DEFECT OF THE INSTITUTIONAL AND NATURAL COMPONENTS

Alexander B. Gusev[1]

Maxim A. Yurevich[2]

[1] OOO “Sociological Service ‘Decisive Vote’”, Moscow, Russia
[2] Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Moscow, Russia

For citation: Gusev A. B., Yurevich M. A. Competition in Russian science: A mutual defect of the institutional and natural components. *Science Management: Theory and Practice.* 2026;8(2):79–103. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.5.

Abstract. This article addresses the problem of forming an effective competition system in science that maximizes productivity and maintains a healthy professional environment. The research is based on the hypothesis of a hierarchical three-level model of competition, which includes the upper institutional level that determines the vector of scientific development (Level 1: political competition), the operational-tactical institutional circuit (Level 2: competition for goal-setting and resources), and the level of natural competition among researchers for new discoveries (Level 3). The qualitative state of relations at each level of competition and their mutual influence shape the specific character of competition in the field. The aim of this work is to identify competing positions at the two institutional levels of competition and to assess their alignment with the level of natural competition. The information base for the study comprises the results of the “Science Policy

of Russia" surveys from 2021–2024, which made it possible to uncover and systematize the sought-after positions.
Drawing on sociological survey data and an analysis of regulatory legal acts, we demonstrate a malfunction at the upper level of political competition, where a choice between the inertial and mobilization modes of scientific development was not made and was replaced by palliative theses aligned with the moderate sentiments of the majority of the academic community. At the operational-tactical level, due to low trust in state regulators, the research community seeks to intercept the levers of managing the scientific sphere from state structures, taking upon itself the tasks of defining goals, selecting performers and approving results, while largely maintaining its dependence on budget expenditures for research and development. The natural competition among researchers depends on their passionarity and the constructive settings at the institutional levels of competition. The decline of the first factor and the indeterminacy of the second one lead to the aimlessness of natural competition and the erosion of ethical norms, as illustrated by the example of the practice of awarding undeserved academic degrees, according to representatives of the research community. The study concludes that the necessary conditions for implementing an effective model of competition in science are the certainty of an adequate vector for scientific development (Level 1) and sufficient passionarity within the academic community (Level 3). In turn, an effective competition model will be able to build an institutionally passionate (energetic and effective) science and technology complex as a system.

Keywords: competition in science, science and technology policy, science development strategy, mobilization of science, passionarity in science

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-78-10068, "The New Paradigm of Russian Science: Changing Competitive Conditions and Market Orientation of Scientific Knowledge".

ВВЕДЕНИЕ

Конкуренция в науке – это, с одной стороны, естественное явление, а с другой – настраиваемый параметр в системе государственного управления сектором исследований и разработок. В естественной трактовке под конкуренцией понимается соперничество научных идей, решений, борьба за доступные ресурсы на проведение исследований. В управлении наукой конкуренция закрепляется разного рода институтами, эволюционирует, усложняется. При этом естественная и институциональная компоненты конкуренции оказывают взаимное влияние друг на друга, усиливая либо ослабляя конструктивный потенциал друг друга. Обе компоненты конкуренции имеют свойство вырождаться в имитации.

Для российской науки проблема разработки и реализации оптимальной модели конкуренции остаётся актуальной нерешённой задачей. Результативность и эффективность науки находятся в сложной зависимости от конкуренции и степени её остроты. Вместе с тем, во внутриполитической организации государства опыт разных стран в различные периоды развития показывает, что достижение успеха возможно при любом режиме конкуренции: от жёсткого и публичного (США) до латентного и ограниченного (Китай) [1]. Можно полагать, что данный тезис справедлив и по отношению к сектору исследований и разработок с учётом особенностей стран.

Разделение конкуренции в науке на естественную и искусственную было предложено в обширном обзоре научных работ за более чем 50-летнюю ретроспективу [2]. Под искусственной конкуренцией его автор понимает соперничество, которое складывается в системе управления наукой и негативно отражается на самой науке, приводя в качестве примера деструктивное влияние неолиберальной научной политики. Однако, как следует из данного обзора, к искусственной конкуренции также относятся отношения, порождённые неэффективными управленческими нормами.

В данной статье предпринята попытка методически усилить идентификацию институциональной конкуренции в науке и оценить её влияние на естественное соперничество. В связи с этим предлагается рассматривать три уровня конкурентных отношений в науке, которые интегрируют институциональную и естественную компоненту в пирамидную иерархическую систему. Первый уровень институциональной конкуренции (ИК-1) – конкуренция за вектор развития науки. Второй уровень институциональной конкуренции (ИК-2) – конкуренция за целеполагание. Третий уровень – соперничество среди исследователей, научных коллективов и организаций (естественная конкуренция (ЕК)). В данной работе предлагается исходить из того, что прохождение конкурентных институциональных «развилок» в ИК-1, а также ИК-2 определяет конструктивность или бессмысленность конкурентных отношений в ЕК. С другой стороны, тонус естественной конкуренции формирует спрос на институциональные изменения.

С методической точки зрения применение результатов профильных социологических исследований для достижения поставленной цели становится практически безальтернативным, если стоит задача опираться на какие-либо эмпирические оценки и не ограничиваться исключительно теоретическими рассуждениями. Обращаясь к накопленному массиву данных из проведённых в 2021–2024 гг. опросов «Научная политика России», «Будущее российской науки: академия и наукоёмкие отрасли», необходимо отметить, что ни в одном из исследований конкуренция как объект специально не рассматривалась. Отсюда – достижение цели исследования, проистекающей из гипотезы о трёхуровневой структуре конкуренции и взаимном влиянии институциональной и естественной компонент, основано на мозаичной подборке релевантной фактуры.

Институциональная «межвидовая» конкуренция науки с иными частями государственного сектора, в т. ч. за политическое внимание, размер бюджетного финансирования, не рассматривается в связи с дефицитом информации об обстоятельствах такой конкуренции и факторах её промежуточных исходов.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Институциональная компонента конкуренции в науке – это один из управленческих способов активизации имеющихся ресурсов для достижения целей научно-технологического развития государства и поддержания здоровой среды в научном сообществе.

В данной работе мы будем исходить из следующих гипотез о настройке институциональной компоненты конкуренции в науке:

- конкуренция имеет наибольшее значение на волне роста или в период мобилизации, но малопродуктивна на этапе стагнации и бессмысленна на этапе угасания активности в отрасли;
- конкуренция по своему масштабу и градусу должна быть необходимой и достаточной для достижения лучшего результата при избежании негативных последствий для отрасли в связи с ростом непроизводительных издержек либо негативных исходов конкурентной борьбы, девальвирующих естественную конкуренцию;
- при некорректной настройке, а также под воздействием различного рода факторов конкурентные механизмы могут трансформироваться в псевдоконкуренцию, положительное или отрицательное значение которой для отрасли будет определяться контекстом.

Задача данного исследования состоит в выявлении наиболее острых «камней преткновения» в институциональной компоненте конкуренции (на первом и втором уровнях), которые генерируют «расколы» мнений в научном сообществе, и оценка их влияния на конструктив естественной конкуренции на низовом третьем уровне. Условие о «расколах» представляется принципиально важным, поскольку субъективное отношение к противоборствующим сценариям будущего, механизмам конкуренции, условиям их реализации в значительной степени предопределяет их жизнеспособность и качество воплощения, т. к. прямо или косвенно это зависит от представителей научного сообщества. Именно они занимают различные должности в отрасли, входят в консультативные советы федеральных органов власти, экспертные советы финансирующих структур. Для выявленных механизмов конкуренции, порождающих дихотомию оценок инсайдеров, будут рассмотрены промежуточные итоги принятых управленческих решений в российской науке. Это позволит на основе имеющихся фрагментов составить общую модель конкуренции, заложенную в российскую науку, включая критически важные пробелы в ней или недоопределённости.

ПРОБЛЕМЫ ЕСТЕСТВЕННОЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Естественную компоненту конкуренции можно считать следствием пассионарности членов научного сообщества как в личном, так и в профессиональном отношении. В свою очередь отраслевая пассионарность является отражением пассионарности нации, в которой она существует. В работе [3] были раскрыты основные слагаемые и механизмы пассионарности общества: этические нормы, институт семьи, национальный язык. Если перейти на отраслевой уровень, то представляется возможным найти пересечения антипассионарных качеств научного сообщества (научной среды) с выделенными макрофакторами. Например, стремление к иммиграции, ослабленная ментальная связь с Россией и самопозиционирование в качестве гражданина мира, Европы и др. [4] указывают на отраслевой дефект макрофактора «семья»; распространение практики нарушения научной этики [5] указывает на дефект макрофактора

«этические нормы»; получившая распространение двуязычность многих отечественных научных журналов с переводом на иностранный язык названий статей, аннотаций, названий рисунков и таблиц, списка литературы, а также вкраплениями в номера журналов публикаций полностью на иностранном языке размывает макрофактор «язык». Отдельной задачей могла бы стать оценка отраслевых компонент пассионарности, определяющих естественную конкуренцию в науке, по фазам («активная», «зомби», «нуль»), проиллюстрированным в статье [3].

Следует также обратить внимание на два сценария вырождения естественной конкуренции. Первый сценарий характеризуется стремлением внутри научного сообщества искусственным образом ограничить генерацию идей, когда отдельной группой «великих» учёных вводится понятие «мейнстрима», аккумулирующее идеологически окрашенные объекты, методы и прочие сущности. Такой олигархический «мейнстрим» автоматически признаёт ничтожными и придаёт забвению научные исследования и результаты, не вписывающие в его рамки. Второй сценарий предполагает вытеснение естественной конкуренции усиливающимися бизнес-установками научного сообщества. Отсюда приоритетной целью становится не открытие истины, а максимизация коммерческого результата.

Функционал институциональной компоненты конкуренции в развитии науки на определённом отрезке времени может быть представлен в виде трёх вариантов: «обременять и подавлять», «не помогать и не мешать», «направлять и поддержать».

История советской науки часто характеризуется как «плановая» и «бесконкурентная», однако историко-социологические исследования показывают, что конкурентные отношения в ней не отсутствовали, а были институционально трансформированы и распределены по вертикали управления [6, с. 205–207]. Так, в СССР политический уровень конкуренции проявлялся не в виде плюрализма, а как борьба между мобилизационными и инерционными режимами научно-технической политики. В периоды мобилизации (1930-е гг., атомный проект 1940–1950-х гг., космическая программа 1950–1960-х гг.) государство чётко задавало приоритеты, концентрируя ресурсы на прорывных направлениях. В инерционные периоды (1970–1980-е гг.) вектор размывался: отсутствие однозначного выбора между «догоняющей» и «опережающей» моделью развития приводило к паллиативным решениям, идеологическим компромиссам и замещению научных приоритетов ведомственными интересами [7].

На уровне распределения ресурсов, целеполагания и контроля в СССР сформировалась система «ведомственной разобщённости». Конкуренция разворачивалась между АН СССР, отраслевыми академиями, министерствами и вузами. Низкое доверие между научным сообществом и государственными регуляторами (ГКНТ, Госплан, министерства) компенсировалось созданием параллельных структур экспертизы, дублированием тематик и «закрытым» распределением фондов [8]. Научное сообщество стремилось перехватить рычаги управления через внутренние экспертизы и «академическое самоуправление», однако сохраняло жёсткую бюджетную зависимость [9]. Это порождало гибрид конкурентно-распределительной модели, где формальные процедуры отбора

исполнителей часто подменялись ведомственными квотами и номенклатурными согласованиями [10]. Несмотря на централизацию, на микроуровне сохранялась естественная конкуренция за приоритет, публикационную активность и признание. Однако в условиях инерционного режима и институциональной неопределённости конкуренция трансформировалась в борьбу за формальные показатели (в т. ч. количество публикаций) [11; 12].

В российской науке сопряжение естественной и институциональной компонент конкуренции приобретает, скорее, антагонистический характер с ущербом, как правило, самому научному сообществу. В этих отношениях достаточно явно проявляет себя закон Ч. Гудхарта [13]. При установлении со стороны управляющей системы показателей научной деятельности, выступающих средством измерения результативности и соответственно конкурентоспособности в науке, включается быстрая «обратная связь», когда профессиональная среда учится их обходить либо достигать недобросовестными способами. Одним из эффектов обучения стали трюки в наращивании публикационной активности, которые хорошо известны в России и за рубежом [14].

Существуют и обратные примеры, когда позитивные конкурентные установки со стороны управляющей системы, направленные на «очищение», «отбор лучших», были встречены сопротивлением и саботированы в научном сообществе. К числу таких относится пресловутая система оценка результативности деятельности научных организаций, формально внедрённая в 2009 г.[1], но остающаяся до сих пор административным балластом.

Отдельного внимания заслуживают особые «форсажно-холостые» институты, которые, поднимая волну исследовательской активности в борьбе за призрачные ресурсы, на выходе генерируют нулевой результат как для системы управления, так и для науки, тем самым рассеивая собравшиеся остатки энергии и энтузиазма. Примером такого института являются «комплексные научно-технические программы и проекты полного инновационного цикла»[2] [15; 16, с. 78–79].

Встречаются ли эпизоды, когда институциональная компонента конкуренции вместе с естественной системно обеспечивали лучшие условия для научных достижений? Скорее всего, их следует искать в истории науки, в т. ч. относящейся к периоду расцвета Советского Союза и соответственно его научно-технологического комплекса, соперничавшего с американским. При этом история науки богата примерами, когда большие научные результаты были достигнуты исключительно благодаря пассионарности исследователей.

Следуя поставленной задаче, сконцентрируемся на анализе современной повестки институциональной конкуренции на первом и втором уровнях.

---

[1] Постановление Правительства РФ от 08.04.2009 г. № 312 «Об оценке и о мониторинге результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения».

[2] Постановление Правительства РФ от 19.02.2019 г. № 162 «Об утверждении Правил разработки, утверждения, реализации, корректировки и завершения комплексных научно-технических программ полного инновационного цикла и комплексных научно-технических проектов полного инновационного цикла в целях обеспечения реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации».

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ ПЕРВОГО УРОВНЯ: МЕЖДУ ИНЕРЦИОННОСТЬЮ И МОБИЛИЗАЦИЕЙ

Точкой отсчёта для настройки институциональных конкурентных механизмов являются цель и задачи науки на текущий момент и в обозримой перспективе. Как утверждается в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации от 2024 г., в период 2002–2021 гг. отечественная наука отвечала на некоторые «большие вызовы», а с 2022 г. начался этап мобилизационного развития научно-технологической сферы в условиях санкционного давления[3] с неограниченным горизонтом планирования. Мобилизация никогда не может иметь перманентный характер, что авторы документа либо упускают из виду, либо под анонсированным мобилизационным развитием понимают нечто неозвученное. В то же время признание необходимости мобилизации – это не только подтверждение неспособности системы в текущей конфигурации решать задачи, но и доказательство неэффективности управления в ретроспективе. Накопленные за многие годы ошибки, пласт невыполненных работ, неполученных результатов придётся исправить, выполнить, получить теперь уже в ускоренном режиме.

В период ответа на «большие вызовы» и на провозглашённом этапе мобилизации фактор конкуренции принимает совершенно разный облик. Логично предположить, что мобилизация сокращает пространство для конкуренции в науке с точки зрения охватываемых субъектов, проектов, сжимает время для появления результатов такой конкуренции. При этом значимость (цена) проектов, на которые распространяется конкуренция, существенно повышается. В таблице 1 представлены параметры институциональной конкуренции в науке, которые сложились в период до 2022 г., и показано, какими они могли бы стать после.

Таблица 1

Сравнительная характеристика атрибутов институциональной конкуренции в науке в разные периоды времени

Table 1

Comparative characteristics of the attributes of institutional competition in science in different time periods

Параметр	Наука, отвечающая на «большие вызовы» (2002–2021 гг.)	Наука, мобилизованная для ускоренного решения актуальных научно-технических задач (с 2022 г.)
Состав объектов конкуренции	Широкий	Узкий
Значимость объекта конкуренции	Не имеет значения	Высокая
Круг участников конкуренции	Широкий	Узкий
Временной период для подведения итогов конкуренции	Не имеет значения	Короткий
Влияние конкуренции на получение лучших научных результатов	Не определено либо эпизодическое	Высокое
Соотношение фундаментальных и прикладных исследований	Исторически сложившееся	В пользу прикладных научных исследований
Цена негативных последствий возникновения псевдоконкуренции	Не определено	Высокое

[3] Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

Опираясь на таблицу 1, следует сделать вывод о том, что конкуренция в период стабильного и в значительной степени инерционного функционирования науки, не подкреплённая внятными целями, вообще не имеет самостоятельного значения, чаще всего имитируется, становится псевдоконкуренцией. Естественная конкуренция в очень ограниченном объёме ещё может теплиться за счёт внутренней мотивации исследователей и пассионарных энтузиастов.

Конечно, период мобилизации создаёт не самый комфортный режим для науки с точки зрения свободы научного творчества, но он приносит новые возможности, которые могли бы никогда не открыться при других условиях. Весной 2022 г. был проведён опрос научного сообщества, одной из тем которого стала мобилизация гражданской науки[4] и отношение к такому сценарию дальнейшего развития.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, необходимо ли переводить науку Российской Федерации в мобилизационный режим функционирования?», %

Table 2

Distribution of answers to the question “Do you think it is necessary to transfer science in the Russian Federation to a mobilization mode of operation?”, %

Вариант ответа	Все респонденты
Необходимо и в кратчайшие сроки	26,4
Необходимо, но постепенно, в течение ближайших лет	25,1
Такой необходимости нет	33,0
Затрудняюсь ответить	6,9
Другое	8,6

Справочно: число ответивших респондентов – 3271 чел. *Источник:* [17].
For reference: the number of respondents was 3,271 people. *Source:* [17].

Полученные данные показывают, что, казалось бы, в очевидной ситуации едва удалось набрать простое большинство голосов за реализацию мобилизационного сценария (таблица 2). При этом группа сторонников перехода к такому сценарию раскалывается надвое во взглядах о его срочности. Треть исследователей вообще не увидели необходимости в мобилизации интеллектуальных ресурсов.

Каковы ожидаемые последствия мобилизации науки? Очевидно, изменения затронут систему целеполагания, обеспеченность ресурсами, а также условия личного труда в науке.

Результаты опроса указывают на ожидания исследователей качественных изменений в научной повестке. 35% опрошенных считали, что новые установки приведут к снижению либо утрате актуальности проводимых ими научных исследований, и только 18% респондентов предвидят для себя новые возможности. В этих условиях более уместно говорить о готовности к весьма

[4] Под мобилизационным режимом функционирования науки понимается такое управление научно-техническим потенциалом и распределение ресурсов, при которых форсированным образом должны решаться первостепенные научные, научно-технические задачи государственного значения, в т. ч. в целях ускоренного импортозамещения технологий и техники.

ограниченной мобилизации. Ужесточение же конкуренции при отборе научных проектов, которое принесёт мобилизация науки, спрогнозировали 28% опрошенных (таблица 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Чего можно ожидать в случае перевода науки на мобилизационный режим в области целеполагания для науки?» (допускался выбор нескольких вариантов ответа), %

Table 3

Distribution of answers to the question “What can be expected in the case of the transfer of science to a mobilization mode in the field of goal-setting for science?” (a choice of several possible answers was allowed), %

Вариант ответа	Все респонденты	Качественная оценка
Преимущественно директивная постановка научно-технических задач	45,7	Ожидание повышения конкуренции в целеполагании Трансформация научной повестки под диктовку государства
Акцент на ускоренное импортозамещение	39,3	
Сокращение количества инициативных исследований	42,2	
Ужесточение требований к отбору научных проектов	27,7	Ожидание повышения конкуренции исполнителей
Повышение актуальности моей тематики научных исследований	18,4	Ожидания приобретений от мобилизации
Снижение актуальности моей тематики научных исследований	21,2	Ожидание потерь от мобилизации
Утрата актуальности моей тематики научных исследований	13,6	
Другое	7,0	–
Затрудняюсь ответить	6,1	–

Справочно: число ответивших респондентов – 3225 чел. *Источник:* [17].
For reference: the number of respondents was 3,225 people. *Source:* [17].

Переход к мобилизации науки запустит процессы пересмотра подходов к формированию научной повестки, когда ведущая роль в целеполагании перейдёт в сторону государственных структур, а роль научного сообщества станет преимущественно консультативной. Одновременно с этим прогнозируется усиление конкуренции между исполнителями.

В 2023 г. был сформирован номер журнала «Управление наукой: теория и практика», значительная часть которого была посвящена обсуждению вопросов мобилизации науки. Многие авторы публикаций осторожно склонялись в сторону ограниченной мобилизации [18–20], подчёркивая высокие риски и ювелирную избирательность данного мероприятия.

Сведения о настроениях научного сообщества по поводу новой повестки научных исследований дополняются фрагментом опроса, проведённого осенью 2022 г. [21]. В частности, респондентам был предложен вопрос о приоритетности финансирования фундаментальных или прикладных научных исследований на горизонте до 2031 г. (таблица 4). Контекст мобилизации не упоминался.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Какой, на Ваш взгляд, должна стать система управления наукой в России в результате в ближайшие годы <в контексте Десятилетия науки и технологий в России>?» (соотношение финансирования фундаментальных и прикладных научных исследований), %

Table 4

Distribution of answers to the question “In your opinion, what should the science management system in Russia consequently become in the coming years <in the context of the Decade of Science and Technology in Russia>?” (the ratio of funding for fundamental and applied scientific research), %

Сценарий 1	Вариант ответа							Сценарий 2
	Оценки для сценария 1			«0»	Оценки для сценария 2			
	«3»	«2»	«1»		«1»	«2»	«3»	
При финансировании приоритет получают прикладные исследования.	5,8	7,5	8,4	52,6	6,7	9,1	9,9	При финансировании приоритет получают исследования, направленные на решение крупных фундаментальных научных проблем.

Справочно: число ответивших респондентов – 4265 чел. Респонденту было предложено выбрать одну из цифр в зависимости от предпочтительности левого или правого вариантов (3 – «полностью поддерживаю», 0 – «и то, и другое в равной степени»). *Источник:* [21].
For reference: the number of respondents was 4,265 people. Respondents were asked to choose one of the numbers depending on the preference of the left or right options (3 – “I fully support”, 0 – “the one and the other equally”). *Source:* [21].

Вновь умеренность научного сообщества, стремление избежать каких-либо перекосов свидетельствуют о низкой готовности к объективным экзистенциональным переменам. Более половины респондентов (52,5%) фактически высказались за отсутствие приоритетов, чтобы «всем было хорошо». При этом более радикально настроенная группа приверженцев «прикладной науки» (21,7% опрошенных) уравновесила когорту абсолютистов «фундаментальной науки» (25,7% опрошенных). Таким образом, баланс фундаментальной и прикладной науки ко всеобщему согласию остался ненарушенным.

Теперь рассмотрим, каким образом на такой отклик научного сообщества относительно мобилизации науки накладывается управленческая линия (на вербальном уровне и в практическом отношении).

В Стратегии научного технологического развития России текущий этап объявлен периодом мобилизационного развития (не мобилизации), что примерно соответствует мнению простого большинства респондентов (таблица 2). Соглашаясь с недостатками данного документа, изложенными в [22], следует добавить, что сущность мобилизационного развития науки (полного либо частичного) также не была раскрыта, а его имплементация остаётся мало заметной в краткосрочном аспекте, как бы потакая мнению части исследователей об отсроченном характере активизации усилий. Исследователи, желающие

реализовать мобилизационный режим функционирования незамедлительно, теоретически могли и могут это сделать самостоятельно без команды от государства. В то же время противники мобилизации науки или неопределившиеся продолжают пользоваться благосклонностью бюджетного финансирования к инициативным темам фундаментального и прикладного характера, особенно по линии государственного задания в сфере науки. Таким образом, управленческая повестка в области мобилизации науки на 100% соответствует внутренним настроениям научного сообщества по этому поводу. Надо полагать, что реализовать мобилизационную модель развития науки удастся только лидеру, обладающему волей и полномочиями. В настоящий момент такие лидеры в отрасли не обозначились.

Следует добавить ещё одно замечание. В 2021 г. указом Президента РФ было определено, что научно-технологическое развитие – это один из приоритетов, обеспечивающих национальную безопасность[5]. Состав показателей Стратегии научно-технологического развития России от 2024 г., хронологически отвечающих периоду декларируемого мобилизационного развития науки, имеет весьма косвенное отношение к национальной безопасности. Количественные значения показателей на период до 2035 г.[6] показывают весьма скудный вклад ожидаемых достижений научно-технологического развития в защищённость национальных интересов от внутренних и внешних угроз. В этой связи к таким публичным управленческим шагам следует относиться именно как к отсрочке на неопределённый период реальной мобилизации науки. По другой версии это можно считать отвлечением внимания на негодный объект.

Таким образом, вставшая в полный рост в 2022 г. конкуренция между инерционным и мобилизационным сценариями развития российской науки на ближайшую перспективу формально и вербально недоразрешилась в 2024 г. в пользу последнего. Содержание мобилизационного пути не раскрыто по масштабу (выборочно, тотально), временным срокам, охватываемым направлениям и субъектам, что говорит о нереализованном решении. Кроме того, регуляторный путь для науки раздвоился и представлен теперь конкурирующими сущностями, проистекающими из Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ (ключевые субъекты: Управление по науке и образованию Администрации Президента РФ, Минобрнауки России) и Федерального закона «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.12.2024 № 523-ФЗ (Минэкономразвития России). Таким образом, вертикаль управления наукой утрачена, и впереди ожидает долгий этап внутриуправленческой конкуренции за влияние и ресурсы.

Спускаясь по структуре конкуренции ниже, перейдём к рассмотрению институциональной конкуренции второго уровня.

---

[5] Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

[6] Распоряжение Правительства РФ от 10.04.2025 г. № 880-р.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ ВТОРОГО УРОВНЯ: ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И РЕСУРСЫ

Поскольку переход от инерционного состояния к мобилизационному остаётся незавершённым (если вообще начинался), то конкуренция в науке сохраняет черты, присущие ей в условиях инерционного режима (таблица 1). Вместе с тем следует отметить ряд разнокалиберных конкурентных установок второго порядка, которые не могут компенсировать дефицит неопределённости исхода конкуренции за вектор развития науки в ближайшей перспективе, но способны всё же немало повлиять на комфортность исследовательского климата (например, выключить ориентир на конечный научный результат или гарантию его получения). Здесь речь идёт о малопродуктивной конкуренции, протекающей в условиях стагнации.

Желаемый выбор научным сообществом между конкурирующими административными сценариями приведён в таблице 5.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Какой, на Ваш взгляд, должна стать система управления наукой в России в результате в ближайшие годы <в контексте Десятилетия науки и технологий в России>?» (субъекты политики и финансирования науки, организация науки), %

Table 5

Distribution of answers to the question “In your opinion, what should the science management system in Russia consequently become in the coming years <in the context of the Decade of Science and Technology in Russia>?” (subjects of science policy and funding, organization of science), %

№	Сценарий 1	Вариант ответа							Сценарий 2
		Оценки для сценария 1			«0»	Оценки для сценария 2			
		«3»	«2»	«1»		«1»	«2»	«3»	
1.	Научная политика и целеполагание								
1.1.	Научная политика определяется сообществом учёных (РАН, экспертные советы, научные ассоциации).	42,7	19,4	8,0	17,7	3,6	3,7	4,9	Научная политика определяется федеральными органами власти (Администрация Президента РФ, Госсовет, Правительство РФ, Минобрнауки России, профильные комитеты Совета Федерации и Думы).
1.2.	Направления исследований определяются самими учёными и научными коллективами, а государство обеспечивает благоприятные условия для научной деятельности.	29,8	14,9	6,9	22,9	5,5	9,0	11,0	Направления исследований и условия научной деятельности определяются государством на основании приоритетов развития страны.

Продолжение Табл. 5 см. на стр. 92

Продолжение Табл. 5

№	Сценарий 1	Вариант ответа							Сценарий 2
		Оценки для сценария 1			«0»	Оценки для сценария 2			
		«3»	«2»	«1»		«1»	«2»	«3»	
2.	Финансирование науки								
2.1	Научные исследования финансируются преимущественно из государственного бюджета.	28,6	22,1	10,2	32,3	3,2	2,0	1,6	Научные исследования финансируются преимущественно бизнесом.
2.2	Существует множество источников грантовой поддержки, несколько государственных и частных научных фондов.	49,7	16,8	5,7	13,5	3,5	3,8	7,0	Грантовая поддержка осуществляется централизованно, одним научным фондом.
3.	Организация науки и оценка результативности								
3.1	Экспертиза отчётов НИР, заявок на гранты и государственные задания осуществляется представителями научного сообщества.	55,6	18,6	6,2	11,7	2,4	2,3	3,2	Экспертиза отчётов НИР, заявок на гранты и государственные задания осуществляется специально подготовленными госслужащими.

Справочно: число ответивших респондентов – 4265 чел. Респонденту было предложено выбрать одну из цифр в зависимости от предпочтительности левого или правого вариантов (3 – «полностью поддерживаю», 0 – «и то, и другое в равной степени»). *Источник:* [21].
For reference: the number of respondents was 4,265 people. Respondents were asked to choose one of the numbers depending on the preference of the left or right options (3 – "I fully support", 0 – "the one and the other equally"). *Source:* [21].

На основе представленных данных складывается сложная картина. Если судить по консолидированному мнению научного сообщества, именно оно должно в значительной степени определять (почти диктовать) научную политику (таблица 5, пункт 1.1). В области направлений научных исследований имеется слабая готовность к сотрудничеству с государственными структурами (таблица 5, пункт 1.2). Приёмка результатов остаётся в компетенции самого научного сообщества (таблица 5, пункт 3.1). В целом же государственным институтам следует находиться подальше от этих вопросов. При этом основным источником финансирования научных исследований должен выступать бюджет, а расходы бизнеса на науку, по умолчанию предполагающие нелиберальные требования к разработчикам, становятся малым довеском в общую копилку и актуальны для тех, кто сможет таким требованиям удовлетворять (таблица 5, пункт 2.1). На качественном уровне именно такая макроструктура расходов на исследования и разработки прочно закрепилась в России.

Вместе с тем большинство участников опроса выступило против монополии в сфере грантовой поддержки научных исследований через фонды (таблица 5, пункт 2.2), которая формально в России отсутствует, но фактически реализуется в полной мере (в 2014 г. РНФ пришёл на смену РФФИ, и по масштабу деятельности ему нет равных на данном поле).

Таким образом, научное сообщество склонно перехватывать государственные функции по тактико-оперативному управлению наукой, но остаётся финансово зависимым от государства. В проявленной позиции («сам заказал работу – сам сделал работу – сам принял результаты») есть существенная уязвимость. Потенциальный объект мобилизации (научное сообщество), желающий выступать и, как показывает практика, реально выступающий в роли субъекта управления, наверняка, в добровольном порядке никогда не одобрит никакую самомобилизацию и тем более её не проведёт, поскольку интенсивный рабочий режим с полнотой ответственности за результат весьма далёк от привычного комфорта в инерционном сценарии за государственный счёт.

Очевидно, такое самоопределение научного сообщества выглядит вызывающим и неконструктивным. Обращаясь же к причинам этого латентного конфликта с государственными институтами за право целеполагания и распоряжения ресурсами, мы обнаруживаем отсутствие доверия научного сообщества к государственным структурам (таблица 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы доверяете следующим организациям и сообществам в управлении государственной научной политикой нашей страны?», %

Table 6

Distribution of answers to the question “How much do you trust the following organizations and communities in managing the state science policy of our country?”, %

Оцениваемый субъект	Вариант ответа						
	Полностью доверяю	Скорее доверяю	В чём-то доверяю, в чём-то нет	Скорее не доверяю	Абсолютно не доверяю	Не имею достаточной информации о работе данной структуры	Затрудняюсь ответить
Российская академия наук	10,2	39,2	28,0	11,0	6,0	4,6	0,9
Совет при Президенте Российской Федерации по науке и образованию	3,3	14,3	18,8	21,5	14,8	25,8	1,4
Управление Президента РФ по научно-образовательной политике	3,2	10,9	14,6	20,6	19,5	29,8	1,3
Минобрнауки России	2,8	10,8	26,5	30,6	23,6	5,0	0,8
Комиссия по научно-технологическому развитию РФ	2,0	11,4	16,0	14,4	10,9	43,7	1,7
Комитет Госдумы РФ по науке и высшему образованию	1,8	7,3	16,0	23,9	26,6	23,3	1,2
Комитет Совета Федерации РФ по науке, образованию и культуре	1,7	6,5	13,2	21,3	24,1	31,7	1,4

Справочно: число ответивших респондентов – 4145 чел. *Источник:* [21].
For reference: the number of respondents was 4,145 people. *Source:* [21].

Данные таблицы 6 показывают, что сравнительно высоким, но далеко не абсолютный уровнем доверия пользуется РАН как высший представительный орган научного сообщества, опережая даже Совет при Президенте Российской Федерации по науке и образованию, в состав которого входят и представители науки, и чиновники. Исключительно государственные структуры федерального уровня, формально относящиеся к регуляторам, вообще не популярны, а некоторые – малоизвестны (профильное управление Администрации Президента РФ, Комиссия по научно-технологическому развитию Российской Федерации, Минобрнауки России, комитеты Совета Федерации и Государственной Думы). Выводы о низком доверии к официальным управленческим структурам сопоставимы с результатами исследования, проведённого в 2021 г., где использовался близкий по смыслу вопрос в отношении более узкого круга субъектов [23]. Однако по критерию доверия к государственным структурам научная сфера не является эксклюзивным случаем, и общее скептическое восприятие официальных структур является в российском обществе системным. Рассматривая близость таких чувств, как «доверие» и «одобрение», по отношению к внешним объектам, можно сделать аналогичные выводы о дефиците лояльности по отношению к судебной системе, политическим партиям и др., за исключением Российской армии и Русской православной церкви[7].

Остаётся доподлинно неизвестным, чем отвечает государственная «машина» научному сообществу на антидоверие. В связи с невозможностью провести социологические замеры по косвенным признакам можно сделать следующие выводы. Во-первых, к реальным государственным приоритетам относится весьма узкий сегмент науки. Отсюда позиция регуляторов где-то близка к признанию оперативной ненужности, по крайней мере, немалой части науки в её текущей конфигурации. Во-вторых, по мере неизбежного роста экзистенциональных задач регуляторы вынуждены из «тыловой науки», отвечающей на «большие вызовы», формировать непубличную «штурмовую» науку для закрытия возникающих брешей (например, заключение федеральным правительством соглашений с государственными корпорациями, крупными компаниями с государственным участием по развитию высокотехнологичных направлений[8]) или при непригодности сырья создавать «штурмовую» науку с нуля. Эти выводы не поддаются прямым доказательствам, но срочность, количество и качество принимаемых государственных мер в отношении науки вполне им соответствуют.

---

[7] Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2024 год : [сайт]. URL: https://report2024.oprf.ru/oprf/content/print/ru-RU/Report.pdf (дата обращения: 07.05.2026).

[8] В частности, в 2019 г. были заключены соглашения о развитии следующих направлений: «Искусственный интеллект» (ПАО «Сбербанк»), «Квантовые коммуникации» (ОАО «РЖД»); «Квантовые вычисления», «Технологии создания новых материалов и веществ» (Госкорпорация «Росатом»); «Квантовые сенсоры», «Технологии распределённого реестра», «Новые поколения узкополосной беспроводной связи для “Интернета вещей” и связи ближнего и среднего радиусов действия» (Госкорпорация «Ростех»); «Беспроводная связь нового поколения» (Госкорпорация «Ростех», ПАО «Ростелеком»); «Новые поколения микроэлектроники и создание электронной компонентной базы» (Госкорпорация «Ростех»). Далее эта практика получила продолжение: «Генетические технологии» (ПАО «Роснефть», 2020 г.); «Новые производственные технологии» (Госкорпорация «Росатом», Госкорпорация «Ростех», Госкорпорация «Роскосмос», 2020 г.); «Технологии новых материалов и веществ» (Госкорпорация «Росатом», 2020 г.); «Развитие водородной энергетики и декарбонизация промышленности и транспорта на основе природного газа» (ПАО «Газпром», 2021 г.); «Перспективные космические системы и сервисы» (Госкорпорация «Роскосмос», 2023 г.); «Оборудование для бурения и добычи на суше» (ПАО «Газпромнефть», 2023 г.) и др.

Следует подчеркнуть, что для науки в силу её сложности государственным служащим весьма трудно и невозможно сформулировать задачи по существу. Это тот редкий случай, когда объект управления более компетентен, чем управляющая система. Например, Программу фундаментальных научных исследований не сможет сформировать в автономном режиме ни один государственный институт в России, и в этих условиях государству приходится согласовывать готовый документ, представленный научным сообществом. В сложных условиях взаимодействия с ним государство прибегает к бессодержательным целям по увеличению публикационной и патентной активности, одновременно покупая лояльность целевыми установками об оплате труда научного сотрудника в размере двукратной заработной платы в соответствующем регионе.

Наряду с естественными объектами противоречий существуют искусственные «яблоки раздора» в области организации науки и оценки результативности, созданные системой управления (таблица 7). К этому перечню можно добавить фрагмент государственной политики по поддержке молодых исследователей, педалируя возрастную дискриминацию [24–26]. В работе [2] такие искусственные конкурентные предметы относятся к издержкам неолиберальной научной политики.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Какой, на Ваш взгляд, должна стать система управления наукой в России в результате в ближайшие годы <в контексте Десятилетия науки и технологий в России>?» (различные административные сценарии), %

Table 7

Distribution of answers to the question “In your opinion, what should the science management system in Russia consequently become in the coming years <in the context of the Decade of Science and Technology in Russia>?” (various administrative scenarios), %

№	Сценарий 1	Вариант ответа							Сценарий 2
		Оценки для сценария 1			«0»	Оценки для сценария 2			
		«3»	«2»	«1»		«1»	«2»	«3»	
1	Наука развивается преимущественно в университетах.	4,6	4,0	4,0	43,3	9,1	15,8	19,2	Наука развивается преимущественно в научных организациях.
2	Наукометрические показатели оцениваются на основе национальной системы научного цитирования (РИНЦ и др.).	17,1	9,9	5,6	27,2	6,2	12,0	22,0	Наукометрические показатели оцениваются в первую очередь на основе международных систем научного цитирования (например, WoS и Scopus).
3	Ставка делается на развитие отечественных научных журналов и выведение их на мировой уровень.	36,0	13,6	7,5	21,6	4,5	5,9	10,9	Ставка делается на стимулирование публикаций в зарубежных высокорейтинговых журналах.

Справочно: число ответивших респондентов – 4265 чел. Респонденту было предложено выбрать одну из цифр в зависимости от предпочтительности левого или правого вариантов (3 – «полностью поддерживаю», 0 – «и то, и другое в равной степени»). *Источник:* [21].
For reference: the number of respondents was 4,265 people. Respondents were asked to choose one of the numbers depending on the preference of the left or right options (3 – “I fully support”, 0 – “the one and the other equally”). *Source:* [21].

Вопрос о том, кому должна принадлежать главная роль в развитии российской науки – научным организациям или университетам, – вброшен относительно недавно. Немногим менее половины опрошенного научного сообщества (43,3%) не склонны видеть в этом проблему и выступили за паритетность (таблица 7, пункт 1). Другая половина респондентов разделилась на два лагеря с очевидным перевесом в пользу научных организаций (44,1% против 12,6%). Следует напомнить, что реализованные последовательно две серии мероприятий по поддержке университетов и университетской науки (программа «5–100» (2012–2020 гг.), «Приоритет-2030»[9] (2021–2025 гг.)) не сопровождались подобными масштабными мерами в отношении научных организаций. В настоящее время обе программы завершены (вторая программа завершена досрочно), а их эффективность и судьбоносное влияние на научную деятельность университетов остаётся неподтверждёнными.

Приоритет зарубежных журналов над отечественными в качестве наиболее предпочтительного места публикаций российских исследователей, а также зарубежных систем научного цитирования был заложен указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». Спустя десять лет респонденты высказались в пользу российских журналов: число сторонников развития российской научной периодики (57,1%) существенно превышает число предпочитающих продолжать поддержку публикационной активности российских исследователей в иностранных высокорейтинговых журналах (21,3%) (таблица 7, пункт 2). Только под давлением внешних обстоятельств в 2022 г. был наложен мораторий на стимулирование публикационной активности за рубежом, который формально истёк 31 декабря 2024 г.[10], и на официальном уровне был сформирован «Белый список» отечественных журналов.

На фоне вынужденной национально ориентированной позиции в отношении научных журналов сохраняется заочный конфликт по вопросу выбора российской или зарубежной наукометрической оценки. В силу равных их содержательных преимуществ и недостатков безусловного доверия не получили ни российские системы цитирования («за» 32,6%), ни зарубежные («за» 40,2%) (таблица 7, пункт 3). Важно отметить, что признаваемая государством российская система оценки результативности научных исследований и разработок до сих пор так и не создана.

Тем не менее даже самые конструктивные разрешения рассмотренных трёх искусственных предметов противостояния в научном сообществе, «прошитых» в управленческих документах, не принесут существенной пользы для науки. Основная причина состоит в том, что это всё вторичные инфраструктурные вопросы, которые имеют весьма косвенное отношение к содержательным целям и задачам науки. Таким образом, в науке конкурентные механизмы

[9] Постановление Правительства РФ от 13.05.2021 г. № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства “Приоритет-2030”»; постановление Правительства России от 14.08.2025 г. № 1219 «О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (о прекращении программы «Приоритет-2030»).

[10] Постановление Правительства РФ от 19.03.2022 г. № 414 «О некоторых вопросах применения правовых актов Правительства Российской Федерации, устанавливающих требования, целевые значения показателей по публикационной активности».

оперативного значения по своей сути являются непроизводительными и продуцируют в лучшем случае нулевой эффект для системы в целом. Очевидно, что ни один из механизмов не распространяется на «штурмовую» науку, которая будет работать на острие актуальных задач.

Рассмотрим теперь особенности конкуренции на самом низовом уровне, охватывающим отношения исследователей друг с другом по ряду профессиональных вопросов.

ЕСТЕСТВЕННАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В НАУКЕ: УТРАТА СМЫСЛОВ

Как было отмечено выше, естественная конкуренция связана с пассионарностью научного сообщества. Ниже будут представлены фрагменты социологических опросов, иллюстрирующие угасший уровень исследовательской активности и вредные попустительства в профессии. Приведённые эпизоды относятся к психологическому климату естественной конкуренции, а также дефекту такого макрофактора пассионарности, как «этические нормы», проявившиеся под воздействием неопределённости исходов институциональной конкуренции на первом и втором уровнях.

В работе [4] был замерен конкурентный фон в научном сообществе с точки зрения наличия у участников опроса научных противников (таблица 8).

Таблица 8

Наличие у респондентов конкурентов или оппонентов по профильному научному направлению, %

Table 8

Occurrence of respondents' competitors or opponents in the relevant scientific field, %

	Вариант ответа			ИТОГО
	Имею	Не имею	Затрудняюсь ответить	
Конкуренты (оппоненты), к которым респондент относится недоброжелательно	25,2	62,6	12,2	100
Конкуренты (оппоненты), к которым респондент относится доброжелательно	84,9	8	7,1	100

Справочно: число респондентов, ответивших на вопрос: 1114 чел. *Источник:* [4].
For reference: the number of respondents who answered the question was 1,114 people. *Source:* [4].

Полученные ответы свидетельствуют о том, что почти 85% респондентов видят вокруг себя идейных недругов, но настроены к ним доброжелательно. Противоположное чувство свойственно 25% опрошенных. Исходя из этих данных, можно допустить, что идейная конкуренция в науке на межличностном уровне весьма невелика, т. к. она мало портит отношения между участниками конкуренции и поддерживает «священно» комфортный исследовательский климат без лишних эмоциональных помех. Данное наблюдение вполне объяснимо. При неопределённости в политической компоненте нет никакого практического смысла лишний раз «ломать копья» с коллегами по научным

предметам, востребованность которых сомнительна. Т. е. естественная конкуренция практически утрачивает свою необходимость и минимизируется научным сообществом.

Если теоретически допустить обратное (идейная конкуренция велика в условиях доброжелательности сторон), то к данной ситуации применим тезис «только наука, ничего личного». В этом случае мы вынуждены отождествить науку с бизнесом, что также свидетельствует не в пользу первой.

В целом, из данных таблицы 8 следует, что научная сфера на ¾ представляет собой довольно тихое место, где избегают реальной конкуренции. Однако 25% опрошенных потенциально всё же готовы ругаться со своими оппонентами, в эмоциональном отношении более серьёзно относясь к научным разногласиям.

Внутреннюю конкуренцию в научном сообществе можно сравнить с конкуренцией в аквариуме, где нет хищников, а отношения между прочими обитателями при заданной кормовой базе (квазибизнесе) давно сложились, и лишь небольшая часть аквариумных резидентов может быть конфликтна, в т. ч. в силу своих личностных особенностей, а не по профессиональным причинам.

К чему же приводит такой аквариумный микроклимат? Вероятно, ответов на этот вопрос предполагается множество. Мы остановимся на одном из аспектов, подробно исследованном в работе [4], связанным с воспроизводством научных кадров. Объектом интереса был вопрос о распространённости случаев присуждения, по мнению опрошенных исследователей, «липовых» учёных степеней (таблица 9).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос о частоте встречаемости события в сфере присуждения учёной степени, %

Table 9

Distribution of answers to the question about the frequency of occurrence of an event in the field of awarding an academic degree, %

Вариант ответа респондента	Присуждение учёной степени соискателю, который, по мнению респондента, её не заслуживает
Никогда не сталкивался	24,5
Сталкивался редко	42,1
Сталкиваюсь часто	14,7
Явление системное, встречается постоянно	12,2
Затрудняюсь ответить	6,4
ИТОГО	100,0

Справочно: число респондентов, ответивших на вопрос: 1115 чел. *Источник:* [4].
For reference: the number of respondents who answered the question was 1,115 people. *Source:* [4].

Данные таблицы 9 показывают следующее: отсутствие накала внутренней конкуренции приводит к тому, что процесс присуждения учёных степеней, окружающий 27% участников опроса, стал порочен абсолютно либо в значительной степени. Ещё 42% респондентов в своей карьере доводилось наблюдать присуждение учёной степени недостойным, по их мнению, соискателям (таблица 9).

Это является одним из примеров ущерба от системного недостатка конкуренции на низовом уровне либо конкуренции, в которой административную победу нередко одерживают «нездоровые» силы.

Наносимый и поддерживаемый урон репутации государственному институту учёных степеней получил масштаб и не мог остаться незамеченным внутри научного сообщества, со стороны государства, а также широкой общественности. Не исключено, что запланированным или ситуативным ответом государства на размывание статуса учёной степени стало предоставление права отдельным вузам и научным организациям присваивать собственные учёные степени. В свою очередь, это неизбежно заставляет организации, выдающие дипломы, принять репутационную ответственность за компетенцию их обладателей.

Помимо ущерба системе учёных степеней недостаток конкуренции приводит к иным нарушениям научной этики (предвзятая научно-техническая экспертиза (рецензирование) с выводами, которые ожидает заказчик (заинтересованное лицо), включение в состав авторов статьи (патента) лиц, не имевших отношения к соответствующей работе) [4]. Таким образом, научная этика как одна ценностей также утрачивает смысл под влиянием нерешенности вопросов на политико-административных уровнях конкуренции в науке.

ВЫВОДЫ

Декомпозиция конкуренции в науке на три уровня показала, что сбой в принятии государством решений на первом институциональном уровне становится дезориентиром для административных решений на втором уровне и демотиватором для низового третьего уровня естественной конкуренции. На отдельных примерах показано, что интеграция представителей научного сообщества в систему государственного управления наукой привела к тому, что принимаемые решения, включая половинчатые по поводу вектора развития науки, отражают позицию либо отсутствие общей позиции научного сообщества.

Главная проблема заключается в том, что по принципиальному вопросу о векторе развития науки (первый уровень институциональной конкуренции) государство в лице своих структур вольно или невольно следует в фарватере мнения научного сообщества, которое состоит из набора трудно сводимых друг к другу альтернативных позиций. В этих условиях управляющей системе невозможно полагаться на лояльность управляемых при принятии антикризисных решений, и она избегает радикальных решений, которые спровоцируют противостояние с научным сообществом и принуждение. Меры, к которым преимущественно консервативное научное сообщество не готово, государство не инициирует, в т. ч. по причине отсутствия яркого отраслевого лидера, пользующегося авторитетом в научном сообществе и способного волевым образом реализовать эти меры.

Установлено, что консолидированная позиция научного сообщества выражается в стремлении перехватывать управление наукой у государственных структур на втором уровне институциональной конкуренции. Одной из причин данной конкуренции является недостаток доверия к системе управления, который в текущей управленческой парадигме является неустранимым.

Если перефразировать в отраслевом контексте известное изречение, то формула развития науки, сбалансированная с позиции конкуренции, может быть представлена в следующем виде: «в главном – единство, во второстепенном – конкуренция, и во всём – интересы российского общества и государства». Возвращаясь к структуре конкуренции, применённой в данной работе, отметим, что сущности с атрибутом «главное» присутствуют на первом уровне (ИК-1) и низовом уровне (ЕК-1) в макрофакторах пассионарности: «этические нормы», «язык», «семья». Остальные предметы научных споров и конкуренции являются сугубо рабочими, несмотря на любую новизну, практическую значимость научных результатов и любую ожидаемую эффективность управленческих решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балацкий Е. В.* Институты самоорганизации элит в китайской модели управления // Проблемы развития территории. 2025. Т. 29, № 6. С. 10–29. DOI 10.15838/ptd.2025.6.140.2. EDN EYSWKI.

2. *Тамбовцев В. Л.* Конкуренция: условие или барьер роста научного знания? // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 2. С. 143–168. DOI 10.19181/smtp.2022.4.2.14. EDN BGYZOH.

3. *Балацкий Е. В.* Угасание пассионарности в демографической концепции Э. Тодда // Социальное пространство. 2025. Т. 11, № 3. Ст. 2. DOI 10.15838/sa.2025.3.47.2. EDN CLKODE.

4. *Гусев А. Б., Юревич М. А.* Научная политика России – 2023: преодолевая кризис идентичности (по результатам социологического исследования, май – июнь 2023 г.). М. : Перо, 2024. 36 с. ISBN 978-5-00244-365-9. EDN PUUAFI.

5. *Гусев А. Б., Юревич М. А.* Научная политика России – 2024: санкции против менталитета. [М.], 2025. 48 с. URL: http://castingvote.ru/results/11 (дата обращения: 13.02.2026).

6. *Грэхем Л. Р.* Очерки истории российской и советской науки. М. : Янус-К, 1998. 312 с. ISBN 5-8037-0007-X.

7. *Дежина И. Г., Грэхем Л. Р.* Наука в новой России: кризис, помощь, реформы. Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального ун-та, 2009. 240 с. ISBN 978-5-9275-0577-7. EDN QOLEGD.

8. *Степнов А. О., Грибовский М. В.* Асимметричная конкуренция: классические университеты и борьба за научное лидерство в позднесоветский период // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 3 (66). С. 60–71. DOI 10.17072/2219-3111-2024-3-60-71. EDN DNHFOZ.

9. *Филь М. М.* Государственная политика СССР в отношении Академии наук СССР во второй половине XX века. Организационно-правовой аспект // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 1. С. 101–126. DOI 10.19181/smtp.2024.6.1.6. EDN OCEEJA.

10. *Макаренко В. П.* Этатизация науки: советский опыт // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5, № 4. С. 86–110. EDN IIWEGV.

11. *Боркин Л. Я., Сайфитдинова А. Ф.* Наукометрия, оценка научной деятельности ученых и научная политика в России // Биосфера. 2024. Т. 16, № 1. С. 103–143. DOI 10.24855/biosfera.v16i1.906. EDN VSTUSQ.

12. *Кулешова А. В., Подвойский Д. Г.* Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4 (146). С. 169–210. DOI 10.14515/monitoring.2018.4.10. EDN XZPHOH.

13. *Балацкий Е. В.* Концепция сложности и экономическая теория демократии // Общество и экономика. 2013. № 5. С. 5–24. EDN QLSGNF.

14. *Юревич А. В., Юревич М. А.* Мусор в науке // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 8. С. 724–733. DOI 10.31857/S0869587321080107. EDN UWJCCF.

15. *Ленчук Е. Б., Филатов В. И.* Проекты технологического суверенитета как инструмент инновационного развития российской экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 3. С. 68–81. DOI 10.15838/esc.2024.3.93.4. EDN OLPSAF.

16. Доклад о реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учёными. М. : Российская академия наук, 2023. 332 с. ISBN 978-5-907645-08-0.

17. *Гусев А. Б., Юревич М. А.* Научная политика России – 2022: профессия не дороже Родины. М. : Перо, 2022. 64 с. ISBN 978-5-00204-650-8. EDN DSBAYY.

18. *Фонотов А. Г.* Мобилизационная модель управления наукой: pro et contra // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 2. С. 135–147. DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.10. EDN NBUSEB.

19. *Юревич А. В.* Четыре слагаемых мобилизации российской науки // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 2. С. 157–165. DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.12. EDN NJEKLP.

20. *Семёнов Е. В.* Мобилизационный подход в управлении наукой: между идеологией и технологией // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 2. С. 210–218. DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.18. EDN SNESBT.

21. Результаты социологического исследования «Будущее российской науки: академия и наукоёмкие отрасли», осень 2022 г. / А. Б. Гусев, И. В. Задорин, Т. А. Нестик, М. А. Юревич. М. : Перо, 2023. 108 с. ISBN 978-5-00218-419-4.

22. *Семёнов Е. В.* Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: качество документа // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 3. С. 53–62. DOI 10.19181/smtp.2024.6.3.5. EDN GAVOMY.

23. *Гусев А. Б., Юревич М. А.* Научная политика России – 2021. М. : Буки Веди, 2021. 96 с. ISBN 978-5-6041589-0-6. EDN GZPWAL.

24. *Воеводина Е. В., Шихгафизов П. Ш., Мишин К. Ю.* Исследовательский климат в России: барьеры реализации исследовательского потенциала молодежи // Власть. 2022. Т. 30, № 6. С. 141–151. DOI 10.31171/vlast.v30i6.9369. EDN EJZULA.

25. *Иванченко О. С.* Статус молодого учёного: между государственным приоритетом и неопределённостью // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 1. С. 74–85. DOI 10.19181/smtp.2023.5.1.5. EDN ITAAXW.

26. *Демиденко С. Ю.* Кадры для науки: воспроизводство в условиях кризиса // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 2. С. 203–217. DOI 10.19181/smtp.2024.6.2.14. EDN ROSTSO.

REFERENCES

1. Balatsky E. V. Institutions of elite self-organization in the Chinese management model. *Problems of Territory's Development*. 2025;29(6):10–29. (In Russ.). DOI 10.15838/ptd.2025.6.140.2.

2. Tambovtsev V. L. Competition: Provision or barrier for the growth of scientific knowledge? *Science Management: Theory and Practice*. 2022;4(2):143–168. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2022.4.2.14.

3. Balatsky E. V. The extinction of passionarity in E. Todd's demographic concept. *Social Area*. 2025;11(3):2. (In Russ.). DOI 10.15838/sa.2025.3.47.2.

4. Gusev A. B., Yurevich M. A. Science policy of Russia – 2023: Overcoming the identity crisis (based on a sociological study conducted in May and June 2023). [Nauchnaya politika Rossii – 2023: preodolevaya krizis identichnosti (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya, mai – iyun' 2023 g.)]. Moscow : Pero; 2024. 36 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00244-365-9.

5. Gusev A. B., Yurevich M. A. Science policy of Russia – 2024: Sanctions against mentality [Nauchnaya politika Rossii – 2024: sanktsii protiv mentaliteta]. [Moscow]; 2025. 48 p. (In Russ.). Available at: http://castingvote.ru/results/11 (accessed: 13.02.2026).

6. Graham L. R. Science in Russia and the Soviet Union: A short history [Ocherki istorii rossiiskoi i sovetskoi nauki]. Moscow : Yanus-K; 1998. 312 p. (In Russ.). ISBN 5-8037-0007-X.

7. Dezhina I. G., Graham L. R. Science in the new Russia: Crisis, aid, reform [Nauka v novoi Rossii: krizis, pomoshch', reformy]. Rostov-on-Don : Southern Federal University Press; 2009. 240 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9275-0577-7.

8. Stepnov A. O., Gribovskiy M. V. Asymmetric competition: Classical universities and struggle for scientific leadership during the late Soviet period. *Perm University Herald. History*. 2024;(3):60–71. (In Russ.). DOI 10.17072/2219-3111-2024-3-60-71.

9. Fil' M. M. The state policy of the USSR in relation to the Academy of Sciences of the USSR in the second half of the 20th Century. The organizational and legal aspect. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(1):101–126. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2024.6.1.6.

10. Makarenko V. P. Etatization of science: The Soviet experience. *Economic Herald of Rostov State University*. 2007;5(4):86–110. (In Russ.).

11. Borkin L. J., Saifitdinova A. F. Scientometrics, assessment of scientific activities of scientists, and science policy in Russia. *Biosphere*. 2024;16(1):103–143. (In Russ.). DOI 10.24855/biosfera.v16i1.906.

12. Kuleshova A. V., Podvoiskiy D. G. Paradoxes of publication activity in the field of contemporary Russian science: Genesis, diagnosis, trends. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018;(4):169–210. (In Russ.). DOI 10.14515/monitoring.2018.4.10.

13. Balatsky E. V. Concept of complexity and economic theory of democracy. *Society and Economy*. 2013;(5):5–24. (In Russ.).

14. Yurevich A. V., Yurevich M. A. Rubbish in science. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2021;91(8):724–733. (In Russ.). DOI 10.31857/S0869587321080107.

15. Lenchuk E. B., Filatov V. I. Technological sovereignty projects as a tool for innovative development of the Russian economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(3):68–81. (In Russ.). DOI 10.15838/esc.2024.3.93.4.

16. Report on the implementation of the state scientific and technical policy in the Russian Federation and on the most important scientific achievements obtained by Russian researchers [Doklad o realizatsii gosudarstvennoi nauchno-tekhnicheskoi politiki v Rossiiskoi Federatsii i o vazhneishikh nauchnykh dostizheniyakh, poluchennykh rossiiskimi uchenymi]. Moscow : Russian Academy of Sciences; 2023. 332 p. (In Russ.). ISBN 978-5-907645-08-0.

17. Gusev A. B., Yurevich M. A. Science policy of Russia – 2022: Profession is not more valuable than Motherland [Nauchnaya politika Rossii – 2022: professiya ne dorozhe Rodiny]. Moscow : Pero; 2022. 64 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00204-650-8.

18. Fonotov A. G. Mobilization model of science management: Pro et contra. *Science Management: Theory and Practice*. 2023;5(2):135–147. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.10.

19. Yurevich A. V. Four components of the mobilization of the Russian sciences. *Science Management: Theory and Practice*. 2023;5(2):157–165. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.12.

20. Semenov E. V. Mobilization approach to science management: Between ideology and technology. *Science Management: Theory and Practice*. 2023;5(2):210–218. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.18.

21. Gusev A. B., Zadorin I. V., Nestik T. A., Yurevich M. A. Results of the sociological study “The Future of Russian Science: Academy and Knowledge-Intensive Industries”, autumn 2022 [Rezul’taty sotsiologicheskogo issledovaniya «Budushchee rossiiskoi nauki: akademiya i naukoemkie otrasli», osen’ 2022 g.]. Moscow : Pero; 2023. 108 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00218-419-4.

22. Semenov E. V. Scientific and technological development strategy of the Russian Federation: The quality of the document. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(3):53–62. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2024.6.3.5.

23. Gusev A. B., Yurevich M. A. Science policy of Russia – 2021 [Nauchnaya politika Rossii – 2021]. Moscow : Buki Vedi; 2021. 96 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6041589-0-6.

24. Voevodina E. V., Shikhgafizov P. Sh., Mishin K. Yu. Research climate in Russia: Barriers to realizing the research potential of youth. *The Authority=Vlast’*. 2022;30(6):141–151. (In Russ.). DOI 10.31171/vlast.v30i6.9369.

25. Ivanchenko O. S. The status of a young scientist: Between state priority and uncertainty. *Science Management: Theory and Practice*. 2023;5(1):74–85. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2023.5.1.5.

26. Demidenko S. Yu. Research and academic personnel: Reproduction in crisis conditions. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(2):203–217. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2024.6.2.14.

Поступила в редакцию / Received 17.02.2026.
Одобрена после рецензирования / Revised 23.04.2026.
Принята к публикации / Accepted 01.06.2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гусев Александр Борисович *info@castingvote.ru*

Кандидат экономических наук, директор,
ООО «Социологическая служба “Решающий голос”», Москва, Россия
SPIN-код: 4004-6894

Юревич Максим Андреевич *maksjuve@gmail.com*

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия
SPIN-код: 9792-6019

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander B. Gusev *info@castingvote.ru*

Candidate of Economics, Director, OOO “Sociological Service ‘Decisive Vote’”, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9063-0601

Maxim A. Yurevich *maksjuve@gmail.com*

Candidate of Economics, Senior Researcher, Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2986-4825

DOI: 10.19181/smtp.2026.8.2.6

EDN: PBBYMT

Научная статья

Research article

О РАНДОМИЗИРОВАННЫХ КОНТРОЛИРУЕМЫХ ИСПЫТАНИЯХ В ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ

Томских Андрей Александрович[1]

[1] Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Для цитирования: *Томских А. А.* О рандомизированных контролируемых испытаниях в оценке эффективности программ развития университетов // Управление наукой: теория и практика. 2026. Т. 8, № 2. С. 104–117. DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.6. EDN PBBYMT.

Аннотация. Реформированию научно-образовательного сектора России уже не одно десятилетие. Различного рода государственные и отраслевые программы периодически появляются, реализуются и закрываются без должной оценки их эффективности как для экономики страны, так и самих вузов. Связка «государство – образование – наука – технологии – бизнес» не масштабируется в практической плоскости. В статье сделана попытка взглянуть на этот процесс в методологии рандомизированных контролируемых испытаний (*randomized controlled trials* – RCT, РКИ). По нашему мнению, рандомизация выгодно отличается в установлении причинно-следственных связей в такого рода исследованиях. В статье речь идёт не столько о результатах развития конкретных вузов, сколько, скорее, о рефлексии их процессов под влиянием внешнего воздействия, а оно неоднозначно. *Объектом исследования* являются университеты Сибири и Дальнего Востока в их научно-исследовательском развитии; *предметом исследования* – структура/направления/динамика публикационных данных как фактор/результат изменений. *Цель исследования* – выявление воздействия внешних факторов на формирование и развитие исследовательской активности в университетах. *Задачи исследования:* анализ структурных изменений исследовательской повестки вузов под влиянием внешних факторов; установление причинно-следственных связей и типизация факторов изменений; выработка предложений для оценки результатов. *Методы исследования* – экспериментальный, сравнительный, статистический.

Предполагается возможность использования методологии рандомизированных контролируемых испытаний в оценке эффективности программ развития университетов и разрыва между задачами программ и слабой реакцией на внешние факторы в лице государственных органов самих университетов. Сравнение исследовательской

© Томских А. А., 2026

повестки университетов за несколько лет в части публикационной активности по ключевым словам и развития стратегических проектов показало краткосрочность периода государственной инициативы для смены приоритетов фундаментальных направлений в работе рассмотренных вузов. «Неисследовательские» вузы имеют худшее соотношение и работают повесткой, сложившейся несколько десятилетий назад. Поэтому дальнейшая трансформация университетов в части вопросов управления научно-технической политикой в интересах региональной, общероссийской и международной экономической повестки остаётся актуальной.

Ключевые слова: университеты, реформы, программы развития, рандомизированные контролируемые испытания, причинно-следственные связи, внешние факторы, динамика, исследовательская повестка, инновации, стратегические проекты, ключевые слова, профили вузов

ON RANDOMIZED CONTROLLED TRIALS IN ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF UNIVERSITY DEVELOPMENT PROGRAMS

Andrey A. Tomskikh[1]

[1] Transbaikal State University, Chita, Russia

For citation: Tomskikh A. A. On randomized controlled trials in assessing the effectiveness of university development programs. *Science Management: Theory and Practice.* 2026;8(2):104–117. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.6.

Abstract. The reform of Russia's scientific and educational sector has been ongoing for decades. Various government and industry programs have been introduced, implemented and discontinued without proper evaluation of their effectiveness, both for the country's economy and for HEIs themselves. The "government – education – science – technology – business" link has not been scaled in a practical manner. This article attempts to examine this process using the methodology of randomized controlled trials (RCTs). In our opinion, randomization is advantageous in establishing cause-and-effect relationships in such studies. The article is not so much about the results of the development of specific HEIs, but rather about the reflection of their processes under the influence of external factors, which are ambiguous. The *object of the study* is the universities of Siberia and the Far East, in their research development; the *subject of the study* is the structure/directions/dynamics of publication data as a factor/result of changes. The *purpose of this study* is to identify the impact of external factors on the formation and development of research activity at the universities. The *objectives of the study* are to analyze the structural changes in the research agenda of the HEIs under the influence of external factors; to establish cause-and-effect relationships and typify the factors of changes; and to develop proposals for evaluating the results. *Research methods* include experiment, comparison and statistics.

The author assumes the possibility of using the methodology of randomized controlled trials in assessing the effectiveness of university development programs, the gap between the objectives of the programs and a weak response of the universities themselves to external factors represented by government agencies. A comparison of the research agendas of the universities over several years, in terms of publication activity based on keywords and the development of strategic projects, has shown that the period of government initiative to change the priorities of fundamental areas of work in the considered HEIs

is short-lived. “Non-research” universities have a worse ratio and follow an agenda that was established several decades ago. Therefore, the further transformation of universities in terms of managing science and technology policy in the interests of the regional, national and international economic agendas remains relevant..

Keywords: universities, reforms, development programs, randomized controlled trials, cause-and-effect relationships, external factors, dynamics, research agendas, innovation, strategic projects, keywords, university profiles

ВВЕДЕНИЕ

Стремление страны быть в числе мировых экономических лидеров ставит перед научно-образовательным сектором достаточно сложные задачи в выборе исследовательских направлений и динамики принятия решений. В последние десятилетия они характеризуются таким понятием, как инновационность. Для стимулирования этого процесса издаются указы Президента, разрабатываются общегосударственные, региональные и отраслевые программы и рейтинги разного уровня и специализаций. Процесс этот идёт с начала 1990-х гг., и результаты его для нашей страны неоднозначны. Так, доля России в глобальных вложениях в R&D, в критических технологиях, в списке Fortune 500 по наличию технологических компаний и их продуктов крайне невелика, а динамика неоднозначна. При этом формальные показатели условий для этого, как считается, достаточны: значительная доля занятых в исследованиях (более 50% от занятых по экономике на 10 000 чел.), большое количество вузов и институтов Академии наук, существенное государственное финансирование. При этом низкие результаты международных рейтингов вузов, доля высоко- и среднетехнологичной промышленности в общем объёме промышленного производства в 1,5 – 2,0 раза ниже ведущих экономик, а регионов и университетов, реализующих по-настоящему инновационную продукцию, не будет и двадцати [1]. Понятно, что налицо разрыв между задачами программ и результатами. В последние годы проблема стала настолько остра, что говорят о необходимости «пересборки» или трансформации современной государственной научно-технологической политики [2].

Наибольшую известность метод РКИ (рандомизированные контролируемые испытания, *randomized controlled trials* – RCT) получил в работах американских учёных Э. Дюфло, А. Банерджи и М. Кремера, которым в 2019 г. была присуждена Нобелевская премия по экономике [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Под РКИ понимают вид научного (естественного) эксперимента, предназначенный для сравнительной оценки эффективности путём случайного распределения участников между одной или несколькими сравнительными группами. РКИ (RCT) как эксперимент успешно применяется в экономике и социальной сфере: здравоохранении, образовании, при изучении поведения населения, кредитовании, технологиях [11; 12]. Главная идея такого метода – выявить влияние определённого вмешательства или переменной на результат или событие. Например, для нашей страны таким экспериментом, по мнению В. И. Овчинникова, стал единый государственный экзамен, дискуссия вокруг которого продолжается

многие годы в части влияния его на трансформацию образования. При этом все годы использования РКИ остаются дискуссионными вопросы внутренней и внешней валидности этого метода [13; 14].

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основу исследования положен экспериментальный метод оценки воздействия – рандомизированные контролируемые испытания – и сопутствующие методы – сравнительный и статистический. За показатель нами был взят анализ научной активности организаций в части распределения публикаций по ключевым словам в российской научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, которая охватывает рефераты и тексты почти 40 млн публикаций, около 6 тыс. журналов, 12 тыс. научных организаций и 800 тыс. учёных по всему спектру исследований. Библиографический показатель ключевых слов для организаций и учёных представлен выборкой самой платформы на момент анализа. По нашему мнению, ключевые слова как показатель систематического накопления экспериментальных данных могут характеризовать образ/профиль университета, в т. ч. в его публикационном/инновационном развитии. В своей работе мы рассмотрели период действия программы «Приоритет 2030», которая должна по своей задаче существенно повлиять на управление процессами в науке и образовании в стране.

«Наверху горячо, а внизу холодно». Возможно, это выражение характеризует состояние дел в вопросе научно-технологической политики в стране. В своём исследовании мы остановимся на микроуровне процессов поведенческих эффектов нескольких конкретных вузов Сибири и Дальнего Востока. Их отбор в работе никак не связан с особым отношением автора, а является лишь случайной выборкой по результатам семилетних наблюдений в рамках научного эксперимента.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Взятые для исследования университеты находятся в четырёх субъектах Российской Федерации, обладающих разным уровнем инновационного развития, инфраструктурно сложившегося ещё по большей части в советский период: Новосибирская область – 5/6 в 2024–2025 гг. (СИИ – сводный инновационный индекс «Профили субъектов Российской Федерации»); Иркутская область – 23/32; Республика Бурятия – 41/54; Забайкальский край – 80 [1, с. 218; 214; 226; 230]. При этом научно-образовательная и экономическая среда этих регионов развита пропорционально их рейтингу и является существенной частью их потенциалов. В двух из них имеются мощные академические и университетские кластеры, в Бурятии – отделение Академии наук и вузы, а в Забайкальском крае – только отдельные вузы/филиалы и академические институты.

Участие вузов в государственных программах развития представлено в таблице 1. Иркутский государственный университет не попадал в обозначенные федеральные инициативы, хотя и пробовал.

Таким образом, налицо ситуация, при которой участники исследования случайным образом распределились по двум группам, в одной из которых наблюдается вмешательство государства в политику вуза, а во второй – прямого вмешательства нет.

Таблица 1

Участие в программах развития вузов

Table 1

Participation in university development programs

Программы развития	Новосибирский нац. исслед. гос. университет	Иркутский нац. исслед. технический университет	Иркутский гос. университет	Забайкальский гос. университет	Бурятский гос. университет
ФУ	–	–	–	–	–
НИУ	+	+	–	–	–
5–100	+	–	–	–	–
НиУ	+	+	–	+	+
ПИШ	+	–	–	–	–
2030	+	+	–	+	+

ФУ/UGH – федеральные университеты;
НИУ/NIU – национальные исследовательские университеты;
5–100 – государственная инициатива по адаптации университетов к мировым стандартам и включение их в международную образовательную среду;
НиУ – программа «Наука и университеты»;
ПИШ – передовые инженерные школы;
2030 – государственная программа поддержки российских высших учебных заведений.

Тенденции мировых исследований в части государственных инициатив к 2025 г. имели шесть направлений: поддержка исследований, устойчивое развитие, государственное регулирование, внедрение технологий, формирование компетенций, повышение конкурентоспособности. В целом страны осуществляют переход от «Индустрии 4.0» к «Индустрии 5.0». Лицом первой являлись: возобновляемая энергетика; новые материалы и способы обработки; аддитивные материалы, технологии объёмных изделий; киберфизические системы; редактирование генома. Второй: природоподобные технологии, супематериалы и метаматериалы; искусственный интеллект, тотальная роботизация; постуглеродная экономика; персонализированная медицина; синтетическая биология и биоэкономика; киберсоциальные системы [15; 16; 17; 18; 19].

В России в 2011–2015 гг. были обозначены свои приоритеты, частью совпадающие с мировыми: безопасность и противодействие терроризму; индустрия наносистем; информационно-телекоммуникационные системы, науки о жизни; перспективные виды вооружения, военной и специальной техники; рациональное природопользование; роботехнические комплексы (системы) военного, специального и двойного назначения, транспортные и космические системы; энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика.

Указ Президента России от 18.06.2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий» определяет направления научно-технической политики в концепции больших вызовов по семи направлениям и 28 критическим технологиям: высокоэффективная и ресурсосберегающая энергетика; превентивная и персонализированная медицина, обеспечение здорового долголетия; высокопродуктивное и устойчивое к изменениям природной среды сельское хозяйство; безопасность получения, хранения, передачи и обработки информации; интеллектуальные транспортные и телекоммуникационные системы, включая автономные транспортные средства; укрепление социокультурной идентичности российского общества и повышение уровня его образования; адаптация к изменениям климата, сохранение и рациональное использование природных ресурсов. Для университетов и учреждений науки в рамках программы «Приоритет 2030» появляется задача не столько «академического лидерства», сколько «технологического лидерства» – с целью импортозамещения с одной стороны, с другой – выхода с конкурентоспособными продуктами (товарами, услугами, работами) на рынок, в т. ч. международный [2; 20; 21].

Рассматриваемые вузы, особенно участники федеральных программ, должны были в своей деятельности учесть вызовы государства. Поскольку последняя значимая федеральная программа «Приоритет 2030» работает с 2021 г. и продлена до 2030 г., имеется возможность рассмотреть её влияние с точки зрения динамики заделов по вузам и публикационным изменениям. Рассмотрим изменения их публикационной политики за последние годы (Приложение – табл. 2,3) [22]. По данным бюджета РФ, на март 2025 г. за четыре года реализации программы «Приоритет 2030» гранты на общую сумму 113,4 млрд руб. получили 142 высших учебных заведения, в 2026 г. – 106 вузов на общую сумму около 26,8 млрд руб.

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет в полной мере отвечает своей целевой модели как «ведущий научно-технологический университет Российской Федерации, интегратор научно-образовательной, высокотехнологической и предпринимательской экосистемы Новосибирского Академгородка, конкурентный на мировом уровне, центр притяжения и развития человеческого капитала»[1]. В перечне 20 ключевых слов публикационной активности преобладают слова на английском языке, слова из области техники и технологий. Их доля за пять лет выросла с 50 до 55%. Не случайно университет сохраняет лидирующие позиции и в мировых

[1] Программа развития ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» на 2025–2036 годы // Новосибирский государственный университет : [сайт]. URL: https://www.nsu.ru/upload/medialibrary/c9f/8w0rz4zbusl64egg8eomxpxqpbyonctu/НГУ_Программа_развития_2036_исправленная_утвержденная.pdf (дата обращения: 19.11.2025).

предметных рейтингах. Программа развития университета с самого начала была основана на уникальной научно-образовательной модели, соединяющей в себе науку, образование и технологии, которая сегодня даёт результат. Однако его публикационные направления только частью совпадают с перспективными стратегическими проектами: интеграция биомедицины и фармации; нейросетевые технологии для МКА и БПЛА; ИИ для промышленности и городской среды.

Иркутский национальный исследовательский технический университет развивается в тесной кооперации с промышленностью, большей частью в модели корпоративного учебно-исследовательского центра макрорегионального уровня[2]. Доля иностранных ключевых слов небольшая (10–15%), но значительная доля из используемых связана с реальной региональной экономикой. Перспективные стратегические проекты (интеллектуальные технологии и оборудование стратегического проекта в области авиа- и машиностроения; высокотехнологичный геосервис; химический конструктор для модульных производств) пока не имеют широких публикационных заделов: информационные технологии – 213 публикаций и 27-я позиция; машиностроение – 118 и 97-я; машинное обучение – 102 и 121-я соответственно.

Иркутский государственный университет позиционирует себя как вуз с комплексом фундаментальных научных исследований[3]. При этом он не имел целевой поддержки в рамках обозначенных крупных федеральных программ, за исключением коллабораций с ведущими вузами (МГУ). Ключевые слова сосредоточены в основном вокруг региональных гуманитарных и экологических проблем. Большая часть иностранных слов связана с единственной темой – научно-образовательный центр мирового уровня «Байкал». При этом публикационный задел позволяет эффективно двигаться в развитии стратегических проектов: междисциплинарные исследования происхождения и эволюции Вселенной; экосистема озера Байкал; катализ и квантово-химическое моделирование; геоархеологический феномен Байкальской Сибири. Наращивание технологического потенциала в этом направлении всё-таки остаётся потенциальной задачей: моделирование – 145 и 126-я позиция соответственно.

Забайкальский государственный университет развивается как многопрофильный университет, «модель опорного регионального вуза»[4]. Вуз приоритетными для себя считает горнодобывающую, энергетическую, строительную отрасли, социогуманитарную и педагогическую сферы. При этом все исследования сосредоточены по ключевым словам в области гуманитарных наук, в т. ч. с учётом приграничного положения. Стратегический проект университета (технологии извлечения редких и редкоземельных металлов) пока не обеспечен широким

---

[2] Программа развития ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет» на 2025–2036 годы // Иркутский политех : [сайт]. URL: https://istu.edu/local/modules/doc/download/78295 (дата обращения: 19.11.2025).

[3] Программа развития ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» на 2023–2032 годы // Иркутский государственный университет : [сайт]. URL: https://isu.ru/export/sites/isu/sveden/.galleries/docs/programma_razvitia_28.08.2023.pdf (дата обращения: 19.11.2025).

[4] Программа развития университета на 2023–2030 годы в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» // Забайкальский государственный университет : [сайт]. URL: https://prioritet2030.zabgu.ru/files/Программа%20развития%20ЗабГУ%20_2023%20г.%20_ДВ%20ТРЕК.pdf (дата обращения: 19.11.2025).

публикационным заделом: горное дело – 104 и 64-я позиция; обогащение полезных ископаемых – 75 и 128-я соответственно.

Бурятский государственный университет видит свою программу развития в подготовке конкурентоспособных кадров нового поколения через решения в технике, технологии и управлении социумом[5]. Это «модель опорного регионального вуза» социогуманитарного направления. Значительную долю ключевых слов занимает тема буддизма. В публикационной сфере стратегический проект пока просматривается недостаточно (традиции восточной медицины с современными достижениями фармакологии, регенеративной биомедицины и цифровых технологий): ботаника – 125 и 64-я позиция; здоровье – 103 и 96-я; лечение – 91 и 116-я соответственно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экспериментальный метод оценки воздействия – рандомизированные контролируемые испытания – показал возможность его применения для изучения влияния государственных и отраслевых программ на трансформацию профессиональных программ образования и науки на примере группировки включённых вузов. Использование же баз данных российской электронной библиотеки позволяет отслеживать качество динамики процессов на определённую временную перспективу.

Примером конкретного рассмотрения стала федеральная программа «Приоритет 2030» и её влияние на трансформацию научно-технической повестки университетов за период 2021–2025 гг. Опыт сравнения направлений развития университетов в части публикационного активности по ключевым словам и стратегических проектов показал недостаточность периода времени действия государственной инициативы для смены приоритетов фундаментальных направлений в рассмотренных вузах без существенных заделов в фундаментальных исследованиях в прошлом периоде развития. В большинстве «неисследовательских» вузов связи между стратегическими проектами и ключевыми словами и их динамикой в публикациях не просматриваются полностью или присутствуют частично. Вузы продолжают работать по повестке, сложившейся несколько десятилетий назад.

Подтверждается задача федерального правительства о необходимости дальнейшей трансформации университетов в части вопросов динамики управления научно-технической политикой в интересах региональной, общероссийской и международной экономической повестки. В ряде выбранных вузов она только намечается, но никак не связана с широкими научными заделами или мировыми тенденциями.

[5] Программа «Приоритет 2030» // Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова : [сайт]. URL: https://bsu.ru/university/prioritet-2030 (дата обращения: 19.11.2025).

Приложение

Таблица 2

Распределение публикаций по ключевым словам, 2018 г.

Table 2

Distribution of publications by keywords, 2018

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет	Иркутский национальный исследовательский технический университет	Иркутский государственный университет	Забайкальский государственный университет	Бурятский государственный университет
222* **CRYSTAL STRUCTURE**	243 Моделирование	518 Российская Федерация	420 Российская Федерация	566 Российская Федерация
200 Сибирь	238 Инновации	374 Иркутск	261 Китай	273 Монголия
155 **SIBERIA**	229 Инвестиции	370 Иркутская область	228 Культура, наука, просвещение	270 Языкознание
130 Рентгеноструктурный анализ	200 Экономика	357 Россия	218 Забайкальский край	271 Республика Бурятия
113 **HADRON-HADRON SCATTERING**	175 Российская Федерация	348 Восточная Сибирь	215 Забайкалье	219 Экология
101 Кристаллическая структура	152 **INNOVATION**	306 Сибирь	203 Народное образование. Педагогические науки	215 Филологические науки, художественная литература
93 **CRYSTAL CHEMISTRY**	151 Математическое моделирование	262 **LAKE BAIKAL**	185 Социология	213 Культура, наука, просвещение
90 Численное моделирование	149 Студенты	225 Образование	179 Культура	212 Социология
88 Россия	141 Логистика	216 Экология	178 **CHINA**	210 Образование
86 SYNTHESIS	131 Физическая культура	211 Байкал	177 Теория и методика профессионального образования	185 Россия
84 STRUCTURE	129 Региональная экономика	204 Психология	147 Общая педагогика, история педагогики и образования	184 **MONGOLIA**
84 Западная Сибирь	118 Управление	199 Отечественная история	139 Образование	183 Бурятия
79 Культура	117 Электроэнергетические системы	188 Иркутский государственный университет	137 **CULTURE**	183 Забайкалье
78 **RHENIUM**	113 Инновационная деятельность	188 История	135 **EDUCATION**	179 Буддизм
77 Археология	112 Математическая модель	184 Социология	114 Регион	159 История
73 Математическое моделирование	110 Экология	165 **SIBERIA**	112 Экономика	154 Биологические науки
72 **CENTRAL ASIA**	107 Строительство	160 **IRKUTSK**	111 Ценности	153 Общая педагогика, история педагогики и образования
72 **RUSSIA**	103 Управление инновациями	160 Студенты	106 Социальные институты	149 Бурятский язык
70 **X-RAY DIFFRACTION**	103 Энергетика	156 Экономика	104 Государство	141 **BUDDHISM**
69 Центральная Азия	102 **MODELING**	154 **BAIKAL**		139 Народное образование. Педагогические науки

Примечание: 222 – количество публикаций на дату анализа – 18.04.2018 [23].*
Note: 222 – number of publications as of the analysis date, 18.04.2018 [23].*

Таблица 3

Распределение публикаций по ключевым словам, 2025 г.

Table 3

Distribution of publications by keywords, 2025

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет	Иркутский национальный исследовательский технический университет	Иркутский государственный университет	Забайкальский государственный университет	Бурятский государственный университет
526* **CRYSTAL STRUCTURE**	592 Инновации	941 Иркутская область	588 Забайкальский край	706 Российская Федерация
426 **HADRON-HADRON SCATTERING (EXPERIMENTS)**	573 Моделирование	777 Иркутск	557 Китай	495 Республика Бурятия
387 Сибирь	538 Экономика	777 Россия	511 Российская Федерация	487 Монголия
337 **SIBERIA**	444 Инвестиции	744 Сибирь	458 Забайкалье	379 Буддизм
286 Западная Сибирь	338 **MODELING**	717 Образование	417 **CHINA**	359 **MONGOLIA**
255 Россия	328 Математическое моделирование	655 Российская Федерация	348 Культура	351 Образование
242 Ренгеноструктурный анализ	323 Студенты	652 История	303 Россия	350 Бурятия
234 Численное моделирование	286 Российская Федерация	627 Восточная Сибирь	300 Образование	341 Россия
207 **RUSSIA**	279 Физическая культура	545 Байкал	277 **EDUCATION**	324 Китай
198 **SYNTHESIS**	274 Экология	504 **LAKE BAIKAL**	253 **CULTURE**	308 Экология
195 Кристаллическая структура	270 Строительство	504 Молодежь	241 Культура, наука, просвещение	304 **BUDDHISM**
187 Китай	259 Эффективность	482 **EDUCATION**	225 **TRANSBAIKALIA**	304 **REPUBLIC OF BURYATIA**
175 **GENERAL**	256 Иркутская область	482 Культура	225 Социология	297 Бурятский язык
171 Археология	254 **INNOVATION**	441 Экономика	209 Народное образование. Педагогические науки.	293 **EDUCATION**
168 **WESTERN SIBERIA**	249 Управление	418 **IRKUTSK**	203 **RUSSIA**	287 Языкознание
167 Математическое моделирование	240 Энергоэффективность	416 Китай	200 Ценности	272 Социология
163 **STRUCTURE**	237 Логистика	402 Экология	192 Теория и методика профессионального образования	271 Забайкалье
163 **X-RAY DIFFRACTION**	234 **STUDENTS**	401 Студенты	189 Студенты	258 **CHINA**
154 **HADRON-HADRON SCATTERING**	226 Цифровизация	397 **IRKUTSK REGION**	185 **STUDENTS**	247 Культура, наука, просвещение
154 **LUMINESCENCE**	225 Иркутск	392 Психология	184 Глобализация	244 Культура

Примечание: 526 – количество публикаций на дату анализа – 16.08.2025.*
Note: 526 – umber of publications as of the analysis date, 16.08.2025.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 10 / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, С. В. Артёмов [и др.] ; под ред. Л. М. Гохберга, Е. С. Куценко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. URL: https://issek.hse.ru/news/1068199937.html (дата обращения: 19.11.2025). ISBN 978-5-7598-3113-6. DOI 10.17323/978-5-7598-3113-6.

2. *Иванов В. В.* Основные направления государственной политики обеспечения технологического суверенитета // Экономика науки. 2024. Т. 10, № 1. С. 10–20. DOI 10.22394/2410-132X-2024-10-1-10-20. EDN FTMHIH.

3. *Капелюшников Р. И.* «Рандомисты»: новая экономика развития // Вопросы экономики. 2023. № 6. С. 5–35. DOI 10.32609/0042-8736-2023-6-5-35. EDN LQPTKE.

4. *Смит В.* Экспериментальная экономика: комплекс исследований, по совокупности которых автору присуждена Нобелевская премия / пер. с англ. под науч. ред. Р. М. Нуреева. М. : ИРИСЭН ; Мысль, 2008. 808 с. ISBN 978-5-91066-024-7. EDN QSYMGN.

5. *Тухтарова Е. Х.* Естественные эксперименты в экономике // Human Progress. 2022. Т. 8, № 3. Ст. 10. DOI 10.34709/IM.183.10. EDN DZBCBP.

6. The miracle of microfinance? Evidence from a randomized evaluation / A. Banerjee, E. Duflo, R. Glennerster, C. Kinnan // American Economic Journal: Applied Economics. 2015. Vol. 7, № 1. P. 22–53. DOI 10.1257/app.20130533.

7. *Card D.* The effect of unions on wage inequality in the U.S. labor market // Industrial and Labor Relations Review. 2001. Vol. 54, № 2. P. 296–315. DOI 10.2307/2696012. EDN DMBGWP.

8. *Duflo E., Dupas P., Kremer M.* School governance, teacher incentives, and pupil-teacher ratios: Experimental evidence from Kenyan primary schools // Journal of Public Economics. 2015. Vol. 123. P. 92–110. DOI 10.1016/j.jpubeco.2014.11.008.

9. *Heckman J. J.* Epilogue: Randomization and social policy evaluation revisited // Randomized control trials in the field of development. Oxford : Oxford University Press, 2020. P. 304–330. DOI 10.1093/oso/9780198865360.003.0014.

10. *Miguel E., Kremer M.* Worms: Identifying impacts on education and health in the presence of treatment externalities // Econometrica. 2004. Vol. 72, № 1. P. 159–217. DOI 10.1111/j.1468-0262.2004.00481.x. EDN GJSYON.

11. *Любичанковский А. В.* Базовые концептуальные подходы географического анализа ментальности населения // Географический вестник. 2023. № 2 (65). С. 26–35. DOI 10.17072/2079-7877-2023-2-26-35. EDN KIQUDG.

12. *Овчинников В. Н.* Нобелевская премия по экономике 2019 года: борьба с бедностью и эксперименты в экономике развития // Финансовый журнал. 2020. Т. 12, № 2. С. 120–131. DOI 10.31107/2075-1990-2020-2-120-131. EDN SLXFZL.

13. *Дроздович Л. И., Лесницкая В. А., Цзялян Мэн.* Некоторые аспекты рандомизированных контролируемых исследований (randomized controlled trials – RCT): попытки теоретического осмысления // Экономическая наука сегодня. Минск : БНТУ, 2024. Вып. 19. С. 79–85. DOI 10.21122/2309-6667-2022-16-79-85. EDN DYKNRO.

14. *Трысячный В. И.* Перспективы использования рандомизированных контролируемых экспериментов в экономических исследованиях // Финансовый менеджмент. 2025. № 6. С. 354–359. EDN DTCOVR.

15. Индустрия 5.0: понятие, формирование и развитие / А. В. Бабкин, А. А. Федоров, И. В. Либерман, П. М. Клачек // Экономика промышленности. 2021. Т. 14, № 4. С. 375–395. DOI 10.17073/2072-1633-2021-4-375-395. EDN WKEMTG.

16. *Бредихин С. В., Сварчевская М. В.* Тренды мировой научно-технической политики в II квартале 2025 года. М. : ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2025. URL: https://issek.hse.ru/news/1091824521.html (дата обращения: 19.11.2025).

17. Научно-техническая политика: глобальные тренды и практики / М. А. Гершман, Ф. Х. Брамбила Мартинес, С. В. Бредихин [и др.]. М. : Высшая школа экономики, 2024. 156 с. ISBN 978-5-7598-3012-2. DOI 10.17323/978-5-7598-3012-2. EDN ZDCFPN.

18. *Шваб К.* Четвёртая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016. 138 с. ISBN 978-5-699-90556-0.

19. Industry 5.0 and Society 5.0–Comparison, complementation and co-evolution / S. Huang, B. Wang, X. Li [et al.] // Journal of Manufacturing Systems. 2022. Vol. 64. P. 424–428. DOI 10.1016/j.jmsy.2022.07.010. EDN TXXQKU.

20. *Серебряков А. А.* Обзор программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3, № 3. С. 236–241. DOI 10.19181/smtp.2021.3.3.12. EDN MWMWBZ.

21. *Степанова Т. Д.* Реализация программы «Приоритет 2030»: российский и зарубежный опыт // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 15, № 1–1. С. 52–62. DOI 10.34670/AR.2025.91.22.007. EDN CLFBLT.

22. *Томских А. А.* О реализации потенциала научно-образовательных систем субъектов Байкальского региона в коридоре «Китай – Монголия – Россия» // Экономический коридор «Китай – Монголия – Россия»: географические и экологические факторы и возможности территориального развития : тезисы Междунар. геогр. конф. (Иркутск, 20–26 авг. 2018 г.). Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2018. С. 242–243. ISBN 978-5-94797-325-9. EDN YAOXVB.

REFERENCES

1. Abashkin V. L., Abdrakhmanova G. I., Artyomov S. V. [et al.] Rating of innovative development of the subjects of the Russian Federation. Issue 10. Ed. by L. M. Gokhberg, E. S. Kutsenko ; National Research University Higher School of Economics. Moscow : ISSEK HSE; 2025. Available at: https://issek.hse.ru/news/1068199937.html (accessed: 19.11.2025). ISBN 978-5-7598-3113-6. DOI 10.17323/978-5-7598-3113-6.

2. Ivanov V. V. The main directions of state policy in ensuring technological sovereignty. *Economics of Science*. 2024;10(1):10–20. (In Russ.). DOI 10.22394/2410-132X-2024-10-1-10-20.

3. Kapeliushnikov R. I. "Randomistas": A new development economics. *Voprosy Ekonomiki*. 2023;(6):5–35. (In Russ.). DOI 10.32609/0042-8736-2023-6-5-35.

4. Smith V. Experimental economics: A collection of research papers that led to the Nobel Prize [Eksperimental'naya ekonomika: kompleks issledovanii, po sovokupnosti kotorykh avtoru prisuzhdena Nobelevskaya premiya]. Moscow : IRISEN; Mysl'; 2008. 808 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91066-024-7.

5. Tukhtarova E. Kh. Natural experiments in economics. *Human Progress*. 2022;8(3):10. (In Russ.). DOI 10.34709/IM.183.10.

6. Banerjee A., Duflo E., Glennerster R., Kinnan C. The miracle of microfinance? Evidence from a randomized evaluation. *American Economic Journal: Applied Economics*. 2015;7(1):22–53. DOI 10.1257/app.20130533.

7. Card D. The effect of unions on wage inequality in the U.S. labor market. *Industrial and Labor Relations Review.* 2001;54(2):296–315. DOI 10.2307/2696012.

8. Duflo E., Dupas P., Kremer M. School governance, teacher incentives, and pupil-teacher ratios: Experimental evidence from Kenyan primary schools. *Journal of Public Economics*. 2015;123:92–110. DOI 10.1016/j.jpubeco.2014.11.008.

9. Heckman J. J. Epilogue: Randomization and social policy evaluation revisited. In: Randomized control trials in the field of development. Oxford : Oxford University Press; 2020. P. 304–330. DOI 10.1093/oso/9780198865360.003.0014.

10. Miguel E., Kremer M. Worms: Identifying impacts on education and health in the presence of treatment externalities. *Econometrica*. 2004;72(1):159–217. DOI 10.1111/j.1468-0262.2004.00481.x.

11. Lyubichankovsky A. V. Basic conceptual approaches to the geographical analysis of the population's mentality. *Geographical Bulletin*. 2023;(2):26–35. (In Russ.). DOI 10.17072/2079-7877-2023-2-26-35.

12. Ovchinnikov V. N. Nobel Prize in economic sciences 2019: Poverty alleviation and experiments in development economics. *Financial Journal*. 2020;12(2):120–131. (In Russ.). DOI 10.31107/2075-1990-2020-2-120-131.

13. Drozdovich L. I., Lesnickaya V. A., Meng Jialiang. Some aspects of randomized controlled research (randomized controlled trials – RCT): Attempts at theoretical comprehension. In: Economic science today : A collection of scientific articles. Minsk : BNTU; 2024. Issue 19. P. 79–85. (In Russ.). DOI 10.21122/2309-6667-2022-16-79-85.

14. Trysyachny V. I. Prospects for the use of randomized controlled experiments in economic research. *Financial Management*. 2025;(6):354–359. (In Russ.).

15. Babkin A. V., Fedorov A. A., Liberman I. V., Klachek P. M. Industry 5.0: Concept, formation and development. *Russian Journal of Industrial Economics*. 2021;14(4):375–395. (In Russ.). DOI 10.17073/2072-1633-2021-4-375-395.

16. Bredikhin S. V., Svarchevskaya M. V. Trends in global science and technology policy in the second quarter of 2025 [Trendy mirovoi nauchno-tekhnicheskoi politiki v II kvartale 2025 goda]. Moscow : ISSEK HSE; 2025. Available at: https://issek.hse.ru/news/1091824521.html (accessed: 19.11.2025). (In Russ.).

17. Gershman M. A., Brambila Martinez F. J., Bredikhin S. V. [et al.] Science and technology policy: Global trends and practices [Nauchno-tekhnicheskaya politika: global'nye trendy i praktiki]. Moscow : ISSEK HSE; 2024. 156 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-3012-2. DOI 10.17323/978-5-7598-3012-2.

18. Schwab K. The fourth industrial revolution [Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya]. Moscow : Eksmo; 2016. 138 p. (In Russ.). ISBN 978-5-699-90556-0.

19. Huang S., Wang B., Li X., Zheng P., Mourtzis D., Wang L. Industry 5.0 and Society 5.0–Comparison, complementation and co-evolution. *Journal of Manufacturing Systems*. 2022;64:424–428. DOI 10.1016/j.jmsy.2022.07.010.

20. Serebriakov A. A. Overview of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program. *Science Management: Theory and Practice*. 2021;3(3):236–241. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2021.3.3.12.

21. Stepanova T. D. Implementation of the Priority 2030 Program: Russian and foreign experience. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2025;15(1–1):52–62. (In Russ.). DOI 10.34670/AR.2025.91.22.007.

22. Tomskikh A. A. About realization of potential of scientific and educational systems of subjects of the Baikal region in the corridor "China – Mongolia – Russia". In: "China – Mongolia – Russia economic corridor: Geographical and environmental factors and territorial development opportunities" : Abstracts of the International geographical conference (Irkutsk, August 20–26, 2018). Irkutsk : Publishing House of V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS; 2018. P. 242–243. (In Russ.). ISBN 978-5-94797-325-9

Поступила в редакцию / Received 25.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Revised 17.01.2026.
Принята к публикации / Accepted 01.06.2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Томских Андрей Александрович *tomskih_aa@mail.ru*

Доктор географических наук, доцент; профессор кафедры теории и методики профессионального образования, сервиса и технологий, заместитель проректора, Забайкальский государственный университет, Чита; эксперт, «Социоцентр», Москва, Россия

SPIN-код: 5209-9285

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Tomskikh *tomskih_aa@mail.ru*

Doctor of Geography, Associate Professor;
Professor, Department of Theory and Methods of Professional Education, Service and Technologies, Deputy Prorector, Transbaikal State University, Chita;
Expert, Sociocentre, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-2741-2561

DOI: 10.19181/smtp.2026.8.2.7

EDN: PLSLFD

Научная статья

Research article

РЕЙТИНГ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ВУЗОВ: ОТ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ К СИСТЕМЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Харченко
Константин Владимирович[1]

[1] Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Боженов
Сергей Андреевич[2]

[2] Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова, Белгород, Россия

Для цитирования: *Харченко К. В., Боженов С. А.* Рейтинг человеческого капитала вузов: от концептуальных основ к системе показателей // Управление наукой: теория и практика. 2026. Т. 8, № 2. С. 118–134. DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.7. EDN PLSLFD.

Аннотация. Актуальность исследования связана с необходимостью повышения качества вузовской подготовки и расширения влияния университетов на внешнюю среду. В этом плане в качестве мощного инструмента косвенного управления рассматриваются рейтинги вузов; вместе с тем отмечается, что необдуманное включение в них отдельных параметров способно сместить акцент на достижение малозначимых задач, а то и ложных целей. На основе анализа известных рейтингов вузов было показано, что общие их оценки менее продуктивны, чем те, которые отражают сквозные процессы, соответствующие целевой функции. Данная функция в современных условиях состоит в формировании, наращивании и рациональном использовании человеческого капитала. В связи с этим был предложен авторский подход к построению рейтинга человеческого капитала вузов, в рамках которого показатели сгруппированы по критериям, учитывающим стартовые условия, «капиталовложения», характер использования человеческого капитала и результативность деятельности по его развитию. Сделан вывод о направленности представленного рейтинга на выполнение многоплановой миссии университета, отвечающей условиям и задачам развития современного общества.

Ключевые слова: рейтинг вузов, управление университетом, человеческий потенциал, человеческий капитал, академический инбридинг

© Харченко К. В., Боженов С. А., 2026

RATING OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS' HUMAN CAPITAL: FROM CONCEPTUAL FOUNDATIONS TO A SYSTEM OF INDICATORS

Konstantin V. Kharchenko[1]

Sergey A. Bozhenov[2]

[1] Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
[2] Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russia

For citation: Kharchenko K. V., Bozhenov S. A. Rating of higher education institutions' human capital: From conceptual foundations to a system of indicators. *Science Management: Theory and Practice.* 2026;8(2):118–134. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.7.

Abstract. The relevance of the study is associated with the need to improve the quality of higher education and to expand the influence of universities on the external environment. In this regard, university rankings are considered as a powerful tool for indirect management; at the same time, it is noted that a thoughtless inclusion of certain parameters in them can shift the focus to achieving insignificant or even false goals. Based on the analysis of well-known university rankings, it was shown that their overall assessments are less productive than those reflecting cross-cutting processes that correspond to the objective function. Under modern conditions, this function consists in the formation, accumulation and rational use of human capital. Consequently, an original approach to constructing a rating of HEIs' human capital was proposed, within which indicators are grouped according to criteria that take into account initial conditions, "capital investments", the nature of human capital use and the effectiveness of activities for its development. The authors conclude that the presented rating is aimed at fulfilling the multifaceted mission of a university, corresponding to the conditions and objectives of modern society's development.

Keywords: ranking of HEIs, university management, human potential, human capital, academic inbreeding

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность разработки нового рейтинга вузов, учитывающего процесс формирования, использования, развития и воспроизводства человеческого капитала, определяется следующими обстоятельствами.

Во-первых, задачи повышения эффективности вузовской подготовки специалистов и последующего использования их потенциала всегда будут оставаться на повестке дня, поскольку университеты способны внести заметный вклад в формирование устойчивой кадровой среды региона, а от уровня компетенций выпускников в немалой степени зависит успешность социально-экономического развития субъектов РФ и страны в целом.

Во-вторых, в последнее время получает всё большее распространение т. н. доказательный подход, требующий аргументации тех или иных позиций либо управленческих решений на основе совокупности количественных данных, объём и разнообразие которых с каждым годом увеличивается, в т. ч. благодаря

цифровому следу. В этом плане построение образовательных и жизненных стратегий абитуриентов с учётом рейтингов вузов создаёт эффект рациональности выбора.

В-третьих, помимо реализации базовых функций – обучения студентов и развития фундаментальной науки – от университета сегодня требуется выступать в роли исполнителя прикладных исследований в интересах федерального либо регионального заказчика (в зависимости от статуса вуза) и/или хозяйствующих субъектов, что требует расширенного набора компетенций как руководства, так и научных работников. Точно так же сегодня ведущие вузы являются активными участниками инновационной деятельности. Оба указанных направления невозможны без инвестиций в человеческий капитал, что, в свою очередь, стимулирует интерес к инструментам, позволяющим осуществлять прогнозирование его развития.

В-четвёртых, несмотря на здравые рассуждения противников сугубо количественных измерений вузовской профессиональной деятельности об «институциональных ловушках», шоттермизме (постановке краткосрочных целей, которые легче достигаются), фетишизации показателя в ущерб неявному знанию [1; 2], в последние десятилетия возрастает популярность рейтингования как особого направления информационной деятельности, востребованного в сферах пиара и консалтинга. Если проводится количественная оценка эффективности того или иного явления, формирование рейтингов однотипных объектов является венцом данного процесса. Сегодня возможности подбора более или менее точных критериев, позволяющих измерять объект с различных сторон, заметно возросли: побочным продуктом цифровизации большинства направлений деятельности является цифровой след, измерение которого имеет целый ряд преимуществ по сравнению с использованием опросных методов.

Итак, цель статьи – разработать концептуальные основы, а также практико-ориентированные подходы к подбору инструментария измерения и рейтинговой оценки человеческого капитала вузов.

Достижение данной цели предполагает решение следующих задач:

1) обобщить реализуемые подходы к проведению рейтингов вузов с одной стороны и рейтингов человеческого капитала с другой с учётом их роли в социальном конструировании реальности;
2) предложить способ измерения человеческого капитала в целях формирования соответствующего рейтинга вузов;
3) предложить видение циркуляции человеческого капитала в сфере высшего и послевузовского образования в качестве основы для интерпретации различных элементов особенностей данного процесса как составляющих рейтинг показателей;
4) уточнить роль отдельных важных показателей, используемых в различных рейтингах вузов, в проектируемом рейтинге человеческого капитала;
5) предложить систему показателей рейтинга вузов по уровню формирования, использования, развития и воспроизводства человеческого капитала.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые предложена методология рейтингования вузов по уровню человеческого капитала.

ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ РЕЙТИНГОВ ВУЗОВ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

В последние 15–20 лет усилилось внимание как субъектов управления, так и гражданского общества к оценке эффективности различных институтов, по результатам которой формируются многочисленные рейтинги. По сути контрольно-оценочная функция из вспомогательной стала превращаться в едва ли не основную.

Сегодня управленец вместо целостного видения текущей ситуации и образа будущего своего объекта зачастую рассматривает его лишь через призму показателей. Вокруг способов их улучшения и, соответственно, повышения позиций в рейтингах строятся стратегии развития многих современных организаций, особенно это касается бюджетного сектора. Назначение рейтингов состоит в том, что они ориентируют деятельность в заданном направлении, позволяя как выявлять организационные проблемы, так и обнаруживать точки роста, тем самым усиливая конкурентоспособность организации [3]. Для благополучателей (а в отношении вузов это, прежде всего, абитуриенты) рейтинги являются ориентиром, позволяющим осуществлять рациональный выбор, и в некоторой степени инструментом, формирующим академическую реальность [4, с. 338]. Для руководителей вузов рейтинги их организаций увязываются с направленностью программ стратегического развития университетов [5, с. 75]. Отсюда возрастают требования к качеству рейтингования.

Можно утверждать, что рейтинги являются мощным инструментом косвенного управления. Так, если вышестоящая институция желает усилить некоторый параметр, этот посыл может быть передан нижестоящему звену через прямое указание, что, однако, далеко не всегда приводит к должному эффекту. Альтернативой является доведение до объекта управления некоторого показателя. В данном случае меняется мотивация: на смену установке на подчинение и исполнительность приходит установка на соперничество и мотив достижения, что позволяет получить требуемый результат быстро и с наилучшими качественными характеристиками.

С учётом высокой востребованности рейтингов очень важно подбирать адекватные показатели, точно и полно измеряющие изучаемое явление, сензитивные (чувствительные к малейшим значимым изменениям ситуации) и актуальные, а значит, рейтинги должны быть направлены не только на характеристики объекта в целом, но и на отдельные его стороны и свойства. К тому же, т. к. некоторые установки с течением времени достигаются, уточняются, а может и дискредитируются, состав адекватных им показателей должен периодически пересматриваться; также целесообразно перенастраивать весовые коэффициенты.

Поскольку рейтинг вузов по уровню человеческого капитала как самостоятельный оценочный инструмент на данный момент ещё не разработан, обратимся к анализу с одной стороны наиболее известных рейтингов вузов, а с другой – рейтингов человеческого капитала.

Так, QS World University Rankings («Мировой рейтинг университетов QS») – рейтинг, ежегодно публикуемый компанией Quacquarelli Symonds, – оценивает университеты по таким критериям, как академическая репутация, отношение

работодателей к выпускникам вуза, уровень цитируемости публикаций сотрудников университета, соотношение показателей студентов и преподавателей, количество иностранных студентов в вузе, численность иностранных преподавателей. Данный рейтинг считается одним из авторитетных, но в то же время его критикуют за использование параметров на основе результатов опросов, которые зачастую строятся на недостаточной выборке и предполагают субъективные оценки, а также за неучёт цитирований работ в области социальных и гуманитарных наук.

Академический рейтинг университетов мира (ARWU – Academic Ranking of World Universities) составляется Институтом высшего образования Шанхайского университета Цзяотун и учитывает наличие выпускников и сотрудников – лауреатов Нобелевской или Филдсовской премий, а также публикации и цитирования в высокорейтинговых журналах, внесённых в определённые базы данных. Изначальной целью данного рейтинга было позиционирование китайских вузов в мировом научно-образовательном пространстве. Для определения же перспектив развития российских вузов рейтинг ARWU малоинформативен, поскольку не отражает ключевые точки роста. Так, исследователи указывают на то, что в рассматриваемом рейтинге отсутствуют критерии, характеризующие процесс обучения, качество преподавания и успеваемость студентов [4].

Также в число известных рейтингов входит Times Higher Education World University Rankings – глобальный рейтинг университетов, ежегодно публикуемый журналом Times Higher Education (THE). Помимо исследовательских и институциональных показателей в данном случае измеряется в т. ч. экономическая и инновационная активность, а также международное сотрудничество; при учёте цитирований нормализована представленность естественных и гуманитарных наук.

В международном рейтинге SCImago учитываются результаты исследований, университетские инновации и влияние вузов на общество, измеряемое по их видимости в сети Интернет. По целому ряду параметров в данном рейтинге реализован новаторский подход: в частности, учитывается число значимых стратегических документов, в создании которых вуз играл ключевую роль; количество издаваемых вузом журналов; доля публикаций в журналах с открытым доступом; количество научных публикаций с аффилиацией учреждения, на которое ссылаются в патентах; оценки общего качества и эффективности SEO-продвижения университетского веб-сайта. При этом обращает на себя внимание, что отдельные показатели, учитываемые в рейтинге SCImago, отражают повестку стран Запада, как, например, количество разработанных вузом документов, связанных с Целями устойчивого развития ООН; участие женщин в исследовательских процессах.

Одним из известных рейтингов российских вузов является рейтинг Forbes[1], посредством которого в 2025 г. оценивались 564 организации. Ключевыми направлениями оценки выступают качество нетворкинга (средний балл ЕГЭ и победы студентов в олимпиадах); репутация у работодателей (по данным опроса); международная репутация (попадание университетов в международные рейтинги);

[1] Лучшие российские вузы – 2025. Рейтинг Forbes // Forbes : [сайт]. URL: https://forbes.ru/education/537757-lucsie-rossijskie-vuzy-2025-rejting-forbes (дата обращения: 10.12.2025).

академическая среда (заработная плата, доля преподавателей с учёными степенями, программы с двойными дипломами, доля иностранных преподавателей и др.) и т. н. фактор Forbes, учитывающий число выпускников-миллиардеров.

Рейтинг RAEX-100, который позиционируется как список ста лучших вузов России, включает их оценку по трём категориям: условия для получения студентами образования, востребованность выпускников работодателями и условия для научно-исследовательской деятельности. Источниками данных служат предоставляемые вузами данные, информация из открытых источников и онлайн-опросы представителей академического сообщества, работодателей и выпускников.

Национальный рейтинг университетов Интерфакса[2] выделяет ведущие российские вузы российских вузов на основе шести критериев, учитывая уровень подготовки студентов, научную активность, социальную среду, международное сотрудничество, поддержку стартапов, а также узнаваемость и престиж университета.

Следует также упомянуть Московский международный рейтинг вузов «Три миссии университета», оператором которого выступает Ассоциация составителей рейтингов, рэнкингов и иных оценок эффективности (АСР)[3]. Рейтинг учитывает такие ключевые группы параметров, как «Образование» (45%), «Наука» (25%) и «Университет и общество» (30%); особенностью является опора исключительно на объективные критерии, соответственно, репутационные опросы в расчёт не принимаются.

Среди международных сравнительных исследований уровня развития человеческого капитала, пожалуй, наиболее известным является Human Capital Index, реализуемый Группой Всемирного банка (World Bank Group). По заявлению операторов, соответствующий рейтинг позволяет количественно оценить вклад здравоохранения и образования в производительность труда следующего поколения работников[4].

Рассмотренные рейтинги имеют универсальный характер, что предполагает оценку как вузов, так и человеческого капитала «с высоты птичьего полёта». Наряду с общими, практикуются также сегментированные рейтинги, которые уже позволяют получить не стереотипное представление о вузе, а более предметное – о качестве подготовки по конкретным направлениям. Возможно, оценки вузов и отдельных специальностей соответствуют ожиданиям абитуриентов, и в этом плане их главная функция состоит в том, чтобы повлиять на их предпочтения; всё же они направлены в первую очередь на усиление пиар-компонента и малоинформативны для профессионального сообщества.

При этом в целях обоснования принятия решений, направленных на содержательное преобразование различных сторон деятельности вуза, требуется разрабатывать сквозные по представленности аспектов и целевые по назначению рейтинги, в т. ч. процессно-ориентированные. К таковым мы как раз и относим рейтинг, отражающий способность университетов создавать, развивать и использовать человеческий капитал. Данный рейтинг отражает

[2] Национальный рейтинг университетов за 2025 год // Интерфакс Россия : [сайт]. URL: https://interfax-russia.ru/academia/ratings (дата обращения: 07.02.2026).

[3] Три миссии университета : [сайт]. URL: https://mosiur.org (дата обращения: 07.02.2026).

[4] Human Capital Project // World Bank Group : [сайт]. URL: https://worldbank.org/en/publication/human-capital (дата обращения: 07.02.2026).

постклассический взгляд на роль вуза в обществе, когда ценится не столько его базовое назначение – обучение студентов, кадровое обеспечение отраслей экономики и т. п., что принимается как данность, сколько расширенный функционал, главной характеристикой которого является творчески-преобразующее влияние на профессионально-образовательную, научную, деловую и социальную среду.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ И ПРЕДМЕТ ОЦЕНИВАНИЯ

Словосочетание «человеческий капитал» впервые было употреблено американским экономистом Джейкобом Минсером в работе 1958 г. На рубеже 50–60-х гг. XX в. благодаря работам Теодора Шульца теория человеческого капитала оформилась как самостоятельный раздел экономического анализа. Немногим позднее Гэри Беккер в книге «Человеческий капитал» (первое издание – 1964 г.) представил базовую теоретическую модель человеческого капитала, ставшую основой для всех последующих исследований в данной области.

Согласно рассматриваемой теории, инвестиции в человеческий капитал – прежде всего, затраты на образование, в т. ч. непрерывное, и укрепление здоровья работников – способны заметно повлиять на производительность труда и стать мощным фактором экономического роста. В более поздний период под человеческим капиталом стали понимать триединство образования, здоровья и культуры [6, с. 28; 7].

Понятие человеческого капитала переплетается с близким по значению понятием человеческого потенциала. Исследовательская парадигма человеческого потенциала отсылает к концепциям 1960–1980-х гг., которые ставили во главу угла всестороннее развитие человека в части его способностей, ценностей и возможностей, что в некоторой степени было альтернативой утопичной идее общества всеобщего благосостояния. Теоретические наработки в области человеческого потенциала легли в основу Индекса человеческого развития ООН.

Понятия человеческого потенциала и капитала по своему содержанию во многом пересекаются, будучи метафорическими по отношению к материальным ресурсам и физическому капиталу, соответственно. Вместе с тем потенциал вообще, в отличие от актива, предполагает совокупность качеств, которые имеются в наличии, но на данный момент не используются – по причине либо незнания о них, либо неумения грамотно распорядиться, либо недостаточного соответствия требуемому уровню. Отсюда, когда мы говорим про потенциал, акцент делается прежде всего на необходимости его раскрытия, тогда как в отношении капитала ключевые его признаки – наращивание и использование.

С утилитарных позиций – как предмет оценивания и рейтингования вузов – человеческий капитал подходит больше, чем потенциал, поскольку в данном случае главное – не столько имеющиеся возможности продуцировать знания и способности их усваивать, сколько полнота реализации этих возможностей и способностей в сложившихся/заданных институциональных условиях.

Отметим также, что понятие человеческого капитала используется в двух смыслах. В широком смысле это общая, образная характеристика человеческих возможностей и способностей, что роднит данное понятие с человеческим потенциалом. В узком же смысле это капитализируемые способности и качества человека, т. е. только те, в отношении которых можно просчитать соотношение затрат и получаемой в итоге прибыли. Полагаем, что в нашем случае нецелесообразно ни предельно расширять понятие, поскольку задачей является выход на измеримые критерии, ни сужать его до финансового аспекта, что как минимум не этично.

Человеческий капитал вуза – это субстанция, которая постоянно находится в движении; это катализатор «создания новых образовательных сред и пространств, формирующих качественно “сложного” человека для “сложного” мира…» [8, с. 20]; в общем виде это «совокупность профессионально-трудовых и социально-трудовых характеристик сотрудников образовательной организации, используемых для повышения результативности образовательной и научной деятельностей образовательной организации» [Там же, с. 21].

Акцент на динамической природе человеческого капитала как раз и будет отличать конструируемый рейтинг от действующих рейтингов вузов, что предопределяет:

- Особое распределение показателей по категориям. Так, предоставление жилья работникам университета трактуется среди прочих параметров как вложение в человеческий капитал; вовлечение в НИР студентов – как использование человеческого капитала в целях наращивания потенциала вуза; трудоустройство выпускников по специальности – как использование человеческого капитала в интересах региона и страны в целом.
- Завышение весовых коэффициентов – в части показателей, отражающих наличие либо действенность систем социальной адаптации, наставничества и профессионального развития, академической мобильности и ряда других.
- Занижение весовых коэффициентов по сравнению с известными рейтингами вузов общего порядка – прежде всего в отношении показателей, характеризующих стартовые условия формирования человеческого капитала:
  - качество отбора наиболее способных студентов (селективность вуза) [9], выражаемое показателями *«Средний балл ЕГЭ абитуриентов»* либо *«Средний балл приёма ЕГЭ»*, поскольку в нашем случае более важен не исходный, а достигаемый уровень профессиональной подготовки;
  - показатели развитости инфраструктуры, например *«Доля площади помещений, требующих ремонта, %»*; *«Объём медиатеки, ед.»*.

    Отметим, что балансировка оцениваемых параметров призвана среди прочего решить проблему «исследовательского пузыря»[5], когда вузы всё более инвестируют в исследования в ущерб качеству подготовки студентов [10].

[5] *Bates T.* World university rankings: A reality based on a fraud // Online Learning and Distance Education Resources : [сайт]. 2010. September 17. URL: https://tonybates.ca/2010/09/17/world-university-rankings-a-reality-based-on-a-fraud/ (accessed: 17.12.2025).

- Обоснование нелинейной динамики отдельных показателей. Так, показатель *«Остепенённость ППС, %»*, характеризующий долю докторов и кандидатов наук, в идеале не должен превышать 85–90%, поскольку в ином случае будет создано препятствие для оборота человеческого капитала в части кадрового воспроизводства.
- Отказ от ряда параметров, которые, возможно, вполне подходят для иных рейтингов, в частности:
  - *«Доля студентов, успешно окончивших вуз, %»* – сегодня показатель уже не имеет смысла по причине реализуемой многими образовательными организациями политики сохранности контингента; его включение в рейтинг приведёт к искусственному завышению параметров успеваемости.
  - *«Число статей, проиндексированных в международных базах данных, ед.»* – в российских условиях показатель публикационной активности в западных периодических изданиях вряд ли уместен, поскольку характеризует развитие человеческого капитала лишь на индивидуальном уровне, причём такой капитал не подпитывает среду, напротив, происходит его утечка.
  - Показатели цитируемости, например «*Число часто цитируемых исследователей, чел.*». Некоторые исследователи сетуют на то, что число часто цитируемых исследователей является одним из «слабых» показателей для представленных в международных рейтингах российских вузов [5]. Всё же следует признать, что цитируемость как потребление результатов исследований одних учёных другими предполагает замкнутый контур циркуляции человеческого капитала, который не выходит за пределы научной среды и, соответственно, не позволяет судить о востребованности монографий и статей как в преподавании, так и в практической деятельности. Более того, о несовершенстве действующего подхода к учёту цитирований говорит тот факт, что даже разгромная критика некоторой работы идёт в актив её автору. Перспективным в этом ключе был бы показатель *«Доля научных публикаций, на которые имеются ссылки в патентах»*, однако он вряд ли применим к российской практике.

Спорным представляется вопрос об использовании в рейтинге человеческого капитала вуза показателей удовлетворённости как студентов – условиями обучения, так и преподавателей – условиями работы. При всей важности данной категории, знаменующей собой поправку социального эффекта на его восприятие целевыми группами, очень сложно обеспечить единство расчётной методики и объективность измерений в стенах самой организации. Отсюда следует сделать выбор в пользу деятельностных характеристик удовлетворённости, измеряемых статистикой, – например, в отношении преподавателей это текучесть кадров.

Итак, предлагаемый рейтинг, призванный отражать усилия вуза по формированию, использованию, развитию и воспроизводству человеческого капитала, не претендует на всестороннюю оценку деятельности образовательных организаций, однако высвечивает ключевые параметры, характеризующие, с одной

стороны, прилагаемые усилия вузовской администрации по формированию благоприятной среды для самореализации человека, а с другой – достигаемые при этом социально-значимые результаты.

МОДЕЛЬ ЦИРКУЛЯЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО И ПОСЛЕВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВА РЕЙТИНГА

Уточнение концептуального понимания особенностей циркуляции человеческого капитала является условием формализации данного процесса в целях построения рейтинга.

Источниками человеческого капитала вуза выступают с одной стороны абитуриенты с имеющимся у них исходным потенциалом, а с другой – профессорско-преподавательский состав. При этом характеристиками потенциала и тех, и других выступают:

1) уровень знаний по специальности/профессиональных знаний – отражённый в документах об образовании соответствующей ступени и фактический;
2) объём дополнительных знаний и «мягких навыков», в т. ч. документированных;
3) уровень общей образованности, широта кругозора;
4) текущий уровень публикационной и патентной активности (характеризует преимущественно преподавателей, но и отдельных абитуриентов);
5) уровень социальной активности.

В данном случае вуз рассматривается как академическая среда, в которой происходит воздействие преподавателей с их уровнем человеческого капитала на человеческий капитал студентов.

Под академической средой мы понимаем естественно складывающуюся совокупность условий и возможностей, которые позволяют создавать и распространять новые знания, тесно взаимодействовать участникам учебной, научной и инновационной деятельности, эффективно функционировать действующим институтам, среди которых – патентные бюро, бизнес-инкубаторы, малые инновационные предприятия. Академическая среда является производной от инфраструктуры, создаваемой волевыми решениями субъекта управления.

Исходный человеческий капитал предполагает дальнейшее накопление, которое в отношении студентов осуществляется в ходе учебного процесса и внеаудиторной активности, а в отношении преподавателей – в рамках систем профессионального обучения и развития.

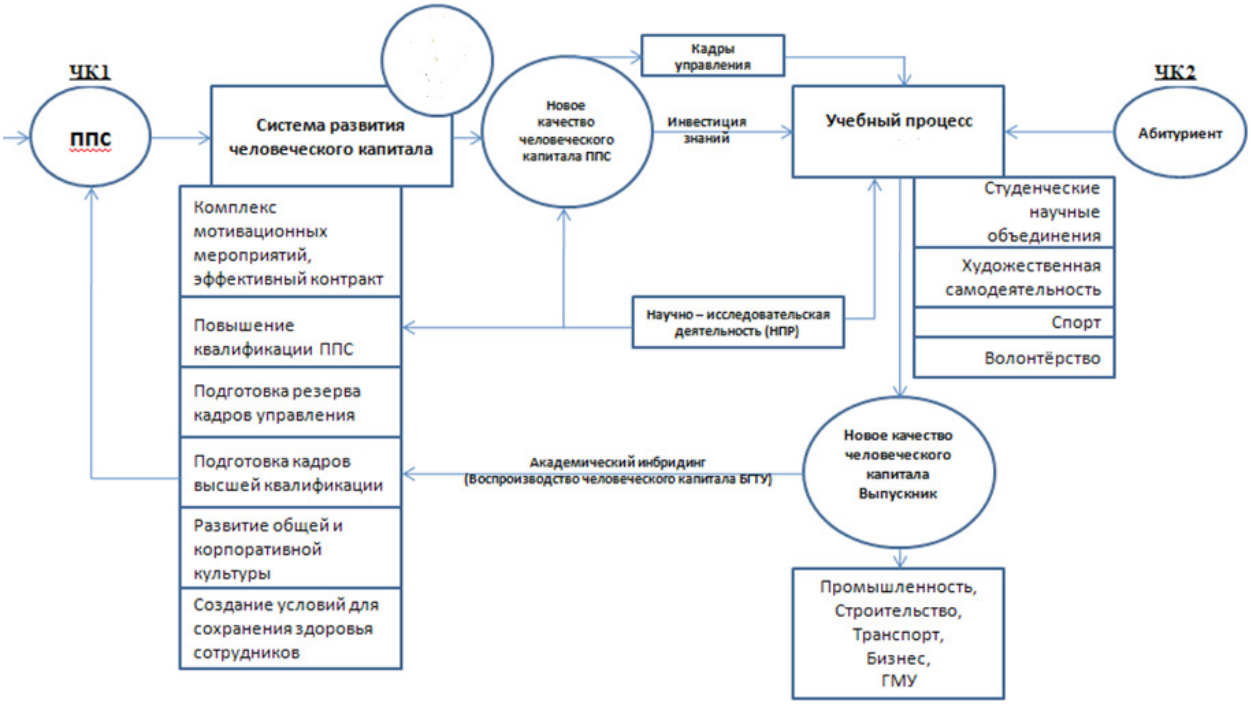
Приведём ряд примеров. В Финансовом университете при Правительстве РФ действует «кузница кадров» как сегмент корпоративной платформы. В данном сегменте можно записываться на курсы повышения квалификации и переподготовки в рамках установленного лимита либо дополнительно, причём система предусматривает заключение договора безвозмездного либо возмездного оказания услуг в форме смарт-контракта. В Белгородском государственном технологическом университете им. В. Г. Шухова создана система развития человеческого капитала, предусматривающая многоступенчатую подготовку

кадрового резерва в количестве 80 человек в части комплексного повышения уровня знаний, укрепления здоровья и развития культуры.

Преобразованный в результате участия в системе профессионального развития человеческий капитал преподавателей реинвестируется в учебную, научную и инновационную деятельность.

Преобразованный человеческий капитал студентов, с одной стороны, находит применение в отраслях экономики, а с другой – обеспечивает воспроизводство научно-педагогических кадров. В этом отношении в последнее время получил популярность термин «академический инбридинг». Данный термин заимствован из биологии, где инбридинг означает близкородственное скрещивание у животных и растений. Применительно к высшему образованию академический инбридинг – это предпочтительное трудоустройство вузами своих выпускников. Положительными сторонами инбридинга являются обеспечение преемственности образовательной традиции, научной школы и корпоративной культуры, ускорение адаптации новых преподавателей. При этом возникают риски стагнации развития науки, снижения здоровой конкуренции среди научно-педагогических кадров, давления со стороны руководства [11, с. 175].

В обобщённом виде модель циркуляции человеческого капитала представлена на рисунке 1.

Чк1 – человеческий капитал профессорско-преподавательского состава до принятия участия в системе развития человеческого капитала;
Чк2 – человеческий капитал абитуриента до принятия участия в системе развития человеческого капитала.

Рис. 1. Модель циркуляции человеческого капитала вуза
Fig. 1. Model of the Human Capital Circulation at a HEI

Итак, данная модель лежит в основе системы показателей, которую предполагается использовать в целях формирования рейтинга.

ПОДБОР СОСТАВЛЯЮЩИХ РЕЙТИНГА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ВУЗОВ

В рейтинге человеческого капитала вузов мы предлагаем выделить пять блоков показателей, которые выстроены с учётом наблюдаемого и оцениваемого процесса и воздействующих на него факторов: формирование – наращивание – использование человеческого капитала для внутренней и внешней среды – влияние на результаты деятельности организации.

1) Блок «Стартовые условия формирования человеческого капитала» (с относительно низким удельным весом).
   В данный блок целесообразно включить три компонента:
   - Подраздел «Благополучатели: абитуриенты – студенты – выпускники»: учитываются показатели *«Средний балл ЕГЭ абитуриентов»*, *«Средний балл ЕГЭ зачисленных на платные места»*, *«Доля победителей олимпиад и медалистов среди студентов, зачисленных на первый курс»*; *«Доля выпускников – участников вузовских социальных сетей»*.
   - Подраздел «Преподаватели»: учитываются показатели «*Баланс остепенённости (доля кандидатов и докторов наук (с учётом предельного значения, например, 85%))*», «*Количество публикаций в расчёте на одного сотрудника*», «*Наличие у преподавателей возможности бесплатного прохождения курсов повышения квалификации в течение года*», «*Доля бюджета, распределяемого на внутренние гранты сотрудникам*».
   - Подраздел «Инфраструктура»: показатели *«Доля площади помещений университетского кампуса, требующих ремонта»*, *«Объём медиатеки / количество доступных по подписке академических изданий»*; *«Развитость инфраструктуры для студентов и сотрудников с ограниченными возможностями»*.

2) Блок «Вложения в человеческий капитал» – характеризует усилия, предпринимаемые вузами в целях наращивания человеческого капитала.
   Показатели подраздела «Студенты»: *«Доля студентов, вовлечённых в научную деятельность в составе временных творческих коллективов»*[6]; *«Количество организованных на базе университета студенческих конкурсов и олимпиад межвузовского уровня и выше»*; *«Регулярное проведение спортивно-оздоровительных мероприятий для студентов»*; *«Число организованных посещений студентами университета городских/региональных культурных мероприятий»*, *«Число университетских клубных формирований»*[7].

---

[6] Участие студентов в научных исследованиях трактуется как фактор наращивания человеческого капитала, а не его использования, поскольку обеспечение такого участия является в большей мере производной от прилагаемых усилий (мотивация, научное руководство), нежели продуктом самоорганизации среды.

[7] Вариант показателя *«Число студентов – участников университетских клубных формирований»* представляется менее целесообразным, поскольку в данном случае мы говорим о предоставляемых, а не о реализуемых возможностях; к тому же внеаудиторная активность должна лишь дополнять, а не заменять собой решение образовательных задач.

Показатели подраздела «Преподаватели»: *«Соотношение заработной платы преподавателей и сотрудников вуза со средней заработной платой в регионе»*; *«Реализация комплекса мер по социальной адаптации новых сотрудников»*; *«Наличие системы наставничества»*; *«Доля преподавателей, участвующих в программах академической мобильности»*; *«Доля преподавателей, освоивших программы дополнительного профессионального образования в отчётном году»*; *«Число преподавателей и сотрудников, вовлечённых в программы развития кадрового резерва»*; *«Доля преподавателей, обеспеченных служебным жильем, в % от числа нуждающихся»*; *«Наличие системы обеспечения работников льготным питанием»*; *«Регулярное проведение спортивно-оздоровительных мероприятий для работников»*; *«Число организованных посещений работниками университета городских/региональных культурных мероприятий»*.

В данном случае инфраструктурное измерение отсутствует, поскольку вложения собственно в человеческий капитал подразумевают непосредственную работу с контингентом.

3) Блок «Использование человеческого капитала в целях наращивания лидерских позиций вуза в академическом сообществе» – характеризует отдачу от вложений в человеческий капитал для реализации корпоративных целей.

В отношении преподавателей данный блок может быть представлен такими показателями, как *«Количество публикаций на 100 преподавателей»*, *«Объём привлечённых бюджетных/внебюджетных средств на финансирование хоздоговорных работ»*, *«Число поданных заявок на патенты»*, *«Доля МИП с участием вуза, осуществляющих финансово-хозяйственную деятельность в отчётном году»*, *«Медиаактивность»* (число экспертных материалов и комментариев в ведущих СМИ).

В отношении благополучателей вуза важными параметрами являются *«Число студентов, занявших призовые места в олимпиадах межвузовского уровня и выше в отчётном году»*, *«Доля выпускников, продолжающих обучение на более высоких ступенях образования»* и *«Доля выпускников, трудоустроенных в вуз в качестве преподавателя либо сотрудника»* (показатель инбридинга).

В отношении организации в целом к данному блоку может быть отнесён показатель *«Доход от исследований в расчёте на сотрудника»*; хотя также он характеризует результативность (пятый блок), всё же некоммерческий сектор направлен преимущественно на достижение уставных целей, а не на получение прибыли.

4) Блок «Использование человеческого капитала в интересах региона и страны в целом» – акцентирует отдачу от вложений в человеческий капитал для реализации социально значимых целей, отражая влияние вуза на человеческий капитал региона. Соответствующими показателями выступают: *«Доля патентов, реализованных на внешнем рынке в отчётный период»*; *«Число НИР, выполненных в интересах квалифицированного*

заказчика»; *«Доля студентов, трудоустроенных по специальности»*; *«Доля выпускников – предпринимателей»*; *«Доля внешних участников университетских программ ДПО»*; *«Средняя заработная плата выпускников по профилям вуза»*; *«Число пользователей, прошедших организованные университетом бесплатные онлайн-курсы в отчётный период (при наличии)»*; *«Число реализованных в течение года социальных инициатив и проектов университета»*.

5) Блок «Результативность деятельности вуза по развитию человеческого капитала» может быть представлен следующими показателями:
   - *«Уровень текучести научно-педагогических и административно-управленческих кадров»* (деятельностный показатель удовлетворённости работников условиями труда);
   - *«Доля студентов бакалавриата и магистратуры старше 25 лет»* (характеризует востребованность вуза внешней средой);
   - *«Число случаев временной нетрудоспособности на 100 работающих в течение года»* (показатель результативности корпоративной политики здоровьесбережения);
   - *«Доля выигранных грантов от числа поданных заявок»* (характеризует среди прочего результативность организационного обеспечения научной деятельности);
   - *«Уровень удовлетворённости студентов, ППС и сотрудников»* и *«Сформированность академической среды»* (субъективные показатели могут быть уместны лишь при наличии апробированной методики их измерения и подходящих условий для получения объективных оценок).

Как видим, многие из рассмотренных показателей уже присутствуют в различных рейтингах вузов, однако в предложенном варианте могут иметь особенную трактовку измеряемого ими блага, уникальную комбинацию с другими измерителями и/или отличающийся весовой коэффициент.

За пределами всех блоков показателей мы сознательно оставили маркеры пиар-деятельности, за исключением медиаактивности (например, популярность вуза в социальных сетях, размер интернет-аудитории сайта вуза), поскольку считаем, что это напрямую не влияет на оборот человеческого капитала.

Поскольку речь идёт об интеграции всех показателей в единый рейтинг, все они должны быть приведены к безразмерным величинам. Так, в отношении показателя *«Частота организации на базе университета студенческих конкурсов и олимпиад межвузовского уровня и выше»* значению «1» может соответствовать факт «Более пяти мероприятий в течение учебного года», значению «0,7» – «от двух до пяти мероприятий», нулевому значению – менее двух мероприятий. При этом следует решать дилемму «точность измерений – простота расчёта показателя». Отметим, что для расстановки весовых коэффициентов предполагается экспертное обсуждение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, сегодня рейтинги вузов даже при всей их условности не просто отражают реальность, а формируют её, предопределяя как образовательные стратегии абитуриентов, так и вектор профессионального развития преподавательского состава. Лежащие в основе рейтингов системы показателей можно рассматривать как мощные инструменты косвенного управления, предопределяющие масштабные процессы, как, например, массовый выбор выпускниками школ модных специальностей, а также стремление российских учёных публиковаться в определённых изданиях. Вместе с тем подходы, реализованные в общих рейтингах качества высшего образования, претендуя на полноту охвата различных сторон деятельности университетов, ведут к усреднённому видению ситуации. Отсюда возникает необходимость в рейтингах, прицельно характеризующих содержательно-смысловую сторону функционирования вузов, к которой как раз относится человеческий капитал.

В настоящей работе мы стараемся уйти как от широкого, образного понимания человеческого капитала, синонимичного человеческому потенциалу, так и от узкой его интерпретации, подразумевающей стоимостные показатели способностей и возможностей человека. В результате человеческий капитал предстаёт как динамическая субстанция, ценность которой состоит в непрерывном цикле его формирования, наращивания и использования. Соответственно, в предложенном рейтинге человеческого капитала вузов показатели систематизированы по таким аспектам, как стартовые условия, вложения в человеческий капитал, использование человеческого капитала в целях наращивания лидерских позиций вуза в академическом сообществе, а также в интересах региона и страны в целом, результативность деятельности вуза по развитию человеческого капитала.

Реализация подхода к рейтингованию вузов с позиции человеческого капитала позволила провести переоценку целого ряда показателей, используемых в традиционных рейтингах качества университетского образования в части их перегруппировки по категориям, повышения/снижения весов коэффициентов значимости, переформулирования либо отказа от использования.

Ориентация вузов на оперирование понятием человеческого капитала позволит им обрести целевую определённость, станет точкой сборки разноплановых задач в рамках единой миссии, интегрирующей образовательную, научную, инновационную деятельность, а также взаимодействие с региональным сообществом.

Предполагается, что представленная в статье система показателей послужит основой для разработки программы для ЭВМ, позволяющей рассчитывать рассматриваемый рейтинг. При этом отдельные трудноизмеримые параметры, а также весовые коэффициенты подлежат дополнительному экспертному обсуждению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Вольчик В. В., Маслюкова Е. В.* Ловушка метрик или почему недооценивается неявное знание в процессе регулирования сферы образования и науки // Журнал институциональных исследований. 2018. Т. 10, № 3. С. 158–179. DOI 10.17835/2076-6297.2018.10.3.158-179. EDN YAWSEP.

2. Метрики для измерения эффективности образовательных и научных организаций: проблемы и перспективы применения / И. М. Ширяев, Е. В. Фурса, Д. И. Мокроусова, А. И. Маскаев // Journal of Economic Regulation. 2018. Т. 9, № 4. С. 178–191. DOI 10.17835/2078-5429.2018.9.4.178-191. EDN YUTPIL.

3. *Медетова Р. М., Капалыгина И. И.* Ключевые позиции, определяющие рейтинг вузов // Просвещение и познание. 2022. № 7 (14). С. 44–56. EDN VCQEIR.

4. *Эбзеева Ю. Н., Гишкаева Л. Н.* Перспективы продвижения российских вузов в международном академическом рейтинге ARWU // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22, № 2. С. 337–351. DOI 10.22363/2313-2272-2022-22-2-337-351. EDN HSLQYW.

5. *Эбзеева Ю. Н.* Рейтинг как инструмент формирования программы стратегического развития вуза // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2022. № 1. С. 74–81. EDN WIBJYY.

6. *Ильинский И. В.* Инвестиции в будущее: образование в инновационном воспроизводстве. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та экономики и финансов, 1996. 163 с. ISBN 5-7310-0556-7.

7. *Гущина И. А.* Компонент здоровья в управлении человеческим капиталом вуза // Вестник Санкт-Петербургского научно-исследовательского института педагогики и психологии высшего образования. 2022. № 4 (4). С. 73–76. EDN OUMZNF.

8. *Шибанкова Л. А.* Человеческий капитал университета: формирование и развитие в эпоху цифровизации // Казанский педагогический журнал. 2020. № 3 (140). С. 19–28. EDN IXKSWG.

9. *Рощин С. Ю., Рудаков В. Н.* Влияние «качества» вуза на заработную плату выпускников // Вопросы экономики. 2016. № 8. С. 74–95. DOI 10.32609/0042-8736-2016-8-74-95. EDN WIMDMH.

10. *Балацкий Е. В., Екимова Н. А.* Международные рейтинги университетов: практика составления и использования // Экономика образования. 2012. № 2. С. 67–80. EDN QAWEON.

11. *Устиненко М. А.* Академический инбридинг в российских вузах // Учёные заметки ТОГУ. 2024. Т. 15, № 1. С. 174–178. EDN RRHEEE.

REFERENCES

1. Volchik V. V., Maslyukova E. V. The metrics trap, or why is implicit knowledge underestimated when regulation of science and education is handled. *Journal of Institutional Research*. 2018;10(3):158–179. (In Russ.). DOI 10.17835/2076-6297.2018.10.3.158-179.

2. Shiriaev I. M., Fursa E. V., Mokrousova D. I., Maskaev A. I. Metrics for measuring the effectiveness of educational and scientific organizations: Problems and prospects of application. *Journal of Economic Regulation*. 2018;9(4):178–191. (In Russ.). DOI 10.17835/2078-5429.2018.9.4.178-191.

3. Medetova R. M., Kapalygina I. I. Key positions determining the ranking of universities. *Enlightenment and Cognition=Prosveshchenie i poznanie*. 2022;(7):44–56. (In Russ.).

4. Ebzeeva Yu. N., Gishkaeva L. N. Prospects for the promotion of Russian universities in the international academic ranking ARWU. *RUDN Journal of Sociology*. 2022;22(2):337–351. (In Russ.). DOI 10.22363/2313-2272-2022-22-2-337-351.

5. Ebzeeva Yu. N. Ranking as a tool for forming the program of a university strategic development. *Vestnik of State University of Humanities and Technology*. 2022;(1):74–81. (In Russ.).

6. Ilinskiy I. V. Investments in the future: Education in innovative reproduction [Investitsii v budushchee: obrazovanie v innovatsionnom vosproizvodstve]. St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg University of Economics and Finance; 1996. 163 p. (In Russ.). ISBN 5-7310-0556-7.

7. Gushchina I. A. The component of health in the management of the human capital of the university. *Bulletin of the St. Petersburg Research Institute of Pedagogy and Psychology of Higher Education*. 2022;(4):73–76. (In Russ.).

8. Shibankova L. A. Human capital of the university: Formation and development in the era of digitalization. *Kazan Pedagogical Journal*. 2020;(3):19–28. (In Russ.).

9. Roshchin S. Yu., Rudakov V. N. The effect of university quality on graduates' wages. *Voprosy Ekonomiki*. 2016;(8):74–95. (In Russ.). DOI 10.32609/0042-8736-2016-8-74-95.

10. Balatsky E. V., Ekimova N. A. International rankings of universities: The practice of making and using. *Economics of Education*. 2012;(2):67–80. (In Russ.).

11. Ustinenko M. A. Academic inbreeding in Russian universities. *Scientific Notes of PNU=Uchenye Zapiski TOGU*. 2024;15(1):174–178. (In Russ.).

Поступила в редакцию / Received 23.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Revised 26.02.2026.
Принята к публикации / Accepted 01.06.2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Харченко Константин Владимирович *kvkharchenko@fa.ru*

Кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление» факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

SPIN-код: 6329-9856

Боженов Сергей Андреевич *belsab@bk.ru*

Кандидат социологических наук, доцент; советник ректора, доцент кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова, Белгород, Россия

SPIN-код: 5551-6421

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin V. Kharchenko *kvkharchenko@fa.ru*

Candidate of Sociology, Associate Professor; Associate Professor, Department of State and Municipal Administration, Faculty of Higher School of Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3329-7755

Scopus Author ID: 57579424400

Web of Science ResearcherID: AAV-7562-2020

Sergey A. Bozhenov *belsab@bk.ru*

Candidate of Sociology, Associate Professor; Advisor to the Rector, Associate Professor, Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russia

DOI: 10.19181/smtp.2026.8.2.8

EDN: PSZPZL

Научная статья

Research article

КУЛЬТУРА ПРОИЗВОДСТВА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ*

Тамбовцев
Виталий Леонидович[1]

[1] МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Рождественская
Ирина Андреевна[2]

[2] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Для цитирования: *Тамбовцев В. Л., Рождественская И. А.* Культура производства научного знания и искусственный интеллект // Управление наукой: теория и практика. 2026. Т. 8, № 2. С. 135–149. DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.8. EDN PSZPZL.

Аннотация. Проведение исследований в различных отраслях, исследовательских программах и научно-исследовательских организациях осуществляется учёными в соответствии с несовпадающими правилами (методиками), а их исследовательское поведение регулируется, кроме того, неформальными институтами, сложившимися в упомянутых программах и организациях, а также индивидуальными привычками. Различные группы неформальных норм и правил образуют культуры производства научного знания, выполняющие роль того фона, на котором происходят процессы применения различных методик исследования и научных коммуникаций. Новые методы исследования могут не соответствовать сложившимся культурным нормам, что может создать затруднения в производстве научных знаний. В статье анализируется феномен искусственного интеллекта с точки зрения его соответствия некоторым аспектам культур в социальных науках и образовании. Выводы из неё свидетельствуют о продуктивности изменений, которые снизят распространённость качественных исследований и изменят формы оценки уровня компетенций, приобретаемых учащимися.

Ключевые слова: культурные нормы, разнообразие культур производства, производство научных знаний, генеративный искусственный интеллект, оценка компетенций учащихся

* Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием МГУ имени М. В. Ломоносова.

© Тамбовцев В. Л., Рождественская И. А., 2026

CULTURE OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE PRODUCTION AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Vitaly L. Tambovtsev[1]

Irina A. Rozhdestvenskaya[2]

[1] Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

[2] Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

For citation: Tambovtsev V. L., Rozhdestvenskaya I. A. Culture of scientific knowledge production and artificial intelligence. *Science Management: Theory and Practice.* 2026;8(2):135–149. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.8.

Abstract. Scientists in accordance with different rules (methods) carry out research in various disciplines, research programs and organizations, and their research behavior is also regulated by informal institutions that have developed in the aforementioned programs and organizations, as well as by individual habits. Various groups of informal norms and rules form cultures of scientific knowledge production, serving as the backdrop against which different research methodologies and scientific communications are applied. New research methods may not align with established cultural norms. This can create difficulties in the production of scientific knowledge. This article analyzes the phenomenon of artificial intelligence in terms of its relevance to certain aspects of cultures in the social sciences and education. Its findings suggest the potential for changes that will reduce the prevalence of qualitative research and alter the ways in which students' competencies are assessed

Keywords: cultural norms, diversity of production cultures, scientific knowledge production, generative artificial intelligence, student competency assessment

ВВЕДЕНИЕ

Процессы производства научного знания можно рассматривать (и изучать) под самыми разными углами, ставя и реализуя различные цели и задачи, используя несовпадающие исследовательские подходы и методы, учитывая при этом в том или ином количестве столь же многообразные влияющие факторы. Среди последних немалую роль играет социальный фактор, учёт которого позволяет рассматривать совершаемые учёными физические и ментальные действия как «погружённые» в социальную среду, состоящую из тех или иных – горизонтальных и/или вертикальных – взаимодействий с коллегами, руководителями и другими индивидами, способными повлиять на то, какие исследовательские действия и как именно совершаются.

Мы говорим не о процессе научного исследования, который можно понимать как обозначение всего функционирования мировой науки, а о процессе производства научного знания, поскольку именно это выражение позволяет достаточно ясно охарактеризовать некоторую «единицу» научно-исследовательского процесса, его базовый фрагмент, начинающийся с выбора объекта изучения и завершающийся передачей полученного научного знания определённому

лицу (заказчику) либо неопределённому кругу лиц в виде публикации. Именно из таких фрагментов и связей между ними, осуществляемых в первую очередь передачей (распространением) научных знаний, и складывается процесс научного исследования.

Упомянутый социальный фактор процесса производства научного знания включает среди прочих также и сложную совокупность писаных и неписаных правил, регулирующих этот процесс, которую можно назвать *культурой* (далее – культура производства научного знания, или КПНЗ). Как и любая культура КПНЗ может пониматься в двух смыслах – описательном и оценочном. Первому из них соответствует то краткое определение, которое было дано чуть выше, в то время как второму – близость поведения исследователей, реализующих какие-то из таких правил, некоторому идеалу: если поведение недалеко от идеала, говорят о высокой культуре действий по созданию нового научного знания, если же оцениваемое расстояние велико – о низкой культуре. Далее в основном мы будем обсуждать КПНЗ в описательном смысле, хотя иногда затрагивать и её оценочную сторону.

КПНЗ, равно как культуру вообще, можно изучать на разных уровнях и в разных масштабах: наука в целом как планетарная система; наука некоторой страны; отдельная научная дисциплина в мире или в какой-то стране; научно-исследовательская программа в рамках определённой научной дисциплины; научно-исследовательская организация; подразделение научно-исследовательской организации; неформальная группа исследователей («невидимый колледж»); отдельный учёный. С нашей точки зрения, именно конкретные исследователи являются наиболее значимыми «объектами» изучения КПНЗ, поскольку они выступают как носителями индивидуальной (персональной) КПНЗ, так и теми субъектами процесса производства научного знания, на которых оказывают (большее или меньшее) влияние КПНЗ вышестоящих уровней и масштабов.

Очевидно, те правила, которыми руководствуются исследователи на всех этапах процесса производства научного знания, не могут не оказывать влияния на получаемые результаты. Простым примером может служить нарушение известного правила изучения уже сделанного в той области, к которой приступает исследователь, и как следствие – «изобретение велосипеда», которое за этим нарушением следует практически автоматически. Однако развитие технологий проведения исследований вполне может привести к тому, что какие-то из элементов традиционной КПНЗ, сложившейся в той или иной науке, группе наук или даже в науке в целом, утрачивают свою действенность и/или эффективность, поскольку новые технологии позволяют получать некоторые промежуточные результаты с меньшими затратами времени и усилий исследователей. Нарушение сложившихся правил частью их адресатов – теми, кто должен им следовать, – всегда порождает негативные оценки такого поведения со стороны тех участников процесса, которым эти правила выгодны, а их нарушение потребовало бы от них издержек, представляющихся им запретительно высокими.

В наше время такой «подрывной» технологией в научных исследованиях выступает активно развивающееся направление создания и использования компьютерных программ, получивших наименование искусственного интеллекта

(далее – ИИ). Анализ его воздействия на сложившиеся КПНЗ – преимущественно в области социально-экономических наук – и является задачей данной статьи. Для её решения мы вкратце рассмотрим основные подходы к изучению культуры научных исследований, обсуждаемые проблемы в производстве социально-экономических научных знаний, связанные с использованием ИИ, а в заключительной части предложим некоторые выводы из проведённого анализа.

КУЛЬТУРЫ, В КОТОРЫХ ДЕЛАЕТСЯ НАУКА: ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Как предложенное выше определение культуры производства научного знания, используемое далее в этой статье, так и изложенные представления о разнообразии её уровней и масштабов не являются, разумеется, единственно возможными. Например, Лондонское королевское общество по развитию знаний о науке выработало следующее определение: «Исследовательская культура охватывает поведение, ценности, ожидания, установки и нормы наших исследовательских сообществ. Она влияет на пути карьер исследователей и определяет способы, которыми они проводят исследования и взаимодействуют» (здесь и далее перевод наш. – *В. Т., И. Р.*) [1]. Легко видеть, что в состав отличительных черт определяемого понятия включены разнородные объекты, являющиеся как ментальными (ценности, установки и др.), так и материальными (поведение, нормы), причём первые можно рассматривать как одни из факторов, воздействующих на вторые. Как представляется, такая неоднородность признаков не красит определение, но при всём том оно имеет ясно выраженный описательный характер, поскольку указывает на *типы* переменных, составляющих исследовательскую культуру, но не на *значения*, которые они принимают. Напротив, понимание КПНЗ, обсуждаемое в [2], является оценочным, поскольку авторы включают в исследовательскую культуру те ценности, убеждения и правила, которые обеспечивают этическую приемлемость и социальную желательность результатов исследований. Оценочную позицию занимают и авторы [3], которые, считая её множеством общих правил, относят к позитивной исследовательской культуре те их совокупности, которые поддерживают конструктивное поведение, кооперацию и незашоренное мышление, а к негативной – нормы, подталкивающие к нездоровой конкуренции и отсутствию прозрачности. В работе [4], на которую часто ссылаются, обсуждая тему исследовательской культуры, автор считает её разновидностью организационной культуры, изучение которой было введено в научный оборот в [5]. Подобный подход затрудняет изучение таких феноменов, как культура конкретной науки или исследовательской программы, а также персональных исследовательских культур.

Не останавливаясь на дальнейшем сопоставлении различных определений и трактовок КПНЗ, отметим лишь, что в рамках изучения более общего феномена – культуры «вообще» – существует ещё более многообразное множество его трактовок. Так, наряду с реификацией культуры, охватывающей её ценностное понимание, различными исследователями развиваются как минимум ещё два подхода: системный и процессный. Согласно первому, национальные культуры

разнородны, обеспечивая тем самым членам общества широкое разнообразие возможных типов поведения: «Системный подход к культуре в явной форме признаёт, что все психологические процессы и механизмы потенциально доступны всем народам и культурам» [6, p. 93]. Процессный подход трактует культуру как изменчивое «*соединение плохо организованных идей и практик, которые разделяются (хотя и несовершенно) среди совокупности взаимозависимых индивидов и передаются через поколения для координации индивидуальных целей, преследуемых в рамках совместного проживания*» [7, p. 4; курсив источника. – *В. Т., И. Р.*]. Как представляется, именно эта расплывчатость характерна для современных отечественных университетов, на факультетах которых вполне могут сосуществовать самые разные КПНЗ. В целом же, насколько можно судить по существующей литературе, с точки зрения этих двух подходов культура научного исследования, в том числе КПНЗ, ещё не подверглась сколько-нибудь детальному анализу. Подчеркнём, что оба этих подхода не предполагают однозначной фиксации того, какие элементы следует включать в неё, допуская здесь достаточное разнообразие и вынося на передний план функции культуры и её динамику или, как иногда говорят, эволюцию.

Если понимать под культурой совокупность формальных и неформальных норм вместе с их ментальными репрезентациями, можно обнаружить, что изучение культуры науки началось ещё в 40-х гг. прошлого века, когда Р. Мертон сделал объектом изучения академический этос, выделив в нём четыре «институциональных императива»: *коллективизм* (communism), *универсализм*, *бескорыстность* (disinterestedness) и *организованный скептицизм* (organized skepticism) [8]. Проведённые исследования позволили ему расширить этот перечень, включив в него также *оригинальность* (originality) как ориентацию на достижение приоритета и *самокритичность* (humility), поддерживающую проявления такой ориентации [9]. Другие исследователи пополнили нормы академического этоса *рационализмом* и *эмоциональной нейтральностью* [10, p. 126–129], а также *объективностью* и *всеобщностью* (generality) [11]. Эмпирический анализ поведения учёных, участвовавших в выполнении лунной программы «Аполлон», результаты которого были опубликованы в [12], показал, однако, что перечисленные нормы отнюдь не являются среди учёных всеобщими, поскольку наряду с ними многие следуют также и *антинормам* (counter-norms), таким как *скрытность* (secrecy), противостоящая коллективизму, *партикуляризм*, т. е. антиуниверсализм, *своекорыстие* (self-interestedness), а вовсе не бескорыстность, и *организованный догматизм*, обратный организованному скептицизму.

Наличие таких антинорм в реальном поведении исследователей ясно показало, что «институциональные императивы» Мертона и его последователей представляют собой некоторые идеалы, которыми *должны были бы* руководствоваться учёные и которым в действительности следуют далеко не все: в ряде коллективов одобряется и поддерживается исполнение норм, *противоположных* этим идеалам. Иными словами, как в науке в целом, так и в отдельных НИИ

и лабораториях в реальности действуют учёные, располагающие несовпадающими КПНЗ, которые влияют на их исследовательское поведение[2].

Такое разнообразие и несовпадение норм, которые разделяют учёные, естественно поставили вопрос о том, какие культуры являются более действенными с точки зрения результатов следования им. В одной из первых работ, посвящённых этой тематике в области медицины, было выделено двенадцать характеристик той внешней среды работы исследователей, которая содействует её успеху [15]: ясно поставленные цели и задачи; приоритетность исследовательской результативности по сравнению с другими аспектами работы; надёжная (robust) культура проведения исследований с ценностями, разделяемыми работниками организации; позитивный организационный климат; управление, опирающееся на участие в нём работников; децентрализация структур управления; хорошие коммуникации и значимость профессионализма в отношениях между участниками; достойная ресурсная обеспеченность; наличие в больших организациях разнообразных команд и групп; вознаграждение исследователей за научные успехи; подбор и приём на работу талантливых исследователей; наличие лидера, имеющего опыт исследовательской работы и ориентированного на её проведение. Как видно из этого перечня, исследовательская культура занимает в этом перечне отнюдь не последнее место.

Вместе с тем, поскольку речь в данном исследовании шла об успешности работы НИИ, в приведённом перечне значительную часть занимают характеристики организационной культуры (ясность целей и задач, позитивный организационный климат, функциональное лидерство и т. п.), выступающие внешними факторами по отношению к персональной КПНЗ. Нельзя не отметить, что за прошедшие десятилетия тема структуризации культуры научного исследования продолжает оставаться изученной далеко не в полной мере, о чём ясно говорится в [16], подчёркивающей важность развития *критического* концептуального анализа исследовательской культуры. Не менее, если не более, значимо и такое направление анализа, как учёт того контекста, в котором осуществляются воздействия на внешнюю среду исследовательских процессов для повышения их результативности и качества. На это обращено внимание в [17], где авторы достаточно детально описывают свои предложения по учёту как контекста, так и механизмов, посредством которых улучшающие воздействия могут повлиять на поведение исследователей, ссылаясь на такие работы, как [18–22]. Как представляется, реализация данного подхода, который сами авторы именуют реалистическим, требует изучения контекстов, которые, безусловно, будут несовпадающими для различных НИИ, исследовательских программ, наук и стран, в которых функционируют те конкретные единицы анализа (исследователи, их группы и т. п.), продуктивность которых вызывает желания её улучшить.

Как известно, такие желания часто высказываются финансирующими организациями, оценивающими продуктивность научно-исследовательской деятельности по различным количественным показателям, обычно не отражающим сколько-нибудь адекватно качество и социальные последствия производимых

[2] Современные эмпирические исследования показали существенное воздействие на поведение исследователей проводившейся во многих странах неолиберальной государственной научной политики, подталкивающей учёных к оппортунистическому поведению ([13; 14] и мн. др.).

научных знаний. Отсутствие ощутимого роста таких показателей или недовыполнение установленных заданий (KPI) финансируемыми организациями порождает давление на них, которое, однако, редко на деле улучшает работу, фактически вызывая лишь негативные последствия и различные формы оппортунистического поведения [23]. Поэтому исследования, основывающиеся на упомянутом реалистическом подходе, могут в принципе несколько снизить давление на НИИ из-за его низкой действенности, если, конечно, работники финансирующих организаций воспримут результаты такого анализа и поймут неэффективность своих усилий.

В этой связи нельзя не заметить и ещё один момент: говоря о высокой или низкой действенности различных КПНЗ, имеющихся в различных организациях, группах и у отдельных исследователей, можно исходить из несовпадающих представлений о том, что есть результат, который оценивается как высокий и желаемый руководством финансирующих организаций, но он может отнюдь не быть таковым для работников НИИ или его подразделения. В упоминавшейся выше статье [3] авторы вполне обоснованно утверждали, что исполнение устанавливаемых KPI *разрушает* науку, поскольку формирование в организации культуры, действенной с точки зрения финансирующей организации, приводило к возникновению норм, мешающих производству научных знаний. Нельзя не отметить, что при этом те члены организации, которые обеспечивали выполнение установленных показателей, обеспечивали и возможности производить новые научные знания другим её членам, не настроенным на «работу на показатель». Понятно, что такое разделение труда предполагает наличие в НИИ лидера, понимающего функции соответствующих групп исследователей и не препятствующего функционированию ни одной из них. Поэтому использование государственными органами для руководства деятельностью научных организаций методов нового государственного менеджмента будет действительно негативно сказываться на производстве в них новых научных знаний только в том случае, если руководители этих организаций будут стремиться распространить такие методы, прежде всего установку KPI, на всех членов организации, а не поддерживать упомянутое «разделение труда» между теми, кто преимущественно работает на показатель, и теми, кто стремится производить новые научные знания. При этом для того, чтобы такое разделение работников не порождало острые конфликты внутри НИИ, важно обеспечить понимание его значения для поддержки функционирования организации, т. е. выработать «культуру толерантности» по отношению к коллегам.

В последние годы в некоторых странах наблюдается тенденция к отходу от неолиберальной научной политики в части измерения результатов работы НИИ. Так, в 2022 г. Европейская комиссия поддержала Соглашение о реформировании оценки научных исследований[3], которое подписали 350 различных организаций из более чем 40 стран. Можно ожидать, что подобные изменения будут распространяться, так что данное несоответствие между административными правилами и культурой научных исследований будет постепенно сглаживаться.

[3] The Agreement on Reforming Research Assessment // CoARA : [сайт]. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/document/download/bd53d467-0220-4c9d-8b63-26eb56303ba1_en (дата обращения: 12.02.2026).

Однако развитие информационно-компьютерных технологий создало новый источник несоответствий – программные комплексы, получившие название «искусственный интеллект».

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ – В ЧЁМ ПРОБЛЕМА?

Как известно, задачи, которые ставятся перед ИИ и решаются этими программами с той или иной степенью успешности, относятся к поиску и обнаружению регулярностей в массивах данных, имеющих количественный или качественный характер. Выявленные регулярности в форме часто встречающихся кортежей или *n*-ок слов либо коррелированных последовательностей чисел образуют основания для использования генеративных вариантов ИИ – программ, создающих совокупности наборов знаков, прежде всего, слов естественных языков, которые похожи, но не тождественны наборам, уже существующим в источниках исходных данных. Тем самым генеративные ИИ (далее – ГИИ), обрабатывающие доступные им тексты на естественных (и иных) языках, фактически создают новые, ранее не существовавшие тексты.

Некоторые исследователи восприняли такую работу программ как *творческую деятельность*, свидетельствующую о наличии у ГИИ такого свойства как креативность или, по крайней мере, искусственная креативность [24]. С нашей точки зрения, такие суждения, во-первых, запоздалы, а во-вторых, преувеличены: например, система компьютерных программ SPSS начала развиваться и применяться ещё в конце 1960-х гг., выявляя наличие или отсутствие различных статистических связей между данными, однако никто «почему-то» не считал её работу производством нового научного знания, – а оно, очевидно, отсутствовало у тех исследователей, которые ставили эти задания, – и не говорил о креативности этого программного комплекса. Ведь точно также никто не говорит, что статью написала шариковая ручка, – все говорят, что она написана шариковой ручкой, опуская как очевидное и не упоминая о том, что она написана человеком[4].

Однако способность ГИИ производить оригинальные тексты важна прежде всего в том плане, что она порождает нарушения некоторых привычных правил научной коммуникации. Как было отмечено выше, среди норм исследовательского этоса присутствует *оригинальность* выполняемых исследований, необходимая для повышения и сохранения в нём своего статуса, что с очевидностью предполагает *авторство* создаваемых текстов – отчётов, статей, книг и т. п. – как элементов научной коммуникации. Использование различных технических средств для производства нового знания никак не ставит под сомнение авторство текста, однако лишь до тех пор, пока не были созданы программные комплексы ГИИ, производящие оригинальные тексты.

Именно в этой связи в последние несколько лет был опубликован ряд обобщающих работ, посвящённых позитивным и негативным последствиям

[4] Упомянутые суждения породили довольно масштабную дискуссию о природе креативности [25–32], анализ которой выходит за рамки данной статьи.

использования ИИ в научных исследованиях [33–37]. Для исследований в области естественных, технических и медицинских наук последствия в целом имеют, очевидно, позитивный характер, о чём наглядно свидетельствуют Нобелевские премии 2024 г. в областях физики и химии [38], а программы ИИ в целом в этой области рассматриваются как ускорители исследовательского процесса [39].

Существенно иная картина наблюдается в последствиях использования ИИ, и прежде всего ГИИ, во-первых, в процессе научных коммуникаций в целом, и во-вторых, в сфере исследований в социальных и гуманитарных науках. Рассмотрим последовательно эти две проблемные группы. Так, уже всего лишь год спустя после «выхода в свет» программы ChatGPT группа исследователей из Ирака, Индии, Мексики и США обратила внимание на опасность для академической честности возможности нейросети формировать тексты, способные «проходить» проверку на плагиат [40]. В статье [41] обосновывалась необходимость критического отношения к текстам, генерируемым ИИ, поскольку эти программные комплексы не понимают, что означают производимые ими фразы, а лишь симулируют понимание, опираясь на статистические связи между словами, использованными авторами доступных в Сети источников. Именно эта логика формирования результатов работы ГИИ, как подчёркивается в [42], приводит к тому, что «ChatGPT подрывает человеческую рефлексию, научную ответственность и добросовестное управление исследованиями» [Ibid., p. 566].

Вместе с тем на сегодняшний день среди исследователей фактически созрело понимание того, что ГИИ не нарушает базовые нормы КПНЗ, если результаты его применения используются в таких стандартных частях научных статей, как аннотации и обзоры литературы [43–45], а также для создания некоторых математических моделей [46], не говоря уже о таких очевидных вещах, как проведение различных расчётов. Тем не менее, как показывает недавнее исследование суждений более шести тысяч учёных ФРГ, сохраняющаяся юридическая неопределённость форм использования результатов работы ГИИ в научных коммуникациях образует на сегодня наивысший барьер в распространении его применения в исследованиях [47].

Что касается проблемной зоны социальных и гуманитарных наук, то здесь ощутимым барьером применения ГИИ выступают сами методологии качественных исследований, которые преобладают в значительной части этой области, включая и большинство гетеродоксных исследовательских программ экономической науки. Этот тип исследований противостоит количественным, и «дебаты между сторонниками количественных и качественных исследований основаны на различиях в предположениях о том, чем является реальность и является ли она измеримой» [48, p. 2]. Сторонники качественных исследований убеждены, что «реальность является социальной конструкцией, а само исследование должно обеспечить понимание того, почему люди ведут себя определённым образом, исходя из их собственных объяснений своих поступков. Философия количественного исследования иная: реальность существует объективно, и её анализ нацелен на проверку гипотез и теорий, которые логически вытекают из наблюдений на основе дедуктивных или индуктивных рассуждений. В этом количественные исследования близки к логике естественных

наук, где разделяются те же цели анализа и философские предположения» [49, с. 46]. Иными словами, в рамках проведения качественных исследований задача выявления регулярностей или закономерностей фактически не ставится, что и делает применение программ ИИ просто не соответствующим общей направленности таких исследований: ведь именно выявление регулярностей в совокупностях различных знаков – от чисел до слов и образов – и является тем видом когнитивных действий, который так хорошо получается у упомянутых программ.

Однако, если ИИ не подходит для достижения целей качественных исследований, это вовсе не означает, что такая его часть, как ГИИ, не порождает соблазнов для использования способностей создавать «оригинальные» – не выявляемые средствами действующих программ антиплагиата – тексты в рамках научной коммуникации для достижения требуемых значений KPI. Мы не хотим сказать, что такого соблазна нет у исследователей в области естественных наук, но в рамках подготовки статей, представляющих результаты качественных исследований, его появление реализуется куда проще: ведь здесь нет нужды ссылаться на проведённые эксперименты, испытания опытных образцов или успешное лечение заболевания, достаточно охарактеризовать «новый взгляд» на давно известные факты, предложить новые гипотезы (а это ГИИ могут, см., например, [50–51]), или высказать оригинальные идеи (здесь ГИИ также демонстрирует свои способности, см., например, [52]).

В заключение затронем также тему использования ИИ студентами в учебном процессе университетов (вузов). Здесь оно может иметь (и имеет фактически) три функции: во-первых, для содействия более полному и глубокому пониманию изучаемых тем лекций и практических занятий (по крайней мере, студентами негуманитарных наук[5]); во-вторых, как и в сфере науки, это применение ИИ для решения исследовательских задач, которые поставлены перед учащимся (включая те, которые он ставит перед собой самостоятельно, инициативно занимаясь научными исследованиями); в-третьих, – и эта функция является в настоящее время несопоставимо более массовой[6], – это поручение ГИИ произвести текст, выдаваемый за самостоятельно написанные текущие задания, курсовые или дипломные работы.

Если осуществление первых двух функций не порождает какие-либо трудности, дополняющие те, что были обсуждены выше, то при реализации третьей функции ситуация является принципиально иной. Ведь здесь текст, получаемый от учащегося преподавателем, выполняет не роль сообщения в системе научной коммуникации, а роль контрольного измерения качества некоторого набора компетенций, которые приобрёл студент за этап (курсовая работа) или весь процесс учёбы (дипломная работа).

Производство этих текстов ГИИ означает подмену объекта измерения, способную привести к неверной оценке того, обладает ли студент компетенциями, которые он должен иметь в соответствии с программой получения им свидетельства

[5] См., например, [53].

[6] По данным [54], более половины опрошенных студентов из частных и государственных университетов Хорватии использовали ChatGPT при выполнении различных заданий, хотя некоторая часть из них осознавала неэтичность применения этой программы для всех целей, кроме поиска идей по тематике полученного задания.

о высшем образовании. Поэтому контрольные работы, произведённые ГИИ, должны выявляться, а учащиеся, совершившие попытки подмена, подвергаться той или санкции.

Для выявления таких подмен необходимо *доказательное* решение задачи различения текстов, написанных людьми и ГИИ. В настоящее время эту задачу, насколько нам известно, нельзя считать решённой, поэтому промежуточным способом обеспечения корректности измерения достигнутого уровня требуемых компетенций может стать, например, устная защита представленного текста перед группой преподавателей. Безусловно, это может ощутимо увеличить нагрузку профессорско-преподавательского состава вузов, однако повысит и точность оценки уровня компетенций студентов.

Очевидно, изменение правил оценки достигнутого уровня компетенций учащихся не может быть результатом инициатив преподавателей, здесь нужны официальные решения. Вышестоящие органы, не спешащие изменить порядок оценки компетенций, полученных учащимися, фактически не содействуют (если не сказать – препятствуют) повышению качества подготовки квалифицированных специалистов.

ВЫВОДЫ

Проведённое рассмотрение вопросов влияния совокупности неформальных институтов или норм, воздействующих на исследовательское поведение в рамках индивидуальных привычек или установок, групповых или организационных правил, и т. п., не всегда соответствуют официальным правилам, регулирующим работу НИИ и отдельных исследователей. При этом неформальные правила КПНЗ особенно важны в те периоды, когда появление новых исследовательских технологий предоставило не существовавшие ранее варианты поведения учёных, однако в системе управления наукой ещё не созданы юридические правила, предлагающие выбор наиболее продуктивных из возникших вариантов. Эмпирическое изучение конкретных КПНЗ, сложившихся в различных отраслях науки и соответствующих научно-исследовательских организациях, позволит получить данные для более действенного управления ими с точки зрения производства научного знания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Research culture. *The Royal Society*. Available at: https://royalsociety.org/topics-policy/projects/research-culture (accessed: 20.04.2026).

2. Canti L., Chrzanowska A., Doglio M. G., Martina L., Van Den Bossche T. Research culture: Science from bench to society. *Biology Open*. 2021;10(8):bio058919. DOI 10.1242/bio.058919.

3. Anonymous academic. Performance-driven culture is ruining scientific research. *The Guardian*. 2018. February 16. Available at: https://theguardian.com/higher-education-network/2018/feb/16/performance-driven-culture-is-ruining-scientific-research (accessed: 20.04.2026).

4. Hill R. Revisiting the term “research culture”. In: Cornerstones of higher education : Papers presented at the 1999 HERDSA International conference at the University of Melbourne, July 12–15, 1999. Sydney : HERDSA; 2000. P. 1–13.

5. Schein E. H. Organizational culture and leadership: A dynamic view. San Francisco, CA : Jossey-Bass; 1985. xx, 358 p. ISBN 0-87589-639-1.

6. Kitayama S. Culture and basic psychological processes–Toward a system view of culture: Comment on Oyserman et al. (2002). *Psychological Bulletin*. 2002;128(1):89–96. DOI 10.1037/0033-2909.128.1.89.

7. Chiu C.-y., Leung A. K.-y., Hong Y.-y. Cultural processes: An overview. In: Leung A. K.-y., Chiu C.-y., Hong Y.-y., eds. Cultural processes: A social psychological perspective. New York : Cambridge University Press; 2011. P. 3–22. DOI 10.1017/CBO9780511779374.003.

8. Merton R. K. Science and technology in democratic order. *Journal of Legal and Political Sociology*. 1942;1(1–2):115–126.

9. Merton R. K. Priorities in scientific discovery: A chapter in the sociology of science. *American Sociological Review*. 1957;22(6):635–659. DOI 10.2307/2089193.

10. Barber B. Science and the social order. Glencoe, IL : The Free Press; 1952. xxiii, 288 p.

11. Storer N. W. The social system of science. New York : Holt, Rinehart and Winston; 1966. xii, 180 p.

12. Mitroff I. I. Norms and counter-norms in a select group of the Apollo Moon scientists: A case study of the ambivalence of scientists. *American Sociological Review*. 1974;39(4): 579–595. DOI 10.2307/2094423.

13. Anderson M. S., Ronning E. A., De Vries R., Martinson B. C. Extending the Mertonian norms: Scientists’ subscription to norms of research. *The Journal of Higher Education*. 2010;81(3):366–393. DOI 10.1080/00221546.2010.11779057.

14. Gopalakrishna G., Ter Riet G., Vink G., Stoop I., Wicherts J. M., Bouter L. M. Prevalence of questionable research practices, research misconduct and their potential explanatory factors: A survey among academic researchers in the Netherlands. *PLoS ONE*. 2022;17(2):e0263023. DOI 10.1371/journal.pone.0263023.

15. Bland C. J., Ruffin M. T. Characteristics of a productive research environment: Literature review. *Academic Medicine*. 1992;67(6):385–397. DOI 10.1097/00001888-199206000-00010.

16. Callard F. Towards a critical-conceptual analysis of ‘research culture’. *Area*. 2024;56(2):e12905. DOI 10.1111/area.12905.

17. Ajjawi R., Crampton P. E. S., Rees C. E. What really matters for successful research environments? A realist synthesis. *Medical Education*. 2018;52(9):936–950. DOI 10.1111/medu.13643.

18. Pawson R. Evidence-based policy: A realist perspective. London : Sage Publications; 2006. xi, 196 p. ISBN 1-84787-819-9.

19. Greenhalgh T., Wong G., Westhorp G., Pawson R. Protocol – realist and meta-narrative evidence synthesis: Evolving standards (RAMESES). *BMC Medical Research Methodology*. 2011;11(1):115. DOI 10.1186/1471-2288-11-115.

20. Wong G., Greenhalgh T., Westhorp G., Pawson R. Realist methods in medical education research: What are they and what can they contribute? *Medical Education*. 2012;46(1):89–96. DOI 10.1111/j.1365-2923.2011.04045.x.

21. Mazmanian P. E., Coe A. B., Evans J. A., Longo D. R., Wright B. A. Are researcher development interventions, alone or in any combination, effective in improving researcher behavior? A systematic review. *Evaluation & the Health Professions*. 2014;37(1):114–139. DOI 10.1177/0163278713510375.

22. Sholl S., Ajjawi R., Allbutt H., Butler J., Jindal-Snape D., Morrison J., Rees C. Balancing health care education and patient care in the UK workplace: A realist synthesis. *Medical Education*. 2017;51(8):787–801. DOI 10.1111/medu.13290.

23. Simula B., Scott T. The impact of pressures to produce on knowledge production and evaluation in the modern academy. *Social Sciences*. 2020;9(5):64. DOI 10.3390/socsci9050064.

24. Edgell R. A. A monstrous matter: The three faces of artificial creativity. *Journal of Creativity*. 2024;34(1):100075. DOI 10.1016/j.yjoc.2024.100075.

25. Abraham A. Why the standard definition of creativity fails to capture the creative act. *Theory & Psychology*. 2025;35(1):40–60. DOI 10.1177/09593543241290232.

26. Aru J. Artificial intelligence and the internal processes of creativity. *Journal of Creative Behavior*. 2025;59(2):e1530. DOI 10.1002/jocb.1530.

27. Da Pelo M. Artificial creativity: Can there be creativity without cognition? *AI & Society*. 2026;41(3):2669–2682. DOI 10.1007/s00146-025-02682-3.

28. Domanti U., Campidelli L., Agnoli S., De Angeli A. Are semantic networks associated with idea originality in artificial creativity? A comparison with human agents. In: Proceedings of the 2026 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '26). New York : Association for Computing Machinery; 2026. Art. 1041. DOI 10.1145/3772318.3790849.

29. Runco M. A. Updating the standard definition of creativity to account for the artificial creativity of AI. *Creativity Research Journal*. 2025;37(1):1–5. DOI 10.1080/10400419.2023.2257977.

30. Runco M. A. The misleading definition of creativity suggested by AI must be kept out of the classroom. *Education Sciences*. 2025;15(9):1141. DOI 10.3390/educsci15091141.

31. Runco M. A. The discovery and innovation of AI does not qualify as creativity. *Journal of Cognitive Psychology*. 2024. DOI 10.1080/20445911.2024.2436362.

32. Sobetska O. Irrationality in humans and creativity in AI. *Frontiers in Artificial Intelligence*. 2025;8:1579704. DOI 10.3389/frai.2025.1579704.

33. Wang H., Fu T., Du Y., Gao W., Huang K., Liu Z., Chandak P., Liu S., Van Katwyk P., Deac A., Anandkumar A., Bergen K., Gomes C. P., Ho S., Kohli P., Lasenby J., Leskovec J., Liu T.-Y., Manrai A., Marks D., Ramsundar B., Song L., Sun J., Tang J., Veličković P., Welling M., Zhang L., Coley C. W., Bengio Y., Zitnik M. Scientific discovery in the age of artificial intelligence. *Nature*. 2023;620(7972):47–60. DOI 10.1038/s41586-023-06221-2.

34. Fonotov A. G., Bednyak Y. A. Artificial intelligence: Expected or inevitable? *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(2):15–25. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2024.6.2.1. EDN EYMDJO.

35. Kulkarni M., Mantere S., Vaara E., van den Broek E., Pachidi S., Glaser V. L., Gehman J., Petriglieri G., Lindebaum D., Cameron L. D., Rahman H. A., Islam G., Greenwood M. The future of research in an artificial intelligence-driven world. *Journal of Management Inquiry*. 2024;33(3):207–229. DOI 10.1177/10564926231219622.

36. Osadchuk E. V. On the main trends for the development of artificial intelligence technologies as a research tool. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):147–157. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.10. EDN PHTZHX.

37. Carter L., Stone-Jovicich S., Bohensky E., Coates R., Douglas D., Ferrer-Mestres J., Harwood B., Islam M. Z., Kandanaarachchi S., McGrath M., Ong C. S., Paris C., Reeson A., Scovell M., Wissing K., Chades I. Lessons from the edges of interdisciplinarity – integrating artificial intelligence with the humanities, social and economic sciences. *Applied Artificial Intelligence*. 2025;39(1):2584380. DOI 10.1080/08839514.2025.2584380.

38. Li B., Gilbert S. Artificial Intelligence awarded two Nobel Prizes for innovations that will shape the future of medicine. *npj Digital Medicine*. 2024;7(1):336. DOI 10.1038/s41746-024-01345-9.

39. Potineni B. AI as a research accelerator: Human-AI synergy in scientific discovery and innovation. *World Journal of Advanced Research and Reviews*. 2025;26(1):2937–2948. DOI 10.30574/wjarr.2025.26.1.1183.

40. Mijwil M. M., Hiran K. K., Doshi R., Dadhich M., Al-Mistarehi A.-H., Bala I. ChatGPT and the future of academic integrity in the artificial intelligence era: A new frontier. *Al-Salam Journal for Engineering and Technology*. 2023;2(2):116–127. DOI 10.55145/ajest.2023.02.02.015.

41. Gauckler C., Werner M. H. Artificial intelligence: A challenge to scientific communication. *Klinische Monatsblätter für Augenheilkunde*. 2024;241(12):1309–1321. DOI 10.1055/a-2418-5238.

42. Lindebaum D., Fleming P. ChatGPT undermines human reflexivity, scientific responsibility and responsible management research. *British Journal of Management*. 2024;35(2):566–575. DOI 10.1111/1467-8551.12781.

43. Huang J., Tan M. The role of ChatGPT in scientific communication: Writing better scientific review articles. *American Journal of Cancer Research*. 2023;13(4):1148–1154.

44. Farhat K. H., Arafa M. A. The role of artificial intelligence in scientific writing. *International Journal of Science and Healthcare Research*. 2024;9(4):153–155. DOI 10.52403/ijshr.20240421.

45. Klein-Avraham I., Greussing E., Taddicken M., Dabran-Zivan S., Jonas E., Baram-Tsabari A. How to make sense of generative AI as a science communication researcher? A conceptual framework in the context of critical engagement with scientific information. *Journal of Science Communication*. 2024;23(6):A05. DOI 10.22323/2.23060205.

46. Sarker I. H. AI-based modeling: Techniques, applications and research issues towards automation, intelligent and smart systems. *SN Computer Science*. 2022;3(2):158. DOI 10.1007/s42979-022-01043-x.

47. Chugunova M., Harhoff D., Hölzle K., Kaschub V., Malagimani S., Morgalla U., Rose R. Who uses AI in research, and for what? Large-scale survey evidence from Germany. *Research Policy*. 2026;55(2):105381. DOI 10.1016/j.respol.2025.105381.

48. Newman I., Benz C. R. Qualitative-quantitative research methodology: Exploring the interactive continuum. Carbondale ; Edwardsville, IL : Southern Illinois University Press; 1998. xiii, 218 p. ISBN 0-58517-889-5.

49. Tambovtsev V. L. Institutional analysis of economy: Qualitative and quantitative research and methods. *Issues of Economic Theory=Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2024;(2):45–55. (In Russ.). DOI 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_45_55.

50. Zhou Y., Liu H., Srivastava T., Mei H., Tan C. Hypothesis generation with large language models. 2024. *arXiv*:2404.04326. DOI 10.48550/arXiv.2404.04326.

51. Cohrs K.-H., Diaz E., Sitokonstantinou V., Varando G., Camps-Valls G. Large language models for causal hypothesis generation in science. *Machine Learning: Science and Technology*. 2025;6(1):013001. DOI 10.1088/2632-2153/ada47f.

52. Joosten J., Bilgram V., Hahn A., Totzek D. Comparing the ideation quality of humans with generative artificial intelligence. *IEEE Engineering Management Review*. 2024;52(2):153–164. DOI 10.1109/EMR.2024.3353338.

53. Valeri F., Nilsson P., Cederqvist A. M. Exploring students' experience of ChatGPT in STEM education. *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2025;(8):100360. DOI 10.1016/j.caeai.2024.100360.

54. Črček N., Patekar J. Writing with AI: University students' use of ChatGPT. *Journal of Language and Education*. 2023;9(4):128–138. DOI 10.17323/jle.2023.17379.

Поступила в редакцию / Received 25.02.2026.
Одобрена после рецензирования / Revised 07.04.2026.
Принята к публикации / Accepted 08.06.2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Тамбовцев Виталий Леонидович *vitalytambovtsev@gmail.com*

Доктор экономических наук, профессор, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
SPIN-код: 5938-6806

Рождественская Ирина Андреевна *irozhdestv@gmail.com*

Доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
SPIN-код: 6295-3181

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vitaly L. Tambovtsev *vitalytambovtsev@gmail.com*

Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-0667-3391
Scopus Author ID: 54883142300
Web of Science ResearcherID: U-4980-2017

Irina A. Rozhdestvenskaya *irozhdestv@gmail.com*

Doctor of Economics, Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

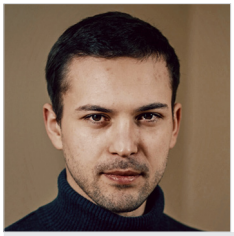
DOI: 10.19181/smtp.2026.8.2.9

EDN: QHGYIF

Научная статья

Research article

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОНЛАЙН-ОПРОСЫ: ЖЕЛАЕМОЕ, ВОЗМОЖНОЕ, ДОЛЖНОЕ

Кузнецов
Игорь Сергеевич[1]

[1] Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Попова
Екатерина Сергеевна[2]

[2] Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Для цитирования: *Кузнецов И. С., Попова Е. С.* Социологические онлайн-опросы: желаемое, возможное, должное // Управление наукой: теория и практика. 2026. Т. 8, № 2. С. 150–166. DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.9. EDN QHGYIF.

Аннотация. В условиях продолжающегося развития информационных технологий и оптимизации затрат на проведение социологических опросов онлайн-исследования приобретают всё бóльшую популярность. Применение онлайн-опросов обеспечивает достижение адекватного ситуации компромисса между необходимой скоростью сбора данных в многократно меняющемся социальном мире и качеством получаемой эмпирической информации, что неизбежно ведёт к трансформации логики и архитектуры социологического исследования в условиях цифровизации науки. При этом в социальных науках до сих пор не сложилось единого устоявшегося мнения относительно данного метода опроса. Несмотря на то, что многие из возникающих трудностей не являются новыми, как никогда ранее методологическая прозрачность становится критически важной для современных исследований социальной реальности. Особенно и потому, что результаты социологических исследований ложатся в основу разработки решений в сферах социального прогнозирования и управления. В фокусе внимания данной работы находятся методологические особенности онлайн-опросов. В частности, анализируются возможности и ограничения онлайн-выборок, основанных на неслучайном отборе, применительно к изучению социального поведения молодёжи в сфере образования. Рассматриваются связанные с ними проблемы репрезентативности, ошибки

© Кузнецов И. С., Попова Е. С., 2026

покрытия и эффект самоотбора. Подчёркивается важность идентификации уникальных черт и отличий онлайн-выборок от генеральной совокупности. Приводится сопоставление социальных, демографических характеристик респондентов, отобранных через электронную почту, онлайн-панели и социальную сеть. Показано, что такие неслучайные онлайн-выборки могут отличаться от генеральной совокупности по социально-демографическим параметрам. В заключении обсуждается необходимость методологической прозрачности онлайн-исследований, которая укрепляет социологию как науку в эпоху цифровизации.

Ключевые слова: онлайн-опрос, онлайн-выборка, репрезентативность, ошибка покрытия, эффект самоотбора, социальная сеть, онлайн-панель, электронная почта

SOCIOLOGICAL ONLINE SURVEYS: THE DESIRED, THE POSSIBLE AND THE NORMATIVE

Igor S. Kuznetsov[1]

Ekaterina S. Popova[2]

[1,2] Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

For citation: Kuznetsov I. S., Popova E. S. Sociological online surveys: The desired, the possible and the normative. *Science Management: Theory and Practice.* 2026;8(2):150–166. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.9.

Abstract. Amid the ongoing development of information technologies and the optimization of costs associated with sociological surveys, online research is gaining increasing popularity. The application of online surveys achieves an adequate compromise between the necessary speed of data collection in a social world that is changing over and over again and the quality of empirical information obtained. This inevitably leads to a transformation in the logic and architecture of sociological research in the era of the digitalization of science. Nevertheless, in the social sciences, no unified, established consensus has yet emerged regarding this survey method. Although many of the arising difficulties are not novel, methodological transparency has never before been so critically important for contemporary studies of social reality – particularly because the results of sociological research underpin the development of solutions in the domains of social forecasting and management. The focus of this article is on the methodological features of online surveys. In particular, we analyze the possibilities and limitations of online samples based on non-random selection with application to the study of youth social behavior in the sphere of education. The work examines the associated problems of representativeness, coverage error and self-selection bias. The authors emphasize the importance of identifying the unique characteristics and differences of online samples from the general population. A comparison is provided of the social and demographic characteristics of respondents selected via e-mail, online panels and social networks. It is demonstrated that such non-random online samples may differ from the general population in sociodemographic parameters. The conclusion discusses the need for methodological transparency in online research, which strengthens sociology as a science in the digital age.

Keywords: online survey, online sample, representativeness, coverage error, self-selection bias, social network, online panel, e-mail

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы онлайн-исследования стали активно применяться в социальных науках, и все признаки указывают на усиление этой тенденции в будущем. Росту онлайн-опросов способствует развитие цифровых технологий, как и увеличение количества персональных компьютеров и мобильных устройств. В 2023 г. Россия среди других стран занимала 33-е место по уровню проникновения Интернета в домашние хозяйства (88%) [1, с. 167]. С 2010 по 2023 г. охват Всемирной сетью в нашей стране вырос примерно на 40% [Там же, с. 164]. Подавляющее большинство населения (87%) пользуется Интернетом практически каждый день [Там же, с. 169]. Особенно активно в его повседневное использование вовлекается именно молодёжь, что делает исследование мнений этой социально-демографической группы с помощью цифровых технологий наиболее востребованным.

В теоретико-методологическом осмыслении тенденций изучения мнений населения необходимо отметить, что с начала 2000-х гг. в научных зарубежных журналах наблюдается ощутимый рост числа публикаций, связанных с онлайн-опросами. К 2010 г. их количество превосходит по количеству публикации, посвящённые телефонным опросам[1], и эта тенденция усиливается в последующие годы [2]. Выбор в пользу онлайн-опросов обусловлен их преимуществами: низкая стоимость, простота организации, снижение доли социально-желательных ответов [3; 4; 5]. Однако им присущи и недостатки, в частности – проблема репрезентативности. Эта проблема является ключевой в обсуждении вероятностных и невероятностных выборок. Как будет показано далее, многие из возникающих методологических трудностей отнюдь не новы, аспекты валидности и достоверности данных как никогда актуальны; методологическая прозрачность становится критической необходимостью наступившей цифровой эпохи, однако едва ли широко соблюдается в практике презентации научных результатов социологических исследований.

Актуальная данному дискурсу научная проблема, на наш взгляд, заключается в практически полном отсутствии теоретико-методологического консенсуса относительно применения цифровых технологий в социологических исследованиях. Это порождает некоторое противоречие между потенциалом социологических исследований с применением технологий онлайн-исследований и существенными рисками в объяснении социальных явлений и процессов, в разработке практических рекомендаций, основанных на результатах, полученных такими методами.

В фокусе внимания данной работы[2] находятся методологические особенности онлайн-опросов. При помощи методологической рефлексии авторского опыта онлайн-исследования студентов высшего и среднего профессионального образования анализируются возможности и ограничения онлайн-выборок, основанных на неслучайном отборе.

---

[1] Что особенно актуально применительно к нашей стране в связи с изменениями в правилах и специфике организации проведения телефонных опросов.

[2] Статья является продолжением цикла работ по проблематизации данного исследовательского направления (см., например: [6]).

Рассматриваемые в статье вопросы имеют прямую ценность для стратегического управления научными исследованиями, потенциально позволяя оптимизировать распределение ресурсов и повышать надёжность данных в условиях возрастающих экономических ограничений. Предлагаемый взгляд на необходимость методологической прозрачности и сочетания выборок способствуют формированию социологических стандартов качества онлайн-эмпирии, что усиливает роль социологии в принятии обоснованных управленческих решений на уровне государства и отдельных институтов.

НЕВЕРОЯТНОСТНЫЕ ОНЛАЙН-ВЫБОРКИ

Методологическая дискуссия о возможностях и ограничениях вероятностных и невероятностных выборок началась давно, когда цифровые технологии вовсе не были распространены. В 30–40-х гг. прошлого века научное сообщество активно обсуждало, какой дизайн выборки лучше – основанный на случайном или неслучайном отборе. И только после нескольких значимых для практики социологических исследований событий, связанных прежде всего с неверным предсказанием выборов в США[3], была поставлена точка, на длительный срок определившая «победителя и проигравшего» этого методологического спора. Стало понятно, что в опросах населения для получения высококачественных данных должна использоваться вероятностная выборка как наиболее точная [7]. Однако с развитием информационно-коммуникационных технологий невероятностная выборка вновь приобрела популярность. Развитие цифровых технологий поставило старые вопросы в совершенно новом контексте. Произошло возобновление дискуссии, которая не прекращается уже на протяжении почти двух десятилетий. Обозначим её основные смысловые контуры, приоритетные как для понимания логики и архитектуры социологического исследования, так и для интерпретации полученных результатов и разработки практических рекомендаций, основанных на них.

В онлайн-исследованиях выборочная совокупность может формироваться случайным и неслучайным образом. К первому варианту относятся: 1) опросы с заранее отобранными пользователями, где в качестве основы выборки используются списки респондентов, например, регистрационные записи студентов определённого вуза или учеников конкретной школы [8]; а также 2) вероятностные панели, в которых участники отбираются случайным образом [9, с. 45; 10].

В свою очередь, второму варианту соответствуют: 1) онлайн-панели, в которые приглашаются респонденты, отобранные неслучайным образом, т. е. панели, в которые может попасть любой желающий; 2) потоковая (стихийная) выборка – выборка добровольцев (наиболее доступных респондентов) путём размещения анкеты на сайте, в социальных сетях, рассылки по электронной почте, призыва к участию в опросе с помощью баннерной рекламы, всплывающих окон и т. п. [9, с. 53–54].

[3] Речь идёт об ошибках прогнозирования итогов американских президентских выборов 1936 и 1948 гг.

В неслучайных выборках, в отличие от случайных, отсутствует основа, из которой отбор респондентов происходит с рассчитанной вероятностью. Иными словами, нет возможности точно определить генеральную совокупность, соответственно, отсутствует возможность оценить, насколько от неё отклонится конкретная выборка. Это т. н. ошибка покрытия. Ранее её возникновение объяснялось неодинаковым уровнем доступа к Интернету разных слоёв населения – цифровым неравенством первого порядка [11]. Смещение выборки происходит потому, что не каждая социально-демографическая группа или её подгруппа представлены в цифровых медиа, а значит, имеет неравные шансы принять участие в опросе [12; 13]. Однако в последнее время чаще стали апеллировать к созвучному феномену – цифровому неравенству второго порядка – т. е. к различию в целях и практиках использования Интернета [14; 15].

Кроме того, для неслучайной онлайн-выборки специфической ошибкой является эффект самоотбора. Исследователь не может влиять на то, кто попадёт в выборочную совокупность. Здесь вероятность участия определяется самим респондентом-добровольцем. Поэтому характеристики добровольцев, согласившихся принять участие в опросе, могут значимо отличаться от характеристик не-добровольцев, отказавшихся это сделать [16]. Такая ошибка отбора соответствует потоковым (стихийным) выборкам. Н. Г. Малошонок с коллегами пишет об этом следующим образом: «…участниками [онлайн-опросов. – *И. К., Е. П.*] становятся только те респонденты, которые, во-первых, имеют доступ к сети интернет, во-вторых, зашли на страницу сайта, в-третьих, увидели приглашение к участию в исследовании и, в-четвертых, решили принять участие в опросе» [8, с. 238].

Однако, несмотря на указанные ограничения, онлайн-исследования с неслучайным отбором респондентов требуют гораздо меньше времени и финансовых затрат. Вероятно, именно поэтому, в отличие от случайных выборок, к ним прибегают намного чаще в маркетинговых и – с недавнего времени – в социологических исследованиях. К тому же интерес к онлайн-опросам на основе неслучайной выборки не в последнюю очередь вызван переосмыслением критериев качества исследования или, выражаясь точнее, поиском адекватных ситуации компромиссов.

По сути, поиск направлен на то, чтобы применять такие выборки, которые допускают возможность получить данные, не вполне претендующие на репрезентативность, но тем не менее способные оставаться в терпимых границах точности [17, с. 125]. В частности, о степени качества исследования предлагается говорить в зависимости от достижения поставленных целей [18]. Это означает, что точность (измеренная, например, в виде доверительных интервалов или пределов погрешности) не обязательно выступает единственным критерием для оценки ответов. Вместо этого следует рассматривать некоторый диапазон, где цель – достижение точного описания генеральной совокупности – составляет только один крайний полюс, тогда как другой – это данные, которые позволяют «протестировать» модели (теории, концепты) и в то же время принять во внимание ограниченность ресурсов [17, с. 130–131].

Первый полюс ориентирован на репрезентативные исследования, другой – в большей степени на «экспериментальные» и «аналитические» [Там же, с. 131].

Соответственно, дизайн выборки обусловлен двумя полярными целями (допускающими промежуточные варианты): либо получить надёжные данные, либо найти компромисс между тремя элементами исследования – желаемым, возможным и должным. Последняя цель не выглядит слишком опрометчиво или безнадёжно, если принять во внимание, что любая собранная статистика уже есть в некотором роде баланс между тремя указанными элементами [19].

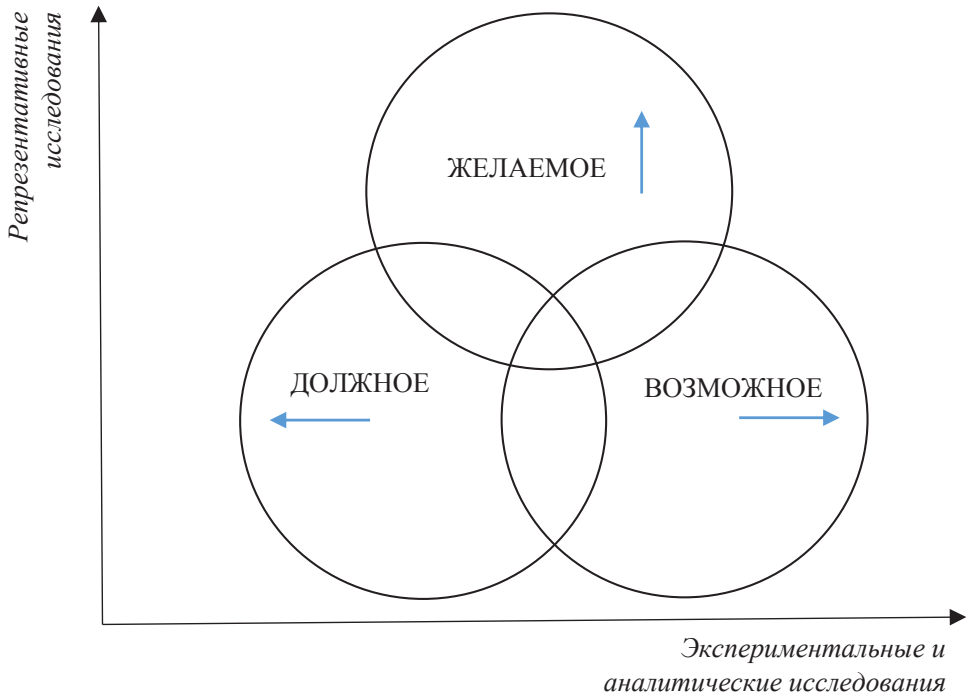

Рис. 1. Конститутивные основания дизайна выборки онлайн-исследования
Fig. 1. Constitutive foundations of online research sampling design

НЕВЕРОЯТНОСТНАЯ ОНЛАЙН-ВЫБОРКА – ИДЕНТИФИКАЦИЯ ВМЕСТО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Расширение исследовательских целей скорректировало принятые подходы к оценке данных, собранных неслучайным образом. Как отмечают некоторые авторы, стратегически выгодной исследовательской практикой становится идентификация выборочной совокупности [20]. Речь идёт о выявлении и описании уникальных черт неслучайной выборки, позволяющей прояснить её специфику и ограничения – отличия, а не сходства с генеральной совокупностью. Т. е. акцент делается на тщательном изучении социально-демографических, поведенческих и иных характеристиках как тех, кто принял участие в онлайн-опросе, так и тех, кто этого не сделал. Идентификация применяется и к вероятностным выборкам, но для невероятностных, не претендующих на репрезентативность, она становится ключевым способом её оценки.

Одной из исследовательских стратегий является анализ тех, кто не попал в выборку. Это может быть связано с тем, что они оказались «слепым пятном» при её формировании, либо по какой-то причине отказались отвечать на вопросы

анкеты (или не завершили свой ответ) [21]. Проще говоря, в первом случае – это те, кто не получил ссылку об опросе, но должен был её получить, во втором – это те, кто её получил, но не перешёл по ней или перешёл, но не заполнил анкету до конца. Другая стратегия, дополняющая первую, заключается в анализе социальных и поведенческих характеристик респондентов, которые попали в выборку и которые могут отличаться в зависимости от разных контекстов, практик, платформ (сайтов, сетей, панелей) и т. п. [22; 23].

Существуют разные методы анализа таких «не-респондентов» и «специфических» респондентов, например, отдельное исследование тех, кто не стал участвовать в онлайн-опросе; сопоставление данных неслучайной выборки с данными государственной статистики и/или с данными вероятностных выборок [8; 24; 25]. В последнем случае в инструментарий могут включаться вопросы из репрезентативных мониторинговых и не только исследований с целью последующего сопоставления. Каждый из этих и других методов даёт фрагментарную информацию об участниках и не-участниках опроса, поэтому обычно стандартная рекомендация сводится к сочетанию разных подходов.

Проиллюстрируем сопоставление данных онлайн-опросов с данными государственной статистики на примере двух авторских исследований, которые нами проводились в 2019 и 2022 гг. Первое исследование предполагало опрос студентов высшего образования (ВО), второе – студентов среднего профессионального (СПО). В первом исследовании объём общей выборки составил 718 респондентов – студентов, обучающихся по программам бакалавриата (84,0%) и специалитета (16,0%). В социальной сети «ВКонтакте» было собрано 564 анкет, в онлайн-панели «Анкетолог» – 154. Во втором исследовании объём выборки составил 703 студента программ подготовки специалистов среднего звена (86,0%) и квалифицированных рабочих/служащих (14,0%). В данном случае анкета распространялась с помощью почты: по базе электронных адресов администрацией образовательных организаций рассылались письма студентам СПО с предложением заполнить онлайн-анкету (296 респондентов). Также дополнительным источником добора учащихся среднего профессионального образования выступали отечественные онлайн-панели – OMI («ОМИ», 194 респондента), TIBURON («Тибурон», 99 респондентов), «Анкетолог» (62 респондента), а также социальная сеть «ВКонтакте» (52 респондента).

В таблице 1 представлены результаты сравнения данных онлайн-опроса студентов ВО с данными государственной статистики в соответствующие годы исследования. Сравнение проводилось по таким параметрам, как пол, возраст, программы подготовки и формы обучения. Наибольшее расхождение между выборками и статистическими данными наблюдается в отношении пола и форм обучения. В онлайн-выборках преобладают женщины (более чем на 20 п. п.) и учащиеся очной формы обучения (более чем на 30 п. п.). При этом следует отметить, что две онлайн-выборки – «Анкетолог» и «ВКонтакте» – демонстрируют высокую степень гомологичности между собой: они близки по полу (разница составляет примерно 5 п. п.), программам подготовки (4 п. п.) и формам обучения (3 п. п.), а также возрасту (различия несущественны с точки зрения средних и дисперсий[4]).

[4] t-критерий Стьюдента = 1,30, p = 0,196.

Таблица 1

Сравнение социально-демографических характеристик студентов ВО, отобранных при помощи онлайн-панели «Анкетолог» и социальной сети «ВКонтакте» с государственной статистикой, 2019 г.

Table 1

Comparison of sociodemographic characteristics of higher education students selected via the Anketolog online panel and the VKontakte social network with official statistics, 2019

Переменные	Анкетолог	ВКонтакте	Госстат 19/20
Пол (в % к итогу)			
Мужчины	20,8	25,5	**47,0**
Женщины	79,2	74,5	**53,0**
Программа подготовки			
Бакалавриат	75,3	71,3	**79,0**
Специалитет	24,7	28,7	**21,0**
Форма обучения			
Очная (дневная)	92,2	94,7	**59,0**
Очно-заочная (вечерняя)	1,3	2,0	**4,0**
Заочная	6,5	3,4	**37,0**
Возраст (лет)			
Среднее значение	20,5	20,2	**21,7**
Стандартное отклонение	2,3	2,1	**9,1**

В таблице 2 приведено сопоставление данных онлайн-опроса студентов СПО[5] с информацией из официальных статистических источников. Сначала проводится сравнение различных выборочных совокупностей на основе анализа соотношения программ подготовки специалистов среднего звена (ППССЗ) и программ подготовки квалифицированных рабочих и служащих (ППКРС). Затем представлены результаты сопоставления по параметрам пола, возраста и формы обучения только для студентов ППССЗ (объём их выборки позволяет это сделать, в отличие от объема выборки студентов ППКРС).

Как можно заметить, данные, полученные с помощью онлайн-панелей «ОМИ» и «Тибурон», а также социальной сети «ВКонтакте», совпадают с генеральной совокупностью по доле студентов СПО, обучающихся на разных программах подготовки. Разница составляет всего 1–2 процентных пункта. Однако по указанному параметру значимые расхождения с данными государственной статистики наблюдаются для выборок, полученных через электронную почту и онлайн-панель «Анкетолог». В первом случае в опросе чаще принимали участие специалисты среднего звена (разница 11 п. п.), во втором – относительно активно заполняли анкету квалифицированные рабочие и служащие (разница 9 п. п.).

[5] В среднее профессиональное образование (СПО) сегодня включается два типа образовательных программ: программы подготовки квалифицированных рабочих, служащих (ППКРС) и программы подготовки специалистов среднего звена (ППССЗ). Далее по тексту для обозначения данных подгрупп используются их сокращённые наименования.

В отношении пола почти все онлайн-выборки студентов ППССЗ существенно отличаются от генеральной совокупности. В них преобладают женщины – разница находится в промежутке от 21 до 30 п. п. Исключением являются результаты опроса, полученные через электронную почту, которые более близки к статистическим данным (8 п. п.). Также в этих онлайн-выборках по сравнению с данными статистики слабо представлена заочная форма обучения, тогда как очная форма, напротив, преобладает. При этом выборочная совокупность, полученная при помощи онлайн-панели «Анкетолог», в сравнительно меньшей степени отклоняется от официальных данных по этому параметру.

Если анализировать средние показатели по возрасту, то можно заметить, что выборочные совокупности, полученные с помощью электронной почты и социальной сети, более молодые по сравнению с данными государственной статистики. В то же время выборки, сформированные с помощью онлайн-панелей «ОМИ» и «Анкетолога», наоборот, более возрастные. На этом фоне средние значения возраста в выборке «Тибурона» близки к средним значениям в генеральной совокупности. Однако дисперсия отличается, а самый старший возраст респондентов не превышает 24 года, что ниже по сравнению с другими онлайн-выборками.

Таблица 2

Сравнение социально-демографических характеристик студентов СПО, отобранных через электронную почту, онлайн-панели («ОМИ», «Тибурон», «Анкетолог») и социальную сеть «ВКонтакте», с государственной статистикой, 2022 г.

Table 2

Comparison of sociodemographic characteristics of vocational education students selected via e-mail, online panels (OMI, TIBURON, Anketolog) and the VKontakte social network with official statistics, 2022

Переменные	Почта	ОМИ	Тибурон	Анкетолог	ВКонтакте	Госстат 21/22
Программа подготовки (% к итогу)						
Квалифицированные рабочие, служащие	6,0	19,0	18,0	26,0	17,0	**17,0**
Специалисты среднего звена	94,0	81,0	82,0	74,0	83,0	**83,0**
Пол студентов ППССЗ						
Мужчины	41,7	26,6	19,8	26,1	27,9	**49,6**
Женщины	58,3	73,4	80,2	73,9	72,1	**50,4**
Форма обучения студентов ППССЗ						
Очная (дневная)	98,9	92,9	92,2	85,4	97,7	**84,0**
Очно-заочная (вечерняя)	0,1	2,6	2,6	7,3	0,0	**2,0**
Заочная	1,0	4,5	5,2	7,3	2,3	**14,0**
Возраст студентов ППССЗ (лет)						
Среднее значение	17,3	19,6	18,8	19,8	17,3	**18,7**
Стандартное отклонение	1,8	2,6	1,8	3,2	1,3	**3,8**

ЭФФЕКТ САМООТБОРА: КВОТИРОВАНИЕ И ВЗВЕШИВАНИЕ ОНЛАЙН-ВЫБОРОК

Сопоставление данных онлайн-исследований студентов среднего профессионального и высшего образования с данными государственной статистики демонстрирует отличия между генеральной совокупностью и невероятностными онлайн-выборками по разным социально-демографическим параметрам. В сравнении с вероятностными выборочными совокупностями невероятностные являются менее точными.

Разумеется, отличия между неслучайными выборками и государственной статистикой могут быть частично нивелированы за счёт квотирования или взвешивания выборок. Например, на первом этапе исследования студентов высшего образования мы получили высокий процент ответов девушек по сравнению с юношами (см. табл. 1). Такое соотношение ответов было схожим как для данных из социальной сети «ВКонтакте», так и для данных из онлайн-панели «Анкетолог». Для снижения этого смещения было осуществлено частичное выравнивание выборки посредством добора учащихся мужского пола. В результате отличие данных исследования от данных государственной статистики в общей выборке составило 9%.

Однако квотирование осуществляется, как правило, на основе ограниченного числа критериев, и они касаются главным образом демографических характеристик. При этом редко уделяется внимание специфическим чертам неслучайных выборок, связанных с эффектом самоотбора.

В анализируемых нами исследованиях такой эффект частично обусловлен материальным положением студентов: в социальной сети «ВКонтакте» респонденты имеют более высокий уровень дохода, чем в онлайн-панели «Анкетолог». Выявление всех проявлений эффекта самоотбора и их устранение посредством квотирования сопровождаются для исследователя высокими издержками. Поэтому к нему редко прибегают и часто пренебрегают, каждый раз стремясь найти баланс между тем, что *должно* быть, и тем, что *возможно* сделать с имеющимися данными.

С эффектом самоотбора также связаны затруднения, касающиеся взвешивания онлайн-выборок. Подобная процедура, как показывают некоторые исследования, не всегда приводит к улучшению ситуации: данные неслучайных выборок после взвешивания не обязательно будут точнее, чем невзвешенные данные случайных выборок [26]. Поэтому выводы, сделанные на основе таких выборок, рекомендуется рассматривать в лучшем случае как предварительные.

По мнению ряда авторов [2], неслучайные онлайн-выборки следует использовать не столько для изучения мнения населения в целом, сколько для изучения специфических совокупностей, которые не могут или слабо могут охватить традиционные методы опроса (телефонный, поквартирный). К таким совокупностям можно отнести, например, студентов узкопрофильных специальностей и/или имеющих уникальный опыт (прежде всего, связанный с сенситивной тематикой), поведенческие привычки (пользователей интернет-ресурсов, участников онлайн-сообществ и т. п.), интересы и ценности (социальные, политические, культурные), распространённые в онлайн-среде.

Подобные исследования иногда принимают поисковый, разведывательный и экспериментальный характер.

Акцент на «специфических» аспектах объекта исследования перемещает аналитический фокус с сопоставления выборочной и генеральной совокупностей на сравнение онлайн-выборок друг с другом с целью выявления сходств и различий между ними. В зависимости от задач исследования важными могут оказаться не только возможность их объединения, но также принципиальная невозможность этого сделать, продиктованная определённой исследовательской логикой и полученными в ходе методологической рефлексии аргументами. В последнем случае наличие индивидуальных черт каждой неслучайной онлайн-выборки позволяет проверить гипотезы об универсальности связей.

Совмещение же выборок в основном происходит с целью увеличения общего объёма массива данных или увеличения доли конкретного демографического (социального или иного) показателя, который сложно получить с помощью одного конкретного метода отбора. В качестве иллюстрации может служить совмещение двух онлайн-выборок студентов ВО, полученных через социальную сеть и онлайн-панель. Как было показано, они практически не имеют статистически значимых различий относительно социально-демографических параметров (кроме экономического статуса студентов). Тем не менее необходимо ясно оценивать плюсы и минусы такого объединения, которые, в свою очередь, зависят от изначальных целей и задач исследовательского проекта и, что важнее, могут оказывать существенное влияние на интерпретацию исследовательских результатов.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПРОМИССЫ ОНЛАЙН-ИССЛЕДОВАНИЙ

Проникновение цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности общества поднимает перед исследователями ряд онтологических вопросов в принципиально новом контексте. С одной стороны, игнорирование цифровых способов получения эмпирической информации ставит исследователя в «невыгодное» положение с точки зрения скорости сбора данных. С другой стороны, отмечаемое ранее в статье сохранение цифрового неравенства и его специфики применительно к российскому обществу актуализирует вопросы иного порядка: «Кто есть онлайн?»; «Кто был опрошен?»; «Какова репрезентативность?» (иными словами, «Кого именно репрезентирует опрошенная совокупность?»).

В статье предпринята попытка вписать социологические онлайн-исследования в три плоскости: желаемого (репрезентативность традиционных методов), возможного (доступность и скорость сбора данных) и должного (методологические и этические стандарты качества исследования), а также представить онлайн-опросы как некий компромисс между ними.

Предлагаемая трёхчастная модель способствует рефлексии над контекстом получения данных, их качества и ограничений интерпретации результатов при разработке практических рекомендаций. Осуществлённый анализ демографических, социально-экономических и поведенческих характеристик и сравнение групп респондентов в зависимости от способа получения данных

наглядно иллюстрируют возможные риски интерпретации. Онлайн-опросы дают желаемый объём, но требуют внимательности в понимании как эффекта самоотбора, так и ситуации не-ответов, чтобы повысить корректность выводов в результатах исследования и избежать практических рекомендаций, направленных на всю генеральную совокупность, основанных на её маленькой и часто нерепрезентативной части.

Результаты проведённой работы указывают на возможность использования гибридных подходов или ансамблевых[6] выборок (комбинирование неслучайных выборок), что потенциально повышает надёжность данных в изучении современных социальных явлений и процессов. Баланс рассматриваемого компромисса и критерии формирования гибридных неслучайных выборок, по всей вероятности, определяются отдельно взятыми исследовательскими целями и задачами, а общие для науки правила и принципы подобного подхода пока остаются открытыми и требуют дальнейшего теоретико-методологического осмысления.

Масштаб и комплексность обозначенных вопросов связаны в первую очередь с *теоретическим* обогащением социологии в части уточнения понятийного аппарата онлайн-исследований и цифровых технологий, применяемых в социологических исследованиях, соотнесения традиционных и новых (цифровых) для социологической науки методов, необходимости разработки классификации методов в зависимости от исследовательских задач и понимания границ их применения. Также они связаны с *методологическим* развитием социологии, в рамках которого основной акцент делается на разработке системы основополагающих принципов для проведения онлайн-исследований и создании целостной методологии использования цифровых технологий в социологической практике. Формирование подобной теоретико-методологической «прозрачности» становится одним из необходимых этапов на пути усиления социологии как науки в эпоху тотальной цифровизации. Это приобретает особую значимость в условиях, когда распространение цифровых технологий в научной сфере ведёт к масштабным, достаточно противоречивым и однозначно неокончательным изменениям [27; 28].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Индикаторы цифровой экономики: 2025 : стат. сб. / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 296 с. ISBN 978-5-7598-3029-0. DOI 10.17323/978-5-7598-3029-0.

2. *Lehdonvirta V., Oksanen A., Räsänen P., Blank G.* Social media, web, and panel surveys: Using non-probability samples in social and policy research // Policy & Internet. 2021. Vol. 13, № 1. P. 134–155. DOI 10.1002/poi3.238. EDN YUMJRS.

3. *Couper M. P.* Web surveys: A review of issues and approaches // Public Opinion Quarterly. 2000. Vol. 64, № 4. P. 464–494. EDN IYQPDX.

[6] По аналогии с ансамблевыми методами в работе с большими данными. Ансамбли позволяют увеличить точность модели до 90+, при этом они довольно просты в понимании. См.: *Буренок А.* Ансамблевые методы машинного обучения // Хабр : [сайт]. 2021. 4 августа. URL: https://habr.com/ru/articles/571296/ (дата обращения: 16.01.2026).

4. *Девятко И. Ф.* Онлайн исследования и методология социальных наук: новые горизонты, новые (и не столь новые) трудности // Онлайн исследования в России 2.0 / под ред. А. В. Шашкина, И. Ф. Девятко, С. Г. Давыдова. М. : Северо-Восток, 2010. С. 17–30. EDN XRJYFL.

5. *Evans J. R., Mathur A.* The value of online surveys: A look back and a look ahead // Internet Research. 2018. Vol. 28, № 4. P. 854–887. DOI 10.1108/intr-03-2018-0089.

6. Цифровые технологии и большие данные в социологических исследованиях: концепция, методология, возможности / Д. Л. Константиновский, Е. С. Попова, И. С. Кузнецов, Р. С. Кузнецов // Мир России. Социология. Этнология. 2025. Т. 34, № 1. С. 144–160. DOI 10.17323/1811-038X-2025-34-1-144-160. EDN OVVFFM.

7. A review of conceptual approaches and empirical evidence on probability and nonprobability sample survey research / C. Cornesse, A. G. Blom, D. Dutwin [et al.] // Journal of Survey Statistics and Methodology. 2020. Vol. 8, № 1. P. 4–36. DOI 10.1093/jssam/smz041. EDN RROSQG.

8. *Малошонок Н. Г., Семёнова Т. В., Терентьев Е. А.* Эффект самоотбора при формировании онлайн-панели: опыт первого года лонгитюдного исследования студентов НИУ ВШЭ // Онлайн-исследования в России: тенденции и перспективы / под ред. А. В. Шашкина, И. Ф. Девятко, С. Г. Давыдова. М. : МИК, 2016. С. 237–264.

9. Стандартные определения: систематическое описание диспозиционных кодов и коэффициентов результативности для массовых опросов / Американская ассоциация исследователей общественного мнения ; пер. с англ.: А. А. Ипатова, Д. М. Рогозин. 8-е изд. М. : АО «ВЦИОМ», 2016. 88 с. ISBN 978-5-9905-9703-7.

10. *Revilla M.* Analyzing survey characteristics, participation, and evaluation across 186 surveys in an online opt-in panel in Spain // Methods, Data, Analyses. 2017. Vol. 11, № 2. P. 135–162. DOI 10.12758/mda.2017.02.

11. *Norris P.* Digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2001. xv, 303 p.

12. *Lefever S., Dal M., Matthíasdóttir Á.* Online data collection in academic research: Advantages and limitations // British Journal of Educational Technology. 2007. Vol. 38, № 4. P. 574–582. DOI 10.1111/j.1467-8535.2006.00638.x.

13. *Andrade C.* The limitations of online surveys // Indian Journal of Psychological Medicine. 2020. Vol. 42, № 6. P. 575–576. DOI 10.1177/0253717620957496. EDN PMVJPZ.

14. *Hargittai E., Walejko G.* The participation divide: Content creation and sharing in the digital age // Information, Communication & Society. 2008. Vol. 11, № 2. P. 239–256. DOI 10.1080/13691180801946150.

15. *Попова Е. С.* Неравенство образовательных шансов в цифровом измерении // Профессиональное образование и рынок труда. 2022. № 1 (48). С. 55–67. DOI 10.52944/PORT.2022.48.1.004. EDN NHJPNZ.

16. *Porter S. R., Whitcomb M. E.* Non-response in student surveys: The role of demographics, engagement and personality // Research in Higher Education. 2005. Vol. 46, № 2. P. 127–152. DOI 10.1007/s11162-004-1597-2. EDN NUHTPT.

17. Отчёт рабочей группы AAPOR о неслучайных выборках: июнь 2013 / Американская ассоциация исследователей общественного мнения ; пер. с англ.: Д. М. Рогозин, А. А. Ипатова. М. : Общероссийский общественный фонд «Общественное мнение», 2016. 170 с. ISBN 978-5-4465-1006-1.

18. *Biemer P. P., Lyberg L. E.* Introduction to survey quality. Hoboken, NJ : Wiley, 2003. xiv, 402 p. ISBN 0-471-19375-5.

19. *Kish L.* Statistical design for research. New York : John Wiley & Sons, 1987. xxii, 267 p. ISBN 0-471-08359-3.

20. *Kohler U., Kreuter F., Stuart E. A.* Nonprobability sampling and causal analysis // Annual Review of Statistics and Its Application. 2019. Vol. 6. P. 149–172. DOI 10.1146/annurev-statistics-030718-104951.

21. *Čehovin G., Bosnjak M., Lozar Manfreda K.* Item nonresponse in web versus other survey modes: A systematic review and meta-analysis // Social Science Computer Review. 2023. Vol. 41, № 3. P. 926–945. DOI 10.1177/08944393211056229. EDN JSOLBK.

22. *Blank G., Lutz C.* Representativeness of social media in Great Britain: Investigating Facebook*, LinkedIn, Twitter, Pinterest, Google+, and Instagram* // American Behavioral Scientist. 2017. Vol. 61, № 7. P. 741–756. DOI 10.1177/0002764217717559.

23. *Kalimeri K., Beiró M., Bonanomi A., Rosina A., Cattuto C.* Traditional versus Facebook* -based surveys: Evaluation of biases in self-reported demographic and psychometric information // Demographic Research. 2020. Vol. 42. P. 133–148. DOI 10.4054/DEMRES.2020.42.5. EDN MTKBSS.

24. *Callegaro M., Villar A., Yeager D., Krosnick J. A.* A critical review of studies investigating the quality of data obtained with online panels based on probability and nonprobability samples // Online panel research: A data quality perspective. New York : Wiley, 2014. P. 23–53. DOI 10.1002/9781118763520.ch2.

25. *Кузнецов И. С.* Доверие студентов и их образовательная траектория после окончания вуза // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 1. С. 110–129. DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-1-110-129. EDN BKJLYT.

26. *Yeager D. S., Krosnick J. A., Chang L., Javitz H. S., Levendusky M. S., Simpser A., Wang R.* Comparing the accuracy of RDD telephone surveys and Internet surveys conducted with probability and non-probability samples // Public Opinion Quarterly. 2011. Vol. 75, № 4. P. 709–747. DOI 10.1093/poq/nfr020.

27. *Семёнов Е. В., Соколов Д. В.* Исследователи и сети научных коммуникаций в эпоху цифровых технологий и академического капитализма. Рецензия на монографию С. А. Душиной, В. А. Куприянова, Т. Ю. Хватовой «Учёные в сетях “открытой науки”» // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2, № 3. С. 252–259. DOI 10.19181/smtp.2020.2.3.14. EDN FUQLSA.

28. *Соколов Д. В.* Осмысление цифровизации науки: сравнительный очерк основных аналитических подходов // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 1. С. 147–164. DOI 10.19181/smtp.2024.6.1.8. EDN VFDXRQ.

REFERENCES

1. Abashkin V. L., Abdrakhmanova G. I., Vishnevskiy K. O., Gokhberg L. M. [et al.] Digital economy indicators in the Russian Federation: 2025 : Data book. HSE University. Moscow: HSE ISSEK; 2025. 296 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-3029-0. DOI 10.17323/978-5-7598-3029-0.

2. Lehdonvirta V., Oksanen A., Räsänen P., Blank G. Social media, web, and panel surveys: Using non-probability samples in social and policy research. *Policy & Internet*. 2021;13(1):134–155. DOI 10.1002/poi3.238.

3. Couper M. P. Web surveys: A review of issues and approaches. *Public Opinion Quarterly*. 2000;64(4):464–494.

4. Deviatko I. F. Online research and methodology of social sciences: New horizons, new (and not so new) difficulties [Onlain issledovaniya i metodologiya sotsial’nykh nauk: novye

* Принадлежит Meta, организация признана экстремистской и запрещена в России.

gorizonty, novye (i ne stol' novye) trudnosti]. In: Online research in Russia 2.0 [Onlain issledovaniya v Rossii 2.0]. Moscow : Severo-Vostok; 2010. P. 17–30. (In Russ.).

5. Evans J. R., Mathur A. The value of online surveys: A look back and a look ahead. *Internet Research*. 2018;28(4):854–887. DOI 10.1108/intr-03-2018-0089.

6. Konstantinovskiy D. L., Popova E. S., Kuznetsov I. S., Kuznetsov R. S. Digital technologies and big data in sociological research: Concept, methodology, opportunities. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology.* 2025;34(1):144–160. (In Russ.). DOI 10.17323/1811-038X-2025-34-1-144-160.

7. Cornesse C., Blom A. G., Dutwin D. [et al.] A review of conceptual approaches and empirical evidence on probability and nonprobability sample survey research. *Journal of Survey Statistics and Methodology*. 2020;8(1):4–36. DOI 10.1093/jssam/smz041.

8. Maloshonok N. G., Semenova T. V., Terentyev E. A. The self-selection effect in online panel formation: First year overview of longitudinal research of HSE student population [Effekt samootbora pri formirovanii onlain-paneli: opyt pervogo goda longityudnogo issledovaniya studentov NIU VSHE]. In: Shashkin A. V., Deviatko I. F., Davydov S. G., eds. Online research in Russia: Trends and prospects [Onlain-issledovaniya v Rossii: tendentsii i perspektivy]. Moscow : MIK; 2016. P. 237–264. (In Russ.).

9. Standard definitions: Final dispositions of case codes and outcome rates for surveys [Standartnye opredeleniya: Sistematicheskoe opisanie dispozitsionnykh kodov i koeffitsientov rezul'tativnosti dlya massovykh oprosov] / The American Association for Public Opinion Research (AAPOR). 8th ed. Transl. from English by A. A. Ipatova, D. M. Rogozin. Moscow : VCIOM; 2016. 88 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9905-9703-7.

10. Revilla M. Analyzing survey characteristics, participation, and evaluation across 186 surveys in an online opt-in panel in Spain. *Methods, Data, Analyses*. 2017;11(2):135–162. DOI 10.12758/mda.2017.02.

11. Norris P. Digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide. Cambridge ; New York : Cambridge University Press; 2001. xv, 303 p.

12. Lefever S., Dal M., Matthíasdóttir Á. Online data collection in academic research: Advantages and limitations. *British Journal of Educational Technology*. 2007;38(4):574–582. DOI 10.1111/j.1467-8535.2006.00638.x.

13. Andrade C. The limitations of online surveys. *Indian Journal of Psychological Medicine*. 2020;42(6):575–576. DOI 10.1177/0253717620957496.

14. Hargittai E., Walejko G. The participation divide: Content creation and sharing in the digital age. *Information, Communication & Society*. 2008;11(2):239–256. DOI 10.1080/13691180801946150.

15. Popova E. S. Inequality in educational opportunities in the digital dimension. *Vocational Education and Labour Market*. 2022;(1):55–67. (In Russ.). DOI 10.52944/PORT.2022.48.1.004.

16. Porter S. R., Whitcomb M. E. Non-response in student surveys: The role of demographics, engagement and personality. *Research in Higher Education*. 2005;46(2):127–152. DOI 10.1007/s11162-004-1597-2.

17. Report of the AAPOR task force on non-probability sampling: June 2013 [Otchet rabochei gruppy AAPOR o nesluchainykh vyborkakh: iyun' 2013] / The American Association for Public Opinion Research. Transl. from English by D. M. Rogozin, A. A. Ipatova. Moscow : Public Opinion Foundation; 2016. 170 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4465-1006-1.

18. Biemer P. P., Lyberg L. E. Introduction to survey quality. Hoboken, NJ : Wiley; 2003. xiv, 402 p. ISBN 0-471-19375-5.

19. Kish L. Statistical design for research. New York : John Wiley & Sons; 1987. xxii, 267 p. ISBN 0-471-08359-3.

20. Kohler U., Kreuter F., Stuart E. A. Nonprobability sampling and causal analysis. *Annual Review of Statistics and Its Application*. 2019;6:149–172. DOI 10.1146/annurev-statistics-030718-104951.

21. Čehovin G., Bosnjak M., Lozar Manfreda K. Item nonresponse in web versus other survey modes: A systematic review and meta-analysis. *Social Science Computer Review*. 2023;41(3):926–945. DOI 10.1177/08944393211056229.

22. Blank G., Lutz C. Representativeness of social media in Great Britain: Investigating Facebook*, LinkedIn, Twitter, Pinterest, Google+, and Instagram*. *American Behavioral Scientist*. 2017;61(7):741–756. DOI 10.1177/0002764217717559.

23. Kalimeri K., Beiró M., Bonanomi A., Rosina A., Cattuto C. Traditional versus Facebook*-based surveys: Evaluation of biases in self-reported demographic and psychometric information. *Demographic Research*. 2020;42:133–148. DOI 10.4054/DEMRES.2020.42.5.

24. Callegaro M., Villar A., Yeager D., Krosnick J. A. A critical review of studies investigating the quality of data obtained with online panels based on probability and nonprobability samples. In: Online panel research: A data quality perspective. New York : Wiley; 2014. P. 23–53. DOI 10.1002/9781118763520.ch2.

25. Kuznetsov I. S. Students' trust and their educational trajectory after graduation. *Vysshee obrazovanie v Rossii=Higher Education in Russia*. 2023;32(1):110–129. (In Russ.). DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-1-110-129.

26. Yeager D. S., Krosnick J. A., Chang L., Javitz H. S., Levendusky M. S., Simpser A., Wang R. Comparing the accuracy of RDD telephone surveys and Internet surveys conducted with probability and non-probability samples. *Public Opinion Quarterly*. 2011;75(4):709–747. DOI 10.1093/poq/nfr020.

27. Semenov E. V., Sokolov D. V. Researchers and scientific communication networks in the digital age and academic capitalism. Review of the monograph S. A. Dushina, V. A. Kupriyanov, T. Ju. Khvatova «Uchenye v setyakh "otkrytoi nauki"» [Scientists in the networks of "Open Science"]. *Science Management: Theory and Practice*. 2020;2(3):252–259. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2020.2.3.14.

28. Sokolov D. V. An interpretation of digitalization of science: A comparative outline of the main analytical approaches. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(1):147–164. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2024.6.1.8.

Поступила в редакцию / Received 27.01.2026.
Одобрена после рецензирования / Revised 12.02.2026.
Принята к публикации / Accepted 03.06.2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецов Игорь Сергеевич *kyznetsov.igor@gmail.com*

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, отдел социологии образования, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

SPIN-код: 6112-1811

Попова Екатерина Сергеевна *espopova@isras.ru*

Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, отдел социологии образования, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

SPIN-код: 8104-9095

* Принадлежит Meta, организация признана экстремистской и запрещена в России.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor S. Kuznetsov *kyznetsov.igor@gmail.com*

Candidate of Sociology, Senior Researcher, Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4477-5233

Scopus Author ID: 57226842021

Web of Science ResearcherID: AAG-4137-2021

Ekaterina S. Popova *espopova@isras.ru*

Candidate of Sociology, Leading Researcher, Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9808-3152

Scopus Author ID: 57130031900

Web of Science ResearcherID: I-6734-2016

DOI: 10.19181/smtp.2026.8.2.10

EDN: QMQUFT

Научная статья

Research article

КИТАЙСКИЕ СОИСКАТЕЛИ: СТАТИСТИКА ОБЪЯВЛЕНИЙ О ЗАЩИТАХ 2025 ГОДА

Кононенко
Евгений Иванович[1]

[1] Государственный институт искусствознания, Москва, Россия

Для цитирования: *Кононенко Е. И.* Китайские соискатели: статистика объявлений о защитах 2025 года // Управление наукой: теория и практика. 2026. Т. 8, № 2. С. 167–182. DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.10. EDN QMQUFT.

Аннотация. Интерес соискателей из КНР к получению российских учёных степеней избирателен и не может удовлетворяться одинаково в различных отраслях наук и специальностях. Если в одних отраслях приходится диагностировать «китайскую образовательную экспансию», то диссоветы по ряду негуманитарных дисциплин вообще не сталкиваются с соискателями из КНР.

В статье собрана статистика, предоставленная базой данных объявлений о защитах за 2025 г. на сайте ВАК и обработанная в ручном режиме с применением доступных фильтров. Количественные данные демонстрируют крайне слабую вовлечённость молодых китайских учёных в российские исследования по естественно-научным, физико-математическим, медицинским дисциплинам.

В то же время аномальное количество соискателей из КНР защищается лишь по некоторым дисциплинам: например, в 2025 г. количество кандидатских диссертаций китайских учёных по филологии и культурологии превысило 10% от общего числа объявленных защит в каждой отрасли, и почти треть кандидатских диссертаций по искусствоведению в РФ создана китайцами; более половины всех подготовленных кандидатов наук из КНР приходится на филологию и искусствоведение. В диссоветах организаций с правом самостоятельного присуждения учёных степеней общая доля китайских соискателей оказалась вдвое выше.

Столь значительная доля иностранцев среди подготовленных учёных может расцениваться как «упущенная выгода» для российской науки. При этом количество аспирантов из КНР в России в десяток раз выше числа защит, что демонстрирует неэффективность реформы аспирантуры.

Ключевые слова: статистика, поисковые системы, объявления о защитах, китайские соискатели, реформа аспирантуры, отрасли наук, самостоятельное присуждение степеней, диссертации

© Кононенко Е. И., 2026

CHINESE APPLICANTS: STATISTICS ON DEFENSE ANNOUNCEMENTS FOR 2025

Evgenii I. Kononenko[1]

[1] The State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

For citation: Kononenko E. I. Chinese applicants: Statistics on defense announcements for 2025. *Science Management: Theory and Practice.* 2026;8(2):167–182. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.10.

Abstract. The interest of Chinese applicants in obtaining Russian academic degrees is selective and cannot be satisfied equally across various fields of science and specializations. While some fields are associated with the diagnosis of "Chinese educational expansion", dissertation councils in a number of non-humanities disciplines do not have any applicants from China at all.

This article compiles statistics from the 2025 database of dissertation announcements on the Higher Attestation Commission's website, manually processed using available filters. The quantitative data demonstrates an extremely low involvement of young Chinese researchers in studies in the natural and formal sciences (physics, mathematics, etc.) as well as in medicine in Russia.

At the same time, an abnormally high number of applicants from China defend their dissertations only in certain disciplines: for example, in 2025, the number of candidate dissertations by Chinese scholars in philology and cultural studies exceeded 10% of the total number of announced defenses in each field of science, and almost a third of candidate dissertations in art studies in the Russian Federation were written by Chinese researchers; more than half of all candidate dissertations prepared were in philology and art studies. In the dissertation councils of organizations with the right to independently award academic degrees, the overall proportion of Chinese applicants was twice as high. Such a significant proportion of foreigners among trained researchers can be seen as a "lost opportunity" for Russian science. Moreover, the number of Chinese postgraduate students in Russia is ten times higher than the number of dissertations defended. This demonstrates the ineffectiveness of the reforms to postgraduate education.

Keywords: statistics, search engines, defense announcements, Chinese applicants, postgraduate education reform, branches of science, independent awarding of degrees, dissertations

Поднятая ранее тема подготовки в российской аспирантуре соискателей учёных степеней из КНР [1] оказалась достаточно актуальной, и многие коллеги, представляющие различные отрасли наук и номенклатурные специальности, согласились и с диагнозом «образовательная экспансия», и с оценками «китайских диссертаций» как мелкотемных и пустословных.

В 2025 г. насмешливо-снисходительное отношение учёного сообщества к защитам соискателей из КНР изменилось в сторону ужесточения требований: очевидно, накипело. Во-первых, целый ряд диссертаций, подготовленных завершившими обучение в аспирантуре иностранцами, не были допущены к защитам решениями комиссий диссоветов. Во-вторых, несколько анонсированных защит не состоялись из-за поступивших негативных отзывов именно

от специалистов-синологов, указавших на неоригинальность исследований и достаточную разработанность предложенных тем в китайской литературе, – в этих случаях диссоветы, оказавшиеся не в состоянии оценить низкое качество работ, предпочли «вернуть на доработку» представленные тексты (очевидно, часть этих диссертаций будут «доработаны» и попадут в статистику следующих лет). В-третьих, к концу срока полномочий активизировались экспертные советы ВАК (во всяком случае, те, о работе которых у меня есть информация), которые начали обращать внимание не только на правильность оформления аттестационных дел, но и на действительную новизну выносимых на защиту положений (часто выясняется, что по каждому из них уже существует обширная литература, в т. ч. на китайском языке), полноту библиографии (как правило, игнорирующей европейские исследования), на подбор официальных оппонентов (зачастую круг научных интересов оппонентов никак не соотносился с предлагаемыми темами [1, с. 164–165]) и даже на несоответствие литературного качества текста диссертаций и навыка устной речи соискателя на видеозаписи или при вызове на заседание. Президиум ВАК, правда, не всегда соглашается с рекомендациями экспертных советов, но следствием стали участившиеся приказы Минобрнауки об отмене решений о присуждении степеней и приостановлении деятельности диссоветов, что в свою очередь вынуждает более внимательно относиться к качеству работ иностранных соискателей.

Тем не менее остаётся вопрос – каков действительный масштаб «китайской образовательной экспансии»? Её легко оценить на уровне первых двух ступеней высшего образования: в 2022 г., по данным Минобрнауки, в российских вузах обучались 32,6 тыс. китайских студентов, в 2024 г. сообщалось о 48 тыс., в 2025 – уже о более чем 56 тыс.[1] Рост этого потока стимулируется, разрабатываются образовательные программы, создаются особые «системы рекрутинга», обсуждаются вопросы адаптации и интеграции иностранных учащихся… [2; 3; 4] Не удивительно, что и на третьей ступени высшего образования число китайских аспирантов растёт и к 2026 г. оценивается в 4700 чел.[2] Но это «на входе»; не все аспиранты создают диссертации, и не все написанные диссертации доходят до диссоветов.

Очевидно, что интерес соискателей из КНР к получению российских учёных степеней, о причинах которого уже говорилось, избирателен и не может удовлетворяться одинаково в различных отраслях наук и специальностях в рамках ВАКовской номенклатуры. Вопреки «Положению о защитах», требования к действительной новизне, апробации, аргументации и личному вкладу в науку в разных дисциплинах различны; сбор материала, обработка данных, изучение необходимой литературы связаны с разными затратами

[1] См.: За прошедший год число студентов из Китая в российских вузах увеличилось на 10% // Минобрнауки России : [сайт]. 2022. 26 мая. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/51810/ (дата обращения: 22.04.2026); Голикова: порядка 48 тыс. китайских студентов обучаются в российских вузах // ТАСС : [сайт]. 2024. 19 августа. URL: https://tass.ru/obschestvo/21636417 (дата обращения: 22.04.2026); Чернышенко назвал число китайских студентов, обучающихся в России // РИА Новости : [сайт]. 2025. 5 декабря. URL: https://ria.ru/20251103/kitay-2052583609.html (дата обращения: 28.02.2026).

[2] *Лакстыгал И., Майер А.* За 2014–2024 годы число иностранных аспирантов в России удвоилось // Ведомости : [сайт]. 2026. 24 февраля. URL: https://vedomosti.ru/society/articles/2026/02/24/1178434-chislo-inostrannih-aspirantov-v-rossii-udvoilos (дата обращения: 28.02.2026).

труда и времени (а оно у молодых китайских учёных ограничено и учебными визами, и возможностями карьерного роста [1, с. 162–163]). Очевидно также, что не все научные дисциплины, которые могут предложить российские образовательные программы, одинаково интересны иностранным специалистам с учётом перспектив применения знаний и использования собранных материалов на родине.

Полученные отзывы на опубликованную статью свидетельствуют о том, что «китайскую экспансию» почувствовали далеко не все отрасли наук, специальности, вузы и диссоветы (или же ощутили в разной степени), так что продолжение разговора о ней требует количественной аргументации. За статистическими данными обратимся к проверенному источнику – вкладке «Объявления о защитах» на сайте ВАК[3]. Мне уже приходилось пользоваться данным ресурсом и демонстрировать, к каким неожиданным выводам может привести анализ открытых данных за пять лет [5]. Окончание календарного года дало основания снова обратиться к анонсу защит, изменив параметры поиска.

Следует оговорить, что с момента предыдущего обращения ресурс претерпел изменения. Из перечня «отраслей наук» (это то самое уточнение, которое указывается вместе с искомой степенью, – кандидатом или доктором каких именно наук является исследователь) исчезли отрасли, по которым за последние пять лет не состоялась ни одна защита и не был открыт ни один диссовет. К сожалению, исчезла и ранее доступная возможность указывать в фильтрах поиска сразу несколько отраслей наук и специальностей, что затрудняет сбор статистики. Именно эта невозможность объединять материал «в сумме» вынудила проанализировать информацию по всем отраслям наук по отдельности (в перечне ВАК их осталось 23) и составить новую таблицу (табл. 1).

СОСТАВЛЕНИЕ ТАБЛИЦЫ

В **первый столбец** в алфавитном порядке внесены отрасли наук без учёта специальностей. Следует напомнить, что в разные отрасли наук входит различное количество номенклатурных специальностей (в какие-то – 3–4, в «медицинские науки» – более 40, в «технические науки» – полторы сотни), но при этом по некоторым специальностям учёные степени присуждаются в разных отраслях (например, защита диссертации по специальности «5.6.6 – История науки и техники» позволяет присуждать степени в 12 отраслях в зависимости от того, о каком именно разделе науке или техники идёт речь).

В качестве фильтров хронологической отсечки результатов поиска в базе объявлений о защитах во всех случаях были установлены даты защиты «от 01.01.2025» и «до 01.01.2026», т. е. полный календарный год.

В предлагаемом фильтре «Тип диссертации» выбрана «кандидатская» – прежде всего потому, что защиты докторских диссертаций никак не характеризуют эффективность функционирования аспирантуры как уровня высшего образования, а также потому, что и ранее докторские диссертации были

[3] Объявления о защитах ВАК // Высшая аттестационная комиссия : [сайт]. URL: https://vak.gisnauka.ru/adverts-list/advert (дата обращения: 22.04.2026).

исключены нами из рассматриваемой статистики. Однако следует отметить, что в числе анонсированных на 2025 г. (с использованием того же фильтра сроков) 863 ВАКовских защит докторских диссертаций не оказалось ни одной, представленной китайским учёным, и выяснение причин этого может стать задачей отдельного исследования.

Во **второй столбец** таблицы внесено полученное в результате применения установленных фильтров общее количество объявлений о защитах по отраслям наук (результат «Всего записей»). Напомню, что «это число может не соответствовать и реальным защитам, и тем более присуждённым степеням: некоторые анонсы могли быть продублированы, например, из-за переносов сроков… кто-то из соискателей по разным причинам “снялся с защиты”, какие-то решения диссоветов были отменены; кроме того, бывают (хотя и крайне редко) процедуры защит с отрицательным результатом» [5, с. 153], но предполагаемое расхождение так же верно и для столбца 3, а потому мало влияет на результат сравнения.

В **третий столбец** помещено количество анонсированных защит китайских соискателей кандидатской степени по отраслям наук.

Здесь необходимо пояснить, как именно из общего количества выделялись именно работы соискателей-китайцев. Поисковая система сайта ВАК ожидаемо не имеет фильтров, позволяющих как-либо выделить иностранных граждан в целом и тем более представителей конкретного государства, поэтому пришлось «в ручном режиме» просмотреть все объявления о защитах за 2025 г.

Первичным критерием определения стала узнаваемая китайская антропонимика, имеющая довольно жёсткую и хорошо описанную структуру [6; 7; 8; 9]. Дополнительным критерием стали темы диссертаций (наличие в названиях работ упоминаний Китая, КНР, указаний на использование «китайского материала» или «китайского примера», упоминаний провинций или регионов КНР, позволяющих однозначно локализовать объект и/или предмет, интересующие прежде всего китайских соискателей). При необходимости использовалось обращение к размещённым на страницах диссоветов заключениям, в которых указывается гражданство соискателя, а в случае отсутствия таких сведений в заключении – к протоколам о принятии к защите или заявлениям соискателей (в нескольких случаях такое уточнение позволило избежать ошибочного включения в собираемую статистику граждан Вьетнама и Мьянмы).

В **четвёртом столбце** приведена вычисленная доля соискателей – граждан КНР в общем количестве объявлений о защите по отраслям наук, округлённая до одного знака после запятой.

Таблица 1

Анонсированные в 2025 г. защиты кандидатских диссертаций

Table 1

Candidate dissertation defenses announced for 2025

Отрасли наук	Всего за год	Граждан КНР	%
Архитектура	18	1	5,5
Биологические	357	0	0
Ветеринарные	70	0	0

Продолжение Табл. 1 см. на стр. 172

Продолжение Табл. 1

Отрасли наук	Всего за год	Граждан КНР	%
Географические	44	0	0
Геолого-минералогические	57	1	1,8
Искусствоведение	**136**	**43**	**31,6**
Исторические	239	7	2,9
Культурология	**40**	**7**	**17,5**
Медицинские	1335	1	0,1
Педагогические	367	29	7,9
Политические	33	0	0
Психологические	85	2	2,4
Сельскохозяйственные	231	2	0,9
Социологические	26	0	0
Теология	18	0	0
Технические	1295	14	1
Фармацевтические	31	0	0
Физико-математические	330	1	0,3
Филологические	**343**	**45**	**13**
Философские	69	2	2,9
Химические	258	4	1,6
Экономические	356	7	2
Юридические	402	0	0
Всего	**6140**	**166**	**2,7**

КОММЕНТАРИИ К ПОКАЗАТЕЛЯМ

Ранее было показано, что в последние пять лет среднее количество анонсированных ВАКовских защит кандидатских диссертаций составляло около 6 тыс. в год [5, с. 154]. Общее число объявлений в 2025 г. – 6 140 – соответствует этому показателю. Это свидетельствует о том, что чуда (в виде непрерывного роста числа остепенённых учёных) не произошло, и мероприятия, направленные на повышение эффективности аспирантуры, результатов пока не приносят.

Общее количество китайских соискателей на этом фоне выглядит на удивление скромно – всего 166, т. е. менее 3%. На фоне тысяч аспирантов результативность крайне невелика. Безусловно, граждан КНР в аспирантуре и в числе авторов завершённых диссертаций всё равно оказывается больше, чем представителей других стран. Следует добавить, что в ходе просмотра объявлений о защитах попадались работы иностранных соискателей не только из «привычных» Вьетнама, Индии, Сирии, Афганистана, Йемена, но и из Алжира, Эритреи, Ирака, Турции, Мьянмы, Южной Кореи, Японии, что не только подтверждает привлекательность российского образования, но и свидетельствует о сохранении престижности российской учёной степени в странах Азии и Африки.

Приведённые в таблице данные подтверждают, что интерес соискателей из КНР к российским степеням сильно различается в зависимости от отраслей наук, не говоря уже о входящих в них специальностях (эта работа легко может быть продолжена на конкретном материале).

Совершенно не удивляет стремление китайских учёных подтвердить защитой диссертации и учёной степенью овладение наработками отечественной педагогики в любых её проявлениях [10; 11] (почти 8% всех анонсированных защит в данной отрасли наук и почти 17,6% всех диссертаций граждан КНР), и в освоении ими различных специальностей технических наук нет ничего странного (8,5% от общего числа китайских соискателей). При этом, однако, странно выглядит откровенно слабый интерес соискателей к ряду отраслей наук, развитием которых мы привыкли гордиться. Вполне понятно, что для работы на родине иностранному учёному вряд ли пригодится российский опыт в юридических и политических науках, социологии и теологии (тут наверняка есть национальная специфика отправных установок, целей, методов); но по каким-то причинам совершенно невостребованными остались отечественные наработки в биологии, фармацевтике, ветеринарии (в этих отраслях не было представлено ни одной диссертации китайских соискателей), и мало заинтересовали наших дальневосточных коллег отечественные практики в медицине, физике, химии, геологии, сельском хозяйстве... Во многих из тех отраслей наук, которые обойдены вниманием китайских исследователей, проходили защиты соискателей из других стран, и, полагаю, статистика научных предпочтений и приоритетов иностранных учёных, подготавливаемых в России, ждёт своих исследователей.

Внесённые в таблицу данные демонстрируют аномальное количество китайских соискателей (превышающее 10% от всех подготовленных диссертаций) в трёх отраслях наук: по филологическим наукам – 13%, по культурологии – 17,5%, по искусствоведению – 31,6%. Иначе говоря, в 2025 г. каждый восьмой новоявленный кандидат филологических наук, каждый шестой остепенённый культуролог и почти каждый третий защитившийся искусствовед – гражданин КНР.

Это доля китайских соискателей в абсолютном выражении, т. е. по отношению ко всем проведённым в ВАКовских советах защитах по данным отраслям наук. Если же высчитывать эту долю по отношению только к самим китайским соискателям, то результат получится ещё более шокирующим: из всего количества защит граждан КНР, намечавшихся в подчинённых ВАК диссоветах (напомню – речь всего о 166 соискателях), на искусствоведение пришлось 26% (43 защиты), а на филологию – 27% (45 защит). Семь китайских культурологов составляют лишь скромные 4,2% – столько же, сколько во всех экономических науках, и это в любом случае больше, чем в медицинских, химических и физико-математических науках вместе взятых.

Ветеринары, биологи, юристы, социологи в качестве членов диссоветов и экспертных советов ВАК вообще не имели дела с диссертациями китайских соискателей; для медиков, химиков, геологов и физиков с математиками такие работы – лишь отдельные эпизоды, мало влияющие на статистику и общее впечатление; но почему-то получается, что именно Экспертный совет ВАК

по филологии и искусствоведению (в нём объединены как раз эти две отрасли наук) должен был рассмотреть результаты более чем половины (53%) всех защит китайских соискателей, состоявшихся в течение календарного года.

Если кому-то захочется поговорить о масштабах «китайской образовательной экспансии», – обращайтесь именно к филологам и искусствоведам.

Рассмотрим эту аномалию подробнее. Как уже говорилось, каждая отрасль наук в номенклатуре ВАК состоит из разного количества специальностей, нагрузка на диссоветы серьёзно различается, требования к представляемым диссертациям могут трактоваться в довольно широком диапазоне, и у соискателей имеется определённый выбор.

В таблице 2 представлена статистика объявленных в 2025 г. защит китайских соискателей по специальностям, входящим в группу отраслей «искусствоведение и культурология», – их приходится представлять вместе, поскольку специальность «5.10.1 – Теория и история культуры, искусства» зачем-то разделена между двумя отраслями, но защиты часто проводятся в одних и тех же диссоветах. Недоумение до сих пор вызывает и специальность «5.10.3 – Виды искусства» с необходимостью оговаривать в скобках этот самый вид, что ведёт к разделению диссоветов даже в пределах одной организации [5, с. 158].

Таблица 2

Защиты китайских соискателей по группе «Искусствоведение и культурология»

Table 2

Defenses of Chinese applicants in the “Art and Cultural Studies” category

Специальность	Всего	По организациям	Организация
5.10.1 – Теория и история культуры, искусства	17	6	Дальневосточный федеральный университет
		2	Забайкальский гос. университет
		2	Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева
		2	Мордовский гос. университет им. Н. П. Огарёва
		1	Академия Русского балета им. А. Я. Вагановой
		1	РГПУ им. А. И. Герцена
		1	Казанский гос. институт культуры
		1	Саратовская гос. консерватория им. Л. В. Собинова
		1	Российский институт истории искусств
5.10.2 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов		0	
5.10.3 – Виды искусства (изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура)	7	7	РГХПУ им. С. Г. Строганова

Продолжение Табл. 2 см. на стр. 175

Продолжение Табл. 2

Специальность	Всего	По организациям	Организация
5.10.3 – Виды искусства (музыкальное искусство)	23	10	РГПУ им. А. И. Герцена
		5	Нижегородская гос. консерватория им. М. И. Глинки
		4	Ростовская гос. консерватория им. С. В. Рахманинова
		2	Казанская гос. консерватория им. Н. Г. Жиганова
		1	Саратовская гос. консерватория им. Л. В. Собинова
		1	Новосибирская гос. консерватория им. М. И. Глинки
5.10.3 – Виды искусства (техническая эстетика и дизайн)	6	3	РГУ им. А. Н. Косыгина
		3	РГХПУ им. С. Г. Строганова
5.10.4 – Библиотековедение, библиографоведение и книговедение		0	

Уточнение искусствоведческих интересов китайских соискателей учёных степеней демонстрирует их сосредоточение на «теоретических» направлениях, тогда как «прикладные», результаты которых легко могут быть применимы на родине, игнорируются. По специальности «5.10.2 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов» из семи представленных в 2025 г. кандидатских диссертаций не оказалось ни одной, созданной китайским аспирантом, и это при том, что во всех исследованиях по любой гуманитарной специальности китайцы единообразно настаивают на ценности традиций и цитируют программные документы о важности сохранения культурного наследия. Это же касается специальности «5.10.4 – Библиотековедение, библиографоведение и книговедение»: ни одной работы китайского соискателя из 10 анонсированных за год. Очевидно, российский опыт сохранения и реставрации памятников, как и организации музеев и библиотек, в КНР не востребован.

То же относится к «видам искусства» (5.10.3) – китайскими соискателями не было подготовлено ни одной работы ни по «театральному искусству», ни по «кино-, теле- и другим экранным искусствам», и это при том, что Китай претендует на статус «второй кинематографической державы мира», фильмы и спектакли получают призы на всевозможных фестивалях, режиссёров из КНР приглашают для зарубежных постановок, появляются совместные российско-китайские проекты, в наших творческих вузах обучаются значительное число китайских студентов [12; 13]. При этом наибольшее (среди искусствоведов) количество защит китайских соискателей было намечено по «музыкальному искусству» – 23, больше, чем по всем техническим наукам (43% всех китайских искусствоведов и культурологов и 14% всех китайских соискателей). Правомерно ли утверждать, что Китаю требуется почти столько же музыковедов с учёной степенью, сколько и педагогов?

Нет необходимости лишний раз говорить ни о богатстве китайской музыки, ни о достижениях музыкантов из КНР, ни о количестве обучающихся граждан Китая в российских консерваториях и институтах культуры [14; 15]; но не удивительно ли, что чуть менее половины всех остепенённых китайских

специалистов по музыкальному искусству выходят на защиту не в консерватории, а в педагогическом вузе? При этом в 2025 г. в данном диссовете состоялись лишь именно эти 10 защит кандидатских диссертаций, а в «соседнем» диссовете того же вуза по той же специальности «Виды искусства» (только по изобразительному искусству) за год не было ни одной защиты китайского соискателя.

Все защиты китайских кандидатов искусствоведения по специальности 5.10.3 с уточнением «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура» также состоялись лишь в одном творческом вузе, где обеспечили почти половину годовой нагрузки на диссовет (10 из 21), хотя диссоветы по этой специальности и данным видам искусства существуют ещё в шести организациях...

Если лидерство Дальневосточного федерального университета по защитам китайских соискателей по невнятной искусствоведческо-культурологической специальности 5.10.1 легко объясняется географическим фактором, то концентрация защит по определённым «видам искусства» в конкретных диссоветах ждёт своих исследователей.

Избирательность иностранных соискателей в отношении специальностей проявляется и в филологических науках (табл. 3). По специальностям «Литература народов мира», «Фольклористика», «Языки народов зарубежных стран» не была анонсирована ни одна диссертация китайских филологов, хотя, казалось бы, при нынешнем интересе к Китаю выполненные именно носителями языка и культуры исследования с применением отечественных методик могли обогатить как российскую, так и китайскую науку и легко оправдать научную новизну и актуальность. Почти половина соискателей (21 из 44) посвятила исследования лингвистике во всех её проявлениях. Половина китайских филологов предпочли исследовать русскую литературу (9) и русский язык (13). Решены ли при этом какие-либо научные проблемы, есть ли в этих работах какая-либо новизна, внесён ли вклад в российскую науку – на эти вопросы статистика объявлений о защитах не ответит.

Таблица 3

Защиты китайских соискателей по специальностям отрасли «Филологические науки»

Table 3

Defenses of Chinese applicants in the field of philological sciences

Специальность	Всего	По организациям	Организации
5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации	9	5	Дальневосточный федеральный университет
		1	Ярославский гос. педагогический университет им. К. Д. Ушинского
		1	Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова
		1	Новосибирский гос. педагогический университет
		1	Волгоградский гос. социально-педагогический университет
5.9.2 – Литературы народов мира		0	

Продолжение Табл. 3 см. на стр. 177

Продолжение Табл. 3

Специальность	Всего	По организациям	Организации
5.9.3 – Теория литературы		0	
5.9.4 – Фольклористика		0	
5.9.5 – Русский язык. Языки народов России	13	4	МПГУ
		3	Дальневосточный федеральный университет
		2	Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
		1	Пермский гос. нац. исследовательский университет
		1	Волгоградский гос. социально-педагогический университет
		1	Новосибирский гос. педагогический университет
		1	Омский гос. университет им. Ф. М. Достоевского
5.9.6 – Языки народов зарубежных стран		0	
5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика	22	4	Пермский гос. нац. исследовательский университет
		3	Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
		2	Волгоградский гос. социально-педагогический университет
		2	Дальневосточный федеральный университет
		2	Государственный университет просвещения
		2	Уфимский университет науки и технологий
		2	Челябинский гос. университет
		1	Уральский гос. педагогический университет
		1	Московский гос. лингвистический университет
		1	Сибирский федеральный университет
		1	Адыгейский гос. университет
		1	Тюменский гос. университет
5.9.9 – Медиакоммуникации и журналистика	1	1	РГГУ

И ЕЩЁ СТОЛЬКО ЖЕ В ОБХОД ВАК

До сих пор (как в предыдущей статье, так и в настоящей) говорилось исключительно об объявлениях о защитах кандидатских диссертаций в ВАКовских диссоветах. На сайте ВАК эти данные отделены от информации о защитах в организациях, получивших право самостоятельного присуждения учёных степеней. Ранее я, не представляя истинного масштаба, осторожно писал о «некотором количестве» таких защит [5, с. 154], но в данном случае, используя те же фильтры поисковой системы, собрал данные и по «самостоятельным советам».

Неожиданно выяснилось, что в 2025 г. число записей об объявленных защитах кандидатских диссертаций «вне ВАК» составило 2965 (докторских – 387), т. е. половину от указанных ранее 6140 защит в ВАКовских диссоветах. Это уже не «некоторое количество», это почти треть от годового количества научных аттестаций.

В наши задачи не входит представление подробных данных о «неВАКовских» защитах по всем научным отраслям и специальностям; это бонус, который тоже может стать объектом отдельного исследования. На мой взгляд, в этой группе интереснее обратить внимание на те организации, которые доводят китайских соискателей до защит, – просто потому, что документы о присуждении учёных степеней от «самостоятельных» организаций вызывают настороженность и признаются не везде: уже говорилось, что некоторые государства, отправляя своих соискателей в Россию, жёстко контролируют место защиты, и в Китае составляются собственные репутационные рейтинги российских образовательных организаций [1, с. 163].

Просмотр объявлений о защитах в том же «ручном режиме» с применением указанных выше фильтров и критериев идентификации позволил выявить 150 «китайских защит» – почти столько же, сколько во всех ВАКовских советах; приходится заключить, что процент китайских соискателей в «самостоятельных диссоветах» почти вдвое больше. Добавлю, что в одном из советов по техническим наукам была анонсирована и докторская диссертация учёного из КНР.

Лидером по «самостоятельным» защитам китайских кандидатских диссертаций оказался МГУ им. М. В. Ломоносова, имеющий обширные международные программы, – 34 работы. За ним следует Российский университет дружбы народов (тут объяснения не нужны, именно для подготовки иностранных кадров вуз и создавался) – 27. Лишь немного уступил Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) – 24. Федеральные университеты и другие специализированные вузы, имеющие право самостоятельного присуждения учёных степеней, приняли к защите ещё 63 «китайские диссертации» (среди них следует отметить активность Дальневосточного, Уральского и Казанского федеральных университетов, а также Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого). Два соискателя из КНР вышли на защиту в МГИМО.

Отмечу, что даже на первый взгляд далеко не все диссоветы, имеющие право самостоятельного присуждения степеней, привлекли внимание китайских соискателей. Можно отдельно выяснять, являются ли причинами этого отсутствие совместных образовательных программ, особые требования к диссертациям или специфика процедур защит (она часто намного сложнее, чем требует ВАК), невостребованность предлагаемых специальностей, географический фактор расположения федеральных университетов, рейтинги или какие-то иные факторы. Но уже сейчас можно констатировать, что «внеВАКовское» присуждение учёных степеней не только не отпугивает китайских соискателей, но и – судя как по равенству числа представленных диссертаций граждан КНР, так и по двукратному превышению доли китайцев в общем количестве анонсированных защит, – составляет серьёзную конкуренцию привычной процедуре с последующим утверждением результатов в Минобрнауки.

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО…

Приведённая статистика показывает, что, вопреки ожиданиям, диссертации, подготовленные гражданами КНР, пока составляют лишь 2,7% от общего числа кандидатских защит в ВАКовских диссоветах и 5% в организациях с правом самостоятельного присуждения степеней. Ключевое слово – пока. Одни научные дисциплины вообще не интересуют китайских соискателей, в других же приходится фиксировать аномально высокий интерес, оправдывающий представление о «китайской образовательной экспансии». Меньше она вряд ли станет, но потоки могут перераспределиться.

При этом, несмотря на все разговоры о плодотворном научно-техническом сотрудничестве и обеспечении технологического суверенитета, повышенный интерес китайские учёные проявляют к дисциплинам, никак не связанным ни с техникой, ни с технологиями; речь прежде всего о филологии (преимущественно лингвистике), искусствоведении (в первую очередь – музыковедении) и педагогике. В этих специальностях объективные данные и методическая точность исследований очевидно уступают субъективным оценкам, сравнениям и интерпретациям, а аргументация актуальности, теоретического значения результатов и их практического применения требуют значительной доли творческой изощрённости. Статистика объявлений о защитах никак не связана с действительным качеством диссертаций, но трудно представить, например, насколько освоенные китайскими соискателями отечественные методы искусствоведческого анализа окажутся востребованными в КНР. Боюсь, высокий спрос китайцев на защиты именно по гуманитарным дисциплинам лишь подтверждает мнение о том, что обучающихся у нас граждан КНР интересуют не столько освоение методик и перспективы сотрудничества, сколько сам факт облегчённого присуждения учёных степеней [1, с. 160–161].

Но о нуждах китайской науки мы рассуждать не будем. Важнее, что от трети кандидатских диссертаций по искусствоведению, шестой части защищённых культурологических исследований и т. д. отечественная наука не получает практически никакого «приращения знаний» (за исключением преувеличенного «введения в научный оборот новых сведений», и то если китайский соискатель пишет работу на «своём» материале, ранее у нас не исследованном). Каждый третий кандидат искусствоведения не будет работать в наших научных организациях, и лишь ничтожно малое число из них сможет подключиться к каким-то совместным проектам (к некоторым, правда, обратятся для оппонирования очередных «китайских диссертаций», и они дадут очередные восторженные отзывы). В других специальностях «упущенная выгода» пока меньше. Опять-таки, ключевое слово – пока.

На защиты китайских соискателей, не дающие приращения знаний и научных кадров, только диссоветы по искусствоведению в 2025 г. потратили треть своего рабочего времени; а они (диссоветы) по закону функционируют на общественных началах (это же, кстати, относится и к экспертным советам ВАК, рассматривающим аттестационные дела соискателей и апелляции на решения диссоветов). Не следует ли растущее число защит иностранных соискателей также отнести к «упущенной выгоде» для отечественной науки?

Данные сайта ВАК в очередной раз провоцируют постановку новых вопросов. Таблицы можно было бы составить иначе, представляя, например, долю защит китайских соискателей в отдельных специальностях других отраслей наук, демонстрируя преимущественный выбор одних организаций и диссоветов перед другими или же акцентируя географический фактор (хотя бы по федеральным округам). Приоритетное внимание можно уделить не ВАКовским диссоветам, а университетам, самостоятельно присуждающим степени, и это касается не только подготовки соискателей из КНР. База данных огромна, она способна предоставить аргументы для целого ряда исследований, главное – правильно поставить вопросы и быть готовым к работе в «ручном режиме». И эта база данных пока доступна.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Кононенко Е. И.* Китайские гуманитарии в российской аспирантуре: ожидания и реалии // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 158–176. DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.11. EDN OUDCHY.

2. *Леденева В. Ю.* Образовательные мосты между Россией и Китаем: вовлечение китайских студентов в российскую образовательную систему через стратегии рекрутинга // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2025. Т. 14, № 1. С. 57–62. DOI 10.24412/2225-8264-2025-1-952. EDN EBLKKW.

3. *Галагузова М. А., Швецова А. В., Чжан В.* Особенности интеграции китайских студентов в образовательное пространство российских университетов // Образование и наука. 2024. Т. 26, № 6. С. 138–166. DOI 10.17853/1994-5639-2024-6-138-166. EDN DFWTNI.

4. *Тюрина Ю. А., Луценко Е. Л., Казаку О. В.* Реализация приоритетного проекта «Экспорт образования» в социологическом измерении // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 21–32. DOI 10.22394/1818-4049-2022-99-2-21-32. EDN WAJZFF.

5. *Кононенко Е. И.* Объявления о защитах: опыт анализа сайта ВАК // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 4. С. 150–163. DOI 10.19181/smtp.2025.7.4.8. EDN PRDFTB.

6. *Хамаева Е. А.* Китайские антропонимы. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2015. 308 с. ISBN 978-5-88267-431-0. EDN VPOVIP.

7. *Гусева О. А., Козлова Д. С.* Семантический подход к изучению лингвокультурологических особенностей антропонимов в современном китайском языке // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. № 16 (811). С. 40–48. EDN YZYQSL.

8. *Дашеева В. В.* Китайские антропонимы: вопросы истории, семантики и функционирования / отв. ред. Е. В. Сундуева. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2014. 242 с. ISBN 978-5-9793-0707-7. EDN VSJIPD.

9. *Ду Гоин, Цинь И.* Лингвокультурологические исследования китайских собственных имен в XXI веке // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12, № 4–1. С. 104–112. DOI 10.34670/AR.2022.18.39.013. EDN KHJQZG.

10. *Ло В.* Подготовка педагогов в Китае: обзор китайских педагогических исследований за период 2012–2021 гг. // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 11 (125). Ст. 39. DOI 10.23670/IRJ.2022.125.104. EDN AHPWUD.

11. Основные тенденции развития системы педагогического образования в Китайской Народной Республике на современном этапе / А. В. Лубков, О. А. Морозова, Чжан Чжаоюй, А. В. Юдин // Наука и школа. 2021. № 4. С. 43–56. DOI 10.31862/1819-463X-2021-4-43-56. EDN MOVLZV.

12. *Паксютов Г. Д.* Китайская киноиндустрия: актуальные тенденции развития и социально-экономическое значение // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 6. С. 150–155. EDN ZVHMMH.

13. *Сюй Цзявэнь.* Авангардные тенденции в современном китайском театре: заимствования и адаптации (1979–2020 гг.) // Культура и цивилизация. 2025. Т. 15, № 3–1. С. 332–344. EDN OEYIFA.

14. *У Сяоли, Борисов Б. П.* Современная китайская музыка: синтез традиций и инноваций // Культурная жизнь Юга России. 2024. № 4 (95). С. 80–88. DOI 10.24412/2070-075X-2024-4-80-88. EDN VCREQE.

15. *Чэнь Чэньцзы.* Эволюция музыкального искусства Китая: о развитии диалога музыки Востока и Запада // Вестник музыкальной науки. 2023. Т. 11, № 1. С. 164–175. DOI 10.24412/2308-1031-2023-1-164-175. EDN EJVZLM.

REFERENCES

1. Kononenko E. I. Chinese humanities scholars in Russian postgraduate education: Expectations and realities. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):158–176. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.11.

2. Ledeneva V. Yu. Educational bridges between Russia and China: Involving Chinese students in the Russian educational system through recruitment strategies. *Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies=Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tehnologij*. 2025;14(1):57–62. (In Russ.). DOI 10.24412/2225-8264-2025-1-952.

3. Galaguzova M. A., Shvetsova A. V., Zhang W. The features of Chinese students' integration into the learning environment of Russian universities. *The Education and Science Journal=Obrazovanie i nauka*. 2024;26(6):138–166. (In Russ.). DOI 10.17853/1994-5639-2024-6-138-166.

4. Tyurina Yu. A., Lutsenko E. L., Kazaku O. V. Implementation of the priority project "Export of Education" in sociological dimension. *Power and Administration in the East of Russia=Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2022;(2):21–32. (In Russ.). DOI 10.22394/1818-4049-2022-99-2-21-32.

5. Kononenko E. I. Defense announcements: An attempt of analysis of the HAC website. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(4):150–163. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2025.7.4.8.

6. Khamaeva E. A. Chinese anthroponyms [Kitaiskie antroponimy]. Irkutsk : Eurasian Linguistic Institute, Branch of Moscow State Linguistic University; 2015. 308 p. (In Russ.). ISBN 978-5-88267-431-0.

7. Guseva O. A., Kozlova D. S. Semantic approach to the understanding of the culture-specific aspects of anthroponyms in the modern Chinese language. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities=Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 2018;(16):40–48. (In Russ.).

8. Dasheeva V. V. Chinese anthroponyms: Problems of history, semantics and functioning [Kitaiskie antroponimy: voprosy istorii, semantiki i funktsionirovaniya]. Ed. by E. V. Sundueva. Ulan-Ude : Buryat State University Publishing Department; 2014. 242 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9793-0707-7.

9. Du Guoying, Qin Yi. Linguistic and cultural studies of Chinese proper names in the 21st century. *Culture and Civilization=Kul'tura i tsivilizatsiya*. 2022;12(4–1):104–112. (In Russ.). DOI 10.34670/AR.2022.18.39.013.

10. *Luo W.* Teacher education in China: A review of Chinese pedagogical research from 2012 to 2021. *International Research Journal=Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 2022;(11):39. (In Russ.). DOI 10.23670/IRJ.2022.125.104.

11. Lubkov A. V., Morozova O. A., Zhang Zhaoyu, Yudin A. V. Main trends in the development of pedagogical education system in China in the modern period. *Science and School=Nauka i shkola*. 2021;(4):43–56. (In Russ.). DOI 10.31862/1819-463X-2021-4-43-56.

12. Paksyutov G. D. The Chinese movie industry: Current trends and socio-economic importance. *Far Eastern Studies=Problemy Dal'nego Vostoka*. 2017;(6):150–155. (In Russ.).

13. Xu Jiawen. Avant-garde trends in contemporary Chinese theater: Borrowings and adaptations (1979–2020). *Culture and Civilization=Kul'tura i tsivilizatsiya*. 2025;15(3–1): 332–344. (In Russ.).

14. Wu Xiaoli, Borisov B. P. Modern Chinese music: Synthesis of tradition and innovation. *Cultural Studies of Russian South=Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. 2024;(4):80–88. (In Russ.). DOI 10.24412/2070-075X-2024-4-80-88.

15. Chen Chenzi. The evolution of the musical art of China: On the question of the peculiarities of the development of the dialogue between the music of the East and the West. *Journal of Musical Science=Vestnik muzykal'noi nauki*. 2023;11(1):164–175. (In Russ.). DOI 10.24412/2308-1031-2023-1-164-175.

Поступила в редакцию / Received 18.03.2026.
Одобрена после рецензирования / Revised 15.04.2026.
Принята к публикации / Accepted 04.06.2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кононенко Евгений Иванович *J_kononenko@inbox.ru*

Доктор искусствоведения, профессор, Государственный институт искусствознания, Москва, Россия

SPIN-код: 7487-2030

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenii I. Kononenko *J_kononenko@inbox.ru*

Doctor of Art Studies, Professor, the State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

ORCID: 0000-003-4579-8653

Scopus Author ID: 57197801366

Web of Science ResearcherID: AGW-9154-2022

DOI: 10.19181/smtp.2026.8.2.11

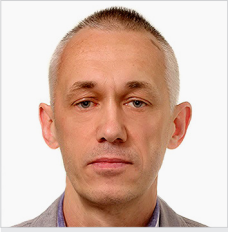
EDN: TFGPRW

Научная статья

Research article

ЧЕГО БОЛЬШЕ В «НАУКЕ ГРАЖДАН»: НАУКИ ИЛИ ДЕМОКРАТИИ?

ОТКЛИК НА СТАТЬЮ С. В. ЕГЕРЕВА «КООПЕРАТИВНОЕ ЗОНДИРОВАНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ОПЫТ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ»

Ваганов
Андрей Геннадьевич[1]

[1] «Независимая газета», Москва, Россия

Для цитирования: *Ваганов А. Г.* Чего больше в «науке граждан»: науки или демократии? Отклик на статью С. В. Егерева «Кооперативное зондирование окружающей среды: опыт добровольческих проектов» // Управление наукой: теория и практика. 2026. Т. 8, № 2. С. 183–190. DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.11. EDN TFGPRW.

Аннотация. Предлагаемый текст является откликом на статью С. В. Егерева «Кооперативное зондирование окружающей среды: опыт добровольческих проектов» («Управление наукой: теория и практика». 2026. Т. 8, № 1). Анализируя тему использования технологии кооперативного зондирования в научных (прежде всего экологических) исследованиях через призму принципов *citizen science* («науки граждан») и вовлечения волонтёрских ресурсов, С. В. Егерев справедливо отмечает её потенциально богатый ресурс как инструмента экологического мониторинга. Однако распространение метода *citizen science*, по мнению автора отклика, чревато изменениями, «эрозией» фундаментальных, институциональных и этических основ того, что мы называем «новоевропейской наукой». Цель, которую ставит перед собой автор отклика, – попытаться дополнить несомненно полезную прагматику *citizen science* некоторыми концептуальными вопросами. В частности, речь идёт о необходимости рассматривать технологию кооперативного зондирования в частности и *citizen science* в целом в историко-научном, социальном и политическом контекстах. Автор предлагает взглянуть на проблему вовлечения граждан в научные исследования не только в прикладных – методическом и технологическом – аспектах, но и через оптику социально-политической истории. Эта проблема сформулирована через дихотомию: Наука vs Демократия.

Ключевые слова: наука граждан, кооперативное зондирование, экология, смартфоны, сетевая инфраструктура, ризома, научная грамотность, статус науки, популяризация науки

© Ваганов А. Г., 2026

WHICH IS THERE MORE OF IN “CITIZEN SCIENCE”: SCIENCE OR DEMOCRACY?

A REVIEW OF THE ARTICLE “PARTICIPATORY ENVIRONMENTAL SENSING: EXPERIENCE OF VOLUNTEER PROJECTS” BY S. V. EGEREV

Andrey G. Vaganov[1]

[1] Nezavisimaya Gazeta, Moscow, Russia

For citation: Vaganov A. G. Which is there more of in “citizen science”: Science or democracy? A review of the article “Participatory Environmental Sensing: Experience of Volunteer Projects” by S. V. Egerev. *Science Management: Theory and Practice.* 2026;8(2):183–190. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.11.

Abstract. The article is a response to S. V. Egerev’s work “Participatory Environmental Sensing: Experience of Volunteer Projects” (*Science Management: Theory and Practice.* 2026. Vol. 8, No. 1). Analyzing the use of cooperative sensing technology in scientific research (primarily environmental) through the lens of citizen science principles and the involvement of volunteer resources, S. V. Egerev notes its potentially rich capacity as a tool for environmental monitoring. However, the author of this response argues that the spread of the citizen science method is fraught with changes and the “erosion” of the fundamental, institutional and ethical foundations of what we call “modern European science”. The response aims to complement the undeniably useful pragmatics of citizen science with certain conceptual considerations. Specifically, this concerns the necessity of examining cooperative sensing technology in particular, and citizen science as a whole, within historical, scientific, social and political contexts. The author proposes viewing the issue of engaging citizens in scientific research not only in its applied – methodological and technological – aspects but also through the lens of socio-political history. This issue is framed through the dichotomy of Science vs. Democracy.

Keywords: citizen science, cooperative sensing, ecology, smartphones, network infrastructure, rhizome, scientific literacy, status of science, science popularization

Статья С. В. Егерева «Кооперативное зондирование окружающей среды: опыт добровольческих проектов» [1], казалось бы, если судить по названию, носит сугубо прикладной, методологический характер. Действительно, С. В. Егерев сразу же чётко определяет предмет своего исследования: «В статье рассматривается кооперативное зондирование (*participatory sensing*, PS) как перспективная, но всё еще недостаточно зрелая технология мониторинга окружающей среды, опирающаяся на принципы *citizen science* и использующая возможности добровольцев. <…> В статье анализируются ключевые преимущества PS, такие как снижение затрат, увеличение пространственного покрытия и вовлечение граждан в научные исследования…» [1, с. 99; курсив источника. – *А. В.*].

В России метод кооперативного зондирования как частный случай более общего понятия «гражданская наука» (другое определение – «партисипаторная наука», *participatory science*) ещё только входит в моду: «До 2020 года в России гражданская наука – совместная исследовательская работа учёных и обычных людей – оставалась заморской диковинкой, мечтой или даже миражом. <…>

Теперь в России есть сообщество энтузиастов гражданской науки: учёных и волонтёров, теоретиков и практиков, исследователей и преподавателей. <...> Исследователи и практики попытаются убедить вас, что делать науку простому человеку – возможно, интересно и полезно для души и тела. А для учёного вовлечение гражданина – это не головная боль и недостоверные результаты, а новые возможности и горизонты» [2, с. 2].

Но в данном случае нас будет интересовать не инструментальная и методологическая составляющие статьи С. В. Егерева (безупречные по логике, ясности изложения, широте охвата специализированных источников). Другими словами, актуальность темы, поднятой автором статьи, не вызывает сомнений. Однако, на мой взгляд, статья «Кооперативное зондирование окружающей среды: опыт добровольческих проектов» содержит в себе большой потенциал онтологических для науки проблем в связи с рассмотрением, казалось бы, сугубо прикладной задачи.

Возникает вопрос: оправдывают ли себя высокие ожидания относительно эффективности *participatory science*? Более того, в качестве предельного случая проблематизируем содержание статьи уважаемого С. В. Егерева. Поэтому все нижеследующие соображения относятся не столько к тексту статьи, сколько к некоторым аспектам распространения метода *citizen science* как такового.

Прежде всего, думается, что С. В. Егерев всё-таки несколько преувеличивает естественно-научную ценность метода корпоративного зондирования. «Рост популярности науки граждан обусловлен возросшим уровнем научной грамотности населения, становлением культуры волонтёрства и развитием информационно-коммуникационных технологий (что дало рождение т. н. “кибернауке” граждан)» [1, с. 101], – считает он.

Против тезиса о *«становлении культуры волонтёрства и развития информационно-коммуникационных технологий»* возражать, действительно, трудно. Но, пожалуй, преувеличивать *«возросший уровень научной грамотности населения»* не приходится. Условно говоря, уровень «невежества», «естественно-научной безграмотности» остаётся примерно одинаковым во всём мире: «Респонденты часто ошибаются или затрудняются в оценке утверждений о явлениях, которые затрагивают здоровье человека (вакцинация, радиация, генетически модифицированные продукты питания). Утверждение “Прививки гораздо чаще приводят к отсталости в развитии у детей, чем об этом говорят учёные и медики” проявляет проблему общественного недоверия к практическим достижениям науки. Хотя почти половина опрошенных (48%) называют это утверждение ложным, треть (30%) считают его верным и около четверти (22%) затруднились ответить. Довольно высока доля ошибочных ответов на вопросы о радиации, ГМО и антибиотиках. Корректность утверждения “Лазер работает, фокусируя звуковые волны” неправильно оценивают 33% россиян, но почти четверть затрудняются ответить (24%). Похожая картина наблюдается и в странах Евросоюза (26% и 32% соответственно)» [3].

Другой тезис из статьи: «Благодаря повсеместному распространению смартфонов и связанной с ними инфраструктуры появилась возможность **охватить людей из всех слоёв общества на глобальном уровне** для проведения устойчивых наблюдений» (полужирный мой. – *А. В.*) [1, с. 102].

Вопрос о качестве подобных «устойчивых наблюдений» как раз и обсуждается в статье С. В. Егерева в двух аспектах: технологическом и методическом.

Но в этой проблеме существует и более глубокий слой: семантика и прагматика этого устремления – *«охватить людей из всех слоёв общества на глобальном уровне»*. По существу, это меняет фундаментальные, институциональные и этические основы того, что мы называем «новоевропейской наукой». Меняется сам референт – «наука». И проблему эту, имеющую давние, онтологические корни, можно сформулировать так: Наука vs Демократия.

«Озабоченность научной грамотностью сама по себе может быть ответом на кризис легитимности науки в обществе. Но попытки совладать с этим кризисом с помощью кампаний за научную грамотность означают признание пропасти между работой учёных и тёмной публикой, чему мы не находим подтверждений за пределами элитаристских предрассудков. Если родившаяся в конце XVI в. формула Фрэнсиса Бэкона “знание – сила” верна, то любая попытка поделиться знанием без наделения властью не столько приблизит общество к науке, сколько приведёт к отчуждению», – считают итальянский социолог, профессор Массимиано Букки и ирландский специалист в области научных коммуникаций Брайан Тренч [4, с. 354–355].

Фактически Букки и Тренч говорят речь об «умалении божества науки» (в логике Иоанна Дамаскина (ок. 675 – ок. 753)), изменении самого статуса научного исследования. Если мы стремимся тотально распространить научные знания в обществе, значит, и демократическая власть над наукой должна принадлежать этому коллективному виртуальному субъекту – обществу. Но история науки не подтверждает эффективность такого сценария.

Известный канадский социолог и историк науки Ив Жэнгра отмечает, что ещё в 1830-е гг. Алексис де Токвиль привлёк внимание к проблеме отношений науки и демократии: «Согласно Токвилю, чистая наука, стремящаяся познать первопринципы, требует времени и размышления, которые являются в большей степени аристократическими ценностями. В то время как “естественная и неизбежная” тенденция демократических институтов – требовать от науки “лишь немедленных, практически полезных результатов”. Вместе с тем он допускает, что в демократических обществах “число занимающихся научной деятельностью... становится огромным”» [5, с. 17].

Об этом же и примерно в то же время, что и Токвиль, писал А. И. Герцен в известной своей работе «Дилетантизм в науке» (1843): «Современная наука начинает входить в ту пору зрелости, в которой обнаружение, отдание себя всем становится потребностью» [6, с. 30].

Объектом исследования А. И. Герцена в этой связи становятся «враг[и] современной науки; их мы понимаем под общим именем дилетантов и романтиков» [Там же, с. 4]. Кто же это такие? «Дилетантизм – любовь к науке, сопряжённая с совершенным отсутствием понимания её; он расплывается в своей любви по морю ве́дения и не может сосредоточиться, он доволен тем, что любит, и не достигает ничего, не печётся ни о чём, ни даже о взаимной любви; это – платоническая, романтическая страсть к науке, такая любовь к ней, от которой детей не бывает. <...> Дилетанты, это – люди предисловия, заглавного листа, люди, ходящие около горшка в то время, как другие едят» [Там же, с. 31].

Как видим, в первой половине XIX в. ситуация инфляционного (демократического) расширения сферы науки в обществе определялась несколько жёстче, чем «наука граждан». В таком случае, не имеем ли мы дело с тем, что можно было бы назвать «семантическим внушением»? Если так, то ризомный характер научного волонтёрства, «совместная исследовательская работа учёных и обычных людей» – это попытка замаскировать «под науку» принципиально другой смысловой конструкт, используя новое означающее («гражданская наука»). Публику пытаются убедить, что речь идёт именно о научном исследовании, в то время как референт – это уже не «наука». Даже адепты, приверженцы «партисипаторной науки» признают: «...предлагаемый термин остаётся проблемным: он предполагает нечто большее, чем простое участие любителей в исследовательском проекте» [2, с. 27]. Т. е. термин предполагает другого референта.

Как бы там ни было, но к появлению *citizen science* дело шло неуклонно. И в России тоже.

«Революция, перевернув всю жизнь в России, произвела огромный сдвиг и в деле просвещения, образования. В круг научных интересов сразу же оказались вовлечёнными массы таких людей, которые раньше оставались совершенно чуждыми этим интересам или же были лишены возможности их удовлетворять. Новые условия жизни пробудили огромную жажду знания и выдвинули целую армию молодых работников, которые это знание будут приобретать сами и распространять среди других» [7, с. 64], – такого рода декларации о необходимости и о неотвратимости тотальной демократизации науки в начале XX в. были характерной приметой времени.

Вот ещё один непосредственно относящийся к теме «наука граждан» пример: «Под “любителем науки” обычно понимается человек, для которого наука не является прямым, профессиональным занятием, но который, тем не менее, горячо ей предан; в часы досуга он нередко занимается ею не менее серьёзно, чем учёные специалисты. Однако к трудам любителей и их роли в науке относятся часто с явным презрением, как к тщетной попытке состязаться со специалистами. Подобное отношение к любителям замечается не только со стороны некоторых специалистов, но и в широкой публике, которая обыкновенно не допускает и мысли о возможности с пользой заниматься наукой, не числясь в разряде специалистов» [8, с. 1].

И всё это стало только симптомом того, что философ К. А. Свасьян определял как «вырождение *“науки”* в *“научно-технический прогресс”*...» [9, с. 398; курсив источника. – *А. В.*].

Чистая (фундаментальная) и практическая (прикладная) науки могут и не различаться в целях своих исследований. Но они обязательно различаются в способах (методах) достижения этих целей. Это различие, по-видимому, связано и с психологией, и с качеством социальных институтов, в среде которых существует (функционирует, развивается) наука.

Идеал «универсальной науки» *для всех* – это, действительно, лишь идеальная модель. А ещё это – символ и основной пафос популяризации науки. (Кстати, первый в точном смысле этого слова научно-популярный отечественный журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», который издавался в Санкт-Петербурге Императорской Академией наук с 1755 по 1764 г., имел девиз на титуле – «Для Всех».)

Итак, фундаментальная наука по своей природе противостоит демократическим институтам, которые требуют немедленных практических результатов. Ведь наличие свободного времени и способность к абстрактному, комбинаторному умозрению – в большей степени аристократические ценности. Но, парадоксальным образом, чем больше демократии, тем меньше интерес к научной теории.

Российский историк науки И. С. Дмитриев приводит такой пример: «Граф Антуан де Тибодо (A.-C. Thibaudeau; 1765–1854), современник и очевидец событий <якобинского террора времён Великой французской революции. – *А. В.*>, писал: "…среди революционных лидеров были такие, которые рассматривали просвещение как силу, враждебную свободе, а науку – как оплот аристократии <…> И если бы их правление продлилось дольше, или если бы им хватило смелости, они бы сожгли все библиотеки, перерезали горло всем учёным и погрузили бы мир во мрак…". И если без науки обойтись нельзя, то это должна была быть *их* наука, "*la science sansculotisée*" <наука без штанов. – *А. В.*>» [10, с. 163; курсив источника. – *А. В.*].

Но в этом же, кстати, – источник современного взрывоподобного интереса к научной популяризации, в т. ч. и в форме «науки граждан». Научная популяризация выполняет компенсаторную функцию в обществе – поддерживает минимально необходимый для функционирования уровень «эмульгированности» общества в отношении науки. Именно поэтому, пока наука была по большей части занятием аристократическим, научная популяризация и находилась в эмбриональном состоянии.

Технологии, подобные *citizen science,* и её частный случай *participatory sensing* – это, по существу, типичный и хорошо отработанный метод т. н. «коммуникативных технологий». Метод, который широко используется, например, в предвыборных кампаниях, в борьбе за электорат, за покупателей шампуней, за потребителей пива и проч. Опросы *«людей из всех слоёв общества на глобальном уровне»* (именно это и предполагает «кибернаука» граждан, вооружённых смартфонами и GPS-приёмниками) выполняют функцию провокации. А провокация – валюта в коммуникативном пространстве.

«От масс постоянно требуют, чтобы они подали свой голос, им навязывают социальность избирательных компаний, профсоюзных акций, сексуальных отношений, контроля за руководством, празднований, свободного выражения мнений и т. д., – подчёркивает французский философ Жан Бодрийяр. – Отсюда эта бомбардировка массы знаками, на которую ей полагается отвечать подобно эху. Её исследуют методом сходящихся волн, используя световые и лингвистические сигналы – совсем, как удалённые звёзды или ядра, которые бомбардируют частицами в циклотроне. На сцену выходит информация. Но не в плане коммуникации, не в плане передачи смысла, а как способ поддержания эмульсионности, реализации обратной связи и контролируемых цепных реакций… Высвобождаемая "энергия" массы должна быть направлена на построение "социального"» [11, с. 30–31].

Наконец, ещё одно соображение субъективного характера. Автор статьи «Кооперативное зондирование окружающей среды: опыт добровольческих проектов» С. В. Егерев пишет: «Следует обратить внимание и на уникальную возможность документирования субъективного восприятия окружающей среды. Такая возможность добавляет человеческий контекст к сухим данным» [1, с. 103].

Однако *«человеческий контекст к сухим данным»* – это уже не наука, а публицистика. Может быть, научная публицистика. Да и сам С. В. Егерев признаёт: «...такой подход применим главным образом для образовательных проектов, знакомящих школьников с особенностями окружающей среды. Для серьёзных измерений они не годятся» [Там же, с. 106]. Впрочем, и публицистика может быть объектом научного исследования.

Таким образом, хотя потенциал кооперативного зондирования велик, успешная реализация данной концепции требует решения не только многих технических, организационных, правовых вопросов, но и, добавим, онтологических вопросов существования научного знания.

Понятно, что дальнейшее развитие инфраструктуры сбора и хранения данных, создание единых стандартов и протоколов взаимодействия, а также разработка механизмов защиты информации от несанкционированного доступа и искажения – процесс неизбежный. Только тогда мы сможем уверенно говорить о полной реализации всех преимуществ данного метода и полном оправдании ожиданий учёных, инженеров и общественных организаций. Выиграет ли от этого сама наука – вопрос дискуссионный. И, кстати, это само по себе – хороший повод для *научного* анализа изменений, которые вносят методы подобные *participatory sensing* в ценностную структуру научного знания и научного сообщества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Егерев С. В.* Кооперативное зондирование окружающей среды: опыт добровольческих проектов // Управление наукой: теория и практика. 2026. Т. 8, № 1. С. 99–114. DOI 10.19181/smtp.2026.8.1.5. EDN OXQKYY.

2. Научное волонтёрство: делаем науку вместе / под ред. А. Борисовой-Сале, Я. Плехович. М. : Альпина нон-фикшн, 2025. 348 с. ISBN 978-5-00139-854-7.

3. *Полякова В. В., Стрельцова Е. А.* Научная грамотность и заблуждения населения // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ : [сайт]. 2022. 22 июня. URL: https://issek.hse.ru/news/663241006.html (дата обращения: 24.04.2026).

4. Пособие по общественным связям в науке и технологиях / под ред. М. Букки, Б. Тренча ; пер. с англ.: П. Дейниченко. М. : Альпина нон-фикшн, 2018. 592 с. ISBN 978-5-91671-696-2.

5. *Жэнгра И.* Социология науки / пер. с фр.: С. А. Гашков ; под ред. О. И. Кирчик. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 112 с. ISBN 978-5-7598-1526-6. DOI 10.17323/978-5-7598-1526-6. EDN XWSQKL.

6. *Герцен А. И.* Избранные философские сочинения. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1940. VIII, 424 с.

7. *Лойко В.* Как устраивать научные кружки // В мастерской природы. 1919. № 1. С. 64–68.

8. *Святский Д. О.* Роль любителя в науке // В мастерской природы. 1919. № 2. С. 1–7.

9. *Свасьян К. А.* Становление европейской науки. М. : Evidentis, 2002. 435, [3] с. ISBN 5-94610-009-2.

10. *Дмитриев И. С.* «Союз ума и фурий»: французское научное сообщество в эпоху революционного кризиса конца XVIII столетия и Первой империи. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2011. 468 с. ISBN 978-5-288-05151-7.

11. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. с фр.: Н. В. Суслов. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2000. 96 с. ISBN 5-7525-1130-5.

REFERENCES

1. Egerev S. V. Participatory environmental sensing: Experience of volunteer projects. *Science Management: Theory and Practice*. 2026;8(1):99–114. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2026.8.1.5.

2. Borisova-Sale A., Plekhovich Ya., eds. Citizen science: Let's do research together [Nauchnoe volonterstvo: delaem nauku vmeste]. Moscow : Alpina Non-Fiction; 2025. 348 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00139-854-7.

3. Polyakova V. V., Streltsova E. A. Scientific literacy and public misconceptions [Nauchnaya gramotnost' i zabluzhdeniya naseleniya]. *ISSEK HSE*. 2022. June 22. Available at: https://issek.hse.ru/news/663241006.html (accessed: 24.04.2026). (In Russ.).

4. Bucchi M., Trench B., eds. Routledge handbook of public communication of science and technology. Transl. from English by P. Deinichenko. Moscow : Alpina Non-Fiction; 2018. 592 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91671-696-2.

5. Gingras Yv. Sociologie des sciences. Transl. from French by S. A. Gashkov ; ed. by O. I. Kirchik. Moscow : HSE University Publishing House; 2017. 112 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-1526-6. DOI 10.17323/978-5-7598-1526-6.

6. Herzen A. I. Selected philosophical works [Izbrannye filosofskie sochineniya]. Moscow : State Socio-Economic Publishing House; 1940. viii, 424 p. (In Russ.).

7. Loyko V. How to organize science clubs [Kak ustraivat' nauchnye kruzhki]. *In Nature's Workshop=V masterskoi prirody*. 1919;(1):64–68. (In Russ.).

8. Svyatsky D. O. The role of the amateur in science [Rol' lyubitelya v nauke]. *In Nature's Workshop=V masterskoi prirody*. 1919;(2):1–7. (In Russ.).

9. Svasyan K. A. The development of European science [Stanovlenie evropeyskoy nauki]. Moscow : Evidentis; 2002. 435, [3] p. (In Russ.). ISBN 5-94610-009-2.

10. Dmitriev I. S. "Union of the mind and the furies": The French scientific community during the revolutionary crisis of the late 18th century and the First Empire [«Soyuz uma i furiy»: frantsuzskoe nauchnoe soobshchestvo v epokhu revolyutsionnogo krizisa kontsa XVIII stoletiya i Pervoy imperii]. St. Petersburg : St. Petersburg State University Press; 2011. 468 p. (In Russ.). ISBN 978-5-288-05151-7.

11. Baudrillard J. À l'ombre des majorités silencieuses ou la fin du social. Transl. from French by N. V. Suslov. Yekaterinburg : Ural University Press; 2000. 96 p. (In Russ.). ISBN 5-7525-1130-5.

Поступила в редакцию / Received 30.03.2026.
Одобрена после рецензирования / Revised 23.04.2026.
Принята к публикации / Accepted 04.06.2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ваганов Андрей Геннадьевич *andrewvag@gmail.com*

Ответственный редактор, приложение «НГ-наука», «Независимая газета»;
член Комиссии РАН по популяризации науки, Москва, Россия

SPIN-код: 8758-9251

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey G. Vaganov *andrewvag@gmail.com*

Executive Editor, NG-Nauka Supplement, Nezavisimaya Gazeta; Member,
RAS Committee for Popularization of Science, Moscow, Russia

Web of Science ResearcherID: F-9864-2016

DOI: 10.19181/smtp.2026.8.2.12

EDN: VFCQKL

Научная статья

Research article

О ВАЖНОСТИ ЧЁТКОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ В МЕТРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ, «ИМПАКТЕ» И КАЧЕСТВЕ НАУЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ. В КОНТЕКСТЕ РАССМОТРЕНИЯ МОНОГРАФИИ ОБ ОШИБКАХ В ОЦЕНКЕ НАУКИ

Лазарев
Владимир Станиславович[1]

[1] Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

Для цитирования: *Лазарев В. С.* О важности чёткого употребления терминологии в метрических исследованиях, «импакте» и качестве научных документов. В контексте рассмотрения монографии об ошибках в оценке науки // Управление наукой: теория и практика. 2026. Т. 8, № 2. С. 191–208. DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.12. EDN VFCQKL.

Аннотация. На примере монографии Ива Жэнгра «Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию» рассмотрены случаи терминологической неупорядоченности в метрических исследованиях как их характерной, распространённой проблемы. В центре анализа – произвольное употребление терминов «импакт» и «качество» (научных документов). Показано, что эти термины безосновательно трактуются как описывающие близкородственные понятия; термин «качество» также неверно употребляется как синоним термину «ценность». Также что касается термина «импакт», все примеры его употребления указывают на неуверенность автора рассматриваемой монографии в его значении; при этом автор данной статьи, разбирая употребления термина «импакт» в работе канадского учёного, развивает уже высказывавшуюся им точку зрения об избыточности данного термина, отсутствии у него конкретного специфического содержания, оправдывающего само его употребление.

Ключевые слова: неупорядоченное употребление терминологии, конкретность значений терминов, наукометрия, библиометрия, «импакт», воздействие, качество, ценность, научный документ

© Лазарев В. С., 2026

ON THE IMPORTANCE OF CLEAR TERMINOLOGY IN METRIC RESEARCH, ON IMPACT AND ON QUALITY OF SCIENTIFIC DOCUMENTS. IN THE CONTEXT OF REVIEWING A MONOGRAPH ON ERRORS IN THE EVALUATION OF SCIENCE

Vladimir S. Lazarev[1]

[1] Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

For citation: Lazarev V. S. On the importance of clear terminology in metric research, on impact and on quality of scientific documents. In the context of reviewing a monograph on errors in the evaluation of science. *Science Management: Theory and Practice.* 2026;8(2):191–208. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.12.

Abstract. Taking the monograph "Les dérives de l'évaluation de la recherche: Du bon usage de la bibliométrie" by Yves Gingras as an example, the article considers cases of terminological disorder in metric research as their typical and common problem. The analysis focuses primarily on the arbitrary use of the terms "impact" and "quality" (of scientific documents). It is shown that these terms are improperly interpreted as describing closely related concepts; the term "quality" is also inappropriately used as a synonym for the term "value". As for the term "impact", all examples of its use indicate the uncertainty of Gingras' attitude to its meaning; at the same time, the author of the present article, analyzing the use of the term "impact" in the monograph in question, develops the point of view he has already expressed about the redundancy of this term and the lack of a specific content justifying its usage.

Keywords: disordered use of terms, specificity of terms' meanings, scientometrics, bibliometrics, impact, influence, quality, value, scientific document

Как отмечал профессор В. М. Тютюнник, «если с бытовой точки зрения некие термины смело рассматриваются как синонимы (важность, значимость, полезность, ценность...), то в науке каждый термин несёт самостоятельный смысл, а отсюда и иное понимание, иные показатели и параметры для расчётов их значений, иные выводы и, в конечном счёте, иное представление объективной реальности» [1, с. 6]. Это замечание было сделано в связи с разбором моей работы [2], в которой, по мнению В. М. Тютюнника, автор «тщательным сравнительным анализом показал исключительную важность точного употребления терминологии в научных исследованиях» [1, с. 6].

Эти цитаты я привёл, во-первых, для того, чтобы избежать длительных авторских обоснований важности точного терминоупотребления в наукометрии и библиометрии. И во-вторых – с целью уменьшения объёма «самовосхвалений»: ведь именно так зачастую воспринимается обильное авторское самоцитирование, неизбежное при таком обосновании. А так оценка аспекта моей деятельности, направленного на достижение чёткости, непротиворечивости и однозначности в употреблении применяемой в метрических исследованиях терминологии, на уточнение самого их содержания, формулируется не мной,

а уважаемым цитирующим автором... Всё же считаю необходимым напомнить хотя бы о некоторых своих работах, посвящённых, к примеру, понятиям «ценность научного документа» [3; 4], «использование научного документа» [4], «импакт» («воздействие»[1]) [7] (в цитируемой работе было, в частности, показано *отсутствие удовлетворительного определения данного понятия* [7, с. 72], которое авторитетные специалисты готовы, тем не менее, признать «ключевым термином» в наукометрии [10, p. 647]), «качество научного документа» [11]; в уже упомянутой работе [2] были с разной степенью подробности рассмотрены термины «импакт», «важность», «ценность», «полезность», «качество» [2, с. 17–51]... В этих и других работах (начиная с публикации уже далёкого 1996 г. [12]) я пытался бороться за точность и строгость значений терминов, указывающих на свойства научных документов, которые употребляются в метрических исследованиях.

Однако за весьма малочисленными исключениями (например, работа [13], автор которой решительно перешёл на обоснованные мной трактовки терминов «ценность» и «качество» научных документов), практический эффект этих попыток, строго говоря, ничтожен. И это побуждает продолжить привлечение читательского внимания к характерным проявлениям терминологической чехарды – особенно в тех случаях, когда она присуща *достойным, незаурядным*

---

[1] Убеждён, что такие переводы слова “impact”, как «вклад» и «влияние», искажают смысл понятия «импакт»: ведь понятие «вклад» передаётся прежде всего словом “contribution”, а «влияние» – прежде всего словом “influence”; и это – слова, которые не воспринимаются как полные синонимы слова “impact”. При этом со словом “contribution” лучше ассоциируется вклад в виде совокупности самих научных документов как чего-то более вещественного, нежели совокупность билиографических ссылок на них. Со словом же “impact” лучше ассоциируются именно ссылки в цитирующем документе. Это объясняется тем, что среди значений слова “impact” есть и такое: «удар или сила столкновения (соударения)» (“a collision, or the force of a collision”) [5], с которой один объект ударяется о другой, и это значение, как представляется, даёт некий ключ к переводу библиометрического термина. В самом деле, если один объект «ударяется» о другой, очевидно, что данный «удар» оставляет на «ударенном объекте» некий след, некую «отметину». Такой след легко представить себе в виде библиографической ссылки, появившейся в «ударенном» документе, а русское слово «воздействие» вполне ассоциируется с «силой удара/столкновения»; причём можно сказать, что само «воздействие» отображается в библиографических ссылках как «отметинах». Напротив, «влияние» представляется отображённым в виде более эфемерных, т. е. душевных или духовных «следов», сиречь *впечатлений*. При этом, если считать, что “impact” (“воздействие”) отображается в ссылках (здесь – констататация существования данной точки зрения без её оценки), то «[е]сли кто-то хочет знать, какое *влияние* оказало то или иное исследование, есть только один способ, которым следует для этого воспользоваться: отправиться к лабораторному столу, “приклеиться” к учёному, когда он работает и обменивается мнениями с его коллегами, пошарить в его рабочих блокнотах, обратить пристальное внимание на то, что он читает, и тщательно рассмотреть его культурную среду» [6, p. 442; здесь и далее пер. мой; выделено мной. – *В. Л.*]. Даже если это было сказано в шутку, это вполне отграничивает «влияние» от «воздействия» применительно к вопросам оценки научной деятельности. Мало того, поскольку проведённый в [7] анализ показал, что, коль скоро интуитивно наиболее понятными из рассмотренных в этой работе трактовками «воздействия» являются представления о нём как о *сильном* («мощном», «значительном») влиянии» [7, с. 71–72], ясно, что слово «влияние» без каких-либо дополнительных уточнений – действительно неудачный вариант перевода термина “impact”. В контексте изложенного следует признать, что наличие в русском языке определения, согласно которому влияние – это «действие, оказываемое кем-чем-нибудь на кого-что-нибудь, воздействие» (см., например, [8]), т. е. – синоним слову «воздействие», равно как тот факт, что ряд англоязычных авторов воспринимают в наукометрическом контексте пару английских слов “impact” – “influence” как синонимы, на сформулированный выше вывод повлиять уже не могут.
Что касается смешения терминов «воздействие» и «вклад», то, судя по доступной автору литературе, это случается реже. Упомянем, однако, что одним из аргументов того, что слова «воздействие» и «вклад» не могут употребляться в метрическом контексте как полные синонимы, является, к примеру, ассоциирование «воздействия» не просто с «вкладом», а со «*значительным* вкладом» [9; выделено мной. – *В. Л.*]. Здесь видна аналогия с «сильным влиянием».

библио-/наукометрическим работам, как бы оттеняя их потенциал быть ещё сильнее и полезнее.

И в этой связи не могла не привлечь моего внимания книга Ива Жэнгра «Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию» [14]. Конечно, непростительным является то, что книга, вышедшая в русском переводе в 2018 г. и получившая рецензию в данном журнале в начале 2019 г. [15], попала в поле моего зрения только сейчас. Зато моё жаркое согласие со взглядами её автора [14] по ряду принципиальнейших вопросов метрической оценки научных публикаций и научной деятельности вкупе с моим глубоким раздражением по поводу терминологической небрежности изложения взглядов автора (неизменно ведущей к концептуальной приблизительности) формирует весьма специфическое, действительно особенное впечатление от прочитанного.

Начнём с несомненных достоинств книги. Отметим, что Ив Жэнгра развенчивает – как с несомненной научной убедительностью, так и с ярко выраженной эмоциональностью – неправомочное применение «импакт-фактора» для оценки отдельных статей и их авторов, ниспровергает миф об «индексе Хирша» как приемлемом и даже предпочтительном инструменте оценки (указывая, в частности, что заложенная в нём попытка отразить одной цифрой и количественные характеристики продуктивности учёного и качество его публикаций не характеризует в действительности ни первого, ни второго [Там же, с. 68]), жёстко аргументирует методологическую несостоятельность университетских рейтингов. Например:

«Шанхайский рейтинг университетов даёт в этом смысле наилучший пример того, как делать не надо: в нём намешаны одновременно ссылки, Нобелевские премии и статьи в ведущих журналах, и всем этим критериям назначены веса абсолютно произвольным образом, чтобы в конечном счёте получить одну цифру. Складывая столы со стульями таким образом, невозможно определить причину вариаций итогового показателя» [Там же, с. 106].

Разумеется, этим достоинства книги не исчерпываются. К примеру, если и до И. Жэнгра было достаточно убедительных публикаций, показывающих нелепость привлечения «импакт-фактора» журнала для оценки отдельных статей или исследователей-авторов, то Ив Жэнгра при рассмотрении «импакт-фактора» демонстрацией нелепости его нецелевого применения не ограничивается. Вот какой убийственный пример приводит он, разбирая использование «импакт-фактора» *по назначению*:

«[Р]ассмотрим список экономических журналов в Web of Science (WoS) за 2011 год. Разумеется, среди 256 журналов довольно мало изданий имеют совершенно одинаковые импакт-факторы с четырьмя значащими цифрами (только у трёх журналов ИФ равняется 1,000, у двух – 0,757, у трёх – 0,743 и т. п.), что позволяет присваивать журналам, например, 22-е или 24-е место, как если бы за ними стояли существенные различия. Но поскольку невозможно всерьёз считать, что эти десятые или тысячные имеют какое-либо действительное значение, рассмотрим рейтинг, составленный из целых чисел. В этом случае видно, что лишь два журнала стоят далеко впереди всех остальных, имея ИФ, равные 9 (*Journal of Economic Literature*) и 6 (*Quarterly Journal of Economics*). За ними идут два журнала с ИФ, равным 4, 12 – с ИФ, равным 3, и… 31 – с ИФ, равным 2.

И наконец, у 118 журналов ИФ равен 1. Иными словами, невозможно провести рейтингование внутри каждой из этих больших групп, и добавление знаков после запятой – это не что иное, как произвольный способ конструирования искусственных рейтингов. Возможно, экономист скажет нам, что десятые доли бывают полезны, но даже при их учёте остаётся четыре журнала с одинаковым ИФ, равным 2,7 (11–14-е места рейтинга), и 18 – в почётной компании *World Bank Economic Review* — с ИФ, равным 1,1 (70–87-е места). Таким образом, эта кажущаяся точность оказывается иллюзией» [Там же, с. 78].

Должен признаться: логика этого примера была для меня неожиданной, а противопоставить ей было нечего. Да, конечно, при оценке журналов по принадлежности к квартилям аргументация приведённых примеров бессмысленной расстановки журналов «по местам» сразу теряет силу, но мне практика оценки журналов по принадлежности к квартилям, к примеру, не мешала составлять ранжированные списки журналов с учётом трёх знаков после запятой (пусть и с привлечением не классического, а «дисциплинарного» «импакт-фактора» [16; 17]) – равно как и с трепетом следить за самыми незначительными изменениями значений «импакт-фактора» журналов собственной организации. Так что – туше.

Но и просто напоминает об очевидном Ив Жэнгра тоже очень кстати. Вот, например, его рассуждение об индексе Хирша:

«Сравним два случая: молодой исследователь опубликовал только три статьи, но каждую из них процитировали 60 раз (за фиксированный промежуток времени); второй исследователь того же возраста более плодотворен и имеет в активе 10 статей, каждая из которых процитирована 11 раз. Последний имеет, таким образом, индекс Хирша 10, тогда как первый – всего 3. Можно ли на основании этого заключить, что второй в три раза лучше, чем первый, и поэтому его нужно взять на работу или повысить в должности? Разумеется, нет...» [14, с. 69].

Так вот, в течение последних минимум восьми лет мне приходилось не раз предъявлять подобную аргументацию, но порой «ослеплённые Хиршем» требовали у меня в ответ *ссылку на убедительные аргументы авторитетного автора*. (Здравого смысла ослеплённым бывает недостаточно.) Такая ссылка мне теперь известна[2].

Ив Жэнгра формулирует основные требования, предъявляемые к хорошему библиометрическому показателю. Помимо очевидного (и между тем столь часто не выполняемого) требования адекватности показателя «измеряемому объекту» [14, с. 104–105], такими требованиями, согласно канадскому исследователю, являются «однородность» показателя (здесь вспомним уже упомянутый запрет на суммирование, говоря метафорически, количества столов с количеством стульев)

[2] Конечно, весьма авторитетен (однако в кругах метристов, а не «администраторов науки») Лейденский манифест для наукометрии [18]; при этом само название документа как бы добавляет его аргументам убедительности. В нём упоминается и про нелепые трактовки «индекса Хирша», и про несостоятельность Шанхайского рейтинга, и про «одержимость импакт-фактором», но – очень коротко (по сравнению с монографией [14]) и *не всегда достаточно эмоционально*. Поэтому, напротив, аргументация [14] воспринимается куда убедительнее. Здесь же вскользь отметим, что складывается впечатление, что авторы Лейденского манифеста [18] многим обязаны автору монографии [14] при формулировании опубликованной в манифесте аргументации.

[Там же, с. 105–106] и его «соответствие инерции объекта» [Там же, с. 107–109] с учётом того, что «академические институции, сродни неповоротливым танкерам, неспособным быстро менять курс (оно и к лучшему, ведь это избавляет их от необходимости реагировать на сиюминутные, а порой и пустые требования») [Там же, с. 107]. Т. е., грубо говоря, «если рейтинг показывает, что некоторая институция за один год переместилась с первого на шестое место или с восьмого на второе, то это явно означает, что используемый показатель дефективен или крайне неточен, а вовсе не то, что качество институции резко изменилось!» [Там же, с. 107–108].

Достоинством рассматриваемой книги является и опровержение в ней «некоторых расхожих мнени[й] по поводу практик цитирования» [Там же, с. 48–52]. Например, считается (меня всегда это удивляло, т. к. на практике я и видел, и делал обратное), «что цитируются только статьи менее четырёх-пятилетней давности и что быстрый рост числа публикаций только усиливает тенденцию ссылаться на самые свежие результаты» [Там же, с. 49]. Однако Ив Жэнгра приводит данные о том, что «глобальное исследование временно́й динамики среднего (или даже медианного) возраста ссылок показывает, что на самом деле в последние тридцать лет он только увеличивается» [Там же]. Он также полемизирует с точкой зрения о якобы нежелательных последствиях учёта цитирований ошибочных и поддельных результатов, и в ходе этой полемики формулирует следующее методологически плодотворное положение:

«Анализ цитирования также позволяет исследовать пути рецепции той или иной теории, не вынося при этом суждения о её истинности или ложности, ведь этот аспект скорее относится к прерогативам самого научного сообщества» [Там же, с. 50].

Как о несомненном достоинстве книги можно также упомянуть об анализе видов «интеллектуального мошенничества», направленного на повышение величин библиометрических показателей [Там же, с. 121–127].

Однако хватит о достоинствах. Автор этих строк получил огромное интеллектуальное удовольствие от ряда мест этой книги… но также и испытал недюжинное раздражение от того, как расхристанно может использоваться в ней терминология.

Начнём с термина «импакт». Именно применительно к термину, который был назван «ключевым термином» в наукометрии [10, p. 647], *не получив при этом удовлетворительного определения* [7][3], термину, столь часто употребляемому

[3] Рассмотрение научной литературы и словарных определений, относящихся к этой проблеме [7], показало следующие интерпретации значений термина “impact”: 1) синоним слову “influence” («влияние») [19, p. 111; 20, p. 635]; 2) понятие, которое не выходит за рамки понятия «сильное впечатление» [см.: 21, p. 1131]; 3) понятие, совпадающее со значением термина «пертинентность» – как видно из сравнения определения “impact”, данного Р. М. Паттоном с соавт. [9], с определением «пертинентности», приведённым в терминологическом стандарте [22, entry 3.10.3.10]. Далее, (4) термин может обозначать просто технический индикатор, а *не* отображаемое им понятие. Так, в известной статье С. и Дж. Р. Коулов 1967 г. [23], к примеру, вначале термин “impact” («воздействие») употребляется безо всяких объяснений и без определения его значения – просто как характеристика, отражаемая цитируемостью! [Ibid., p. 380]. Но далее в статье обсуждение идёт в контексте применения метода «цитат-анализ» для оценки *качества* цитируемых научных документов, так что фактически из работы [Ibid.] вытекает, что (5) «импакт» не отличим от качества. И первое крепкое звено для обоснования такой точки зрения, такой аргументации в работе американских учёных есть: «С точки зрения системы науки, ссылки указывают на воздействие соответствующего раздела исследования; с точки же зрения отдельного учёного, ссылки являются своеобразным выражением признательности» [Ibid., p. 388].

как в публикациях метрических исследований вообще, так и в работе И. Жэнгра в частности, следовало бы ожидать исчерпывающе строгой его трактовки именно в этой монографии – книге, посвящённой ошибкам в метрической оценке! Между тем его определением здесь и не пахнет. Рассмотрим же употребления данного термина в [14] в контекстах, которые обещают если не изложение трактовки или определение термина И. Жэнгра, то хотя бы приблизительное указание на то, какие взгляды на «импакт» он разделяет.

В самом начале книги «импакт» называется наряду с качеством в качестве оцениваемого свойства исследовательских работ: «...количество публикаций, а главное, число ссылок на них стали показателем качества и импакта их работ» [Там же, с. 7]. Следует ли из этой формулировки, что её автор воспринимает «импакт» и «качество» как «родственные» свойства? Вообще-то восприятие «импакта» и «качества» как «родственных» (порой до полной неразличимости) свойств характерно для весьма значительной части метрической литературы (например, С. и Дж. Р. Коулы в 1966 г. считали, что по уровню цитируемости «измеряется» (т. е. количественно оценивается) как «качество», так и «импакт» цитируемой публикации [25, p. 4; 26, p. 287–288]. (При этом уточнялось, что мерилом качества является «импакт», а мерой «импакта» – цитируемость[4] [25, p. 4; 26, p. 288].) И лишь через годы эти авторы задались таким вопросом: а применительно к публикациям, содержащим «плодотворные ошибки», «ссылки <...> отображают “импакт”, качество или и то, и другое?» [Ibid., p. 293]. Ответ был дан такой: в этом случае отображается «импакт», но не качество [Ibid.]. Также известна трактовка «импакта» как «важного аспекта качества» [27, p. 104], как бы своеобразной его «составной части»[5]. Для авторов-наукометристов типично также предполагать, «что количество цитирований статьи... в литературе

Здесь остаётся только добавить, что признательность выражают за *качественные* работы. (Другое дело, что давно установлено, что предположения о стабильном сознательном отборе цитирующими авторами ссылок на наиболее качественные работы и о желании вернуть интеллектуальные долги цитируемым авторам как основном мотиве цитирования действительности не соответствует [6; 24]; поэтому отождествление или увязывание «воздействия» с качеством представляются бесперспективным.) При этом восприятие термина «импакт» как чисто технического (4) вообще не касается существа вопроса; трактовки (1) и (3) по существу объявляют об избыточности термина “impact”, трактовка (2) не раскрывает его специфической сущности и также неудовлетворительна (легко представить «воздействие» без осознанного впечатления, а впечатление не обязательно вызовет «воздействие»). С учётом изложенного и был сделан вывод о том, что удовлетворительного определения термина “impact” («воздействие») не существует [7, с. 72].
За годы, прошедшие со времени публикации статьи [7], мне не довелось встретить публикаций, которые принципиально изменили бы бегло очерченную в данной сноске картину. (Это, разумеется, не обозначает, что нет необходимости в дальнейших дополнениях и уточнениях изложенного в ней. Сноска 7 – пример такого дополнения.)

[4] Вновь термин «импакт» выглядит избыточным.

[5] Обозревая популярные представления о метрической оценке качества, авторы статьи [27] пишут, что, хотя единственно возможной оценкой качества является экспертная оценка, «цитируемые работы имеют определённое воздействие на авторов цитирующей работы, и их полезность и воздействие (“impact”) являются аспектами качества исследований. Наблюдение, что цитируемость указывает на использование и, следовательно, на полезность, а также на воздействие, являются основным аргументом использования их в качестве индикатора качества» [Ibid., p. 103]. И далее: «...хотя с помощью этого вида оценочного метода нельзя измерить качество per se, но можно измерить “важный аспект качества”» [Ibid., p. 104]. При этом в той же работе указано, что «вообще не ясно, что в действительности является качеством исследований. Циркулирующие вокруг этой темы дискуссии приводят к утверждениям вроде того, что... качество исследований – комплексное, зависящее от области исследования свойство, о котором окончательно могут судить только члены научного сообщества. Это отрицает возможность какой-либо оценки исследовательской деятельности, кроме экспертной» [Ibid., p. 103].

за определённый период отражает воздействие, которое оказала статья, и, следовательно, является достоверным показателем качества статьи…» [28, p. 27]. (И почему-то при этом «неважно», что, как признаётся тем же автором, хотя «[м]ногие из мотивов <цитирования> связаны с воздействием (“impact”) или качеством, но также предполагается, что статьи могут цитироваться по причинам, отличным от важности, влияния, оригинальности или пользы» [Ibid., p. 28] – кстати, обратите внимание, как здесь множатся наименования предполагаемо отображаемых свойств – как будто задача автора состоит не в том, чтобы прояснить, а в том, чтобы запутать. И будто бы неважно и то, что «статья среднего качества может привлечь большое количество ссылок…» [Ibid., p. 30]. Впрочем, здесь «импакт» уже не упомянут[6].)

Вся эта чехарда (вызванная, как представляется, искусственностью самого понятия «импакт») весьма привычна. Примеров можно было бы привести очень много[7], но от рассматриваемой монографии, давшей бой многим мифам и недоразумениям метрических исследований, ожидалось совсем иного уровня чёткости в данном вопросе.

Но действительно ли «качество» и «импакт» научного документа являются столь далёкими друг от друга понятиями, что любая формулировка, намекающая на их «родственность» и возможность их смешения является «крамольной», а упоминание их как свойств, равным образом отражаемых уровнем цитирования документов, – дезориентирующим? Для ответа на этот вопрос бросим беглый взгляд на определения *качества*.

В действительности трактовка качества гораздо понятнее, чем трактовка «импакта». В общем виде качество – это «степень, с которой присущие характеристики… объекта… соответствуют требованиям» [31, entry 3.6.2] или «совокупность свойств и характеристик… продукта или услуги… которые влияют на их способность удовлетворять заявленные или подразумеваемые потребности» [22, entry 3.1.3.01]. Заметим: требования – это «потребность или ожидание, которые заявлены, *обычно подразумеваются* или обязательны» [31, entry 3.6.4; выделено мной. – *В. Л.*], т. е. оно также может быть как сформулировано (или даже задокументировано), так и просто *подразумеваться*. Удовлетворение потребностей – также, возможно, всего лишь *подразумеваемых* [22, entry 3.1.3.01]. По-видимому, все эти формулировки предполагают, что

[6] Зато о нём упоминают при развитии следующей мысли: «…спорная статья низкого качества, и даже “ошибочная” статья может оказать большое “воздействие”, стимулируя дальнейшие исследования, направленные на её улучшение или опровержение» [29, p. 71].

[7] Вот ещё один пример, привести который (хотя и с сокращениями) может быть важным потому, что он содержится *в официальном отчёте* Объединенного *комитета по количественной оценке исследований*, подписанного специалистами из трёх стран: «Термин “воздействие” (“импакт”) стал обобщающим словом, используемым для присвоения значения цитатам…» [30, p. 10]. Но каково же это значение? Слова, для которых «“импакт” стал обобщающим словом», это – «качество», «ценность», «влияние» и «интеллектуальный долг» [Ibid.]. Получается, что “impact” – синоним любого из них?.. И далее: «…термин… подразумевает, что цитирующая статья была “основана” на работе цитируемого автора – что цитирования являются механизмом, с помощью которого распространяются исследования» [Ibid., p. 11]. Проясняет ли дело такая трактовка? Рассуждение о том, что «цитирования являются механизмом» скорее запутывает, чем уточняет сказанное в первое части фразы. Да и сама её первая часть с указанием на то, что цитирующее основано на цитируемом, по сути говорит немного: всегда было известно, что цитируемые документы связаны с цитирующими, но в чём специфика этой «основанности», почему-то потребовавшей нового термина «импакт» – слова, которое к тому же может обозначать и «качество», и «ценность», и «влияние» и «интеллектуальный долг»?! Вновь задаёшься вопросом, имеет ли вообще это слово собственное значение в метрических исследованиях.

оценка качества – это оценка потенциала, а не оценка его реализации. В этой связи отметим также, что в определении требования [31, entry 3.6.4] рядом со словом «потребность» стоит слово «ожидание», которое ассоциируется скорее с априорной, умозрительной оценкой. На практике «качество... товара оценивают *до* того, как направить его потребителю» [4, с. 172]: ярчайшим примером является рецензирование статей до их предполагаемой публикации. В определениях качества нет никаких указаний на то, что способность удовлетворять потребности должна оцениваться в соответствии с их фактическим удовлетворением, которое уже имело место, т. е. в зависимости от использования объекта как эмпирической проверки способности к удовлетворению потребностей.

Каковы же эти подразумеваемые требования применительно к научным документам? В старом определении качества Б. Мартина и Дж. Ирвина упомянуты такие «неотъемлемые характеристики», как «насколько хорошо было проведено исследование, не содержит ли оно очевидных “ошибок”... насколько оригинальны выводы и т. д.» [29, p. 70]. В статье подчёркнуто, что «качество» и «импакт» – *разные* свойства. М. Рикер определяет такие требования, как «значительный вклад в современные знания и расширение научных границ, креативность, ясность изложения и, возможно, применение» [32, p. 1852]. Заметим: *применение*, которое можно определить только a posteriori, названо в качестве требования *предположительного*. Но это и понятно: всё остальное, названное выше в цитируемых определениях, поддается экспертной оценке *до* использования документа. Как и *до* публикации (рутинное рецензирование статей, поданных в печать)[8].

Ещё одна цитата. «Как может быть измерено[9] качество? Наиболее обычный метод заключается в том, чтобы попросить других представителей той же области оценить качество публикации. Само качество оценки при этом, конечно, зависит от знаний и объективности оценивающего» [28, p. 27]. Речь идёт об экспертной оценке, отнюдь не о цитируемости. И далее: «Воздействие, влияние и качество – однозначно *не* синонимы» [Ibid.; выделено мной. – *В. Л.*]. «[К]ачество познаётся... вне процесса... использования объекта и удовлетворения с его помощью конкретных нужд... причём познание строго зависит от познающего субъекта и осуществляется с помощью некоего идеального стандарта...» [12, p. 274], – к такому пониманию автор этих строк пришёл ещё в 1996 г. Х. Ф. Моэд с соавт. различают «когнитивное качество, методологическое качество и эстетическое качество» [33, p. 134], но из их статьи очевидна необходимость сравнения содержания документа с *подразумеваемыми требованиями или ожиданиями* применительно к любому «типу» качества.

Итак, оценка качества научного документа – это априорная экспертная оценка. Оценка же «импакта» осуществляется путём цитат-анализа, a posteriori. Это – совершенно разные вещи (в т. ч. и разные по добротности их определённости в метрических исследованиях); так к чему их смешивать?

Можно, конечно, сказать, что многие так делают, да только от автора столь успешной в целом книги амбициозной тематики ожидаешь большего.

---

[8] Этот и предыдущий абзацы являются вынужденным частичным пересказом маленького фрагмента моей статьи [11, с. 11].

[9] Правильно сказать: «количественно оценено».

Между тем в разделе, посвящённом «эпидемии индекса Хирша», проф. Жэнгра пишет о данном показателе, что «[в] действительности этот индекс не измеряет ни количество… ни *качество или импакт*» [14, с. 68; выделено мной. – *В. Л.*]. Эта формулировка выглядит как пример неправомочного употребления автором [14] терминов «качество» и «импакт» вообще в качестве синонимов.

Смотрим далее в книге И. Жэнгра: «Чтобы отследить импакт, применение или результаты (*outcomes* – менее чёткий, но более широкий по охвату термин, чем "импакт"), можно прибегнуть к анализу цитирования статей, промышленного внедрения идей или, к примеру, занятости дипломированных специалистов» [Там же, с. 93–94]. Не будем задаваться вопросом: «Импакт чего?». (Хотя и надо: ведь цитирование *статей*, внедрение *идей* и занятость *специалистов* – это совершенно разнородные показатели. Причём «идею» – в отличие от документа и специалиста – напрямую не учтёшь!) Отметим лишь, что «импакт» здесь стоит в одном ряду с использованием (цитирование, внедрение) и деятельностью (занятость специалистов). Всё, что из этого отрывка можно «выжать» в концептуальном плане, – это невозможность априорной оценки «импакта». Но «воздействие» – это уже в силу самого значения слова то, что *состоялось*. Так что с этой формулировкой мы вновь никуда не продвинулись.

Далее. И. Жэнгра пишет: «Но представим, что требуется оценить научный импакт отдельного автора. Разумеется, можно провести опрос экспертов из той же области знания и предложить им расположить данного автора на некой шкале. Можно также предположить, что *показателем* этого научного импакта являются ссылки на его работы. Но недостаточно просто это постановить; нужно сначала протестировать наличие этой связи…» [Там же, с. 104]. Тут не успеваешь порадоваться мудрости последней фразы, как с горечью понимаешь, что, к сожалению, в рассматриваемой системе оценки «импакта» вновь не определено *само понятие* «импакт».

А как И. Жэнгра предлагает протестировать наличие связи между научным импактом и цитируемостью? А вот как: «…выявив отношение между результатом анализа ссылок и другим, *независимым* от него индикатором. И действительно… наличие корреляции между уровнем цитируемости и репутацией, оцениваемой на основании полученных премий и научных званий, с 1970-х годов было неоднократно продемонстрировано в работах по социологии науки и библиометрии» [Там же].

Но что же из этого следует? «Уровень репутаций» непосредственно указывает на *престиж* авторов, но ведь «импакт» не был определён как престиж! Воздействие либо имеет место, либо нет, но *признание* за состоявшееся воздействие может и не наступить. И никакое это не исключение. Равно как не являются неслыханно редкими и дутые репутации специалистов, не оказавших на свою научную область реального воздействия. И то, что результаты хорошо коррелируют, достоверно указывает лишь на вероятностную связь между результатами оценки *использования работ учёных* (действительно отображённого в цитируемости) и репутации их авторов. Какая-то – и даже большая и бóльшая – часть использований может быть основной причиной высокой репутации, но это – хотя и выглядит очевидным – не доказано.

При этом использования указывают на *ценность* научных документов – в соответствии с самим определением ценности как свойства, – а вовсе не на «импакт» [4]. Итак, констатация неоднократно находимой корреляции «между уровнем цитируемости и репутацией» [14, с. 104] не свидетельствует об адекватности анализа ссылок как метода оценки именно «импакта».

Приведу аналогию. В своё время было обнаружено, что в некоей научной области корреляция между данными о запросах на научную периодику по МБА и цитируемостью этих периодических изданий не является удовлетворительной, вследствие чего автор проведённой работы объявила цитат-анализ неудовлетворительным методом оценки использования документов [34]. Но надо ли доказывать, что данные методы отражают *различные* аспекты использования?! И даже не касаясь разницы между чтением и цитированием, как можно не понять, что один и тот же источник можно затребовать для прочтения десятки раз, но никогда не процитировать, – а можно десятки раз цитировать один и тот же материал, затребованный для чтения лишь однажды? Но, если считать, как это делает автор [34], анализ запросов эталонным методом, получится, что в первом случае выявлено в десятки раз более активное использование. Что есть явный абсурд. Но в том-то и дело, что в реальной практике метрических исследований едва ли можно представить себе метод, являющийся эталонным. Вообще пора вспомнить, что ещё в 1988 г. В. М. Мотылёв, обсуждая вопрос оценивания «адекватност[и] показателя замещаемому свойству», которое «зависит от тесноты связи между замещаемым и замещающим свойствами» [35, с. 45] в количественных исследованиях в библиотековедении, отмечал, что «обоснование валидности показателя может быть проведено лишь с помощью вербальных рассуждений» [Там же].

Заметим, что в нашем примере изучение корреляции ничего не доказывает, хотя применительно к обоим методам оценки и нет вопроса об оцениваемой характеристике: это использование, суть которого куда более понятна [4, с. 183–187], нежели суть «импакта». В примере же И. Жэнгра с пониманием сути оцениваемого свойства ситуация куда хуже. Мало того, в статье «Трансформация научной статьи: от знания к отчётности», опубликованной волей русскоязычного издателя работ И. Жэнгра под той же обложкой, что и рассматриваемая монография [36] (это решение можно лишь приветствовать), прямо сказано, что «по-прежнему остаётся неуловимой суть этого самого “импакта”» [Там же, с. 145][10]. А между тем «[*о*]*тсутствие однозначного соответствия между показателем и описываемым им свойством требует в каждом количественном исследовании проводить глубокий теоретический анализ сущности изучаемых свойств объектов* (явлений, процессов, предметов) и обосновывать предлагаемые показатели для описания этих свойств» [35, с. 43–44; курсив источника. – *В. Л.*]. Нужен анализ «неуловимой сути»!

Фраза о «неуловимой сути» (не попросту отсутствующей ли?) в общем-то достойна того, чтобы привести её полностью:

«Расширяя арсенал библиометрии, метрики заметности публикаций в интернете по-своему способствуют измерительной лихорадке вокруг “импакта”

[10] В переводе этой же статьи на английский язык: “…the exact meaning of those ‘impacts’ remains evanescent” [37, p. 50].

академических исследований, хотя при этом *по-прежнему остаётся неуловимой* суть этого самого “импакта”» [36, с. 145; выделено мной. – *В. Л.*].

Делаю эмоциональное заявление: этим «по-прежнему» сказано очень многое! В действительности мы не знали тогда и не знаем сейчас, что же такое «импакт», поскольку на самом деле тем свойством научных документов, которое адекватно отображается в их цитируемости является не их «импакт» (не имеющий научного определения) и не «качество» (см. определения выше), а *ценность* – свойство, характеризуемое *использованием*, которое и отображается цитируемостью непосредственно [38; 2–4]. К сожалению, в отличие от статьи [36; 37], стиль самой монографии [14] намекает скорее на общеизвестность или интуитивную понятность сущности импакта. Автор [14] мог смело характеризовать методики оценки как некорректные, но уровень постижения сущности понятия «импакта» был у него вне критики. А между тем все рассуждения об «импакте» заиграли бы в книге совсем по-другому, если бы признание хотя бы неуловимости его сущности (не говоря уже об избыточности самого понятия «импакт») было сделано исходно. Если, согласно И. Жэнгра, «аргументированная критика ошибочного применения бенчмаркинга имеет больше смысла, чем бессильное признание его неизбежности…» [Там же, с. 127], то и признание незнания сущности «импакта» кажется более плодотворным, чем отождествление его то с качеством, то с престижем, то ещё с чем-то.

…Итак, мы помним, что в монографии «Ошибки в оценке науки» содержится формулировка: «…количество публикаций, а главное, число ссылок на них стали показателем качества и импакта их работ» [Там же, с. 7]. После рассмотрения сказонного И. Жэнгра об «импакте», зададимся вопросом: что он сообщает в своей книге о качестве и его оценке?

Увы, определение качества также отсутствует, а констатация того, что «[с] середины 1970-х годов в научном сообществе стали придавать всё большую значимость цитатам как мере качества исследований…» [Там же, с. 54], это – практически всё, что в книге сказано о качестве как свойстве научных документов, предполагаемо отображаемого их цитируемостью. При этом внимание не было уделено важнейшей, на взгляд автора этих строк, характеристике такого отображения, а именно тому, что «цитируемость… достаточно успешно может быть использована для оценки качества, – но как *вероятностный, а не как каузальный его показатель*» [11, с. 17; выделено сейчас. – *В. Л.*], т. к. она «часто демонстрирует хорошую согласованность с результатами экспертной оценки качества научных документов…» [Там же], но *не является универсальной причиной цитируемости*, каковой является *использование* цитируемого документа [Там же, с. 12–13].

Выше упоминалось, что через использование отображается не качество научного документа, но его *ценность*, а именно *«свойство, определяемое степенью его фактического использования в научной и научно-практической деятельности человека для достижения определённой цели»*[11] [4, с. 183]. Как бы ни сближались результаты оценки этих свойств, свойства эти принципиально различны.

[11] Формулировка, являющаяся результатом анализа многочисленных разнообразных трактовок понятия в дисциплинах социально-коммуникационного цикла [4].

Осталось сказать немногое. Расстроили нюансы исторического раздела монографии. То, что проблематика вписана в исторический контекст, – само по себе прекрасно, но... говоря об истоках библиометрии, И. Жэнгра пропускает самое первое появление термина «библиометрия» и его определение в монографии Поля Отле 1934 г. [39]. Также он видит «чёткие различия между наукометрией и библиометрией...» [14, с. 12], исходя из того, что наукометрия «включает в себя количественное измерение разных видов научной деятельности», а библиометрия «ограничивается анализом публикаций и их характеристик» [Там же, с. 11], и считает в этой связи, что термины стали взаимозаменяемыми просто потому, что «использование библиометрических данных в исследовании научной динамики... вошло в привычку...» [Там же, с. 12]. Между тем провести грань между библиометрией и наукометрией *объективно* непросто. И не в силу привычки, а потому, что автор термина и монографии «Наукометрия» В. В. Налимов *изначально* рассматривал науку именно как *информационную* систему, трактуя её как «самоорганизующ[ую]ся систем[у], управляющ[у]яся своими информационными потоками» [40, с. 6]. Но рассмотрение науки *как информационной системы*, управляющейся своими «информационными» потоками (сейчас их называют *документными*), неизбежно сделало на самом старте наукометрии своим основным и главным предметом исследования именно документ – тот самый, который исследует библиометрия. Так что дело не в «привычке».

Не знаю, по небрежности ли не были учтены эти нюансы или из желания «срезать углы» для того, чтобы быть понятым самим широком кругом читателей (что кажется вероятнее), но думается, что провал в трактовке «импакта» в [14] имел те же корни. Как знать, возможно, автору показалось, что лучше обойти вопрос, чем погрузить читателя в проблему, которая вызовет головную боль и может заставить закрыть книгу?

Как бы то ни было, таков, увы, уровень терминологического произвола в данной книге – книге, обладающей не просто набором достоинств, но *прекрасной именно в качестве развеивателя мифов и стимулятора поиска адекватных показателей*. Если таково состояние дел в труде незаурядном, что говорить о «рядовых» работах? Примеры терминологической чехарды могут не оказаться в них столь интересными, а их разбор – столь вдохновляющим. Так пусть же проблема терминологической чёткости в метрических исследованиях – не частная проблема данной книги, а пугающе и угрожающе актуальная проблема библиометрии/наукометрии в целом – будет хотя бы проиллюстрирована на примере незаурядного научного текста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Тютюнник В. М.* Предисловие научного редактора // *Лазарев В. С.* «Цитируемость нобелевского класса» и понятия, выражающие характеристики и свойства цитируемых научных документов / под ред. В. М. Тютюнника. Тамбов ; М. ; СПб. ; Баку ; Вена ; Гамбург ; Стокгольм ; Буаке : Нобелистика, 2018. С. 4–6. EDN UWPOTE.

2. *Лазарев В. С.* «Цитируемость нобелевского класса» и понятия, выражающие характеристики и свойства цитируемых научных документов / под ред. В. М. Тютюнника. Тамбов ; М. ; СПб. ; Баку ; Вена ; Гамбург ; Стокгольм ; Буаке : Нобелистика, 2018. 70 с. EDN XWCYBV.

3. *Лазарев В. С.* О ценности научного документа. Часть 1 // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 4. С. 146–165. DOI 10.19181/smtp.2023.5.4.8. EDN NPOHMP.

4. *Лазарев В. С.* О ценности научного документа. Часть 2 // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 1. С. 165–197. DOI 10.19181/smtp.2024.6.1.9. EDN WIGULV.

5. Impact // Cambridge Dictionary : [сайт]. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-french/impact (дата обращения: 28.02.2026).

6. *MacRoberts M. H., MacRoberts B. R.* Problems of citation analysis // Scientometrics. 1996. Vol. 36, № 3. P. 435–444. DOI 10.1007/BF02129604.

7. *Лазарев В. С.* Неудовлетворительные определения или смутно понимаемое понятие? Об определениях термина «impact» // Наука и научная информация. 2019. Т. 2, № 1. С. 63–78. DOI 10.24108/2658-3143-2019-2-1-63-78. EDN ZAHADB.

8. Влияние // Sinonim.org : [сайт]. URL: https://sinonim.org/sc/3269/28 (дата обращения: 26.02.2026).

9. *Patton R. M., Stahl C. G., Wells J. C.* Measuring scientific impact beyond citation counts // D-Lib Magazine. 2016. Vol. 22, № 9/10. DOI 10.1045/september2016-patton.

10. *Bornmann L.* Is there currently a scientific revolution in scientometrics? // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2014. Vol. 65, № 3. P. 647–648. DOI 10.1002/asi.23073.

11. *Лазарев В. С.* «Цитируемость отображает качество»: взгляд на иррациональную составляющую данного утверждения, усилия по борьбе с ней и понимание нерешённых проблем терминологии как фактора, усугубляющего наукометрические предрассудки // Информационные процессы, системы и технологии. 2024. Т. 5, № 3 (31). С. 5–20. DOI 10.52529/27821617_2024_5_3_5. EDN SAYKTT.

12. *Lazarev V. S.* On chaos in bibliometric terminology // Scientometrics. 1996. Vol. 35, № 2. P. 271–277. DOI 10.1007/BF02018485. EDN XKWEPF.

13. *Марвин С. В.* О ценности, качестве и отрицательном цитировании научных публикаций // Эргодизайн. 2024. № 3 (25). С. 288–296. DOI 10.30987/2658-4026-2024-3-288-296. EDN WEBMIF.

14. *Жэнгра И.* Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию / пер. с фр. А. Зайцевой. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 184 с. ISBN 978-5-444-80791-0.

15. *Малахов В. А.* Рецензия на книгу И. Жэнгра «Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию» // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1, № 1. С. 217–220. EDN NOOZRG.

16. *Lazarev V. S.* Discipline impact factor: Some of its history, some of the author's experience of its application, the continuing reasons for its use and... next beyond // Journal of Data and Information Science. 2020. Vol. 5, № 3. P. 197–209. DOI 10.2478/jdis-2020-0015. EDN GBUMOL.

17. *Lazarev V. S., Yurik I. V.* Serials metric studies performed at the academic library to improve scholarly communication of the library users (Experience and opinion of the Scientific Library of the Belarusian National Technical University) // Serials Review. 2022. Vol. 48, № 1–2. P. 24–40. DOI 10.1080/00987913.2022.2126720. EDN AGUCJL.

18. Bibliometrics: The Leiden Manifesto for research metrics / D. Hicks, P. Wouters, L. Waltman L. [et al.] // Nature. 2015. Vol. 520, № 7548. P. 429–431. DOI 10.1038/520429a.

19. *Garfield E.* Citation indexes for science: A new dimension in documentation through association of ideas // Science. 1955. Vol. 122, № 3159. P. 108–111. DOI 10.1126/science.122.3159.108. EDN ICRMPF.

20. *Waltman L., van Eck N. J., Wouters P.* Counting publications and citations: Is more always better? // Journal of Informetrics. 2013. Vol. 7, № 3. P. 635–641. DOI 10.1016/j.joi.2013.04.001.

21. Webster's third new international dictionary of the English language, unabridged. Utilizing all the experience and resources of more than one hundred years of Merriam-Webster dictionaries. Editor-in-chief: Ph. B. Gove. Cologne : Köneman, 1993. 120a, 2662 p. ISBN 3-8290-5292-8.

22. ISO 5127:2017(en), Information and documentation – Foundation and vocabulary // Online Browsing Platform (OBP) : [сайт]. URL: https://iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:5127:ed-2:v1:en (дата обращения: 28.02.2026).

23. *Cole S., Cole J. R.* Scientific output and recognition: A study in the operation of the reward system in science // American Sociological Review. 1967. Vol. 32, № 3. P. 377–390.

24. *Nicolaisen J.* Citation analysis // Annual Review of Information Science and Technology. 2007. Vol. 41, № 1. P. 609–641. DOI 10.1002/aris.2007.1440410120.

25. *Cole S., Cole J. R.* Private seminar paper presented to the seminar on May 4, 1966. (Unpublished manuscript). P. 4.

26. *Cole J. R.* A short history of the use of citations as a measure of the impact of scientific and scholarly work // The web of knowledge: A festschrift in honor of Eugene Garfield. Ed. by B. Cronin, H. B. Atkins. Medford, NJ : Information Today, 2000. P. 281–300.

27. *Gläser J., Laudel G.* The social construction of bibliometric evaluations. In: The changing governance of the sciences: The advent of research evaluation systems. Ed. by R. Whitley, J. Gläser. Dordrecht : Springer, 2007. P. 101–123. DOI 10.1007/978-1-4020-6746-4_5.

28. *Lawani S. M.* Citation analysis and the quality of scientific productivity // BioScience. 1977. Vol. 27, № 1. P. 26–31. DOI 10.2307/1297790.

29. *Martin B. R., Irvine J.* Assessing basic research: Some partial indicators of scientific progress in radio astronomy // Research Policy. 1983. Vol. 12, № 2. P. 61–90. DOI 10.1016/0048-7333(83)90005-7.

30. *Adler R., Ewing J., Taylor P.* Citation statistics. A report from the International Mathematical Unit (IMU) in cooperation with the International Council of Industrial and Applied Mathematics (ICIAM) and the Institute of Mathematical Statistics (IMS) // Statistical Science. 2009. Vol. 24, № 1. P. 1–14. DOI 10.1214/09-STS285.

31. ISO 9000:2015(en). Quality management systems – Fundamentals and vocabulary. Online Browsing Platform (OBP) : [сайт]. URL: https://iso.org/obp/ui/en/#iso:std:iso:9000:ed-4:v1:en (дата обращения: 28.02.2026).

32. *Ricker M.* Letter to the Editor: About the quality and impact of scientific articles // Scientometrics. 2017. Vol. 111, № 3. P. 1851–1855. DOI 10.1007/s11192-017-2374-2. EDN WVRMNC.

33. The use of bibliometric data for the measurement of university research performance / H. F. Moed, W. J. Burger, J. G. Frankfort, A. F. J. Van Raan // Research Policy. 1985. Vol. 14, № 3. P. 131–149. DOI 10.1016/0048-7333(85)90012-5.

34. *Scales P. A.* Citation analyses as indicators of the use of serials: A comparison of ranked title lists produced by citation counting and from use data // Journal of Documentation. 1976. Vol. 32, № 1. P. 17–25. DOI 10.1108/eb026612.

35. *Мотылёв В. М.* Основы количественных исследований в библиотечной теории и практике. Ленинград : Наука, 1988. 196, [1] с. ISBN 5-02-026588-8.

36. *Жэнгра И.* Трансформация научной статьи: от знания к отчётности // Жэнгра И. Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию / пер. с фр. А. Зайцевой. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 130–147.

37. *Gingras Y.* The transformation of the scientific paper: From knowledge to accounting unit. In: Gaming the metrics: Misconduct and manipulation in academic research. Ed. by M. Biagoli, A. Lippman. Cambridge, MA ; London : The MIT Press, 2020. P. 43–55. DOI 10.7551/mitpress/11087.003.0004.

38. *Лазарев В. С.* Свойство, которое на самом деле оценивают, когда говорят, что оценивают “impact” // Наука и научная информация. 2019. Т. 2, № 2. Р. 129–138. DOI 10.24108/2658-3143-2019-2-2-129-138. EDN LKSIWM.

39. *Отле П.* Трактат о документации // Отле П. Библиотека, библиография, документация: избранные труды пионера информатики / пер. с англ. и фр. Р. С. Гиляревского и др. М. : ФАИР-ПРЕСС ; Пашков дом, 2004. С. 187–309.

40. *Налимов В. В., Мульченко З. М.* Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. М. : Наука, 1969. 192 с. EDN CZJSWP.

REFERENCES

1. Tyutyunnik V. M. Preface by the scientific editor [Predislovie nauchnogo redaktora]. In: Lazarev V. S. “Nobel class citedness level” and the notions that designate characteristics and properties of cited scientific documents [«Tsitiruemost’ nobelevskogo klassa» i ponyatiya, vyrazhayushchie kharakteristiki i svoistva tsitiruemykh nauchnykh dokumentov]. Ed. by V. M. Tyutyunnik. Tambov ; Moscow ; St. Petersburg ; Baku ; Vienna ; Hamburg ; Stockholm ; Bouaké : Nobelistika; 2018. P. 4–6. (In Russ.).

2. Lazarev V. S. “Nobel class citedness level” and the notions that designate characteristics and properties of cited scientific documents [«Tsitiruemost’ nobelevskogo klassa» i ponyatiya, vyrazhayushchie kharakteristiki i svoistva tsitiruemykh nauchnykh dokumentov]. Ed. by V. M. Tyutyunnik. Tambov ; Moscow ; St. Petersburg ; Baku ; Vienna ; Hamburg ; Stockholm ; Bouaké : Nobelistika; 2018. 70 p. (In Russ.).

3. Lazarev V. S. On the value of a scientific document. Part 1. *Science Management: Theory and Practice*. 2023;5(4):146–165. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2023.5.4.8.

4. Lazarev V. S. On the value of a scientific document. Part 2. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(1):165–197. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2024.6.1.9.

5. Impact. *Cambridge Dictionary*. Available at: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-french/impact (accessed: 28.02.2026).

6. MacRoberts M. H., MacRoberts B. R. Problems of citation analysis. *Scientometrics*. 1996;36(3):435–444. DOI 10.1007/BF02129604.

7. Lazarev V. S. Insufficient definitions or a vaguely grasped notion? On definitions of “impact”. *Scholarly Research and Information*. 2019;2(1):63–78. (In Russ.). DOI 10.24108/2658-3143-2019-2-1-63-78.

8. Impact [Vliyanie]. *Sinonim.org*. Available at: https://sinonim.org/sc/3269/28 (accessed: 26.02.2026). (In Russ.).

9. Patton R. M., Stahl C. G., Wells J. C. Measuring scientific impact beyond citation counts. *D-Lib Magazine*. 2016;22(9/10). DOI 10.1045/september2016-patton.

10. Bornmann L. Is there currently a scientific revolution in scientometrics? *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2014;65(3):647–648. DOI 10.1002/asi.23073.

11. Lazarev V. S. “Citation reflects quality”: A view of the irrational component of this statement, the efforts to combat this component, and an understanding of unresolved terminology problems as a factor exacerbating scientometric prejudices. *Information Processes, Systems and Technologies*. 2024;5(3):5–20. (In Russ.). DOI 10.52529/27821617_2024_5_3_5.

12. Lazarev V. S. On chaos in bibliometric terminology. *Scientometrics*. 1996;35(2):271–277. DOI 10.1007/BF02018485.

13. Marvin S. V. On the value, quality and negative citation of scientific publications. *Ergodesign*. 2024;(3):288–296. (In Russ.). DOI 10.30987/2658-4026-2024-3-288-296.

14. Gingras Y. Les dérives de l'évaluation de la recherche: Du bon usage de la bibliométrie. Transl. from French by A. Zaitseva. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie; 2018. 184 p. (In Russ.). ISBN 978-5-444-80791-0.

15. Malahov V. A. Book review: Yves Gingras. Les dérives de l'évaluation de la recherche: Du bon usage de la bibliométrie. *Science Management: Theory and Practice*. 2019;1(1):217–220. (In Russ.).

16. Lazarev V. S. Discipline impact factor: Some of its history, some of the author's experience of its application, the continuing reasons for its use and... next beyond. *Journal of Data and Information Science.* 2020;5(3):197–209. DOI 10.2478/jdis-2020-0015.

17. Lazarev V. S., Yurik I. V. Serials metric studies performed at the academic library to improve scholarly communication of the library users (Experience and opinion of the Scientific Library of the Belarusian National Technical University). *Serials Review.* 2022;48(1–2):24–40. DOI 10.1080/00987913.2022.2126720.

18. Hicks D., Wouters P., Waltman L., de Rijcke S., Rafols I. Bibliometrics: The Leiden Manifesto for research metrics. *Nature.* 2015;520(7548):429–431. DOI 10.1038/520429a.

19. Garfield E. Citation indexes for science: A new dimension in documentation through association of ideas. *Science.* 1955;122(3159):108–111. DOI 10.1126/science.122.3159.108.

20. Waltman L., van Eck N. J., Wouters P. Counting publications and citations: Is more always better? *Journal of Informetrics.* 2013;7(3);635–641. DOI 10.1016/j.joi.2013.04.001.

21. Gove Ph. B., ed. Webster's third new international dictionary of the English language, unabridged. Utilizing all the experience and resources of more than one hundred years of Merriam-Webster dictionaries. Cologne : Köneman; 1993. 120a, 2662 p. ISBN 3-8290-5292-8.

22. ISO 5127:2017(en), Information and documentation – Foundation and vocabulary. *Online Browsing Platform (OBP).* Available at: https://iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:5127:ed-2:v1:en (accessed: 28.02.2026).

23. Cole S., Cole J. R. Scientific output and recognition: A study in the operation of the reward system in science. *American Sociological Review.* 1967;32(3):377–390.

24. Nicolaisen J. Citation analysis. *Annual Review of Information Science and Technology.* 2007;41(1):609–641. DOI 10.1002/aris.2007.1440410120.

25. Cole S., Cole J. R. Private seminar paper presented to the seminar on May 4, 1966. (Unpublished manuscript). P. 4.

26. Cole J. R. A short history of the use of citations as a measure of the impact of scientific and scholarly work. In: Cronin B., Atkins H. B., eds. The web of knowledge: A festschrift in honor of Eugene Garfield. Ed. by. Medford, NJ : Information Today; 2000. P. 281–300.

27. Gläser J., Laudel G. The social construction of bibliometric evaluations. In: Whitley R., Gläser J., eds. The changing governance of the sciences: The advent of research evaluation systems. Dordrecht : Springer; 2007. P. 101–123. DOI 10.1007/978-1-4020-6746-4_5.

28. Lawani S. M. Citation analysis and the quality of scientific productivity. *BioScience.* 1977;27(1):26–31. DOI 10.2307/1297790.

29. Martin B. R., Irvine J. Assessing basic research: Some partial indicators of scientific progress in radio astronomy. *Research Policy.* 1983;12(2):61–90. DOI 10.1016/0048-7333(83)90005-7.

30. Adler R., Ewing J., Taylor P. Citation statistics. A report from the International Mathematical Unit (IMU) in cooperation with the International Council of Industrial and Applied Mathematics (ICIAM) and the Institute of Mathematical Statistics (IMS). *Statistical Science.* 2009;24(1):1–14. DOI 10.1214/09-STS285.

31. ISO 9000:2015(en). Quality management systems – Fundamentals and vocabulary. *Online Browsing Platform (OBP).* Available at: https://iso.org/obp/ui/en/#iso:std:iso:9000:ed-4:v1:en (accessed: 28.02.2026).

32. Ricker M. Letter to the Editor: About the quality and impact of scientific articles. *Scientometrics*. 2017;111(3):1851–1855. DOI 10.1007/s11192-017-2374-2.

33. Moed H. F., Burger W. J., Frankfort J. G., Van Raan A. F. J. The use of bibliometric data for the measurement of university research performance. *Research Policy*. 1985;14(3):131–149. DOI 10.1016/0048-7333(85)90012-5.

34. Scales P. A. Citation analyses as indicators of the use of serials: A comparison of ranked title lists produced by citation counting and from use data. *Journal of Documentation*. 1976;32(1):17–25. DOI 10.1108/eb026612.

35. Motylev V. M. Fundamentals of quantitative research in library theory and practice [Osnovy kolichestvennykh issledovanii v bibliotechnoi teorii i praktike]. Leningrad : Nauka; 1988. 196, [1] p. (In Russ.). ISBN 5-02-026588-8.

36. Gingras Y. Les transformations de la production du savoir: De l'unité de connaissance à l'unité comptable. In: Gingras Y. Les dérives de l'évaluation de la recherche: Du bon usage de la bibliométrie. Transl. from French by A. Zaitseva. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie; 2018. P. 130–147. (In Russ.).

37. Gingras Y. The transformation of the scientific paper: From knowledge to accounting unit. In: Biagoli M., Lippman A., eds. Gaming the metrics: Misconduct and manipulation in academic research. Cambridge, MA ; London : The MIT Press; 2020. P. 43–55. DOI 10.7551/mitpress/11087.003.0004.

38. Lazarev V. S. The property that is factually being evaluated when they say they evaluate impact. *Scholarly Research and Information*. 2019;2(2):129–138. (In Russ.). DOI 10.24108/2658-3143-2019-2-2-129-138.

39. Otlet P. Traité de documentation. In: Otlet P. Library, bibliography, documentation: Selected works of the information science pioneer [Biblioteka, bibliografiya, dokumentatsiya: izbrannye trudy pionera informatiki]. Transl. from English and French by R. S. Gilyarevsky et al. Moscow : FAIR-PRESS ; Pashkov dom; 2004. P. 187–309. (In Russ.).

40. Nalimov V. V., Mul'chenko Z. M. Scientometrics. Studying the development of science as an information process [Naukometriya. Izuchenie razvitiya nauki kak informatsionnogo protsessa]. Moscow : Nauka; 1969. 192 p. (In Russ.).

Поступила в редакцию / Received 30.03.2026.
Одобрена после рецензирования / Revised 13.04.2026.
Принята к публикации / Accepted 08.06.2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазарев Владимир Станиславович *vslazarev@bntu.by*

Ведущий библиограф отдела развития научных коммуникаций, Научная библиотека, Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

SPIN-код: 9750-7985

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir S. Lazarev *vslazarev@bntu.by*

Leading bibliographer, Scientific Library, Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

ORCID: 0000-0003-0387-4515

Scopus Author ID: 7101791251

Web of Science ResearcherID: D-5165-2016

DOI: 10.19181/smtp.2026.8.2.13

EDN: WVDREC

Обзор конференции

Conference overview

ОБРАЗОВАНИЕ – НАУКА – ИННОВАЦИИ: НАВЕДЕНИЕ МОСТОВ В БУДУЩЕЕ ЕВРАЗИИ С ПОМОЩЬЮ ЗНАНИЙ, ТЕХНОЛОГИЙ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Герасимов
Владимир Иванович[1]

[1] Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского, Москва, Россия

Коданева
Светлана Игоревна[2]

[2] Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

Для цитирования: *Герасимов В. И., Коданева С. И.* Образование – наука – инновации: наведение мостов в будущее Евразии с помощью знаний, технологий и человеческого капитала // Управление наукой: теория и практика. 2026. Т. 8, № 2. С. 209–229. DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.13. EDN WVDREC.

Аннотация. В статье представлена информация о VIII Международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества». Основное внимание уделяется докладам, посвящённым инновационному развитию и ответам научно-образовательного сообщества на вызовы цифровой эпохи в странах Большой Евразии, а также возможностям и перспективам взаимодействия этих стран в научно-технологической и образовательной сферах.

Ключевые слова: Большая Евразия, управление наукой, модернизация системы образования, цифровизация экономики, искусственный интеллект, инновационная политика, технологический суверенитет, научное и образовательное сотрудничество

© Герасимов В. И., Коданева С. И., 2026

EDUCATION – SCIENCE – INNOVATION: BUILDING BRIDGES TO THE FUTURE OF EURASIA WITH THE HELP OF KNOWLEDGE, TECHNOLOGY AND HUMAN CAPITAL

Vladimir I. Gerasimov[1]

Svetlana I. Kodaneva[2]

[1] Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow, Russia
[2] Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Moscow, Russia

For citation: Gerasimov V. I., Kodaneva S. I. Education – science – innovation: Building bridges to the future of Eurasia with the help of knowledge, technology and human capital. *Science Management: Theory and Practice.* 2026;8(2):209–229. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.13.

Abstract. The article provides information about the 8th International science-to-practice conference "Greater Eurasia: National and Civilizational Aspects of Development and Cooperation". The main focus is on reports on innovative development and responses of the academic and educational community to the challenges of the digital age in the countries of Greater Eurasia, as well as on opportunities and prospects for cooperation between these countries in the scientific, technological and educational fields.

Keywords: Greater Eurasia, science management, modernization of education system, digitalization of economy, artificial intelligence, innovation policy, technological sovereignty, scientific and educational cooperation

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья является обзором материалов VIII Международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества», состоявшейся 26–28 ноября 2025 г. в Москве.

Организаторы конференции: Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского, Евразийский информационно-аналитический консорциум, Научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, Российский центр научной информации, Информационно-аналитический центр «Наука» РАН, Национальный комитет по исследованию БРИКС, МГИМО МИД России, МИРЭА – Российский технологический университет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Белорусский государственный экономический университет, Институт философии НАН Беларуси, Национальный НИИ общественного здоровья имени Н. А. Семашко, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере, Международный научно-исследовательский институт проблем управления, Фонд «Достояние России». Конференция проводилась при участии Вольного экономического общества России, Российского союза научных и инженерных общественных объединений и Ассамблеи народов Евразии.

В программе конференции было заявлено участие 691 специалиста из 42 регионов РФ и 18 зарубежных стран (153 участника), а также 535 докладов (в т. ч. 182 заочных). Доклады заслушивались на пленарном заседании и 10 секциях. Основная часть мероприятий конференции была проведена в Университете мировых цивилизаций, две секции – в МИРЭА – РТУ, одна секция – в РАНХиГС при Президенте РФ.

Значительное внимание в работе конференции было уделено инновационному развитию и ответам на вызовы цифровой эпохи в странах Большой Евразии, а также возможностям и перспективам их взаимодействия в научно-технологической и образовательной сферах. Представленные участниками доклады охватывают широкий круг тем, начиная от искусственного интеллекта в сельском хозяйстве и квантовых вычислений до трансформации университетов, экономики интеллектуальной собственности, технологического суверенитета, научного сотрудничества в условиях санкций и заканчивая философскими основами человеческого сознания. Тем не менее, все они сходятся в попытке осмысления того, как общества Большой Евразии могут справиться с одновременным давлением цифровизации, геополитической турбулентности, технологической конкуренции и необходимости сохранения и развития человеческого капитала в условиях растущего использования искусственного интеллекта во всех сферах жизни.

В этом обзоре обобщены основные идеи, представленные в докладах участников по проблемам управления наукой, модернизации образования и инновационного развития.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПРЕОБРАЗУЮЩАЯ СИЛА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Искусственный интеллект уже давно перестал быть технологией далёкого будущего, но в последние несколько лет он превратился в реальную силу, меняющую структуру экономической, образовательной и научной жизни. Не удивительно, что большинство выступающих уделяли этой технологии внимание, оценивая как беспрецедентные возможности, которые она предоставляет для развития образования, науки и инноваций, так и новые риски, требующие осмысления и управления.

Так, **Е. Г. Брындин** (директор Исследовательского центра «Естествоинформатика»; Общественное движение «Нравственная Россия», г. Новосибирск) представил видение промышленной трансформации, при которой искусственный интеллект (AGI) в сочетании с цифровыми двойниками создаёт самообучающиеся, самооптимизирующиеся производственные экосистемы [1]. Он утверждает, что цифровые двойники AGI обладают способностью извлекать уроки из текущих данных, прогнозировать сбои, оптимизировать процессы и принимать автономные решения, могут обрабатывать мультимодальную информацию (текст, изображения, звуки, сенсорные сигналы), участвовать в творческом решении проблем и даже демонстрировать формы отражения и метапознания. Поэтому, несмотря на признаваемые докладчиком риски кибербезопасности, этические

и юридические вопросы ответственности, сложность интеграции и необходимость значительных инвестиций, он уверен, что интеллектуальное производство на базе цифровых двойников AGI представляет собой следующий шаг в эволюции промышленных предприятий, обещающий гибкость, адаптивность, упреждающее обслуживание и автоматизацию опасных и рутинных задач.

Н. И. Дерябин (к. т. н., доцент Московского авиационного института) занимает гораздо более философскую и провокационную позицию, опираясь на знаменитый эксперимент «Вселенная-25» с белыми мышами, чтобы доказать, что общества, включая человеческие, могут испытывать «двойную смерть»: сначала психологическую и духовную, затем физическую [2]. Автор связывает это с развитием искусственного интеллекта, предполагая, что человечество, возможно, переживает процесс своей постепенной замены системами искусственного интеллекта. Ссылаясь на дуализм Р. Декарта, квантовую теорию обратимости течения времени и современную нейробиологию (человеческое сознание (сильный ИИ) бессмертно и находится вне тела в Мультивселенной) [3], автор утверждает, что 90% эффективности системы искусственного интеллекта определяется базой данных обучения и что Сверхсознание Цивилизации может заменить деградировавшее человечество искусственным интеллектом, что должно заставлять задуматься об экзистенциальных вопросах, которые провоцирует искусственный интеллект.

Ряд докладчиков обратились к вопросу применения искусственного интеллекта в различных отраслях и для развития экономики страны в целом. Так, **Т. А. Дергачёва** (к. э. н., доцент кафедры «Цифровая экономика и финансы» филиала Российского экономического университета, г. Ташкент) представила всесторонний обзор лучших мировых практик и их применимости в условиях Узбекистана. В частности, по её мнению, искусственный интеллект позволяет оценивать и обрабатывать землю на уровне отдельных небольших участков. В качестве примеров внедрения ИИ в практическое точное земледелие она привела автономные тракторы и комбайны John Deere, роботизированные опылители, имитирующие насекомых, дроны для анализа урожая и целенаправленного опрыскивания, а также мобильные приложения, которые позволяют фермерам диагностировать болезни растений с помощью анализа изображений [4]. Странами-лидерами в этом направлении являются США (дроны, роботизированные системы, аналитика больших данных), Израиль (интеллектуальные системы орошения, алгоритмы нейросетей для сохранения водных ресурсов), Нидерланды (автоматизированные тепличные комплексы) и Китай (государственные программы цифровизации сельского хозяйства). В Узбекистане же пока реализуются только пилотные проекты в Ферганской, Самаркандской, Хорезмской и Ташкентской областях. В целом же барьеры для внедрения ИИ в сельское хозяйство этой страны остаются существенными: недостаточная цифровая инфраструктура (ограниченный доступ в Интернет в сельской местности), нехватка квалифицированного персонала, ограниченное финансирование и неполная нормативная база.

Т. Дж. Койчуманов (д. э. н., профессор, советник Парка высоких технологий Кыргызской Республики) рассматривает аналогичные вопросы, но в более широком контексте экономического развития. Опираясь на модель “Smile Curve” [5]

(которая показывает, что наибольшая добавленная стоимость создаётся на этапах исследований, разработок и маркетинга, в то время как производство имеет низкую рентабельность), он предложил концепцию “DeepVine” – технологической «лианы», соединяющей образование, науку и бизнес, которая позволяет развивающимся странам обойти традиционные стадии индустриализации. Искусственный интеллект служит ключевым двигателем этого проекта, снижая транзакционные издержки, автоматизируя процессы и снимая барьеры на мировых рынках. Международные примеры включают Вьетнам (инвестиции в НИОКР и технопарки), Эстонию (программа Tiigrihüpe по цифровизации образования и управления) и Руанду (отказ от проводного Интернета в пользу мобильного). Для Кыргызской Республики, которая сталкивается с низкими расходами на НИОКР (0,06% ВВП) и невысоким уровнем экономической сложности, в докладе рекомендуется создать платформы сотрудничества науки, бизнеса и образования, модернизировать STEM-образование с акцентом на искусственный интеллект и построить экосистему DeepTech.

А. В. Карев (к. э. н., доцент кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова) представил ориентированный на рынок анализ взрывного роста больших языковых моделей и их приложений. Он отметил, что выпуск ChatGPT в конце 2022 г. привлёк более 100 млн пользователей ежемесячно, что вызвало быстрый рост отрасли. Ключевыми игроками являются серия моделей GPT от OpenAI (пионер и лидер), Gemini от Google (отличается оригинальной мультимодальностью текста, кода, изображений, аудио и видео), Claude от Anthropic (специализируется на безопасности и конституционном ИИ) и китайская DeepSeek (экономичная и бесплатная). На основе проведённого анализа автор сформулировал четыре ключевых технологических тренда: мультимодальность (модели, обрабатывающие несколько типов данных одновременно), демократизация и снижение затрат за счёт открытых моделей, таких как Llama и Mistral, вертикальная специализация в узких областях (юриспруденция, медицина, финансы) и увеличение контекстных окон (до миллиона токенов). Далее докладчик спрогнозировал рост использования агентов искусственного интеллекта для решения сложных задач, интеграцию их с Интернетом вещей в качестве «мозга» для умных домов и городов и фундаментальный сдвиг в сторону человеко-машинных систем, где искусственный интеллект и люди участвуют в совместном творческом производстве.

УПРАВЛЕНИЕ НАУКОЙ И КРИЗИС АКАДЕМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Как можно видеть, развитие технологий происходит стремительно и имеет значительный потенциал для трансформации экономики. Однако всё это невозможно без научных открытий, эффективной прикладной науки. Неслучайно многие докладчики обратились к вопросу о том, как научные учреждения должны быть организованы, финансироваться и оцениваться. Большинство этих выступлений объединяло ощущение кризиса и необходимости фундаментальных реформ.

Так, **С. Будням** (д. т. н., профессор, академик РАЕН, член Европейского общества прикладной математики и механики, Американского математического общества, Монгольский университет поствысшего образования, г. Улан-Батор) и **Б. Оюун-Эрдэнэ** (докторант Монгольского университета поствысшего образования, г. Улан-Батор) признали, что научная система Монголии не смогла адаптироваться к современным требованиям и нуждается в фундаментальных институциональных и управленческих реформах, основанных на подлинно демократических принципах, определяемых не как правление большинства, а как управление интеллектуальным меньшинством, действующим в интересах большинства. Они полагают, что наукой должна управлять интеллектуальная элита (новаторы, генерирующие новые идеи), а не большинство (через демократические инструменты, такие как голосование) или административный аппарат. Следовательно, реформа должна создать условия, при которых эта элита сможет сформировать свои собственные команды, обеспечить финансирование и осуществлять «интеллектуальное авторитарное управление», обеспечивая при этом свободу критики как сущность демократии в науке. Приоритетами реформы должны быть: признание науки определяющим фактором современного развития, установление престижных зарплат учёным и минимального уровня финансирования на одного исследователя, ниже которого наука не может развиваться создание единой национальной научной инфраструктуры для экспертной оценки, распределения ресурсов и прогнозирования и прямое финансирование фундаментальных исследований государством в дополнение к корпоративным источникам и налоговым льготам. Соответственно, количество учёных должно определяться, исходя из размера бюджета, а Академия наук должна функционировать как элитный «клуб» выдающихся учёных, защищающий от бюрократического проникновения, облегчающий доступ талантливым исследователям и служащий научным «мозговым центром».

Г. А. Ваганян (д. э. н., к. т. н., профессор Европейского университета, г. Ереван), **О. Г. Ваганян** (к. э. н., доцент Европейского университета, г. Ереван) и **А. Л. Геворгян** (директор «Наирян тревел»; аспирант Европейского университета, г. Ереван) также признали системный кризис управления наукой Армении, характеризующийся институциональным хаосом (концентрация функций в одном министерстве без чёткого планирования), критически низким профессионализмом управленческого персонала, сокращением числа докторов наук и дисфункциональной наукометрией, которая механически требует публикаций, индексируемых в Scopus/WoS, несмотря на финансовые, лингвистические и юридические барьеры. Тем не менее, Армения сохраняет относительно высокий Глобальный инновационный индекс (63-е место), что докладчики объяснили эффективностью её частного ИТ-сектора и активной ролью диаспоры как внешнего источника финансирования, талантов и связей на мировом рынке. Вследствие этого они полагают, что реформа управления наукой в Армении должна включать создание координационного совета с экспертами диаспоры, мораторий на массовую институциональную интеграцию в пользу пилотных грантовых программ, инициативу «Приглашённый профессор», полный переход к модели PhD и увязку государственного финансирования с международной научной продуктивностью [6].

Опираясь на российскую модель, собственный авторский подход к управлению наукой предложил **А. И. Орлов** (д. э. н., д. т. н., к. ф.-м. н., профессор МГТУ им. Н. Э. Баумана). Он утверждает, что оно должно отойти от поклонения западной (особенно англосаксонской) науке и вместо этого принять рамки Инициативы в области биокосмологии, которая призывает вернуться к триадологической (трёхтипной) сущности научного знания, основанной на интегрализме, антропокосмизме и ноосферности, а не только к дуалистическому аналитическому знанию. По мнению докладчика, ключевым препятствием для эффективного управления наукой является информационный барьер (физическая возможность изучить и опубликовать ограниченное количество трудов за жизнь отдельного человека), который вынуждает научное сообщество объединяться в кланы, где исследователи знают о работе друг друга, но остаются в неведении о работах других кланов, не принимая, соответственно, новые направления в науке. Докладчик предложил 23 биполярные структуры, которые формируют научное развитие, включая фундаментальную и прикладную науку, наукометрию и экспертные оценки и т. д. Соответственно, наукометрический подход к оценке работы учёных должен быть заменён синтезом наукометрических и экспертных методов на новой диалектической спирали развития [7; 8; 9; 10].

Ю. И. Енин (д. э. н., профессор, профессор кафедры маркетинга Белорусского государственного экономического университета, г. Минск) и **А. Ю. Калинин** (к. э. н., заведующий сектором фундаментальных и прикладных исследований Научно-технологического парка БНТУ «Политехник», г. Минск) представили эмпирический анализ уровня развития науки в странах ЕАЭС, используя четыре категории показателей – предпосылки для инноваций (расходы на НИОКР, исследовательские организации, персонал, расходы на образование), возможности (размер рынка, импорт высокотехнологичных товаров, ПИИ, финансирование бизнеса), эффективность создания ИС (патенты, публикации, цитаты, товарные знаки) и эффективность использования ИС (занятость в сфере высоких технологий, производительность труда, системы качества, экспорт высокотехнологичных товаров). Предпосылки для инноваций демонстрируют положительные тенденции: внутренние расходы на НИОКР увеличились более чем на 12% в период с 2019 по 2023 г., но средние расходы на НИОКР в ЕАЭС остаются низкими и составляют всего 0,4% ВВП. Эффективность создания ИС в целом снижается, при этом наблюдаются тенденции к снижению изобретательской и публикационной активности. Эффективность использования ИС показывает неоднозначные результаты: доля высокотехнологичного производства демонстрирует устойчивый рост (в среднем 15%), но рост производительности труда снижается.

ТРАНСФОРМАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Очевидно, что развитие науки и создание инноваций требуют высококвалифицированных кадров, обладающих не только техническими знаниями, но и широким кругозором и созидательным мировоззрением. Традиционно основную роль в подготовке таких кадров играли университеты, которые

выступали не только как хранители знаний и ценностей, но и как площадки для междисциплинарного общения. Однако в современных условиях эта роль университета всё больше оспаривается, что требует поиска новых подходов к определению места университетов в инновационном цикле воспроизводства знаний. Именно этой проблематике было посвящено значительное количество докладов участников конференции.

Так, **А. Н. Чумаков** (д. филос. н., профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, главный редактор журнала «Век глобализации») представил обширный историко-философский обзор, показав, что сама концепция университета происходит от сочетания латинских терминов universitas (тотальность) и universum (универсальное существо) [11; 12; 13]. Это означает, что настоящий университет – это образовательный микрокосм, потенциально равный макрокосму, воплощающий целостный дух и творческую универсальность. Сравнив пифагорейскую школу, платоновскую академию и аристотелевский лицей, докладчик утверждает, что по-настоящему универсальный взгляд на образование возник только в средневековой Европе в результате слияния эллинской науки, христианской антропологии и потребности в чиновниках со светским образованием. С самого начала университеты обеспечивали универсальное, широкое образование, объединяя множество факультетов, представляющих совокупность дисциплин. Этот исторический взгляд предостерегает от фрагментации знаний и узкой специализации. Как предупреждал Д. И. Менделеев в 1905 г. в «Заветных мыслях» [14, с. 258], узкоспециализированные учебные заведения лишают студентов влияния товарищей из других специальностей, что необходимо для широты образования. В контексте глобализации, развития интернет-технологий и искусственного интеллекта университеты приобретают ещё большее значение как культурные центры и генераторы инноваций, а образование становится определяющим фактором индивидуального и национального успеха [15]. Таким образом, докладчик критикует советское и современное узкопрофильное образование и высказывается за возврат к подлинному университетскому образованию, которое выпускает широкообразованных, творческих, социально активных и высоконравственных граждан.

Соглашаясь с предыдущим докладчиком и развивая его тезис о недопустимости узкой специализации университетского образования, **М. С. Ашилова** (к. филос. н., PhD, ассоциированный профессор Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, г. Алматы) и **А. С. Бегалинов** (к. филос. н., PhD, и. о. ассоциированного профессора Международного университета информационных технологий, г. Алматы) утверждают, что цифровая трансформация приводит к «антропологическому кризису», в ходе которого подрываются традиционные представления о человеческой идентичности и социальности. Опираясь на Х. Ортегу-и-Гассета [16] и Э. Фромма [17], докладчики представили это как появление «массового человека», который пассивно потребляет плоды цивилизации, не понимая её хрупких культурных, этических и социальных основ, что приводит к внутренней пустоте, потере смысла, депрессии и агрессии. Кризис усугубляется крайней специализацией и разделением знаний, в результате чего появляются узкие специалисты, которые не могут охватить всю совокупность современной

культуры и понять своё место в ней. Университет, изначально созданный для передачи всеобъемлющей системы жизненных ценностей и культурных идеалов (в соответствии с моделью В. Гумбольдта), не смог адаптироваться к растущей сложности культуры, став чрезмерно специализированным, отдавая предпочтение дипломам перед подлинным образованием и разрывая связь между высшим образованием и рынком труда. В качестве решения докладчики предложили на базовом уровне (бакалавриате) давать широкое общекультурное и педагогическое образование, позволяющее студентам ответственно выбирать свой жизненный путь, а углублённое специальное образование давать на уровне магистратуры, обеспечивая подготовку элитного меньшинства, тем самым восстанавливая гуманистическую миссию университета.

К. К. Бегалинова (д. филос. н., профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы), **С. Ш. Кошалиева** (к. п. н., и. о. доцента Бишкекского государственного университета имени академика К. Карасаева, г. Бишкек) и **М. С. Ашилова** (к. филос. н., PhD, ассоциированный профессор Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, г. Алматы) определили три основных сценария развития университетов: инерционный (минимальная адаптация, ведущая к стагнации), адаптивный (реагирование на вызовы при сохранении устаревших практик) и трансформационный (переосмысление университета как пространства для генерации знаний, инноваций и общественного диалога с гибким, индивидуализированным образованием). Ссылаясь на мнения ряда учёных (Р. Барнетта [18], Ж.-Ф. Лиотара [19], Б. Ридингса) о «смерти» традиционного западного университета, докладчики утверждают, что будущее университета зависит не только от физических или технологических изменений, но и от философского переосмысления его роли. Это требует перехода от реактивного управления к сознательному проектированию будущего, основанному на академической свободе, социальной ответственности и инновационном мышлении.

Развивая тему трансформации университетов, **Л. В. Константинова** (д. соц. н., профессор, директор НИИ развития образования Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, г. Москва) утверждает, что достижение национальной цели технологического лидерства России требует фундаментального расширения миссии университета за пределы образования и научных исследований, чтобы сделать вузы ключевыми участниками в создании, ускорении передачи и коммерциализации конкурентоспособных технологий. Несмотря на растущую патентную активность университетов, эффективность внедрения их инновационных решений в реальное производство остаётся очень низкой. Провал модели предпринимательского университета в российских условиях проистекает из отсутствия организованной предпринимательской функции в восприятии университета, нежелания профессорско-преподавательского состава инвестировать в создание бизнеса, концентрации администрации на студенческом предпринимательстве при игнорировании предпринимательства преподавателей и исследователей, а также слабой защиты интеллектуальной собственности [20]. В качестве решения проблемы докладчик предложила реализовать «стратегические технологические проекты» как комплексные инвестиционные проекты, в рамках которых университеты будут сотрудничать

с бизнесом и академической наукой для вывода технологических продуктов на рынок.

К. К. Шебеко (д. э. н., профессор Университета «Туран-Астана», г. Астана) представил удачный проект трансформации университета в предпринимательскую организацию с использованием системы управления знаниями SECI [21], которая включает четыре фазы: социализацию (передачу неявных знаний посредством совместного опыта), экстернализацию (преобразование неявных знаний в явные посредством формализации), комбинирование (синтез различных источников явных знаний) и интернализацию (усвоение формализованных знаний посредством действий). Докладчик продемонстрировал, как каждый этап реализуется с помощью конкретных практик: социализация через битвы стартапов, хакатоны и цифровую платформу TAU-TeamStarter; экстернализация через семинары, тематические исследования, акселерационные программы и дисциплину «Основы предпринимательства»; объединение через междисциплинарные проекты и консорциум TAU Research & Enterprise Network; а интернализация через участие в реальных стартап-проектах, акселераторах и конкурсах грантового финансирования [22]. Сочетание модели SECI с подходом Генри Минцберга «стратегия как образец» [23] позволяет университетам действовать стратегически в условиях высокой неопределенности.

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ОСНОВА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Участники конференции при обсуждении вопросов инновационного развития неоднократно обращали внимание на то, что оно является основой технологического суверенитета страны. Так, **С. С. Голубев** (д. э. н., профессор, профессор кафедры управления и экономики МГЮА имени О. Е. Кутафина) предложил наиболее полную трактовку того, что собой представляет «технологический суверенитет», отмечая, что в настоящее время расходы России на НИОКР составляют всего 1,1% ВВП (по сравнению с 2,5–3% в странах ОЭСР), зависимость от импорта в высокотехнологичных секторах составляет более 60%, научные кадры стареют (средний возраст старше 50 лет) и продолжается утечка мозгов. При этом технологический суверенитет означает не просто импортозамещение, но и создание самодостаточной инновационной экосистемы, в которой генерация знаний, трансфер технологий, коммерциализация и развитие человеческого капитала образуют интегрированную систему полного цикла, при этом модернизация STEM-образования является ключевым условием обеспечения научно-технологического суверенитета России. Без кадрового и инфраструктурного обеспечения невозможно достижение целей Стратегии НТР и выхода страны на уровень технологического лидерства.

А. Н. Журба (Белов) (независимый исследователь, ФРГ) рассматривает историю в критическом ракурсе, утверждая, что способность общества к инновациям формируется под влиянием определённой социокультурной среды. Несмотря на многочисленные организационные и законодательные шаги российского руководства за два десятилетия, рейтинг России по Глобальному инновационному

индексу упал с 49-го места в 2014 г. до 59-го в 2024 г. Докладчик выделяет три типа инновационного развития – традиционное (медленное естественное улучшение, обусловленное внешними обстоятельствами), индивидуально-конкурентное (порождённое протестантизмом, Реформацией и капитализмом, движимое разрозненными индивидами, конкурирующими «все против всех») и солидарно-кооперативное (основанное на коллективном разуме, сотрудничестве сообщества и государственном планировании). Докладчик подчеркнул, что «экономическое чудо» Японии, успех «азиатских тигров», достижения Советского Союза и инновационный успех современного Китая – всё это демонстрирует превосходство модели солидарности и сотрудничества. Инновационный провал России диагностируется как результат «шоковых реформ», которые навязали евразийской цивилизации чуждую индивидуально-конкурентную парадигму, в основе которой лежит коллективистское общинное сознание. Чтобы восстановить инновационное развитие, Россия должна признать рыночные реформы трагической ошибкой, сконцентрировать инновации в государственных корпорациях, повысить уровень жизни и социальную справедливость, вернуться к традиционным ценностям коллективизма и приоритета общего над частным.

Г. В. Турбан (к. э. н., доцент, зав. кафедрой международного бизнеса Белорусского государственного экономического университета, г. Минск) даёт эмпирическое обоснование этим дискуссиям с использованием данных Глобального инновационного индекса. В рейтинге GII за 2025 г. Швейцария занимает первое место, за ней следуют Швеция и Соединённые Штаты, Республика Корея (4-е место) и Сингапур (5-е место), что подтверждает их лидерство среди развитых инновационных экосистем. Интеллектуальная собственность становится всё более важной по сравнению с физическими активами: количество заявок на патенты достигло 3,56 млн в 2023 г., при этом на Китай приходится 46,4% мировых патентов. В Китае расположены 24 из 100 крупнейших инновационных кластеров мира. Страны Центральной и Южной Азии демонстрируют высокую инновационную активность: Индия занимает 38-е место (благодаря услугам в области ИКТ, венчурному капиталу и стартапам), Узбекистан – 79-е место (в этой стране отмечается рост производительности труда и расходов на образование), а Казахстан – 81-е место (благодаря цифровым услугам и полезным моделям). В Беларуси действуют 23 объекта инновационной инфраструктуры, в т. ч. 16 технопарков, приоритетными направлениями инвестирования которых являются искусственный интеллект, микроэлектроника, биотехнологии, робототехника, аддитивные технологии, новые материалы и беспилотные системы.

Соглашаясь с предыдущим докладчиком о важности защиты интеллектуальной собственности, **Г. М. Голобокова** (д. э. н., к. т. н., профессор, академик Международной академии наук экологии, безопасности человека и природы, зав. НИО инновационных проблем интеллектуальной собственности Республиканского научно-исследовательского института интеллектуальной собственности) обозначила критическую проблему – отсутствие чётких стратегических документов по управлению интеллектуальной собственностью на протяжении всего инновационного цикла. Для сравнения – три четверти роста ВВП Китая обусловлено экономикой интеллектуальной собственности,

при этом интеллектуальная собственность интегрирована в расчёты добавленной стоимости, тогда как в России нематериальные активы близки к нулю и не участвуют в ценообразовании. При этом создание полноценного рынка интеллектуальной собственности в ЕАЭС невозможно из-за существенных различий в правовом регулировании. Соответственно, докладчик предложила гармонизировать правовое регулирование, создать мотивационную среду для промышленного перевооружения посредством инноваций, подготовить кадровое, информационно-методическое и нормативно-правовое обеспечение инновационных процессов, уделив особое внимание совершенствованию нормативно-правовой базы развития рынка ИС и подготовке региональных кадров в сфере ИС на федеральном уровне и на межгосударственном уровнях.

НАУЧНОЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

В рамках конференции докладчики не могли обойти вниманием концепцию «Большой Евразии» – сложного, многомерного интеграционного проекта, охватывающего политические, экономические и социокультурные слои взаимодействия. Так, **Е. Л. Андреева** (д. э. н., профессор, руководитель Центра региональных компаративных исследований Института экономики Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург) и **А. В. Ратнер** (к. э. н., с. н. с. Центра региональных компаративных исследований Института экономики Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург) обратили внимание на то, что Большая Евразия, центром которой является ЕАЭС, всё больше ориентируется на выход за рамки сугубо торговых отношений и постепенно переходит в формат совместной генерации знаний и технологий. По мере расширения партнёрских отношений ЕАЭС с такими странами, как Китай, Вьетнам, Иран и Индия, растёт спрос на инструменты для содействия научно-техническому сотрудничеству [24; 25; 26; 27]. Докладчики предложили следующие инструменты: матрицу потенциального торгово-инвестиционного взаимодействия; организацию межстрановых исследовательских групп для решения приоритетных научных задач при совместном финансировании; создание отраслевых научных ассоциаций при Евразийской экономической комиссии; разработку общей таблицы исследовательских институтов для развития взаимодополняющих партнёрских отношений и содействие технологическому сотрудничеству в сельском хозяйстве, когда один партнёр предоставляет технологию в обмен на долю полученной продукции.

В докладе **В. В. Ворожихина** (к. э. н., в. н. с. Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова; ИПРАН РАН) была представлена концепция «эпистемологической безопасности» Института Тьюринга, определяемая как способность общества надёжно предотвращать угрозы производству, распространению, приобретению и оценке достоверной информации [28]. Эпистемологические угрозы включают кампании дезинформации, подрыв авторитета экспертов, закрытые сообщества и подавление мнений маргинализированных лиц. Докладчик подчеркнул, что традиционные концепции

экономической безопасности, основанные на медленно меняющемся промышленном капитале, неадекватны цифровой эпохе [29], требуя новых методов, таких как цифровая гигиена, когнитивное целеполагание и институциональные преобразования. В концептуальном докладе **Л. А. Василенко** (д. соц. н., профессор ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ) предложено использовать метафору «социальной ткани нейронных сетей» [30] как основу для построения научной интеграции, где научные организации и исследователи действуют как «узлы» (нейроны), а каналы связи служат «синаптическими связями». Концепция опирается на аутопоэзис – способность живой системы сохранять свою идентичность при регенерации своих компонентов – для утверждения того, что Евразийская научная сеть должна позволять каждому участнику «рисовать свои собственные узоры» на общей ткани, не разрушая индивидуальную идентичность. Как отметил докладчик, основные барьеры на пути интеграции включают дисциплинарную специализацию, создающую изолированные «академические племена», географические и политические предубеждения в пользу западных баз данных (Scopus/WoS), лингвистическое доминирование английского языка и институциональную жесткость иерархических организационных моделей советского образца. Предлагаемая интегрированная система позволит преодолеть эти барьеры за счёт недирективного управления (координационные центры, стимулирующие самоорганизацию), «цифрового хаба» с открытыми API и переводом на базе искусственного интеллекта, а также механизмов для мелкомасштабного сотрудничества.

В. А. Румянцев (с. н. с., зав. сектором Института экономики НАН Беларуси, г. Минск) и **Н. В. Гончарик** (независимый эксперт, г. Минск) представили анализ того, как Беларусь и Россия адаптировали своё научное сотрудничество в ответ на санкции Запада. Санкции создали проблемы с прямыми поставками научного оборудования, значительное сокращение международного сотрудничества, трудности с публикацией научных статей и отток высококвалифицированных специалистов (только в 2023 г. Россию покинули 1938 исследователей). В ответ Союзное государство приняло Соглашение о научно-техническом и инновационном сотрудничестве (март 2023 г.) и Стратегию научно-технологического развития Союзного государства до 2035 года (утверждена в январе 2024 г.), в которых определены приоритетные направления, включая ядерные технологии, генетику и биотехнологии, высокотехнологичную медицину, цифровые технологии и искусственный интеллект, меганаучные проекты, микроэлектронику, новые материалы и инновационное машиностроение. В настоящее время реализуются три научно-технические программы («Интелавто», «Компонент-Ф» и «Комплекс-СГ»)[1], на 2024–2026 гг. запланировано 16 интеграционных проектов стоимостью около 2,4 млрд белорусских рублей[2]. Новые возможности появились благодаря получению Беларусью статуса полноправного члена ШОС (июль 2024 г.) и статуса страны-партнёра БРИКС (ноябрь 2024 г.), что позволяет

[1] *Столярова Т.* Как Беларусь в условиях санкций развивает международное сотрудничество в науке // Бел-та : [сайт]. 2025. 22 января. URL: https://belta.by/comments/view/kak-belarus-v-uslovijah-sanktsij-razvivaet-mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-v-nauke-9558/ (дата обращения: 13.05.2026).

[2] *Заяц Д.* Беларусь и Россия наметили 16 совместных проектов на 2,4 млрд рублей // NEG.BY : [сайт]. 2023. 28 сентября. URL: https://neg.by/novosti/otkrytj/belarus-i-rossiya-nametili-16-sovmestnykh-proektov-na-2-4-mlrd-rubley/ (дата обращения: 13.05.2026).

осуществлять научное сотрудничество на основе многосторонних соглашений и рабочих групп в 13 научных областях[3].

О. М. Умаров (вице-президент по Центрально-Азиатскому региону, Олимпийский совет Азии, соискатель НИУ ВШЭ) рассмотрел двустороннее сотрудничество в области цифровизации и кибербезопасности России и Узбекистана. Обе страны преследуют схожие цели, отражённые в их стратегических документах: программа «Цифровая экономика Российской Федерации», Стратегия кибербезопасности Узбекистана и стратегия «Цифровой Узбекистан – 2030». Они также сталкиваются с похожими препятствиями на пути реализации указанных документов, включая риски кибератак, неравномерное цифровое развитие, зависимость от зарубежных решений и необходимость гармонизации законодательства. Основные барьеры включают различия в структурах управления данными и стандартах регулирования: Россия фокусируется на цифровом суверенитете и импортозамещении под давлением санкций, в то время как Узбекистан остаётся открытым для международного технологического партнёрства, стремясь к балансу между интеграцией в глобальную цифровую экономику и национальной безопасностью. Учитывая это, докладчик предложил набор мер для углубления научно-технологического сотрудничества между двумя странами: совместные проекты в рамках двусторонних соглашений, обмен технологиями и экспертный трансфер, комплексные учебно-тренировочные мероприятия, интеграцию усилий исследовательских институтов и академического сообщества обоих государств через организацию тематических мероприятий, формирование координационных групп, стимулирование инвестиционных партнёрств, подготовку кадров и расширение многостороннего сотрудничества в рамках международных организаций, таких как ШОС. В заключение докладчик подчеркнул, что синхронизация цифровых стратегий с учётом национальных особенностей и создание постоянного российско-узбекского координационного совета могли бы послужить образцом для других стран Центральной Азии.

Модель научных и научно-образовательных консорциумов представлена как стратегически важный механизм объединения ресурсов и компетенций в докладе **А. Н. Захарова** (д. э. н., профессор кафедры мировой и национальной экономики ВАВТ Минэкономразвития России), **Т. С. Лапотниковой** (студент, ВАВТ Минэкономразвития России) и **В. А. Саидовой** (студент, ВАВТ Минэкономразвития России). Консорциумы служат катализаторами синергетических эффектов, объединяя компетенции различных научных школ, позволяя проводить междисциплинарные исследования, которые значительно повышают вероятность научных прорывов. В России развитие консорциумов значительно продвинулось вперёд благодаря национальным инициативам, включая проект «Наука и университеты» и программу «Приоритет 2030». В качестве примеров докладчики представили проект «Инженерные решения для крупных установок (MegaScience)», объединяющий университеты, научные институты и такие крупные корпорации, как «Газпром» и «Роснефть» (консорциум объединяет более 15 университетов и ключевые корпорации

[3] Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве // Шанхайская организация сотрудничества : [сайт]. URL: https://rus.sectsco.org/images/07e8/0b/1c/1604453.pdf (дата обращения: 13.05.2026).

стратегических отраслей экономики России), Консорциум по развитию водородной энергетики («Технологическая водородная долина») с участием Томского политехнического университета (ТПУ), Курчатовского института, Института катализа СО РАН, Новосибирского государственного университета (НГУ) и индустриальных партнёров, включая «Росатом». Докладчики представили три ключевых показателя для оценки эффективности консорциума: субъективная оценка достижения цели, патентная активность как количественный показатель создания интеллектуальной собственности и коммерциализация результатов (продажи, доходы от лицензирования и косвенные выгоды).

Д. С. Горчакова (к. э. н., в. н. с. Института социологии ФНИСЦ РАН), позиционируя ведущую роль России в Большой Евразии, отмечает, что страна сталкивается с системными вызовами, препятствующими её становлению «интеллектуальным интегратором» в регионе. Тенденция к декарбонизации и отказу от ископаемого топлива создают как риски, так и возможности, требуя перехода от сырьевой зависимости к новым высокотехнологичным секторам, включая водородную энергетику, возобновляемые источники энергии, переработку отходов и стратегические полезные ископаемые. Она предложила стратегию, основанную на трёх критериях – инвестиции в человеческий капитал посредством реструктуризации образования (оно должно формировать критическое мышление, креативность, цифровую грамотность); технологическое развитие на службе человека посредством зелёной экономики и экономики замкнутого цикла; и пространственные развитие и интеграция в рамках Большой Евразии на основе сотрудничества, а не доминирования. Требуется фундаментальный сдвиг парадигмы – переход от управления ресурсами к управлению человеческим потенциалом, – обусловленный исчерпанием ресурсной модели, сокращением и старением населения и изменением потребностей молодых поколений. Особую роль должно играть государственно-частное партнёрство, при котором государство создаёт платформы, в то время как предприятия предоставляют контент, компетенции и стратегические инвестиции в человеческий капитал как императив выживания в условиях острой нехватки персонала.

Продолжая тему, **В. А. Гуторов** (д. филос. н., профессор, зав. кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета) представил три аналитические модели взаимодействия государств в Евразии: Евразия как «слабое место» (источник нестабильности и терроризма), современная «Большая игра» (геополитическая конкуренция за ресурсы и доминирование) и «Евразийский шелковый путь» (региональное сотрудничество в целях интеграции, развития и глобализации). Опираясь на исследования Г. Э. Хейла, он утверждает, что тщательно разработанная образовательная политика может предотвращать этнические конфликты, противодействуя этническому шовинизму [31, p. 263; 32]. Докладчик рассмотрел пять современных образовательных моделей: скандинавская (недифференцированная, ориентированная на личностное развитие), латинская (дифференцированная с национальными учебными планами), восточноазиатская (смешанная структура, включающая Россию), немецкая (дифференцированная академическая направленность) и британская (смешанная структура, ориентированная на прогресс) [33] – и сделал вывод, что основные тенденции

трансформации современного образования включают открытость и гибкость, обеспеченные технологическими прорывами (дистанционное обучение, открытые образовательные ресурсы, массовые открытые онлайн-курсы, обновленные классы), и всё это в рамках более широкой демократизации образовательных процессов. При этом современная «евразийская образовательная матрица» в настоящее время вполне органично встраивается в мировое образовательное пространство, оказывая постоянное концептуальное и практическое воздействие на региональные и национальные проекты в области политики образования.

И. В. Медынская (д. э. н., профессор, профессор СПбГЭУ) в своём докладе обратила внимание на то, что вызовы, стоящие перед евразийским образовательным пространством, включают отсутствие единой нормативной базы, несоответствие образовательных и профессиональных стандартов, неравенство в академической мобильности, конкуренцию со стороны других образовательных центров, недостаточную цифровизацию, признание квалификаций в разных странах и отсутствие наднациональных органов управления образованием. Скрытые возможности включают стратегический поворот на Восток и Юг (БРИКС+, ШОС, АСЕАН), развитие образовательной дипломатии как мягкой силы, цифровые экосистемы, обеспечивающие виртуальную мобильность, и внутреннее сотрудничество через сетевые программы и консорциумы. Ожидаемые результаты включают увеличение экспорта образовательных программ, создание совместных исследовательских центров, расширение присутствия российских университетов на международном уровне, улучшение взаимного признания документов об образовании и квалификаций и, в конечном итоге, создание единой евразийской конкурентоспособной образовательной системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует отметить, что обсуждение носило разносторонний, глубокий и конструктивный характер. Участники конференции сошлись во мнении, что страны Большой Евразии – от России и Беларуси до Армении, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Монголии и других стран – одновременно сталкиваются с давлением цифровой трансформации, геополитической перестройки, демографических изменений и острой необходимостью перехода их экономик от ресурсоёмкой модели и производства с низкой добавленной стоимостью к наукоёмкому инновационному росту. В регионе пересекаются как западная, так и азиатская модели развития, но образующие его страны ищут свой собственный путь – такой, который уважает национальные и цивилизационные особенности, принимая при этом универсальные преимущества науки, технологий и образования. «Евразийская образовательная матрица» – это не просто копия болонской или конфуцианской моделей, но формирующийся синтез, опирающийся на советские традиции всеобщего образования, европейские идеалы университета как сообщества учёных, азиатские практики государственной промышленной политики и новые цифровые технологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Bryndin E.* Creation of multimodal digital twins with reflexive AGI multilogic and multisensory // Research on Intelligent Manufacturing and Assembly. 2024. Vol. 2, № 1. P. 85–93. DOI 10.25082/RIMA.2023.01.005.

2. *Дерябин Н. И.* Концепция AGI. Феноменальность сильного и слабого искусственного интеллекта // Актуальные вопросы развития современной науки : монография / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза : Наука и Просвещение, 2025. С. 194–205. EDN HLFYFE.

3. *Дерябин Н. И.* Метапознание в когнитивном моделировании сильного искусственного интеллекта // Наука, инновации, образование: актуальные вопросы и современные аспекты : монография / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза : Наука и Просвещение, 2024. С. 181–191. EDN NADGXK.

4. *Свецкий А. В.* Применение искусственного интеллекта в сельском хозяйстве // Сельское хозяйство. 2022. № 3. С. 1–12. DOI 10.7256/2453-8809.2022.3.39469. EDN YVZSAN.

5. *Shih S.* Me-too is not my style: Challenge difficulties, break through bottlenecks, create values. Taipei : The Acer Foundation, 1996. 306 p. ISBN 978-9-8681-1270-4.

6. *Ваганян Г. А.* Трансформация управления интеллектуальным капиталом Армении // Россия и мир: развитие цивилизаций. Уроки Великой Победы и новое мироустройство : мат. XV Межд. науч.-практ. конф. (Москва, 2–3 апреля 2025 г.) : в 2-х ч. М. : Издательский дом «УМЦ», 2025. Ч. 1. С. 561–567. EDN RXXQIB.

7. *Орлов А. И.* Статистические и экспертные методы наукометрии при управлении научной деятельностью // Biocosmology – NEO-Aristotelism. 2019. Т. 9, № 3–4. С. 308–329.

8. *Орлов А. И.* Вред ориентации на базы данных Scopus и Web of Science // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник. Вып. 16: Мат. XX Национальной науч. конф. с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения» (Москва, 14–15 декабря 2020 г.) / отв. ред. В. И. Герасимов. М. : ИНИОН РАН, 2021. Ч. 1. С. 835–840. EDN GKCJAI.

9. *Орлов А. И.* Статистические и экспертные методы в задачах экономики и управления наукой // Научный журнал КубГАУ. 2021. № 166. С. 1–35. DOI 10.21515/1990-4665-166-001. EDN FAXNEF.

10. *Орлов А. И.* Науковедение в свете биокосмологической инициативы // Biocosmology – NEO-Aristotelism. 2021. Т. 11, № 3–4. С. 188–206.

11. *Джуринский А. Н.* Зарождение высшего образования в Средневековом мире (научный обзор) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1, № 4 (69). С. 36–48. EDN VSPSNZ.

12. *Юревич М. А.* Глобальная трансформация высшего образования: от традиционного к предпринимательскому университету // Journal of Applied Economic Research. 2021. Т. 20, № 3. С. 560–581. DOI 10.15826/vestnik.2021.20.3.022. EDN CXSALV.

13. A history of the university in Europe. Ed. by W. Rüegg. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. Vol. 3: Universities in the nineteenth and early twentieth centuries (1800–1945). xxvi, 746 p. ISBN 978-0-521-36107-1.

14. *Менделеев Д. И.* Заветные мысли : полное издание (впервые после 1905 г.). М. : Мысль, 1995. 413, [2] с. ISBN 5-244-00766-1.

15. *Chumakov A. N.* An unmanaged world: A philosophical study of global dynamics. Leiden ; Boston : Brill, 2026. ix, 244 p. (Series: Contemporary Russian Philosophy, vol. 8). ISBN 978-90-04-74476-9. DOI 10.1163/9789004746060.

16. *Купцов И. В.* Образование, наука, мировоззрение и глобальные вызовы XXI века. СПб. : Алетейя, 2009. 423 с. ISBN 978-5-91419-216-4. EDN QOKFDV.

17. *Запесоцкий А. С.* Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности // Педагогика. 2002. № 2. С. 3–8. EDN TLDTDJ.

18. *Барнетт Р.* Осмысление университета // Теоретические вопросы образования : хрестоматия / сост., под ред.: М. А. Гусаковского, А. А. Полонникова, А. М. Корбута. Минск : БГУ, 2013. С. 5–30.

19. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. 160 с. ISBN 5-89329-107-7.

20. *Чепуренко А. Ю., Сутормина А. Е.* Предпринимательский университет в России: пересборка? // Общество и экономика. 2024. № 4. С. 82–107. DOI 10.31857/S0207367624040078. EDN MRGHHB.

21. *Nonaka I., Takeuchi H.* The knowledge-creating company: How Japanese companies create the dynamics of innovation. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1995. xii, 284 p. ISBN 0-19987-992-3.

22. *Шебеко К. К., Грошев В. А., Шебеко Д. К.* Рента, качество институтов и экономическое развитие // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2021. № 1. С. 17–25. EDN IQQQDU.

23. *Минцберг Г., Альстранд Б., Лампель Ж.* Стратегическое сафари. Экскурсия по дебрям стратегического менеджмента. Сколково : Альпина Диджитал, 2009. 308 с.

24. Потенциал российско-индийского научного сотрудничества (на примере регионов Западного порубежья России) / А. С. Михайлов, Д. В. Хвалей, П. Сингх, В. К. Сингх // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3. С. 103–117. EDN NSFOGC.

25. *Сатпаева З. Т., Альжанова Ф. Г., Смагулова А. С.* Оценка потенциала научно-технологической интеграции Евразийского экономического союза: стратегические приоритеты и направления развития // Central Asian Economic Review. 2022. № 5 (146). С. 34–53. DOI 10.52821/2789-4401-2022-5-34-53. EDN FVBFHL.

26. *Mukhamediyev B. M., Spankulova L. S.* Mutual influence of innovation and human capital on regional growth in neighboring countries: The case of Russia and Kazakhstan // Regional Research of Russia. 2022. Vol. 12, № 3. P. 350–364. DOI 10.1134/S2079970522700216 EDN TZBRFQ.

27. *Шугурова И. В., Шугуров М. В.* Стратегические ориентиры научно-технологического сотрудничества государств-членов ЕАЭС в сфере общественного здравоохранения // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 7 (57). С. 116–126. DOI 10.47581/2021/PS-3/IE.7.57.20. EDN ZWILZB.

28. Tackling threats to informed decision-making in democratic societies: Promoting epistemic security in a technologically-advanced world / E. Seger, S. Avin, G. Pearson [et al.]. The Alan Turing Institute, 2020. 109 p. DOI 10.17863/CAM.64183.

29. *Горулев Д. А.* Экономическая безопасность в условиях цифровой экономики // Технико-технологические проблемы сервиса. 2018. № 1 (43). С. 77–84. EDN YXPGQZ.

30. *Василенко Л. А.* «Нормальная аномия»: трансформация институтов в условиях сложного социума // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 3. С. 45–56. DOI 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-4. EDN VJXGUU.

31. *Hale H. E.* The foundations of ethnic politics: Separatism of states and nations in Eurasia and the world. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2008. xiii, 278 p. (Cambridge Studies in Comparative Politics). ISBN 978-0-521-89494-4. DOI 10.1017/CBO9780511790669.

32. Global migration and illiberalism in Russia, Eurasia, and Eastern Europe. Ed. by A.-L. Heusala, K. Aitamurto, Sh. Eraliev. Helsinki : Helsinki University Press, 2024. 352 p. ISBN 978-952-369-113-1. DOI 10.33134/HUP-26.

33. The PISA effect on education reforms in Finland and France / E. Regnault, L. Copreaux, B. Landrier-Guéret, R.-B. Mignot // Discourses of globalisation, ideology, education and policy reforms. Ed. by J. Zajda, S. Majhanovich. Cham : Springer, 2022. P. 25–52. DOI 10.1007/978-3-030-71583-0_3.

REFERENCES

1. Bryndin E. Creation of multimodal digital twins with reflexive AGI multilogic and multisensory. *Research on Intelligent Manufacturing and Assembly.* 2024;2(1):85–93. DOI 10.25082/RIMA.2023.01.005.

2. Deryabin N. I. The concept of AGI. The phenomenality of strong and weak artificial intelligence. In: Gulyaev G. Yu., ed. Current issues in the development of modern science [Aktual'nye voprosy razvitiya sovremennoi nauki] : A monograph. Penza : Nauka i Prosveshchenie; 2025. P. 194–205. (In Russ.).

3. Deryabin N. I. Metacognition in cognitive modeling of strong artificial intelligence. In: Gulyaev G. Yu., ed. Science, innovation, education: Current issues and modern aspects [Nauka, innovatsii, obrazovanie: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty] : A monograph. Penza : Nauka i Prosveshchenie; 2024. P. 181–191. (In Russ.).

4. Svetskiy A. V. Application of artificial intelligence in agriculture. *Agriculture=Sel'skoe khozyaistvo.* 2022;(3):1–12. (In Russ.). DOI 10.7256/2453-8809.2022.3.39469.

5. Shih S. Me-too is not my style: Challenge difficulties, break through bottlenecks, create values. Taipei : The Acer Foundation; 1996. 306 p. ISBN 978-9-8681-1270-4.

6. Vahanyan G. A. Transformation of the management of the intellectual capital of Armenia. In: Russia and the world: The development of civilizations. Lessons of the Great Victory and the new world order [Rossiya i mir: razvitie tsivilizatsii. Uroki Velikoi Pobedy i novoe miroustroistvo] : Proceedings of the 15th International science-to-practice conference (Moscow, April 2–3, 2025) : in 2 parts. Moscow : UMTS Publ. House; 2025. Part 1. P. 561–567. (In Russ.).

7. Orlov A. I. Statistical and expert methods of scientometrics in the management of scientific activities. *Biocosmology – NEO-Aristotelism.* 2019;9(3–4):308–329. (In Russ.).

8. Orlov A. I. The harm of focusing on the Scopus and Web of Science databases [Vred orientatsii na bazy dannykh Scopus i Web of Science]. In: Gerasimov V. I., ed. Russia: Trends and prospects of development [Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya] : A yearbook. Issue 16: Proceedings of the 20th National scientific conference with international participation "Modernization of Russia: Priorities, Problems and Solutions" (Moscow, December 14–15, 2020). Moscow : Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS; 2021. Part 1. P. 835–840. (In Russ.).

9. Orlov A. I. Statistical and expert methods in problems of economy in science and management in science. *Scientific Journal of KubSAU.* 2021;(166):1–35. (In Russ.). DOI 10.21515/1990-4665-166-001.

10. Orlov A. I. Science studies in the light of the Biocosmological Initiative. *Biocosmology – NEO-Aristotelism*. 2021;11(3–4):188–206. (In Russ.).

11. Dzhurinskiy A. N. The origin of higher education in the medieval world. *National and Foreign Pedagogy=Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika.* 2020;1(4):36–48. (In Russ.).

12. Yurevich M. A. Global transformation of higher education: From traditional to entrepreneurial university. *Journal of Applied Economic Research.* 2021;20(3): 560–581. (In Russ.). DOI 10.15826/vestnik.2021.20.3.022.

13. Rüegg W., ed. A history of the university in Europe. Cambridge : Cambridge University Press; 2004. Vol. 3: Universities in the nineteenth and early twentieth centuries (1800–1945). xxvi, 746 p. ISBN 978-0-521-36107-1.

14. Mendeleev D. I. Cherished thoughts: The complete edition (first published after 1905). [Zavetnye mysli: polnoe izdanie (vpervye posle 1905 g.)]. Moscow : Mysl'; 1995. 413, [2] p. (In Russ.). ISBN 5-244-00766-1.

15. Chumakov A. N. An unmanaged world: A philosophical study of global dynamics. Leiden ; Boston : Brill; 2026. ix, 244 p. (Series: Contemporary Russian Philosophy, vol. 8). ISBN 978-90-04-74476-9. DOI 10.1163/9789004746060.

16. Kuptsov I. V. Education, science, worldview and the global challenges of the 21st century [Obrazovanie, nauka, mirovozzrenie i global'nye vyzovy XXI veka]. St. Petersburg : Aletheia; 2009. 423 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91419-216-4.

17. Zapesotskii A. S. Humanities education and spiritual security issues [Gumanitarnoe obrazovanie i problemy dukhovnoi bezopasnosti]. *Pedagogy=Pedagogika*. 2002;(2):3–8. (In Russ.).

18. Barnett R. Realizing the university. In: Gusakovskiy M. A., Polonnikov A. A., Korbut A. M., eds. Theoretical issues in education [Teoreticheskie voprosy obrazovaniya] : A reader. Minsk : Belarusian State University; 2013. P. 5–30. (In Russ.).

19. Lyotard J.-F. La condition postmoderne. Transl. from French by N. A. Shmatko. Moscow : Institute of Experimental Sociology ; St. Petersburg : Aletheia; 1998. 160 p. (In Russ.). ISBN 5-89329-107-7.

20. Chepurenko A. Yu., Sutormina A. E. Entrepreneurial university in Russia: A reassembling? *Society and Economics=Obshchestvo i ekonomika*. 2024;(4):82–107. (In Russ.). DOI 10.31857/S0207367624040078.

21. Nonaka I., Takeuchi H. The knowledge-creating company: How Japanese companies create the dynamics of innovation. New York ; Oxford : Oxford University Press; 1995. xii, 284 p. ISBN 0-19987-992-3.

22. Shebeko K. K., Groshev V. A., Shebeko D. K. Rent, quality of institutions and economic development. *Bulletin of Polessky State University. Series in Social Sciences and Humanities*. 2021;(1):17–25. (In Russ.).

23. Mintzberg H., Ahlstrand B., Lampel J. Strategy safari: A guided tour through the wilds of strategic management. Transl. from English. Skolkovo : Alpina Digital; 2009. 308 p. (In Russ.).

24. Mikhaylov A. S., Hvaley D. V., Singh P., Singh V. K. Potential of Russian-Indian scientific cooperation (the case of western border regions of Russia). *IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and Social Science*. 2020;(3):103–117. (In Russ.).

25. Satpayeva Z. T., Alzhanova F. G., Smagulova A. S. Assessment of the Eurasian economic union scientific-technological integration capacity: Strategic priorities and development directions. *Central Asian Economic Review*. 2022;(5):34–53. (In Russ.). DOI 10.52821/2789-4401-2022-5-34-53.

26. Mukhamediyev B. M., Spankulova L. S. Mutual influence of innovation and human capital on regional growth in neighboring countries: The case of Russia and Kazakhstan. *Regional Research of Russia*. 2022;12(3):350–364. DOI 10.1134/S2079970522700216.

27. Shugurova I. V., Shugurov M. V. Strategic landmarks of scientific and technological cooperation of the EAEU member states in the sphere of public health. *Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement=Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*. 2021;(7):116–126. (In Russ.). DOI 10.47581/2021/PS-3/IE.7.57.20.

28. Seger E., Avin S., Pearson G., Briers M., Ó Heigeartaigh S., Bacon H. Tackling threats to informed decision-making in democratic societies: Promoting epistemic security in a technologically-advanced world. The Alan Turing Institute; 2020. 109 p. DOI 10.17863/CAM.64183.

29. Gorulev D. A. Economic security in a digital economy. *Technical and Technological Problems of Service=Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa*. 2018;(1):77–84. (In Russ.).

30. Vasilenko L. A. "Normal anomie": Transformation of institutions in a complex society. *Research Result. Sociology and Management*. 2018;4(3):45–56. (In Russ.). DOI 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-4.

31. Hale H. E. The foundations of ethnic politics: Separatism of states and nations in Eurasia and the world. Cambridge ; New York : Cambridge University Press; 2008. xiii,

278 p. (Cambridge Studies in Comparative Politics). ISBN 978-0-521-89494-4. DOI 10.1017/CBO9780511790669.

32. Heusala A.-L., Aitamurto K., Eraliev Sh., eds. Global migration and illiberalism in Russia, Eurasia, and Eastern Europe. Helsinki : Helsinki University Press; 2024. 352 p. ISBN 978-952-369-113-1. DOI 10.33134/HUP-26.

33. Regnault E., Copreaux L., Landrier-Guéret B., Mignot R.-B. The PISA effect on education reforms in Finland and France. In: Zajda J., Majhanovich S., eds. Discourses of globalisation, ideology, education and policy reforms. Cham : Springer; 2022. P. 25–52. DOI 10.1007/978-3-030-71583-0_3.

Поступила в редакцию / Received 27.04.2026.
Принята к публикации / Accepted 08.06.2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Герасимов Владимир Иванович *coopinion@mail.ru*

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского, Москва, Россия

SPIN-код: 3922-9457

Коданева Светлана Игоревна *kodanevas@gmail.com*

Кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

SPIN-код: 6926-7823

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir I. Gerasimov *coopinion@mail.ru*

Candidate of Philology, Leading Researcher,
Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow, Russia

Svetlana I. Kodaneva *kodanevas@gmail.com*

Candidate of Law, Leading Researcher,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-8232-9533

Web of Science ResearcherID: V-2683-2018

DOI: 10.19181/smtp.2026.8.2.14

EDN: YISPBY

Рецензия

Review

НАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ: РАСТУЩИЙ КАПИТАЛ ВЛИЯНИЯ РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А. К. БИСЕНБАЕВА “SCIENTOMARKET: THE ARCHITECTURE OF VALUE, TRUST, AND INFLUENCE IN SCIENCE”

Арынгазин
Аскар Канапьевич[1, 2]

[1] Sustainable Innovation and Technology Foundation, Астана, Казахстан
[2] JAS Venture Studio Ltd., Астана, Казахстан

Для цитирования: *Арынгазин А. К.* Научные знания: растущий капитал влияния. Рецензия на книгу А. К. Бисенбаева “Scientomarket: The Architecture of Value, Trust, and Influence in Science” // Управление наукой: теория и практика. 2026. Т. 8, № 2. С. 230–235. DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.14. EDN YISPBY.

Аннотация. В статье рецензируется монография А. К. Бисенбаева “Scientomarket: The Architecture of Value, Trust, and Influence in Science”. Рынок научных знаний, или рынок науки, вводится автором для отхода от интерпретации науки как фабрики по производству всё более качественных знаний, из которой «сыпятся плоды» для использования, или как автономной субкультуры, где наука существует истинно, а её проявлениям принадлежит зримое, но мнимое существование. Научное знание уменьшает неопределённость для размышлений, действий и целеполагания, научная ценность рассматривается не как полезная информация, а как типологически многогранное понятие, и доверие как характеризация и верификация знаний принимает форму «валюты обмена» в обществе, выступая как ликвидность. В этой сугубо концептуальной структуралистической картине, казалось бы, нет места понятийным метрикам, уравнениям и численным характеристикам. Однако А. К. Бисенбаев вводит множество новых специфичных метрик, описывающих рынок научных знаний, применимых как более широкие методологии в различных конфигурациях и аспектах жизни современного общества, в сравнении с известными валовыми наукометрическими методами. Это придаёт монографии характер практического руководства для непосредственного использования новых концептуализированных оценок, метрик и формул. Рынок не всегда отражает истинное социальное значение вклада науки в общее благо. «Рынок науки» автора не редуцируется этим к экономике и не метафоризируется в общее благо, а выводится как экосистема влияния, в которой циркулирует верифицируемая истина как капитал.

Ключевые слова: наука, рынок, экономика, ценность, наукометрия, научный рынок

© Арынгазин А. К. , 2026

SCIENTIFIC KNOWLEDGE: GROWING CAPITAL OF INFLUENCE REVIEW OF A. K. BISENBAEV’S BOOK “SCIENTOMARKET: THE ARCHITECTURE OF VALUE, TRUST, AND INFLUENCE IN SCIENCE”

Askar K. Aryngazin[1, 2]

[1] Sustainable Innovation and Technology Foundation, Astana, Kazakhstan
[2] JAS Venture Studio Ltd., Astana, Kazakhstan

For citation: Aryngazin A. K. Scientific knowledge: Growing capital of influence. Review of A. K. Bisenbaev’s book “Scientomarket: The Architecture of Value, Trust, and Influence in Science”. *Science Management: Theory and Practice.* 2026;8(2):230–235. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.14.

Abstract. This article reviews the monograph “Scientomarket: The Architecture of Value, Trust, and Influence in Science” by A. K. Bisenbaev who introduces the concept of a market for scientific knowledge, or a market for science, to move away from the interpretation of science as a factory producing increasingly high-quality knowledge, from which the fruits of science pour forth for use, or as an autonomous subculture where science truly exists, and its manifestations possess a visible but imaginary existence. Scientific knowledge reduces uncertainty for reflection, action and goal-setting; scientific value is viewed not as useful information but as typologically multifaceted one; and trust, as the characterization and verification of knowledge, takes the form of a “currency of exchange” in society, serving as liquidity. In this purely conceptual structuralist picture, it would seem that conceptual metrics, equations and numerical characteristics have no place. However, A. K. Bisenbaev introduces numerous new specific metrics describing the market for scientific knowledge, applicable as broader methodologies to various configurations and aspects of modern society, compared to established general scientometric methods. This gives the monograph the character of a practical guide for the direct use of new conceptualized assessments, metrics and formulas. The market does not always reflect the true social significance of science’s contribution to the common good. The author’s “scientomarket” is not reduced to economics or metaphorized as a common good, but rather is conceptualized as an ecosystem of influence, in which verifiable truth circulates as capital.

Keywords: science, market, economics, value, scientometrics, scientomarket

В монографии А. К. Бисенбаева “Scientomarket: The Architecture of Value, Trust, and Influence in Science” [1] («Научный рынок: архитектура ценности, доверия и влияния»; пер. наш. – *А. А.*) введён в рассмотрение расширенный подход к явлению и понятию, известному как «наука». Критически рассматривая и преодолевая имеющиеся часто односторонние подходы к этому сложному социально-техническому феномену, автор разворачивает несколько различных обоснованных измерений, чтобы не только определить, но и ввести соответствующие меры и траектории для нахождения общей позиции, особых функций и составляющих цепочки звеньев этого феномена в различных аспектах общественной деятельности.

В разделе 1 – «Что такое научный маркетинг» – автор использует термин «научный маркетинг» (*scientific marketing*, *scientomarket*), чтобы выйти за пределы понимания науки как фабрики по «производству знаний» к архитектуре ценности, доверия и влияния. Это напоминает современный расширенный подход к бизнесу, отходящий от его прежнего понимания как фабрики по «производству товаров и услуг» к поставке многих видов ценностей обществу, а точнее своему многоуровневому клиенту.

Действительно, наличное понимание научных знаний стартует в современном обществе с научных публикаций и часто на этом и заканчивается, давая пищу для разного рода библиографических метрик, приложение которых к оценке феномена науки и самих исследователей в обществе страдает от оторванности от содержания научных публикаций и творческого потенциала. «Научный маркетинг» не расширяет эти индексные методы, дающие меры без контекста. Его расширение лежит в других общественно значимых плоскостях измерений.

«Научный маркетинг» имеет целый ряд существенных отличий от «бизнес-маркетинга», обусловленный спецификой знаний и их превращениями в другие сущности, которые автор выявляет и включает в рассмотрение при построении своего нового подхода.

Например, А. К. Бисенбаев вводит цикл **«ценность – доверие – влияние – ресурсы»** как цикл научного роста. Также, например, Дж. Хоппманн, Л. Д. Анадон, В. Нараянамурти в более узком подходе вводят технологическую рамочную стратегию, очерчивающую технологические ожидания, нахождение и убеждение заинтересованных сторон и воздействие на развитие технологии в течение её жизненного цикла [2]. Это конфигурирование, движимое личным или корпоративным интересом, зависит в большой степени от того, как активно, публично и намеренно оказывается ментальное влияние на веру и ожидания других, чтобы обеспечить финансовые и человеческие ресурсы, стимулировать и привлекать инвестиции, и в конечном счете благоприятно сконфигурировать своё окружение, повысить шанс на выживание и эволюцию технологии. Однако включение сюда политик и стратегий общества делает развитие науки и технологий социально-политическим процессом, так что следует установить более широкие рамки при рассмотрении, особенно если это связано с массивным долговременным инвестированием в развитие технологий, как государственным, так и частным. Автор действительно ставит здесь более широкие рамки, вводя, кроме собственно академического сектора (рецензенты, исследователи, образование), также регуляторов (министерства, агентства, комитеты по стандартам), индустрию (подразделения исследований и разработок, технических директоров, группы по продуктам), образование и общественные издания. Исследователь также вводит их в плоскость четырёх секторов по степеням влияния на ресурсы/политику и потребности в доказательствах. Это делает авторские концепции применимыми.

Концептуально обоснованной и применимой является также новая формула (1), дающая значение годности научного продукта для рынка (в широком понимании), зависящего от пяти слагаемых и коэффициентов при них: общей меры обоснованности, полезности для выбранного сегмента, временного горизонта до возникновения влияния, суммарных расходов адаптации

и имплементации и методологических, репутационных и регуляторных рисков. Заметим, что научные знания часто находятся в неопределённости, какому клиенту они годятся, часто оказывается, что они нужны для проверки или построения новых знаний. Действительно, автор подчёркивает, что институты доверия – это не просто механизм обзора, а часть инфраструктуры научного рынка самого по себе.

В разделе 2 – «Действующие лица и научные “рынки”» – автор, рассматривая операции над (новыми) знаниями, выделяет репродукцию, транслирование в решения, введение в нормы, распространение, а также соответствующие пять классов потребностей. Фактически автор этим определяет «клиентов», «потребителей» знаний.

Важной частью монографии и её отличительной чертой от многих известных концептуальных рассмотрений является введение новых специфичных метрик, как численных, так и понятийных (TTI, IHL, KCR, K-ROI, SRM, EME, REE, SPMF), которые делают рассмотрение и выводы автора не только более убедительными в сравнении с многими известными узкими наукометрическими подходами (новые библиографические индексы, композитные индексы), но и применимыми в качестве широких методологий в различных конфигурациях и аспектах изучения «науки в обществе», «науки для общества» и «науки вместе с обществом».

В разделе 3 – «Наука как продукт» – наука очерчивается как структурированный ансамбль (а) заявлений и доказательств с артефактами, (б) прав на использование и (в) интерфейсов, дающих возможность взаимодействия с другими знаниями и системами. Выделяя и характеризуя пять слоёв в этом продукте, автор противопоставляет **минимально жизнеспособный научный продукт** узкому пониманию классической цепочки «исследовал – опубликовал – забыл» и расширяет эту цепочку до семи звеньев, вводя коэффициент конверсии знания KCR. Это возвращает экономику в оборот научного продукта, сдвигая акцент с как можно более скорого анонсирования научного продукта к его как можно более быстрым проверке и применению.

Автор вводит новый стандарт для научного продукта и даёт формулу для вычисления или оценки возврата от инвестиций в знания *K-ROI*, верно подмечая при этом, что научный продукт имеет альтернативу чисто академического использования по своему характеру.

Идя от идеи к проверяемости и далее – к передаче, совместимости, реализации и затем к отзыву и инвестиции, А. К. Бисенбаев приводит жизненный цикл научного продукта в экономическом аспекте. Это сужение даёт возможность прямой оценки его влияния, которое на самом деле часто имеет отложенный характер и может проявиться в совершенно неожиданном ранее применении. В социальной среде автор отмечает важность этической рыночной обёртки.

В разделе 4 – «Научная ценность: рабочее определение» – верно подмечено, что научная ценность состоит в уменьшении неопределённости, расширении объёма объяснения и воспроизводимости независимыми исследователями, т. е. является многомерной, и это не совпадает с ценой в узком экономическом аспекте. Это относится к любой инновации. Мы бы расширили такое понимание ещё больше – до инновации ценности. Понимая, что научная ценность часто

переходит в общественное благо, автор верно отмечает его известную дилемму с частным владением. Мы бы также обратили внимание, что здесь важна роль общества в лице государства, которому следует поддерживать появление таких знаний, которые выходят за рамки и возможности частного сектора и могут принести пользу целым отраслям или даже создать новые отрасли в экономике.

Научная ценность рассматривается автором как типологически многогранная ценность: эпистемологическая, символическая, институциональная, коммуникационная.

А. К. Бисенбаев приходит к описанию в классической форме – цепочке создания ценностей разного вида, одним из которых является экономическая ценность, и выявляет возможные разрывы в цепочках. Отметим, что в нашей типологии ценностей, которые даёт научное знание, их можно разделить на собственные, социальные, экономические, гуманитарные и политические.

В разделах 5–8 автор фокусирует внимание на доверии, влиянии научного знания, описании свидетельств и будущем науки как рынке смыслов (значений).

Учёный вводит доверие, понимаемое в качестве характеризации и верификации, как «валюту обмена» в науке. Альтернативно это можно было бы назвать повышением значимости научных утверждений для различных выбранных заинтересованных сторон, универсальным критериальным порогом которых является качество научного продукта, объединяющее удовлетворение множеству известных характеристик. Качественный научный продукт вызывает доверие всех заинтересованных сторон, в этом смысле он «ликвиден» в научном маркетинге.

Рассматривая влияние как механизм оборота знания, автор обсуждает известную проблему влияния научного знания в академическом секторе и вне его.

Обозначая место знаний в общей инновационной экосистеме, А. К. Бисенбаев, пользуясь различением заинтересованных сторон, потребителей и введенной типологией характеристик, суммирует своё видение науки как прозрачную, самооценивающую, саморазвивающуюся **экосистему влияния**, где циркулирует верифицируемая истина как капитал. В этом смысле наука в понимании автора этой монографии – это рынок смыслов (значений).

В контексте естественных наук книга даёт краткое концептуальное описание понимания науки и научных продуктов за счёт естественного расширения видов поставляемых ценностей и видов заинтересованных сторон, более полного анализа цепочек создания ценностей, а также перехода от моносекторального подхода к полисекторальному, более связному, экосистемному. Последнее неизбежно приводит к пониманию многогранности науки и научных результатов (теперь научных продуктов). Эта многогранность в свою очередь порождает вариативность (а) процессов и результатов их последующей обработки, (б) придания того или иного профессионального или общественного статуса, (в) оценки, а также (г) применения, вовлекая их в различные обороты, например, в образовательный или экономический (организованное производственное масштабирование).

Экономический оборот в идеальной конфигурации даёт в ответ ресурсы и импульс бизнес-знаний для обеспечения роста прибыльности в условиях конкуренции обратно в науку и технологии. Также этот вид оборота привносит

понятие рынка товаров и услуг, по аналогии с которым научные продукты совершают не только обмен с валютой в виде доверия, но и трансформацию до той или иной степени качества или стадии готовности в том или ином специфическом применении для той или иной заинтересованной стороны, начиная от автора и рецензента до бизнеса и конечного пользователя товаров и услуг, созданных в т. ч. за их счёт. При этом мы бы отметили, что сама наука – это не только корпус знаний, это ещё и собственно научные методы и технологии, т. к. знания не только накапливаются и систематизируются, но и трансформируются, обретая новое качество.

В этом смысле было бы интересно рассмотреть на основе подхода рассматриваемой монографии взаимодействие и взаимозависимость конкуренции и инноваций в контексте дебатов «Шумпетер против Эрроу».

Монография А. К. Бисенбаева “Scientomarket: The Architecture of Value, Trust, and Influence in Science” будет интересна как специалистам в области национальных систем и управления исследованиями, разработками и инновациями, так и читателям, интересующимся применением глубоких технологий для бизнеса. Книга может быть полезна также для практического применения концептуализированных оценок и метрик, выраженных в виде формул.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Bisenbaev A. K. Scientomarket: The architecture of value, trust, and influence in science. [Chișinău] : Generis Publishing; 2025. 74 p. ISBN 979-8-89966-273-7.

2. Hoppmann J., Anadon L. D., Narayanamurti V. Why matter matters: How technology characteristics shape the strategic framing of technologies. *Research Policy*. 2020;49(1):103882. DOI 10.1016/j.respol.2019.103882.

Поступила в редакцию / Received 30.04.2026.
Принята к публикации / Accepted 10.06.2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Арынгазин Аскар Канапьевич *askar.aryngazin@sitf.group*

Доктор физико-математических наук, директор, Sustainable Innovation and Technology Foundation; консультант, JAS Venture Studio Ltd., Астана, Казахстан

AuthorID РИНЦ: 201770

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Askar K. Aryngazin *askar.aryngazin@sitf.group*

Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Director, Sustainable Innovation and Technology Foundation; Consultant, JAS Venture Studio Ltd., Astana, Kazakhstan

ORCID: 0000-0001-8329-4072

Scopus Author ID: 6603534980

Web of Science ResearcherID: M-7331-2015

УНТП

Управление наукой: теория и практика

Сетевой журнал

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор: Евгений Васильевич Семёнов

Заместители главного редактора: Сергей Викторович Егерев, Виталий Леонидович Тамбовцев, Ирина Олеговна Тюрина

Ответственный секретарь: Борис Николаевич Гайдин

Редакторы: Наталия Дмитриевна Крылова, Анастасия Евгеньевна Семёнова

Макет: Елена Владимирова

Компьютерная верстка: Роман Яскович

ISSN 2686-827X
DOI: https://doi.org/10.19181/smtp.2026.8.2

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 24/35,
корп. 5, к. 416
E-mail:
science-practice@fnisc.ru

Телефон: +7 (499) 724-18-95

Размещение журнала:
https://www.science-practice.ru

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Управление наукой: теория и практика» обязательна.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) от 12 июля 2019 г. ЭЛ № ФС77–76221

2026. Том 8, №2. Дата выхода в свет: 25.06.2026.